

А. А. БОДАЛЕВ

ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕНИЕ

**ИЗБРАННЫЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДЫ**

Издание 2-е, переработанное

Москва

**Международная
педагогическая академия**

1995

2

ББК 88.5

Б 75

Печатается по рекомендации редакционно-издательского совета
Академии педагогических и социальных наук

**Труды членов Академии педагогических
и социальных наук**

БОДАЛЕВ А. А.

Личность и общение. — М.: Международная педагогическая академия, 1995. —
328 с.

ISBN 5—87977—027—3

Б 75 В книгу включены труды известного психолога, действительного члена Академии педагогических
и социальных наук, автора многих работ по психологии общения и межличностного познания.

В книге рассматриваются психологические свойства личности, которые проявляются в общении
людей, а также особенности восприятия и понимания человека человеком. Книга предназначена для
психологов, педагогов, социологов.

Б 430300000—027
7Я6(03)—95 без объявл.

ББК 88.5

ISBN 5—87977—027—3

© Международная педагогическая
академия, 1995.

3

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы среди проблем, все сильнее привлекающих внимание ученых, одно из первых мест стала занимать проблема личности. Уточняется определение этого сложнейшего образования в психике человека, углубляется представление о структуре личности и входящих в нее элементов, все более глубоко освещаются аспекты, связанные с развитием личности в онтогенезе.

Ни в малейшей степени не умаляя большой перспективности всех этих исследований и четко просматривая наличие теснейшей взаимосвязи между ними, а также взаимодополняемости получаемых результатов, в настоящее время необходимо обратить специальное внимание на целенаправленное и последовательное развитие вширь и вглубь еще одного направления в исследовании психологии личности и факторов, обуславливающих ее формирование, а именно на теоретическую, экспериментальную и методическую разработку проблем личности и общения во взаимосвязи их друг с другом.

Сейчас в психологической науке не только в теоретическом плане все прочнее утверждается мысль о многообразии, многоуровневом и полифункциональном значении качеств, проявляемых личностью в общении, и важнейшей роли самого этого общения, наряду с трудом и другими видами деятельности, в формировании личности, но и на экспериментальном уровне без скидок на сложность прослеживаются все психические характеристики человека, выступающего в качестве объекта и субъекта общения, и столь же научно, скрупулезно анализируется многостороннее действие этого общения на участвующую в нем личность.

В серии исследований, которые были начаты мной двадцать лет назад под влиянием идей моих учителей в психологии Б. Г. Ананьева и В. Н. Мясищева и которые продолжаются и сейчас моими учениками и соратниками Б. А. Еремеевым, А. Г. Гусевой, С. С. Дашковой,

4

Г. В. Дьяконовым, Л. Н. Иванской, В. И. Кабриным, В. Н. Князевым, Г. А. Ковалевым, С. В. Кондратьевой, О. Г. Кукосяном, В. Н. Куницыной, В. А. Лабунской, А. К. Нитченко, В. Н. Панферовым, Н. В. Ревенко, В. В. Унгулом, Н. Ф. Федотовой, А. Е. Хорошиловой, Н. Б. Шкопоровым, Н. Д. Ярославцевой и другими¹, названные взаимосвязи личности и общения, как они выступают в реальной жизни, подвергаются теоретическому и экспериментальному изучению, научно описываются и систематизируются. В предлагаемой читателю книге я решил выступить с обобщением полученных во всех этих исследованиях результатов и для освещения их избрал следующую логику.

В начале книги предлагается работа, в которой, исходя из утвердившегося в отечественной психологической науке общего понимания личности и целей ее воспитания, формулируются задачи психолого-педагогических исследований, необходимых для решения проблемы формирования личности в педагогическом процессе на фундаменте реального знания законов, обуславливающих ее проявления и воспитание.

При этом необходимо четко определить и всесторонне обосновать место, занимаемое общением в системе факторов, от которых зависит развитие личности, вычленив и обозначить проблемы в области психологии общения, которые требуют научного освещения, чтобы полученные знания могли успешно служить делу воспитания.

В этой связи книгу продолжают статьи, в которых рассматривается понимание общения и роли в нем личности как полифункционального явления и именно так, как их предлагали трактовать выдающиеся отечественные психологи Б. Г. Ананьев и В. Н. Мясищев, теоретические позиции которых мои сотрудники и я всегда пытались развивать во всех проведенных в течение последнего двадцатилетия исследованиях.

Далее в соответствии с избранной логикой в книге идет статья «Об одном из направлений изучения личности в общении в настоящее время». В ней предлагается и обосновывается программа исследовательских разработок, выполнение которой позволит в строгой системе осмыслить психологическую сущность общения и

5

участвующей в нем личности в духе научных ориентиров, намеченных для постижения этой сущности Б. Г. Ананьевым и особенно В. Н. Мясищевым. В. Н. Мясищев и в печатных, и в устных выступлениях в последние годы своей жизни неоднократно указывал, что во взаимодействии людей, каковым всегда общение является, четко просматриваются три компонента: познание людьми друг друга, отношение их друг к другу, если под отношением в этом случае понимать эмоциональный отклик, который один из общающихся вызывает в другом, и обращение человека с человеком в общении.

Следующая статья, включенная в эту книгу, «О качествах личности, нужных для успешного общения», основываясь на этих идеях В. Н. Мясищева, знакомит с особенностями интеллекта человека, характеристиками его эмоциональной сферы, манеры поведения при контактах с другими людьми, всего склада его личности, которые благоприятствуют или мешают общению.

Затем, дополняя друг друга, в книге идут три содержательно взаимосвязанные статьи, которые освещают разные стороны воздействия процесса общения на личностные состояния и свойства человека. В первой из них «Воздействие стиля общения педагога с учащимися на их эмоциональный опыт» на примере общения учителей и учащихся показывается, как повторяющиеся ситуации общения способствуют закреплению в личности школьника одних эмоциональных состояний и препятствуют развитию других.

В статье «О связях некоторых характеристик круга ближайшего общения личности и ее свойств» прослеживаются изменения количественно-качественных характеристик ближайшего круга общения личности, с одной стороны, свидетельствующие о новых воздействиях, которым начинает подвергаться развивающаяся личность, а с другой — сигнализирующие о перестройке мотивационно-потребностной сферы этой личности. В третьей, последней статье этого цикла «Общение и формирование личности» рассматриваются основные направления влияния общения на процесс развития познавательной, эмоциональной и волевой сфер личности.

Вслед за всеми этими статьями, содержание которых, если его оценивать в целом, раскрывает взаимосвязи личности и общения и показывает прежде всего значение различных особенностей этого процесса для личности, вниманию читателей предлагается большая

6

наша работа «Межличностное восприятие и понимание», в основу которой положена ранее публиковавшаяся монография «Восприятие и понимание человека человеком», но

значительно дополненная новыми научными фактами, полученными при исследовании познавательного компонента общения в последние годы как в школе Б. Г. Ананьева — В. Н. Мясищева, так и в других научных школах.

Заканчивая предисловие к данной книге, я считаю совершенно необходимым еще раз подчеркнуть, что предлагаемая в ней психологическая трактовка общения и прослеживание его значения для формирования личности — это лишь один из возможных подходов к изучению указанных проблем психологией, и, конечно, если думать о всестороннем их решении, то эти проблемы должны разрабатываться с позиций разных научных направлений, которые активно и продуктивно сейчас о себе заявляют в отечественной психологической науке.

А. Бодалев

7

Часть I

Личность в общении

89

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ*

Несмотря на все трудности, которые испытывают сейчас науки, предметом которых является изучение человека и выявление закономерностей его формирования как общественного существа, проблемы, которые они разрабатывают, предельно актуальны, потому что в настоящее время как никогда остро стоит задача воспитания высокопоставленной, духовно богатой творчески активной личности.

И педагогика, и психология, прежде всего их разделы, обращенные к проблемам воспитания, и социология воспитания, и аксиология, и вообще все науки, исследующие закономерности и механизмы формирования как в целом личности человека, так и отдельных ее сторон, должны взять на вооружение принцип комплексности и следовать ему при освещении всех тех явлений, сложнейшая совокупность которых составляет развитие человека, превращение его в активного деятеля общественного развития, в труженика, творца. Они должны определить и выстроить в научно обоснованный ряд проблемы, решение которых необходимо для того, чтобы создать безотказно работающую систему методов всестороннего развития человека.

Содружество наук, от состояния которых прежде всего зависит создание глубоко обоснованной теории воспитания, а также техники его развертывания, предполагает: а) совместное концептуальное осмысливание всей феноменологии, относящейся к целям воспитания, воплощаемым в формировании всесторонне развитого человека; б) совместное концептуальное рассмотрение как характеристик процесса всестороннего развития человека,

10

так и взаимосвязей между ними; в) совместное рассмотрение основных факторов, включаемых в воспитание и обеспечивающих это развитие. Это не означает, что все области человекознания, которые в той или иной мере работают над решением проблем формирования нового человека, должны утратить традиционный для каждой из них предмет исследования, а предполагает только, что каждая из них в своем изучении человека должна постоянно выходить на стыки с другими науками и сопоставлять получаемые научные факты с их результатами. Это требование предполагает изучение всех явлений, относящихся к становлению человека и как индивида, и как личности, и как индивидуальности, в их взаимосвязи.

Комплексный подход должен быть осуществлен науками, обращенными к проблемам воспитания подрастающих поколений, уже при осмысливании ими целей воспитания. И прежде всего должно быть наполнено очень конкретным содержанием понятие «всестороннее развитие» и четко определены качества, которые должны быть сформированы у каждого молодого человека. Естественно, что прежде чем эти качества достигнут высокого уровня, они должны пройти длительный и сложный путь развития. И степень осознанности, глубина включения в структуру личности, диапазон действия и способы проявления одного и того же по своей сути качества никогда не бывают одинаковыми на разных ступенях формирования человека как личности. Поэтому представляется очень важной разработка содержательных и одновременно достаточно конкретных нормативов развития, которые должны быть достигнуты молодым человеком — нашим соотечественником к моменту наступления его гражданской зрелости (а позже и вступления его в другие, не менее ответственные этапы жизни). Эти нормативы должны очень определенно и широко очертить круг требований к идейно-политической, умственной, нравственной, трудовой, эстетической и физической воспитанности вступающих в самостоятельную жизнь молодых людей.

Требуемый уровень каждого из основных компонентов, составляющих суть всестороннего развития, должен быть выражен через систему параметров, в которых были бы отражены не столько неустойчивые приобретения опыта, сколько более прочные и медленно изменяемые образования. Например, для физического развития — не частные показатели функционирования той или иной

11

системы организма в случайных условиях, а показатели, выражающие оптимальный режим ее работы как в обычной, так и в экстремальной обстановке; для нравственного развития — не просто знание норм этики, а более глубинные образования личности: нравственные убеждения, установки, отношения, ценностные ориентации и связанные с ними основные тенденции поведения.

Точно таким же образом необходимо четко определить и обосновать главные параметры, выражающие уровень идейно-политического, умственного, эстетического, трудового развития, которого должен достичь человек, вступая в свое гражданское совершеннолетие. Подобные нормативы развития следует разрабатывать и применительно к каждой из ступеней воспитания, которые проходит человек в свои дошкольные и школьные годы (конец преддошкольного, дошкольного, младшего школьного, подросткового возраста). И эти нормативы развития, в известном смысле являющиеся промежуточными, должны включать в себя не только определенные знания и не только навыки и умения, которыми должен овладеть человек, достигший высокого для данного возраста уровня развития. Нам представляется необходимым, чтобы эти нормативы ориентировали также на фиксирование более глубоких и устойчивых характеристик

человека, например главных особенностей отражения им действительности, его отношения к разным ее сторонам и его поведения в наиболее общественно значимых ситуациях.

Понятно, что с развитием нашего общества и по мере более глубокого проникновения науки в существо законов формирования человека как личности, а также по мере увеличения возможностей, которыми располагает практика воспитания, требования к человеку будут изменяться. Но это никак не исключает необходимости разработки нормативов развития человека и как индивида, и как личности для настоящего времени. Их создание — одно из условий организации работы, направленной на всестороннее развитие человека на научной основе.

С этой задачей, предполагающей формулирование обоснованных критериев физического и психического развития человека, выражаемых в определенных нормативах, связана другая, не менее сложная и трудоемкая — разработка надежного и вместе с тем достаточно простого методического инструментария, который давал бы возможность устанавливать степень развития человека

12

и как индивида, и как личности, и как субъекта деятельности во всех ее главных и важных для нашего общества модификациях и одновременно прояснять специфику индивидуальности человека. Создание названного инструментария ни в коей мере не должно свестись к интенсивному внедрению какого-либо одного вида методов, например тестирования. Подлинный успех в решении упомянутой непростой задачи может быть достигнут специалистами, работающими в смежных областях человекознания, лишь на путях «конструирования» и многократной проверки на эффективность наборов дополняющих и корректирующих друг друга методических приемов, способных выявлять не только отдельные особенности физического и личностного развития человека, но и интегральные синдромы свойств.

Пожалуй, не меньшее, а большее значение, чем комплексная разработка критериев и нормативов идейно-политической, умственной, нравственной, эстетической, трудовой и физической воспитанности человека, которые в совокупности характеризуют всесторонность его развития, имеют как совместная, так и раздельная постановка и решение науками проблем, относящихся к феноменологии, общим закономерностям и механизмам всестороннего развития человека . Если иметь в виду феноменологию развития, то здесь надо энергично продолжать работу по описанию и сведению в строгую систему главных фактов, накопленных в отечественной и зарубежной науке и выражающих основные проявления жизнедеятельности организма человека на различных ступенях его развития. Необходимо более целеустремленно накапливать и упорядочивать факты, относящиеся к различным сторонам психической жизни человека: его психическим процессам, состояниям и свойствам личности с учетом возраста, пола, профессии. В этих фактах находят выражение результаты идейно-политического, умственного, нравственного, трудового и эстетического воспитания. Поэтому необходимой задачей выступает выявление содержательных и формальных характеристик психики и поведения человека, в которых эти результаты воплощаются.

В современной практике воспитания, а часто и в теории педагогики ограничиваются лишь фиксированием степени сформированности у человека знаний, навыков и умений, не давая себе труда, а чаще просто не умея рассмотреть характер эффекта воспитания на уровне более глубоких личностных образований — убеждений,

устойчивых отношений и способов поведения и деятельности. Вместе с тем без выявления реальных изменений, происходящих в вышеназванных собственно личностных образованиях человека, на основе одного лишь определения характера знаний, умений и навыков, которыми он владеет, достигнутый им уровень развития установить невозможно. А это означает, что воспитательная работа по отношению к этому человеку не будет по-настоящему целенаправленной, а значит, и результативной.

Думая, далее, об обогащении феноменологии развития, надо последовательно накапливать знания, характеризующие не только основные этапы физического и психического развития человека, необходимо вместе с тем еще более активно изучать и описывать явления, позволяющие ответить на вопрос, который можно грубо сформулировать так: что в психике из чего возникает, когда и в какой последовательности? Здесь имеется в виду, например, вопрос о наличии в ней уже сформированных, так сказать, базисных особенностей в свойствах личности, которые обязательны и достаточны, чтобы возникло новое определенное (ценимое или, наоборот, отвергаемое нашим обществом) качество личности или группа ранее отсутствовавших у нее качеств. Как известно, ничто не возникает из ничего и у каждого более простого или более сложного свойства личности, так же как и в целом у ее структуры, отмечаемой в данный момент, есть свои не только объективные, но и субъективные предпосылки. Не зная их, нельзя научно грамотно направлять процесс развития личности.

Подобные базисные характеристики психики человека, в совокупности создающие большую податливость его к каким-то одним видам воздействий и сравнительно устойчивую предрасположенность к выработке определенных познавательных, эмоциональных и поведенческих ответов именно на эти виды воздействий, образуют воспитуемость человека. Эта воспитуемость, т. е. подготовленность человека к сравнительно быстрому формированию новых для него познавательных, эмоциональных или поведенческих ответов на какой-то класс воздействий извне, как правило, не бывает одинаковой и по отношению к другим воздействиям. В каждый момент развития личности указанная воспитуемость чаще всего избирательна. Она сильнее проявляется по отношению к одному содержанию и формам воздействия, слабее к другому и может совсем отсутствовать по отношению к третьему.

Эти колебания в величине феномена воспитуемости человека по отношению к воздействиям, отличающимся друг от друга своими характеристиками, не означают, что этого человека невозможно дальше развивать. Они указывают лишь на то, что от педагогов требуется более тонкая и вместе с тем настойчиво проводимая инструментовка воспитательных усилий и, кроме того, надо учитывать, что личность никогда не развивается строго одновременно и одинаково успешно во всех направлениях. Лучшая подготовленность ее к относительно быстрой выработке различных форм как более простых, так и более сложных психологических ответов на строго определенные воздействия, быстрое укоренение в ней этих форм могут послужить условием появления состояния высокой воспитуемости и по отношению к тем воздействиям, на которые раньше человек должным образом психологически не откликнулся. Поскольку воспитуемость не носит глобального характера, а отличается чаще всего избирательностью и парциальностью, наука о воспитании, очевидно, должна постараться ответить на вопрос: по отношению к чему и когда и, главное, при каких условиях эта воспитуемость больше, а к чему, наоборот, меньше?

Дальнейшее проникновение в существо проблемы воспитанности предполагает выяснение той реальной для развития человека как личности последовательности появления у него каждой из предрасположенностей к сравнительно быстрому формированию определенных психических образований (начиная от знаний и кончая чертами характера), которые, устойчиво предваряя друг друга и следуя друг за другом, составляют внутреннюю логику развития личности. Естественно, что для разных типов личности должна существовать своя логика. Тем не менее знать общую логику формирования личности и его основных модификаций, по всей вероятности, не только возможно, но и необходимо.

Очень существенно попытаться ответить и на такой вопрос: какая мера сформированности того или иного свойства личности и его познавательного, эмоционального и поведенческого компонентов необходима, чтобы это свойство устойчиво проявлялось бы как в нормальных, так и в экстремальных условиях? С этим связан и другой вопрос: какое «соседство», какое сочетание свойств должно быть у личности, чтобы интересующее нас свойство было относительно устойчивым? Приходится

15

специально поднимать этот вопрос, потому что в практике воспитания распространены случаи, когда личность проявляет какое-то качество (положительное или отрицательное) в очень локальных, камерных условиях и оно пропадает сразу же при выходе за пределы этих условий.

Б. Г. Ананьев и его ученики в 60-е гг. показали, как усвоение различных элементов знаний, входящих в содержание одних учебных предметов, становится условием успешного овладения другими учебными предметами. Были прослежены многочисленные явления переноса знаний, а также навыков, выработанных у ученика при усвоении одного учебного предмета, в новый учебный предмет, который он только начинает изучать. В дальнейшем многими исследователями при изучении процесса учения школьников были собраны факты, подтверждающие существование этого явления в широких пределах. Очевидно, что явление переноса должно иметь большое распространение и за пределами учения. Перенос сформированных у человека в определенных ситуациях его жизни позиций, установок, точек зрения, отношений, способов поведения в другие, ранее не возникавшие ситуации — факт реальный. Он должен иметь место и в труде, и в общении, и в игре, и, очевидно, во всех других видах деятельности человека. Однако как часто происходит актуализация этих сложных образований личности в новых для нее обстоятельствах, какие условия, не только объективные, но и субъективные, для такой актуализации наиболее благоприятны — эти и другие подобные вопросы изучены недостаточно.

Представляется, что не очень обстоятельно изучен и антипод явления переноса — феномен, наиболее характерной чертой которого оказывается не проявление привычной для личности установки или следование столь же привычному для нее способу поведения (т. е. реагирование на обстоятельства, в известном смысле, в соответствии с успевшим сложиться шаблоном), а познавательный, эмоциональный или поведенческий ответ личности необычным для нее образом — взглядом на предмет или сторону действительности с новых позиций или новым отношением, не таким, как прежде, действием. Понятно, что это проявление личности, которое обычно свидетельствует о более или менее значительной изменчивости и большой вариабельности личностных

ответов человека на окружающие его обстоятельства, может иметь как положительный, так и отрицательный характер. И,

16

по всей вероятности, оптимальным вариантом развития личности в этом случае все же будет и не абсолютная косность установок и форм поведения, и не их чрезмерная подвижность, а сформированность у человека постоянного стремления к отражению действительности непременно в соответствии с усвоенными им научными принципами, высоконравственными идеалами и столь же стойкое стремление выбирать в каждом случае поведение, отвечающее этим принципам и идеалам.

При наличии развитых до достаточно высокого уровня именно этих личностных особенностей человек, по разным поводам взаимодействуя с окружающей его действительностью и постоянно выходя один на один с тем или иным новым для себя лицом, незнакомым предметом, непривычной ситуацией, которые наряду с чертами сходства с себе подобными, как правило, обладают и индивидуальной неповторимостью, непременно будет делать поправки на их своеобразие, т. е. проявлять известную гибкость не в своих общих подходах и отношениях, а в единичных познавательных актах, в своих установках и в конкретном поведении в данный момент. Развивать у человека до высокого уровня стремление искать и находить в объектах действительности общее и в соответствии с этим познанным общим умение однозначно поступать и в то же время, понимая, что общее проявляется лишь в отдельном и через отдельное, стараться видеть специфику этого отдельного и с поправкой на нее вести себя — это специальная воспитательная задача, которая сейчас лучше решается в своей первой части, чем во второй. И это несмотря на то, что во многих видах деятельности достижение нужного результата оказывается возможным лишь при условии, если человек умеет правильно охватить индивидуальное своеобразие объекта.

Помимо перечисленных есть, конечно, немало и других фактов, относящихся к феноменологии всестороннего развития человека и нуждающихся в тщательном изучении. Но здесь представляется своевременным указать еще на одну из его сторон, которая характеризуется особенностями связей, взаимообуславливанием различных компонентов. В настоящее время стало общепризнанным, что идейно-политическое, умственное, нравственное, эстетическое, трудовое и физическое развитие человека связаны друг с другом самым тесным образом. В конечном счете результаты их выражаются в сформированности у человека таких характеристик психических

17

процессов, состояний, свойств и поведения, которые отвечают требованиям, предъявляемым к человеку в нашем обществе. Предстоит, очевидно, разобраться, как этот совокупный эффект развития зависит от реальных условий воспитания и как он изменяется в зависимости от формирования или, наоборот, отставания одного из главных направлений развития. Вместе с тем предстоит выяснить, как в каждом из них на различных ступенях формирования человека как личности должны актуализироваться и сочетаться по отношению к разному содержанию познавательный, аффективный и поведенческий компоненты в психике воспитываемого человека, чтобы его развитие было оптимальным.

Человек целостен, и любое воспитательное воздействие вызывает сложный эффект, производя изменение в физическом состоянии, эмоционально-нравственном настрое,

познавательных процессах и других характеристиках его личности. Вместе с тем увидеть сложные последствия любого воспитательного воздействия на человека еще не значит полностью решить эту важную для всего дела воспитания проблему. Главная задача заключается в том, чтобы сначала понять, какой совокупный воспитательный эффект несет тот или иной тип воздействия на человека из числа тех, которые специально организуются людьми, а затем и все другие типы воздействия, и уже после этого научиться так управлять их действием, чтобы они, выстроенные в определенную систему, вызывали бы нужный нашему обществу воспитательный результат.

Вполне успешно решить эту непростую задачу, пусть сначала на теоретическом уровне, не смогут только одни специалисты по идейно-политическому воспитанию, или по психологии, или по этике, дидактике, физическому воспитанию и т. п. Необходимо их содружество и сотрудничество не по принципу «рядом», а по принципу «всем вместе». Это означает, что специалисты, разрабатывающие на теоретическом уровне тот или иной аспект проблемы всестороннего развития человека, должны не замыкаться в рамках одного лишь «своего» направления воспитания личности, а попытаться разобраться в том, как другие направления влияют на данное направление, и наоборот. Одновременно им надо осознать, что качественный скачок в развитии личности при развертывании одного направления воспитания невозможен без «подтягивания» до определенного уровня других направлений. В чем конкретно должно выражаться

18

это «подтягивание», чтобы стали возможны качественные изменения и в данной стороне личности, — это тоже проблема, над решением которой предстоит еще много работать.

Среди других взаимосвязей, которые необходимо энергично изучать, следует назвать зависимости, существующие между характером деятельности, выполняемой человеком, и теми психическими проявлениями, образованию которых эта деятельность способствует. В нашей науке уже достаточно давно ведутся работы, убедительно показывающие, каким образом влияет на формирование знаний, умений и навыков игровая деятельность ребенка (А. А. Люблинская, Д. Б. Эльконин). С еще более широким размахом ведется исследование этих зависимостей у школьника в условиях обучения (П. Я. Гальперин, В. В. Давыдов, Л. В. Занков, Г. С. Костюк, Д. Б. Эльконин). Большой интерес представляют работы, освещающие характер перестройки в познавательных процессах учащихся, школьников и студентов, вызываемой изменениями в методах обучения и организации процесса учения (Ю. К. Бабанский, В. В. Давыдов, Н. Ф. Добрынин, Н. Ф. Талызина). Вместе с тем к настоящему времени осуществлено незначительное число исследований, которые раскрывали бы механизмы влияния процесса учения на эмоционально-нравственную сферу личности учащегося, на его волю и характер. К сожалению, подобной же односторонностью страдают и исследования, прослеживающие характер влияния труда на личность учащегося. Совсем неудовлетворительно изучается специфика связей между учением и всеми другими деятельностями, которыми занят или к которым привлекается учащийся, специфика, оказывающаяся наиболее оптимальной для достижения всесторонности его развития. А между тем выявление этой специфики, несомненно, одно из важных условий выстраивания деятельностей, через которые проводится ребенок, в систему, дающую наибольший воспитательный эффект.

С этой непростой проблемой связана другая, хотя и сформулированная в последнее время в ряде исследований, но ни экспериментально, ни опытно-практически еще не решенная. Речь идет о характере организации предметно-практической и коммуникативной деятельности человека, а также о налаживании их сочетания, наиболее

оптимального для развития личности. Вместе с тем понятно, что от того, как в игре, в учении, в труде

19

эти две деятельности соотносятся (не только во что играют дети, не только чему учатся и в какой труд вовлечены, но и как при этом общаются), зависит воспитательный эффект и игры, и учения, и труда. Эта задача — выяснение роли фактора общения со всеми присущими ему характеристиками в развитии личности во все периоды ее жизни — должна привлечь самое серьезное внимание ученых, думающих о путях, двигаясь по которым можно улучшить качество идейно-политического, умственного, нравственного, трудового, эстетического и физического развития подрастающего поколения.

В ряду первоочередных проблем всестороннего развития существеннейшее место занимает проблема объективных факторов, обеспечивающих это развитие. Не стоит тратить усилий на утверждение того, что среда, общество формируют человека — эта истина очевидна. Задача заключается в другом: в выяснении, когда, как и какими своими сторонами они влияют на развитие личности, и вместе с тем, как эти стороны должны изменяться, чтобы человек формировался не с любыми характеристиками физического и духовного развития, а только с теми, которые отвечают высоким идеалам нашего общества. В связи со сказанным возникает необходимость всестороннего теоретического обоснования и постоянного практического опробования и совершенствования системы взаимодействия всех общностей (производственный коллектив, школа, семья и др.), в которые человек непосредственно включен и жизнедеятельность которых детерминируется влиянием всего общества и государства.

Предельно важно глубокое знание того, как и на каких уровнях, а также в каких формах должны взаимодополняться функции этих общностей при решении сложнейшей задачи — всестороннего развития человека. Не менее важно при этом четкое понимание характера корректив, которые должны быть внесены в эту образуемую названными общностями воспитательную систему, если какая-то из входящих в нее общностей не работает на воспитание своих юных членов так, как это требуется для общества в целом. И наконец, для полного освещения всей этой части поднимаемой проблемы необходимо получение научно обоснованного ответа на вопрос о том, какие характеристики каждой из этих общностей, в каком сочетании и когда оказываются личностно формирующими и в чем конкретно выражается их воспитательный эффект.

20

Перечисляя, как нам кажется, существенные для разработки теории воспитания и развития молодого человека проблемы, решение которых требует комплексного подхода, мы сознательно не коснулись целого ряда других проблем, исследование которых также крайне необходимо для создания указанной теории. Но эти проблемы, нам представляется, к настоящему времени или уже хорошо освещены, или убедительно поставлены и получили четкие направления в своей последующей разработке. К числу этих проблем относятся проблема изучения индивидуальных особенностей человека и форм учета их при руководстве его всесторонним развитием (В. С. Мерлин, В. Д. Небылицын), многоаспектная проблема организации всестороннего развития человека с привлечением коллектива (Г. М. Андреева, В. Г. Иванов, В. М. Коротов, Х. Й. Лийметс, Л. И. Новикова, А. В. Петровский, Д. И. Фельдштейн и др.), проблема сочетания средств массового воздействия с другими специально организуемыми формами воспитательных влияний (А. А. Бодалев, Ю. А. Шерковин, Е. В. Шорохова и др.), проблема подключения к

макро- и микровоспитательным воздействиям, участвующим в формировании личности человека, его собственных усилий (Л. И. Божович, А. Г. Ковалев, В. А. Сухомлинский).

В заключение хотелось бы вернуться к мысли, поднятой вначале. В настоящее время в различных научных центрах нашей страны выполняется значительное число исследований, результаты которых так или иначе расширяют наши представления о закономерностях и механизмах, «обслуживающих» все основные направления развития человека и определяющих конечный эффект этого развития. Однако все эти исследования, даже если они проводятся в рамках одной из наук, не упорядочены пока в строгую систему и никто еще не взял на себя труда обобщить полученные материалы, чтобы затем сказать, что еще не сделано, чего реально не хватает в данной отрасли науки для создания теории воспитания, действительно работающей на практику всестороннего развития человека.

Еще острее стоит вопрос с обобщением научных результатов, относящихся к пониманию существа процесса всестороннего развития личности и к организации этого развития. Комплексной оценки сделанного пока также нет, как нет и научно обоснованного и достаточно конкретного плана осуществления широкого подхода к решению труднейшей задачи — созданию целостной теории

21

воспитания. Очевидно, что эту труднейшую и актуальнейшую задачу не может удовлетворительно решить ни отдельный ученый, ни даже небольшой научный коллектив. Она может быть успешно решена лишь настойчивыми и хорошо спланированными усилиями ведущих научных центров страны, занятых изучением проблем человека.

Осуществить комплексную работу, которая приведет к решению указанной задачи, организационно крайне непросто. Эта работа потребует привлечения к участию в ней специалистов, хорошо знающих в пределах своей науки, как правило, ограниченное число проблем, имеющих отношение лишь к отдельным сторонам целостного развития человека. К тому же эти специалисты, хотя они и владеют основными положениями философского учения о человеке, на уровне своих наук трактуют некоторые аспекты проблемы человека концептуально совсем не так, как их «смежники». И тем не менее, только объединив их усилия и превратив их в процессе работы над общей для них интегральной проблемой в единомышленников, можно создать отвечающую требованиям большой науки и, следовательно, могущую по-настоящему служить практике целостную теорию воспитания всесторонне развитого человека.

22

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕНИЯ В РАБОТАХ Б. Г. АНАНЬЕВА*

В последние годы в отечественной психологической науке наблюдается усиление внимания к методологическим, теоретическим, экспериментальным и прикладным проблемам психологии общения. Появляются все новые монографии, сборники статей и отдельные выступления в периодической печати, посвященные этой области психологии.

Причина этого на глазах растущего интереса ко всей совокупности проблем, которые возникают перед наукой при изучении общения, понятна. Без научного освещения феноменологии, закономерностей и механизмов этого многомерного полифункционального процесса, каковым общение является, нельзя создать общей теории

формирования психики человека и развития его как личности. Без такого освещения нельзя сконструировать научно обоснованный методический инструментарий для практической работы с людьми в сфере обучения и воспитания, производственного труда, отдыха, быта, обеспечения здоровья людей.

В этой ситуации развертывания все новых исследований, нацеливаемых на глубокое и широкое изучение общения, большое значение имеет осмысление уже сделанного в этой области в прошлом как в психологии, так и в смежных с нею науках. В данной работе мы хотим обсудить научное содержание вклада, сделанного в психологию общения Б. Г. Ананьевым, и оценить его значение для проводящихся сейчас в отечественной психологической науке исследований общения.

Б. Г. Ананьев больше трех десятилетий назад в книге «Психология педагогической оценки»¹ впервые в

23

развернутой форме показал важность учета категории общения среди других детерминант, которые определяют проявление и развитие психики человека. И затем во всех своих более поздних работах, в которых он ставил и решал проблемы формирования человека как личности, образования в ней различных структурных блоков, развития человека как субъекта деятельности, воспитания его индивидуальности, он неизменно возвращался к категории общения, открывая в нем все новые характеристики и прослеживая их роль во всех перечисленных процессах.

И в своих трудах этого цикла, выполненных на стыке философии и психологии², и в работах, написанных по проблематике общей психологии, и в печатных выступлениях по возрастной, педагогической и дифференциальной психологии он последовательно подчеркивает мысль о том, что в своем повседневном бытии человек связан бесконечным числом отношений не только с предметным миром (природным и созданным человечеством), но и с людьми. Механизмом, посредством которого эти отношения у человека с «миром предметов» и «миром людей» устанавливаются и развиваются, является деятельность — труд, общение, учение, игра и другие ее виды.

Выделяя общение из этого ряда, Б. Г. Ананьев подчеркивает, что особой и главной характеристикой общения как деятельности является то, что через него человек строит свои отношения с другими людьми. Выражая эту мысль в своем последнем крупном труде «Человек как предмет познания», он пишет: «Поведение человека выступает не только как сложный комплекс видов его социальных деятельностей, с помощью которых опредмечивается окружающая его природа, но и как общение, практическое взаимодействие с людьми в различных социальных структурах»³.

Раскрывая психологическое значение взаимодействия, осуществляемого в форме общения, Б. Г. Ананьев неоднократно подчеркивает, что, являясь обязательным компонентом труда, учения, игры и всех других видов деятельности, которые предполагают взаимодействие людей, оно оказывается условием, без которого невозможно познание ими действительности, формирования у них

24

эмоционального отклика на эту действительность и основанного на этом познании и эмоциональном отношении поведения в этой действительности.

Не умаляя в своих последних работах значения общения и других традиционных для психологического анализа видов деятельности для проявления и формирования психики человека, Б. Г. Ананьев все большее место в них отводит прослеживанию роли познания в этом формировании и даже выделяет познание в самостоятельный вид деятельности, равный по своей важности труду и общению. Он пишет: «Сознание есть общий эффект конвергенции труда, общения и познания... человек — субъект прежде всего основных социальных деятельностей — труда, общения и познания, посредством которых осуществляется как интериоризация внешних действий, так и экстериоризация внутренней жизни личности»⁴.

Поместив общение в триаду главных деятельностей, определяющих развитие психического мира человека, Б. Г. Ананьев далее рассматривает основные его характеристики с точки зрения соотношения в них общественного и индивидуального. Не колеблясь, он указывает, что межличностное взаимодействие, каковым является общение, определяется всегда системой общественных отношений, в которую оно включено, но, поскольку оно также постоянно выступает как межиндивидуальная связь и индивидуальная форма деятельности, в структуре и динамике общения невозможно отделить личное от общественного, провести резкую грань между ними.

«Общение, — пишет он, — столь же социальное, сколь и индивидуальное явление. Поэтому так неразрывно связано социальное и индивидуальное в важнейшем средстве общения — языке, индивидуальным проявлением и механизмом которого является речь. Пантомимика и жестикация, т. е. внеречевые формы общения, становятся таковыми именно тогда, когда экспрессия поведения выполняет коммуникативную функцию...»⁵.

Более детально анализируя все основные составляющие общения как психологического процесса, Б. Г. Ананьев, помимо речевых и неречевых средств общения, выделяет в нем внутреннюю сторону — познание участниками общения друг друга, межличностные отношения, саморегуляцию поступков человека с учетом

25

полученного знания, преобразование внутреннего мира участвующих в общении людей — и указывает на существование постоянных связей между этими частными по отношению ко всему общению процессами. Имея в виду самые разные ситуации общения, он пишет: «На любом уровне и при любой сложности поведения личности существует взаимозависимость между: а) информацией о людях и межличностных отношениях; б) коммуникацией и саморегуляцией поступков человека в процессе общения; в) преобразование внутреннего мира самой личности»⁶.

Далее Б. Г. Ананьев уделяет большое внимание прослеживанию влияния различных ситуаций общения, в которых участвует человек, на его ум, чувства, волю и на последующее развитие как их, так и в целом личности человека. На примерах ситуаций общения, в которых участвуют учителя и школьники, он психологически ярко показывает, как учитель ставит учеников в такие условия, когда интеллект их активизируется, чувства приобретают стенический характер, воля мобилизуется. Ученики с доверием смотрят на окружающих и охотно вступают с ними в общение. Приводит он примеры и других ситуаций, когда учитель своей воспитательно неумелой инструментовкой ситуации общения на уроке подавляет умственную активность учеников, вызывает у них негативные переживания, деморализует волю, фактически прививает ученикам недоверие к людям и боязнь общения с ними.

Наиболее научно интересно в анализе этих фрагментов из школьного общения, который осуществляет Б. Г. Ананьев, проследивание им зависимостей между характером психологического воздействия ситуации общения на ученика и успешностью его учебной деятельности и шире: его личностными особенностями. В частности, он показывает зависимость результата воздействия от мотива, который заставляет ученика участвовать в общении. Одновременно он раскрывает влияние мотивов, имеющихся у человека, на избирательность общения, объем его, широту, активность. Обо всем этом он пишет так: «Самое важное — критерии избирательности в общении, мотивы, по которым осуществляется общение и которыми определяется объем общительности... В одной ситуации человек оказывается общительным,

26

а в другой — замкнутым. Это целиком определяется мотивами его деятельности»⁷.

Продолжая осмысливать дальше условия общения, которые влияют на поведение человека в этом общении, Б. Г. Ананьев много внимания уделяет характеристикам людей, вступающих в общение, если употребить современную терминологию, их идейной совместимости, уровню социальной зрелости общностей, в которые они входят, а также особенностям стиля руководства этими общностями. Резюмируя свои размышления, он пишет: «Идейная общность, общность жизненного положения и деятельности расширяют объем общительности... От типа организации руководства коллективными отношениями зависят инициативность в общении, творческая активность взаимосвязанных в коллективной деятельности людей. Обусловленная общей организацией коллектива мера активности, инициативы в общении, стихийности или организованности в этом общении своим наиболее высоким уровнем в развитии способа общения имеет идейную мотивацию в общении, т. е. общность убеждений, жизненных перспектив и целей, задач, интересов»⁸.

Проследивая эффект воздействия различных характеристик общения на человека, который в нем участвует, Б. Г. Ананьев попытался оценить не только, так сказать, сиюминутные эффекты этих воздействий, но их результаты, когда эти короткие воздействия суммируются, накапливаются и, достигнув, образно говоря, определенной критической массы, приводят к появлению в личности нового качества.

Так, если снова вернуться к школьной практике, то в ситуации общения, созданной учителем на уроке, в которую попадает учащийся, у него возникает состояние, характеризующее его ум, чувства, волю только во время существования этой ситуации. При повторении подобных ситуаций, особенно если в них участвуют субъективно значимые для ученика люди, оно может у него закрепиться и стать привычным.

Но, по мнению Б. Г. Ананьева, у этого психологического механизма формирования личностного качества в общении есть еще один аспект: поскольку в общении всегда есть момент познания человека человеком и одновременно еще большего познания каждым из них

27

самого себя, а также момент переживаний, вызываемых одним человеком у другого, то общение всегда оказывается сильнейшим средством формирования у человека отношения к другим людям, а также к самому себе.

Сам Б. Г. Ананьев формулирует эти положения так: «Общественные отношения... создают тип личных отношений общения (привязанности, вкусы и т. п.). На основе этих индивидуальных отношений общения и формируются так называемые коммуникативные черты характера»,— и продолжает: «...Взаимопонимание, формирующееся на основе накопления жизненного опыта общения, важно не только для развития мотивов и способов общения, но и для того, чтобы познавать самого себя... Постоянное развитие практического знания человека человеком является важнейшим источником для развития других черт характера, в том числе и отношения к самому себе»⁹.

Специальным направлением в прослеживании значения общения в формировании общего психического склада личности, в оформлении ее ядра, каковым является складывающийся у человека характер, выступает в работах Б. Г. Ананьева обсуждение им проблемы количественного и качественного оптимума общения, который необходим для нормального развития личности, а также последствий дефицита в общении для этого развития. В связи с этим он ставит задачу поиска такого соотношения воздействий на человека всех развивающихся средств массовой информации (телевидения, радио и др.) и непосредственного повседневного общения, которое было бы в наибольшей степени воспитательно-благоприятным для формирования личности.

Таким образом, если теперь подвести итог и оценить характер вклада, сделанного Б. Г. Ананьевым в разработку психологии общения, то с полным основанием можно сказать следующее.

Б. Г. Ананьев четко и определенно показал значение разработки вширь и вглубь, категории общения для общей, возрастной и педагогической психологии, а также для психологии индивидуальных различий. Им была осуществлена перспективная попытка, рассматривая общение как один из главных видов деятельности человека, трактовать его как своеобразный сплав общественного и индивидуального в социальном бытии людей.

28

Им были выявлены и прослежены основные направления влияния общения на формирование психического мира человека и поставлена проблема освещения зависимостей, связывающих отдельные внешние и внутренние характеристики взаимодействия людей с содержательными и динамическими проявлениями психических процессов, состояний и свойств участвующих в общении людей. Столь же ясно при анализе связей общения и личности Б. Г. Ананьев показал необходимость развертывания исследований характера сопряжения деятельности общения с другими основными деятельностями человека, чтобы формирование его личности шло с максимальным приближением к общественному идеалу. Все сказанное свидетельствует о фундаментальности проблем, которые Б. Г. Ананьев считал нужным поднять в своих работах, когда он как психолог высказывался по поводу феноменологии, закономерностей и механизмов общения, а также значения общения для формирования личности. Одновременно эти его работы служат отправной точкой для дальнейшей разработки поставленных задач в области психологии общения.

29

ПРОБЛЕМА ОБЩЕНИЯ В ТРУДАХ В. Н. МЯСИЩЕВА*

В настоящее время как в нашей стране, так и за рубежом наблюдается усиление интереса к проблеме общения. Ученые, придерживающиеся различных теоретических

позиций, с большой настойчивостью выявляют, описывают и классифицируют феномены общения, определяют и субординируют закономерности, которые ими управляют, а также раскрывают механизмы, которые при этом действуют.

Увеличение потока работ, посвященных различным проблемам психологии общения, отнюдь не является фактом случайным. Скорее оно, это увеличение,— форма ответа ученых на жгучую потребность времени: не только, наконец, получить достаточно полную картину психической жизни человека и, так сказать, в натуре увидеть действие социальных факторов, которые эту жизнь определяют, но и научиться все эти факторы успешно использовать при организации воспитания, труда, быта и лечения людей.

Не будет преувеличением утверждать, что в продолжение длительного времени изучение психики человека и ее развития шло в психологии по преимуществу в направлении все более широкого и глубокого освещения зависимостей «человек — предмет», «человек — орудие». Главные силы этой науки были сосредоточены на исследовании психических процессов, состояний и свойств человека, когда он взаимодействовал с вещной действительностью, и несравненно меньшее число — на выяснении психологических особенностей в зависимостях «человек — человек», «общность — человек», в установлении характеристик отражения отношения и

30

поведения¹, а также взаимосвязей между ними у человека, когда он и как объект, и как субъект взаимодействовал не с вещами и предметами, а с другими людьми. И совсем мало было ученых, которые решали бы в своих трудах сложнейшую задачу синтеза обоих направлений изучения психики человека. Поэтому заслуживает особого внимания вся совокупность работ, выполненных в течение 60 лет активного труда в области психологии В. Н. Мясищевым, поскольку в них не только формулируется и обосновывается проблема необходимости осуществления такого синтеза, но и предлагается перспективная попытка ее решения.

Настаивая на важности одновременного изучения особенностей проявления и развития психики человека в условиях вещной деятельности и в условиях общения, В. Н. Мясищев внес особенно оригинальный и весомый вклад в разработку большого комплекса вопросов, относящихся к психологии общения.

В своих трудах с большой научной глубиной он проанализировал психологическую сущность этого явления.

Если большинство авторов свое изучение общения ограничивали пределами исследования речевых коммуникаций, устанавливаемых между людьми, то В. Н. Мясищев, освещая главные содержательные и формальные характеристики процесса общения, не уклоняясь от исследования речевой деятельности общающихся, с никогда не изменявшей ему последовательностью стремился рассматривать общение как процесс взаимодействия конкретных личностей, определенным образом отражающих друг друга, относящихся друг к другу и воздействующих друг на друга.

Отправляясь от положения: «В психике и в сознании осуществляется отражение действительности и отношение к ней... Вместе с тем эти понятия представляют единство, потому что в них дано отражение единым субъектом объективной действительности», В. Н. Мясищев использует его при объяснении явлений общения². В своем выступлении на

Всесоюзном симпозиуме по психологии общения в 1970 г. он говорил: «Связь отражения людьми друг друга в общении с их взаимоотношениями

31

очевидна», — и продолжал: «В общении выражаются отношения человека с их различной активностью, избирательностью, положительным или отрицательным характером. Способом или формой общения и отношения является обращение человека с человеком»³.

Подчеркивая важность всестороннего рассмотрения при изучении общения не только особенностей отражения, но, главным образом, отношений общающихся друг к другу, а также способов поведения, которые они при этом практикуют, В. Н. Мясищев указывал на необходимость выяснения зависимостей, связывающих эти характеристики психики. Он писал в связи с этим: «Если разработка проблемы общения без учета отношений не может быть достаточной, то изучение общения и отношений без учета обращения невозможно»⁴. И далее он пытался описать и систематизировать наиболее распространенные формы взаимосвязей отношения и обращения. Так, в одну группу он объединил случаи соответствия действительного отношения людей друг к другу в общении и формы их обращения друг с другом при этом. В другую группу он отнес случаи, когда люди используют формы общения, которые более или менее сильно расходятся с их реальным отношением друг к другу⁵.

Причины, определяющие наличие или отсутствие соответствия между отношением и обращением у участников общения, В. Н. Мясищев видел не только в личностных свойствах каждого из общающихся в отдельности, но и в обстоятельствах общения и, в частности, как теперь принято говорить, в характере малой группы, которую образуют общающиеся люди. Вот что он писал по этому поводу: «В условиях свободного взаимодействия могут проявляться истинные отношения, но в условиях тормозящих или подавляющих, в условиях несвободы и зависимости одного человека от другого отношения во взаимодействии не проявляются, а скрываются и маскируются... В характере взаимодействия сказываются отношения — это понятно, но этот характер

32

зависит не только от отношений, а и от внешних обстоятельств и положения взаимодействующих»⁶.

Отношения к разным сторонам действительности у человека обычно не бывают одинаковыми, неодинаковы они и к различным людям, и это обстоятельство также, по мнению В. Н. Мясищева, не может не сказываться на характере практикуемых человеком способов обращения с людьми. Формулируя это свое утверждение, он писал: «...по отношению к различным объектам один и тот же человек может проявлять противоположные качества. Игнорировать это может только формалистическая психология, а в жизни такая противоречивость встречается очень нередко. Так, самоотверженная и нежная по отношению к своим детям мать (или отец) может быть черствой и жестокой с другими»⁷. Возвращаясь к этой же мысли в другой своей работе, он говорил: «...противоположность таких проявлений, как грубость или нежность, не является имманентным свойством характера, а определяется любовью и уважением к одним, враждой и пренебрежением к другим»⁸.

Большое место в работах В. Н. Мясищева отведено выяснению того, как влияет отношение к человеку на проявления ума, чувств, воли, всех основных свойств личности у общающихся с этим человеком людей. Так, например, он пишет: «Как противоположно проявляется темперамент во взаимоотношении с любимым или нелюбимым объектом! Бесконечное терпение матери к ребенку, врача к больному является мерой их любви или сознанием долга, а не его темперамента. Наоборот, мы постоянно наблюдаем, как люди, обнаруживая нетерпеливость (а подчас и непонятливость), выражают этим нежелание сдержаться или понять, которое в свою очередь проистекает из отрицательного или враждебного отношения к лицу, с которым они имеют дело. Нетерпение является мерой антипатии, чрезмерного интереса или отсутствия его»⁹.

Далее, в трудах В. Н. Мясищева, которые имеют непосредственное отношение к психологии общения, был подвергнут обстоятельному обсуждению вопрос о факторах,

33

которые обуславливают формирование у человека тех или иных отношений, более или менее четко проявляющихся в способах обращения, которые человек повседневно демонстрирует, строя свои контакты с окружающими его людьми. Упоминая в связи с этим о значении врожденной основы в формировании у человека отношения к людям, он специально и настойчиво подчеркивал роль способов поведения, в которых это отношение выражается, впечатлений и переживаний, которые человек накапливает в ходе своего взаимодействия с окружающими людьми и характер которых определяется не только реальным поведением этих людей, но и поступками по отношению к ним самого человека.

Так, в работе «Проблема отношений человека и ее место в психологии» он писал: «Взаимоотношение играет существенную роль в характере процесса взаимодействия и в свою очередь представляет результат взаимодействия. Те переживания, которые возникают в процессе взаимодействия, укрепляют, разрушают или реорганизуют отношения»¹⁰. В более поздней работе он эту же самую мысль выразил несколько по-иному: «...обращение, мягкое или жесткое, даже жестокое, подавляющее или одобряющее, грубое или мягкое, сухое или ласковое, формирует и отношение, потребность или боязнь общения»¹¹.

Но, являясь объектом и результатом отношений, завязывающихся в общении, личность, не уставал напоминать В. Н. Мясищев, одновременно выступает в этом общении и в качестве субъекта определенных отношений. И, хотя человек может это и не осознавать, от него самого в большой мере зависит характер поведения по отношению к нему окружающих его людей, а значит, характер его переживаний от общения с людьми и те оценки, которые он этим людям дает.

Останавливаясь на содержательных и формальных характеристиках оценок, которые человек дает людям, с которыми он по разным поводам взаимодействует, и на переживаниях, которые он при этом испытывает, В. Н. Мясищев всегда проводил мысль, что в этих оценках и переживаниях, как правило, выражаются не только особенности тех, кто оказался объектом этих оценок и поводом для переживаний, но в них непременно

34

и постоянно отражается и личность самого оценивающего.

В них, в этих оценках и переживаниях, проявляется уровень развития человека как представителя определенного народа, общественного класса, группы, как члена определенного коллектива. В них выступают также его гражданская и психологическая зрелость, его профессия, сформированные у него нравственно-эстетические требования к людям. И вместе с тем они всегда несут печать того неповторимого пути, который прошел человек, формируясь как совершенно конкретная личность¹².

Проследивая направления влияния прошлого опыта человека на поведение его в различных ситуациях взаимодействия с другими людьми, В. Н. Мясищев не прошел мимо и такой важной для психологии общения проблемы, как выяснение различий в содержательных и формальных характеристиках коммуникативной деятельности людей, зависящих от возраста этих людей.

Во многих своих работах¹³ В. Н. Мясищев описывал и сравнивал особенности отражения других людей, отношения к ним и обращения с ними у ребенка — дошкольника, дошкольника, школьника — и взрослого человека. И снова с предельной убедительностью во всех этих работах он раскрывал зависимости, которые существуют между тем, как человек ведет себя по отношению к другим людям, вступая в контакты с ними, и тем, какой опыт познания труда и общения успел у него к этому времени накопиться. И в этом случае наибольшее внимание читателя привлекается к системе условий, образующих ту социально-психологическую ситуацию развития человека как личности, которая прежде всего определяет содержание, уровень, структуру, а также форму выражения отношений человека к тем людям, которые составляют для него как более далекое, так и более близкое окружение.

Описывая и систематизируя основные социально-психологические ситуации, имеющие личностно формирующее значение¹⁴, В. Н. Мясищев подверг особенно тщательному рассмотрению условия, которые усиливают или, наоборот, ослабляют эффект психологического

35

воздействия участников общения друг на друга. Так, он специально рассмотрел причины, которые увеличивают или ослабляют результат словесного воздействия одного человека на другого.

«Слово, — подчеркивает он, — оказывается мощнейшим физиологическим фактором, способным, как показывают биотоки, изменять до патологической степени деятельность мозга. Это действие слова связано с его смысловым содержанием. При этом, если общий смысл слова обусловлен общей историей развития человека и его языка и представляет, согласно Марксу, «практическое... и действительное сознание», то его индивидуальное значение, вплоть до его физиологического действия как возбудителя, обусловлено индивидуальной историей исследуемого, историей его отношений и переживаний»¹⁵.

Развивая мысли И. П. Павлова, К. И. Платонова и других своих предшественников о значении слова в регулировании поведения человека и протекании всех его психических процессов, а также в характере изменений, которые оно производит как в его высшей нервной деятельности, так и вообще в работе всех без исключения систем организма, используя, кроме того, обширный эмпирический материал, В. Н. Мясищев сумел очень четко и аргументировано показать, что слово, имея общий смысл для той или иной группы людей, имеет еще всегда у каждого человека индивидуальный не только психологический, но и физиологический контекст, связанный с его индивидуальной значимостью для

человека. А эта значимость в свою очередь определяется местом, которое в прошлом опыте того или иного человека заняли предметы, лица и обстоятельства, символизируемые данными словами, и тем, следовательно, каково к каждому из них отношение интересующего нас субъекта¹⁶.

Говоря о податливости человека по отношению к тем или иным словесным воздействиям со стороны других людей и отмечая при этом значение таких характеристик личности, как присущие ей степень внушаемости или способность к переубеждению, В. Н. Мясищев, проанализировав и обобщив множество ситуаций общения, сформулировал убедительнейшим образом звучащий вывод, что эта податливость «представляет собой не столько интеллектуально характерологическую стойкую особенность человека, сколько результат динамического

36

взаимоотношения людей»¹⁷. Так, выясняя условия успешности словесного воздействия врача на больного, выступая как врач-психотерапевт, на примере своего опыта лечения больных неврозом он сумел блестяще доказать, что в терапии общения, каковой в этом случае оказывается взаимодействие врача с больным, успешный результат больше, чем при любом другом виде лечения, зависит от доверия, любви и уважения больного к врачу¹⁸.

Выступая против излишне суженного истолкования процесса общения, сводящего его, как это имеет место в работах некоторых авторов, лишь к речевой деятельности, В. Н. Мясищев, сопоставляя особенности, типичные для общения учителя и ученика, начальника и подчиненного, врача и больного, родителей и ребенка, и на уровне естественного эксперимента, и на уровне научного анализа будничных ситуаций общения, сумел показать, что содержательные, выразительные и действенные элементы общения заключаются не только в речи и не только в мимике и в пантомимике, но и в воспроизведении у каждого участника общения в связи с обращенной к нему речью огромного множества ассоциированных связей, насыщенных более или менее осознаваемыми образами и непременно пронизанных более или менее сильными эмоциями¹⁹.

Говоря о различных аспектах психологии общения, которые неизменно привлекали к себе внимание В. Н. Мясищева и в освещение которых он внес оригинальный вклад, нельзя не упомянуть о его попытках понять, каким образом общение может воздействовать на те или иные характеристики психических процессов, психических состояний и свойств человека, существенно их изменять и перестраивать.

Основная идея, которую он всегда старался подкрепить анализом фактов, взятых из жизни, заключалась в том, что такие фундаментальные потребности человека, как потребность в труде и потребность в общении, а также такие его личностные свойства, как характер и, в определенной степени, склонности и способности, активно проявляются и развиваются не столько в одностороннем воздействии человека на природу, на

37

вещи и предметы, сколько в двухстороннем взаимодействии людей, накладывающем неизгладимый отпечаток на все стороны формирующейся личности.

В значительной мере объяснению конкретных механизмов развития личностных характеристик в общении он посвятил многие страницы написанных им глав для двухтомника «Психические особенности человека»²⁰.

И еще основательнее он обсуждает эту проблему в ряде статей, объединенных им в сборнике «Личность и неврозы»²¹.

В своем стремлении постичь механизмы влияния общения на психику В. Н. Мясищев не ограничился выяснением его роли в становлении характера человека и образующих его ядро отношений. Одновременно он пытался решить и несравненно более трудную научную задачу — вскрыть зависимости между общением и психическими процессами участвующих в общении людей. Исследуя эти зависимости на примере больных неврозами, он ярко описал социально-психологические и дифференциально-психологические механизмы воздействия условий общения на активность, продуктивность и динамику перцептивных, интеллектуальных, мнемических, аттенционных и эмоциональных процессов человека. Ход его рассуждений был таким: при возникновении отклонений во внутренней субъективной основе общения, какой являются отношения, у человека появляется более или менее сильное и устойчивое состояние внутреннего напряжения, которое у разных людей хотя и не одинаково, но тем не менее обязательно влияет на их восприятие и память, на их мышление и внимание и на их аффективно-волевою сферу²².

В этой краткой работе мы перечислили направления раздумий В. Н. Мясищева по поводу наиболее актуальных проблем психологии общения, идущие, главным образом, в русле общей психологии. Не меньшие, а пожалуй, большие усилия в освещении многих теоретических и прикладных аспектов этой хотя и огромной, но пока недостаточно разработанной психологической наукой области были предприняты им с позиции медицинской психологии. Но эта часть научного наследия В. Н. Мясищева заслуживает специального внимания и требует особого рассмотрения.

38

ОБ ОДНОМ ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ОБЩЕНИИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

В последнее десятилетие в отечественной психологической науке непрерывно растет поток работ, посвященных решению методологических, теоретических, экспериментально-методических и прикладных проблем, которые возникают при исследовании такой сложной области психологии, какой является психология общения.

Ведущие специалисты по проблемам общения Б. Ф. Ломов, А. А. Леонтьев, Б. Д. Парыгин выступили с оригинальными, в каждом случае по-своему обоснованными научными программами, формулирующими задачи, принципы и пути дальнейшего изучения феноменологии, закономерностей и механизмов общения и прогнозирующими характер последствий, которые будет иметь реализация этих программ для дальнейшего развития общей теории психологии и в решении различных прикладных задач¹.

Не имея возражений против существования этих программ и всячески приветствуя их осуществление, мы хотели бы в этой работе напомнить читателям о чрезвычайной перспективности еще одного подхода к освещению главной проблематики общения, который в самых общих чертах был намечен В. Н. Мясищевым и который, если его

конкретизировать, позволяет построить, как нам кажется, достаточно эвристичную и вместе с тем продуктивную

39

по ожидаемым результатам исследовательскую программу, нацеленную на дальнейшее развитие психологии общения.

В 1970 г. на Всесоюзном симпозиуме, посвященном состоянию и перспективам изучения общения, который проводился в Ленинградском университете, В. Н. Мясищев высказал мысль о том, что общение людей является таким процессом непосредственного или опосредствованного техническими устройствами взаимодействия людей, в котором можно четко выделить три теснейшим образом взаимосвязанных компонента — психическое отражение участниками общения друг друга, отношение их друг к другу и обращение их друг с другом², и что психологическая наука, ставя перед собой задачу всестороннего освещения феноменологии закономерностей и механизмов общения, должна, следовательно, вширь и вглубь исследовать соответственно особенности познавательных процессов человека, его эмоциональной сферы и поведения, возникающих в процессе общения³.

Помня о главном положении, объединяющем все научные труды В. Н. Мясищева и заключающемся в том, что психологические исследования — неважно, посвящены ли они изучению простых или сложных образований в психике человека, — должны быть личностными, и имея в виду приведенную выше его мысль о компонентах изучения общения, мы считаем возможным предложить и обосновать разработанную нами программу дальнейших психологических исследований по этой проблематике.

Здесь мы излагаем эту программу лишь в общих чертах, перечисляя круг задач, которые должны быть решены для того, чтобы появилось широкое и многоплановое понимание психологических особенностей общения, о котором говорил В. Н. Мясищев.

40

В области общей психологии — это выявление и изучение разных типов мотивационно-потребностной сферы личности и особенностей ее влияния на различные характеристики общения этой личности с людьми, на все ее познавательные процессы, на ее переживания и эмоциональное состояние, на ее поведение, когда объектом этих процессов, состояний и поведения оказываются люди.

Накопленные при изучении этой проблемы отдельные факты⁴, пока еще не сведенные в систему, свидетельствуют, например, о том, что мотивационно-потребностная сфера личности коллективиста и соответствующая сфера личности индивидуалиста различно влияют на характеристики их познавательных процессов, эмоциональных переживаний и манеру обращения при вступлении в разнообразные контакты с другими людьми. Особенно обнажено названные различия проявляются в экстремальных для людей ситуациях.

Другая, вытекающая из первой важная общепсихологическая задача, диктуемая подходом В. Н. Мясищева к общению и также нуждающаяся в экспериментальной проработке, заключается в создании типологии личностей, различающихся уровнями познания других людей, характером отношения к этим людям, обращением с ними и

присущей каждому типу спецификой «сплава» отражения других людей, отношения к ним и обращения с ними.

Актуальной, но трудной задачей, также входящей в рассматриваемый перечень, является выяснение с общепсихологических позиций содержания, структуры, форм проявления у личности при ее реальном взаимодействии с людьми блока качеств, от которых зависят общая успешность ее общения и диапазон колебаний этой успешности в связи с изменениями в условиях общения.

41

Немаловажной задачей, помимо перечисленных, является выяснение роли других блоков свойств в структуре личности, а порой и отдельных черт в них, которые, по-разному в разных условиях сочетаясь с блоком коммуникативных черт личности, меняют ее характеристики как объекта и субъекта общения, более или менее сильно сказываются на протекании процессов познания ею других людей, на особенностях эмоционального отклика, который они по отношению к себе вызывают, и на ее обращении с ними.

Интересной общепсихологической задачей в названном перечне выступает сравнительное изучение характеристик познавательных процессов личности, ее эмоциональной сферы и ее поведения, когда объектами их оказываются человек, с одной стороны, и любой другой элемент действительности — с другой. Повседневные наблюдения, а также факты, полученные в ряде исследований⁵, свидетельствуют, что поставленная задача актуальна и на нее надо искать ответ.

Можно назвать целый ряд более частных проблем и задач, решение которых, осуществленное в рамках общей психологии, объяснит на научном уровне отдельные феномены, наблюдаемые в реальном общении людей, а также сделает понятными причины, эти феномены порождающие.

Так, нуждаются в изучении основные составляющие интеллекта человека — внимание, восприятие, память, мышление, воображение, — когда объектом их оказываются другие люди, с которыми человек вступает в общение. И, очевидно, исследовать характеристики этих психических процессов, выражающие степень их продуктивности и специфику функционирования, прежде всего следует, имея в виду решение таких задач человеком, которые обычны для общения и которые, например, требуют от него определять по мимике и пантомимике состояние других людей⁶, прогнозировать на основе особенностей внешнего облика и поведения их возможности, в частности большую или меньшую податливость на те или иные виды воздействий, самочувствие в результате

42

этих воздействий, способ поведения, который они изберут в ответ на них, и т. п.

Столь же необходимо последовательное расширение объема и углубление содержания исследований, рассчитанных на всестороннее раскрытие общепсихологических закономерностей формирования у личности в процессе общения восприятия людей, которые также вовлечены в этот процесс и непосредственно контактируют с нею, и выяснение меры влияния различных факторов, в частности пространства и времени, на восприятие этой личностью других людей⁷.

Еще большего внимания требует изучение процессов памяти человека, когда она также оказывается обращенной на других людей. Что личность лучше запечатлевает в других людях, насколько долго хранит это запечатленное и как воссоздает и использует в последующем общении с людьми — получение ответа на эти вопросы также значимо для прояснения психологической стороны процесса общения⁸.

В капитальной экспериментальной разработке в связи с проблемой общения нуждается и мыслительная деятельность личности, когда она оказывается направленной на других людей. Подавляющее число исследований, выполняемых сейчас в этой области, нацелено на прослеживание закономерностей формирования понятия о личности человека у контактирующих с ним людей. И пока почти совершенно остается вне поля зрения ученых огромный массив феноменов, характеризующих непосредственно сам процесс мыслительной деятельности людей в ходе их общения, динамику его составляющих, детерминированность каждой из них и всего мышления в этом общении специфической системой объективных и субъективных факторов⁹.

О таком же целенаправленном разворачивании исследований приходится говорить и по отношению к процессу воображения, когда оно анализируется в контексте

43

общения человека с другими людьми¹⁰. Воображение, по всем данным, в общении каждой личности с другими людьми играет очень значительную роль. Вообразить себя на месте другого, увидеть себя самого глазами другого, представить себе мысли, чувства, поведение другого при изменении цели общения, появлении в нем новых участников и т. п. — это только малая часть феноменов, иллюстрирующих деятельность воображения в общении людей. Выяснить уровни продуктивности этой деятельности, формы проявления, условия, их определяющие, — это тоже задачи, решение которых входит в компетенцию специалистов по общей психологии, занимающихся научным освещением проблем общения.

Поскольку внимание, восприятие, память, мышление, воображение личности в ходе ее общения с другими людьми образуют сложные симптомокомплексы, перед исследователями личности, когда она проявляет себя как объект и субъект общения, встает еще одна, методически нелегко поддающаяся решению задача: помимо прослеживания парциальных характеристик этих процессов и каждого из этих процессов в целом необходимо исследовать их работу «по обслуживанию» общения человека во взаимосвязях друг с другом и показать их как функционирование целостно понимаемого интеллекта человека со всеми обуславливающими своеобразие этого функционирования причинно-следственными зависимостями в условиях общения.

Фундаментальную задачу, решение которой прояснит многое в феноменологии, закономерностях и механизмах общения, пока еще психологической науке неизвестных, представляет освещение во всех его связях и опосредствованиях аффективного компонента в общении, являющегося, по мысли В. Н. Мясищева, ядром в отношении личности к тем людям, с которыми ей по разным поводам повседневно приходится взаимодействовать. Однако названное освещение вовсе не означает выяснения одной лишь роли переживаний, возникающих у личности в общении с другими людьми, в формировании у нее мнения об этих людях, в, так сказать, расстановке акцентов в содержании формирующихся у нее образов этих людей и в производимой ею психологической интерпретации их внутреннего мира. Это освещение обязательно предполагает вместе с тем выявление имеющейся

у личности способности к сопереживанию, прослеживание уровней ее сформированности, оценку особенностей ее направленности, широты, устойчивости и, разумеется, действенности ее проявлений, и, конечно, оно должно включать в себя полный и глубокий анализ факторов, которые определяют развитие у личности способности сопереживать другим людям, сочувствовать им и которые обуславливают степень выраженности у личности в ее реальном общении с людьми отдельных характеристик этой способности¹¹.

Отправляясь от всех этих проявляющихся в общении характеристик эмоциональной сферы личности, важно также (для более полного охвата проблемы) проследить их влияние на складывание типичного для личности стиля обращения с людьми, выработку привычных для нее способов поведения в различных ситуациях, которые так или иначе оказываются связанными с общением.

Ясно, что все сказанное выше не исключает и других направлений изучения обращения личности с людьми, с которыми она по разным поводам вступает в общение.

Что касается этого третьего, поведенческого компонента, то В. Н. Мясищев имел в виду не отдельные, частные акты поведения, а устойчивые формы обращения человека с человеком в процессе общения, формы речевого и неречевого поведения, вытекающие из определенного понимания человека человеком и постоянно используемые им в своем повседневном общении.

Таким образом, если иметь в виду и эту мысль В. Н. Мясищева, то, изучая обращение человека с человеком, следует выделить и описать основные типы такого обращения, установить психологический подтекст каждого из них и проследить связи каждого из этих типов с теми образованиями в личности, которые обуславливают их главные характеристики¹².

Заключая формулирование задач, которые надо решить, чтобы подняться в общепсихологическом понимании общения на более высокий уровень, используя для этого путь исследования, предложенный В. Н. Мясищевым, следует подчеркнуть следующие принципиальные моменты.

Как известно, общение представляет собой, как правило, такое взаимодействие людей, в котором каждый из участников этого взаимодействия, побуждаемый более или менее осознаваемыми им мотивами, реализует определенные цели, например стремится в чем-то убедить тех, к кому он обращается, показать им свое отношение к какому-то факту, событию, лицу или узнать от них что-то, ему ранее неизвестное, и т. д. Но люди могут вступать друг с другом в общение и для совместного выполнения какого-то вида деятельности, требующего от них сотрудничества, — вместе играть, мастерить вещь, решать теоретическую задачу и т. п. Во всех этих случаях цели и мотивы деятельности, в которой как обязательное условие ее выполнения присутствует общение, способы осуществления, которых должны придерживаться ее участники, всегда актуализируют в психике каждого человека, вовлеченного в нее, новые по сравнению с «чистым» общением характеристики. Однако во всех подобных случаях по ходу общения, в процессе выполнения той или иной деятельности все равно будет возникать познание каждой личностью всех других участников, проявляться и изменяться отношение ее к ним и будет иметь место обращение ее с ними, т. е. будут присутствовать все те компоненты,

которые характеризуют, по В. Н. Мясищеву, общение вообще. Деятельность только наложит на них свою печать, и роль их усложнится. Они приобретут значение одного из важных условий успешного выполнения совместной деятельности.

Установление общих закономерностей влияния деятельности на характер всех компонентов общения — это тоже задача общей психологии.

Наконец, поскольку общение — это всегда взаимодействие людей (двух, трех и больше), то, естественно, изучение его должно включать в себя не только исследование того, как у каждого из его участников работает интеллект во время «чистого» общения или «сопряжения» его с другой деятельностью, как функционирует у каждого из них эмоциональная сфера и каким оказывается поведение, так сказать, вообще, в типичных

46

ситуациях общения, которые, кстати, тоже должны быть выявлены и описаны общей психологией, но это изучение еще со всей полнотой и научной строгостью должно ответить на вопросы: каким образом, когда и почему по ходу развертывающегося взаимодействия людей — взаимодействия интеллектов, чувств, воли людей, проявляющихся в речевых и неречевых формах их поведения, — происходят изменения в их познавательных процессах, в их переживаниях, в их обращении друг с другом и в характере вклада каждого из них в выполняемую ими совместную деятельность и в чем — в каких, конкретно, характеристиках психики эти изменения выражаются.

Ясно, что исследования общения, проводимые в этом последнем направлении, не должны оставаться на уровне индивидуально-психологических разработок, хотя, конечно, и такой уровень имеет значение для науки и практики. Эти исследования должны представлять собой строго продуманную систему, и с самого начала их надо нацеливать на обобщения, в которых заинтересована общая психология, и делаться они должны с ее позиций.

В возрастной психологии, если исходить из положений, сформулированных В. Н. Мясищевым в связи с задачей всестороннего изучения общения, также четко просматривается ряд направлений развертывания исследований в этой области. Это прежде всего прослеживание, но теперь уже с учетом возраста общающихся, всех трех феноменов и зависимостей между ними, которые были названы выше.

Накопленные к настоящему времени данные, к сожалению, по своему объему еще очень скромные, ярко показывают, как с возрастом изменяется восприятие человеком других людей и перестраивается характер осуществляемой им психологической интерпретации внутреннего мира этих людей¹³. Имеются и исследования, где рассматриваются некоторые из зависимостей, связывающих особенности отражения личностью, входящей в строго определенную возрастную группу, знакомых и незнакомых ей людей, с ее отношением к ним и избираемыми личностью формами обращения с этими людьми. Есть, наконец, в возрастной психологии и работы, в которых раскрыт ряд соотношений между

47

характеристиками познавательных процессов человека — главным образом, восприятия и понимания, когда они направлены на других людей, — с особенностями его мотивационно-потребностной сферы. Однако все эти исследования, осуществляющие анализ различных параметров общения с позиций возрастной психологии, не

представляют пока строгой системы, а носят, скорее, форму психологической проверки возможности изучения с учетом возраста человека отдельных сторон познавательных его процессов, проявлений его эмоционального мира и поведения и некоторых их взаимосвязей, когда объектом для них оказывается другой человек.

И если все исследования общения, выполненные в возрастной психологии по проблематике общения, оценивать в целом, то пока можно сказать только одно: к настоящему времени они освещают лишь самую малую часть характеристик человека, когда он выступает в роли объекта и субъекта общения, с учетом его возраста. Далеко не охватывая всей связанной с возрастом человека специфики феноменологии, закономерностей и механизмов функционирования его психики, когда ему приходится быть в роли объекта и субъекта общения, эти исследования к тому же намного чаще выполнялись и выполняются в младших возрастных группах, включая второй период юности, чем в старших¹⁴.

Не развернуты сейчас и охватывающие все возрастные ступени развития человека циклы исследований, которые последовательно учитывали бы различия в общении человека с людьми из одной с ним возрастной группы и с людьми из других возрастных групп. К сожалению, с большой долей неудовлетворенности приходится пока оценивать научные разработки, которые принимали бы во внимание не только фактор возраста общающихся, но их половую принадлежность. И это, несмотря на то, что полученные в ряде исследований факты заставляют предполагать в когнитивном, аффективном и конативном компонентах общения мужчин и женщин

48

наряду с чертами сходства наличие и некоторых различий, которые во всех возрастных группах имеют свою специфику.

Большой спектр проблем психологии общения, если их разрабатывать исходя из положений, сформулированных В. Н. Мясищевым, ждет исследователей и в педагогической психологии.

Хотя формирование человека как объекта и субъекта общения самым тесным образом связано с развитием всех других сторон его личности (в условиях нашей страны прежде всего с воспитанием коллективистической направленности), однако оно всегда имеет и свои оригинальные аспекты. Так, представляется чрезвычайно важным выяснение условий воспитания в личности устойчивого и глубокого интереса к людям, проявляемого ею не в абстрактной форме, а повседневно и постоянно по отношению к каждому человеку, с которым ей приходится вступать в общение.

Столь же значимым оказывается и психологически хорошо обоснованное создание системы работы с личностью, позволяющей развивать у нее такие характеристики внимания, восприятия, памяти, мышления, воображения, которые ей нужны для понимания состояния другого человека, постижения его личностной сути и, стало быть, для последующего успешного общения с этим человеком.

Не менее актуальной выступает в рассматриваемом контексте и научная разработка условий формирования у личности устойчивой способности сопереживать и сочувствовать другим людям и затем выбирать и реализовывать в своем поведении не расходящиеся с требованиями морали и в то же время учитывающие психологические особенности людей, с которыми человек общается, способы обращения с каждым из них.

Вместе с тем из многих исследований явствует, что одним из условий проявления способности, которая здесь имеется в виду, является и высокая степень развития у общающейся личности потребности и умения адекватно оценивать себя в общении с другими людьми и улавливать во всей его многоплановости характер психологической реакции на самого себя, со стороны этих людей. Из сказанного следует, что в ближайшее время предстоит расширить и усилить внимание и к системе факторов, от которых зависит воспитание у человека потребности в общей оценке своего поведения при общении с другими людьми и умения вносить в это поведение коррективы.

49

Сейчас, откликаясь на требование общества увеличить участие психологии в решении практических задач, отечественные психологи, работающие в ряде научных центров страны, активно нащупывают пути обучения людей, особенно тех, чьей профессиональной обязанностью является повседневная работа с человеком, психологически грамотному общению¹⁵. Первые успехи в этом непростом деле налицо. Их следует теоретически осмыслить и все полезное из накопленного предать гласности как первый отчет психологов о результатах решения ими крайне значимой в практическом отношении проблемы — воспитания у личности умения общаться на психологически оптимальном уровне, принимая во внимание и возраст человека, и его пол, профессию, официальное и неофициальное положение в коллективах, членом которых он является, и еще ряд других факторов.

Большое поле для работы по изучению общения в свете идей, высказанных по этому поводу В. Н. Мясищевым, открывается в области социальной психологии.

К настоящему времени уже многими исследователями доказана обусловленность формирования ряда и более простых, и более сложных образований в личности характером воздействий той общности людей, в которую эта личность входит¹⁶.

Естественно предположить, что и отражение личностью других людей в форме образов восприятия, представлений памяти, понимания направленности, способностей и характера каждого из этих людей должно испытывать влияние общностей, членом которых эта

50

личность была в прошлом или состоит сейчас — школьного класса, студенческой группы, рабочей бригады, спортивной команды, семьи и т. п. Общность, в которую входит личность, не может не оказывать определенного влияния и на отношение этой личности к людям и прежде всего к другим членам общности, и на обращение ее с ними. И в самом деле, исследования, осуществленные сейчас в ряде научных коллективов, очень убедительно доказывают, что общность складывающимися в ней нормами поведения, утверждающимися в ней требованиями к людям воздействует на формирование оценочных эталонов у своих членов, которые каждый из них затем начинает прилагать и к себе, и к другим членам общности, а нередко и к людям за пределами этой общности.

Одновременно часть этих исследований раскрывает неодинаковую податливость членов общности к принятию существа этих эталонов, зависящую от положения личности в неофициальной структуре общности (например, лидер ли она в общности или находится в числе отвергаемых и т. д.), а также от связанного с этим положением общего отношения, которое успело выработаться у личности к этой общности.

Продолжающие это направление работы¹⁷ пробуют теперь рассмотреть во всей их сложности взаимосвязи психологических характеристик деятельности, которую выполняют люди, и характеристик общности, которую они при этом образуют, и проследить результаты совокупного действия этих характеристик на целый ряд личностных параметров членов этих общностей и, в частности, на формирующиеся у них оценочные эталоны, на широту и устойчивость их использования.

Подчеркивая научную перспективность всех этих работ и их несомненное значение для понимания путей и механизмов, с помощью которых непосредственное окружение личности воздействует на развитие у нее особенностей, дающих себя знать в общении, надо, видимо, поставить еще несколько вопросов, на которые должна ответить социальная психология, чтобы ее вклад в разработку

51

психологии общения стал бы еще более весомым¹⁸.

Очевидно, что безоговорочное принятие личностью выработавшихся в группе требований к людям, формирование на этой основе ее собственных оценочных эталонов и стандартов поведения и использование их не только в рамках общности, но и повсюду, или, так сказать, полупринятие этих требований и связанное с ним сосуществование в сознании личности противоречащих друг другу эталонов и способов обращения с представителями одних и тех же типов личности или отдельных людей, или, наконец, полное отрицание этих требований и, стало быть, отсутствие в сознании личности эталонов и способов обращения, сформировавшихся под воздействием этой общности, — все это должно рассматриваться не только как следствие того или иного положения личности в общности, или ее стажа пребывания в ней, или сформированности самой общности как коллектива. В подобных случаях во внимание, по всем данным, не в меньшей мере должны приниматься степень и направление развития самой личности в целом и, в частности, воспитанности в ней характеристик, через которые и в которых она проявляет себя и как объект, и как субъект общения. И столь же большое значение должно придаваться выяснению степени рассогласования между требованиями, которые успели воплотиться в этих характеристиках, и требованиями общности, членом которой стала личность.

Столь же актуальным с позиций социальной психологии является изучение различных общностей — учебных, производственных, спортивных, семейных и иных — с целью выявления, обобщения и систематизации параметров их бытия — характера общественного мнения, эмоционального климата, взаимоотношений и других наличие которых необходимо, чтобы у личности, входящей в общность, в ее познавательной, эмоциональной и волевой сферах и во всем ее психическом складе воспитывались особенности и черты, благоприятствующие ее общению с самыми разными людьми. Так, немаловажной задачей, которую должна решить социальная психология, является прослеживание условий, обеспечивающих или, наоборот, затрудняющих проявление и

52

закрепление в личности через общность, в которую она входит, высоких уровней способности к сопереживанию, актуализирующейся не по отношению лишь к отдельным лицам, а по отношению ко всем людям труда, нуждающимся в помощи и поддержке.

И еще: социальные психологи в последнее время проявляют все больший интерес к поиску причин, порождающих так называемые стереотипы в сознании людей, используемые ими при раскрытии внутреннего мира другого человека, при определении и передаче личностной сути этого человека. И в ряду этих причин психологами выявлена громадная роль общности, к которой принадлежит человек, в формировании у него стереотипов, на которые он опирается в своем общении с другими людьми¹⁹.

Не отвергая научного значения указанного направления исследований, очевидно, важно одновременно развивать и другое направление: изучать условия, которые должна нести в себе общность, чтобы личность, формируемая в ней, не застревала на ступени стереотипного, шаблонного «психологического отклика» на людей при общении с ними, а постоянно хотела бы и умела вносить поправки в этот «отклик» — в свое понимание другого человека, отношение к нему, обращение, с ним, учитывая индивидуальное своеобразие того, с кем ей сейчас приходится общаться.

Решение этой трудной воспитательной задачи может быть достигнуто, конечно, лишь на путях соучастия в поисках этого решения ряда психологических дисциплин, в частности возрастной, педагогической и дифференциальной психологии, но свой вклад в него обязательно должна внести и социальная психология.

Определенное направление в освещении проблем общения и личности в общении в свете идей В. Н. Мясищева может быть намечено и для психологии труда.

Сравнение различных видов трудовой деятельности позволяет увидеть, что в одних из них главным объектом воздействия со стороны участвующей в ней личности оказывается природа, в других — техника, в третьих — знаковые системы, в четвертых — художественные образы, в пятых — человек. Естественно, что каждый из этих видов деятельности в соответствии с присущей ему спецификой быстрее выявляет, развивает и закрепляет те

53

свойства личности, которые помогают ей успешно участвовать в этом виде деятельности, и, соответственно, у нее формируется склонность, не всегда ею осознаваемая, эти значимые для ее деятельности свойства прежде всего фиксировать и в других людях и на них давать эмоциональную реакцию²⁰.

В то же время другие стороны в психическом складе человека личность может отмечать слабее и оценивать их роль и место в нем не вполне адекватно. Чтобы выявить возможные в жизни деформации в понимании личности других людей, являющиеся следствием узости взгляда на этих людей, вытекающего из специфики профессии человека и связанного с ней накапливаемого опыта общения, нужны специальные исследования. Как, впрочем, нужны и особые разработки, нацеленные на поиск путей предотвращения такой деформации.

Большое значение имеет в связи с этим выявление особенностей представлений о специалистах, складывающихся в обыденном сознании лиц, получивших ту или иную профессию, изучение оценочных шкал, которые у этих лиц возникают в ходе работы по профессии и которые они начинают прилагать к людям, их окружающим. Интересно также проанализировать изменения в этих шкалах, которые являются следствием обогащения профессионального опыта человека.

Особой задачей в психологии труда, решение которой также имеет непосредственный выход в психологию общения, является и выяснение стереотипных представлений, ассоциирующихся у личности с каждой из известных ей профессий, и ее мнения о людях этих профессий, а также выявление степени престижности этих профессий в глазах личности.

Самостоятельное направление изучения психологии общения в трудовой деятельности, осуществляемое с позиций трактовки общения, предложенной В. Н. Мясищевым,

54

представляет освещение особенностей познавательных процессов, эмоциональных переживаний, поведения людей, проявляемых ими по отношению друг к другу, когда эти люди заняты коллективной деятельностью и выполняют в ней несовпадающие профессиональные роли.

Свой круг задач по освещению различных аспектов общения, исходя из представлений В. Н. Мясищева об этом процессе, может быть очерчен и в психологии управления.

Одним из условий успешности осуществления управленческих функций руководителем, как известно, является знание и понимание подчиненных ему людей и умение выбирать по отношению к каждому из них способ обращения, который мобилизовал бы на работу в полной мере по его способностям и вместе с тем создавал бы хороший эмоциональный настрой.

Чтобы психология по-настоящему могла помочь руководителям разных уровней превратиться в знатоков психологии подчиненных, она должна осуществить цикл исследований, направленных на выяснение характеристик личности, проявляющихся у нее прежде всего в зависимости от места, занимаемого ею в официальной структуре организации. Эти исследования должны прояснить и вопрос о том, как эта личность, исходя из прав и обязанностей, связанных с ее официальной ролью, отражает всех тех, кто по своему служебному положению выше ее, ниже ее и на том же уровне, что и она сама, как она относится к ним и как эти различия в служебных статусах влияют на ее обращение с людьми.

Ясно, что для создания объективной типологии характера общения членов организации, связанной с их официальными статусами, необходимо также определить, как и в чем осложняют это общение факторы, связанные с положением каждого члена в неофициальной структуре этой организации, с его индивидуальным социально-психологическим статусом в ней как в коллективе. И, очевидно, в психологии управления должна появиться достаточно ясная картина того, как влияют на названный симптомокомплекс психологических характеристик человека, проявляющихся у него в связи с положением, занимаемым им в официальной структуре организации, свойства, доминирующие в его личности. Решение последней задачи потребует участия в ней специалистов по общей психологии, которые должны, наконец,

55

продвинуть вперед много лет буксующую на месте разработку типологии личности²¹.

Столь же необходимо для оптимизации практики управления проведение специальных исследований, выясняющих эффект воздействия на познавательную, эмоциональную и волевую сферы подчиненных личности руководителя.

Поставленные в последние годы эксперименты показывают, что любая личность своим внешним и внутренним обликом, проявляющимся в ее поведении, производит неоднозначное по психологическим последствиям воздействие на каждого из тех, кому это воздействие адресовано. Развивая эти исследования применительно к задачам психологии управления, надо проанализировать характер психологических реакций (имея в виду все их аспекты), как разовых, так и постоянных, возникающих у подчиненных, относящихся к разным типам личности, на одни и те же или разные стили поведения и способы работы с подчиненными, практикуемые руководителями, представляющими также разные типы личности.

Как продолжение этих исследований надо осуществить выявление, систематизацию и обобщение типичных ошибок, допускаемых руководителями в общении с подчиненными, проанализировать причины их возникновения и показать психологические последствия каждой из таких ошибок.

Представляется, что это направление освещения феноменологии и закономерностей общения в управленческой сфере должно быть также ориентировано на психологическое обоснование и разработку инструментов воздействия руководителя на подчиненных, дающих наибольший производственный и воспитательный эффект в жизни работающего коллектива.

Интересно и с пользой не только для психологии, но и для педагогики эстетического воспитания принцип трактовки общения, предложенный В. Н. Мясичевым, может быть реализован в психологии искусства.

Восприятие и понимание людьми, относящимися к различным возрастным, половым и профессиональным группам, персонажей спектакля или фильма, созданных конкретными актерами, различия в отношении, которое эти персонажи вызывают к себе у зрителей

56

представляющих определенные социальные общности, — это проблемы, которые поддаются освещению в предложенном выше аспекте. Разумеется, проведение исследований в предложенном аспекте потребует и следующего шага — прослеживания причинно-следственных зависимостей, обуславливающих эти различия²².

Эту же методическую схему изучения особенностей восприятия и переживаний, которые в процессе его возникают, а также факторов, которые появление этих особенностей детерминируют, как показывают результаты уже проведенных исследований, можно успешно использовать при выяснении впечатления, которое производит на зрителя человек, изображенный на портрете, или которое вызывает у читателя тот или иной герой художественного произведения²³.

Сформулированные задачи можно также «привязывать» уже не к зрителю или читателю, воспринимающим персонаж спектакля, кинофильма, живописного полотна или книги, а к авторам этого персонажа — актеру, художнику, писателю — и выяснять, как они прогнозируют восприятие своих героев зрителем или читателем и какие переживания, им кажется, у последних по поводу этих героев должны возникнуть. Конечно, зритель или

читатель в этом случае должен быть не средним, не абстрактным, а имеющим определенный возраст, пол, профессию, образовательно-культурный уровень, социальную принадлежность.

Научные факты, накапливаемые в работах указанного плана, хорошо помогают ответить на вопрос, имеющий четко просматриваемое практическое значение, — более определенно сказать, каким должен быть внешний и внутренний облик человека и как этот человек должен себя вести, выступая в конкретной социальной роли, чтобы вызывать желательную реакцию со стороны воспринимающих его лиц, социальные и психологические характеристики которых заранее известны.

57

В этнической психологии может быть также сформулирован ряд задач, решение которых в соответствии с концепцией понимания общения, намеченной В. Н. Мясищевым, без сомнения, обогатит эту область психологии.

Как люди, входящие в одну этническую общность, воспринимают человека из другой этнической общности, какие представления у них при этом актуализируются, какое отношение возникает и какие новые черты появляются в их поведении при встрече с ним — психологи должны получить ответы на эти вопросы. В условиях увеличения сотрудничества лиц разных национальностей и непрерывно развивающихся международных связей они будут иметь совершенно очевидное прикладное значение.

Естественно, что при научной разработке сформулированных выше вопросов надо обращать внимание на зависимости, связывающие содержание стереотипов, актуализирующихся при встречах представителей разных этнических общностей, с историей развития взаимоотношений этих общностей в прошлом, с богатством и широтой этих взаимоотношений и, конечно, с их характером. Нельзя упускать из виду при этом и социальную принадлежность представителей различных этнических общностей, когда мы пытаемся проникнуть в формирующиеся у них в ходе этих контактов образы друг друга, особенности «прочтения» личности, устанавливающиеся отношения, потому что с социальным положением человека обычно коррелирует определенное содержание оценочных эталонов, его личностных установок, накладывающих свой отпечаток как на «отражение» человеком людей из других этнических общностей, так и на проявляющееся к ним отношение.

Проводя эти исследования²⁴, также нельзя не принимать во внимание, эпизодичны или постоянны контакты представителей различных этнических общностей, их продолжительность и содержание, потому что при отсутствии длительных и по содержанию многоплановых личных контактов у представителей различных этнических

58

общностей при оценивании ими друг друга большое значение приобретают стереотипы, которые они заимствуют из чужого опыта.

Идеи, сформулированные В. Н. Мясищевым при определении подхода к изучению общения, могут быть полезными при создании одного из больших самостоятельных разделов в исторической психологии.

Образ человека, понимание его личности, отношение, которое он к себе вызывает, обращение с ним у людей, относящихся к различным поколениям, живущих в различных общественно-исторических условиях и в разные исторические эпохи, представляющих различные общественные классы, наряду с чертами сходства всегда несут в себе и отличия. Да иначе и не может быть: изменяется общественное бытие — происходят изменения в общественном сознании. Эти изменения вызывают перемены и в индивидуальном сознании.

Особенно эти перемены становятся заметными при переходе от общества с частной собственностью на средства производства к обществу, в котором институт частной собственности ликвидирован и все природные и социальные богатства являются общим достоянием народа. Утверждение новой морали, сутью которой в межлюдских отношениях выступает принцип «человек человеку — друг, товарищ и брат», не может не привести к такой перестройке системы ценностей у человека, когда в центре ее оказываются не его собственное «я», а другие люди.

Конкретным следствием такой перестройки выступает проявление у человека в общении с другими людьми постоянного интереса к людям, способности сочувствовать им, помогать в трудную минуту. Эти изменения в мотивационно-потребностной сфере в свою очередь сказываются на многих характеристиках познавательных процессов человека, проявляющихся у него в общении, на переживаниях его при этом, на его обращении с людьми во время общения.

Подход к изучению общения, предложенный В. Н. Мясищевым, позволяет развернуть исследования, которые своими результатами могут значительно обогатить и медицинскую психологию.

Восприятие и понимание врачом больного, классификации типов больных, учитывающие своеобразие их личности, которые формируются у врача в опыте общения с больными, особенности врачебной интуиции, проявляющейся в способности врача поставить себя на

59

место больного и увидеть болезнь его глазами, а также почувствовать его состояние, — разработка этих вопросов имеет не только теоретическое значение, но и представляет ценность для практики, потому что следствием ее явится улучшение психотерапевтической стороны лечения больного и, кроме того, полученные в ходе этой разработки знания помогут усовершенствовать подготовку и воспитание будущего врача.

Существенное значение в дальнейшем освещении проблем психологии общения врача и больного будет иметь и накопление научных фактов, раскрывающих психологию больного в его взаимоотношениях с врачом — его восприятие и понимание врача, вызываемые манерой обращения врача эмоциональные переживания, основания, на которых возникает убеждение в его высокой компетентности и готовность безоговорочно следовать его предписаниям. Самой положительной поддержкой поэтому заслуживают предпринятые в советской психологии в последние годы попытки экспериментальной проработки проблем социально-психологической совместимости врача и больного, выявившие различие в эталонах авторитетного врача у больных, отличающихся друг от друга рядом существенных личностных параметров — тревожностью, ригидностью и др.25.

Интересной задачей, которую надо решить в медицинской психологии, исследуя общение, является изучение особенностей познавательных процессов больного, его отношений и его обращения, когда они направлены на других больных, вместе с которыми он находится на излечении в палате больницы. Эти особенности, за которыми всегда стоит личность больного, в конечном счете влияют на социально-психологический климат, который устанавливается в палате и, стало быть, на психическое самочувствие каждого больного в этой палате.

Актуальным направлением освещения проблем общения в медицинской психологии выступает изучение восприятия других людей, отношения к ним и обращения с ними у человека, у которого есть большие или меньшие отклонения от нормы в его физической

60

наружности, являющиеся следствием перенесенной болезни, неправильного развития до рождения, травм и т. д. Отдельные исследования, в которых в последние годы психологи пытались дать ответ на эти вопросы, показали, что психологический комплекс неполноценности, формирующийся у людей с действительной или внушенной физической ненормальностью, сказывается не только на их познавательных процессах, переживаниях, поведении, когда они возникают по поводу самих этих людей. Они в столь же явной степени накладывают печать на познание, отношение и поведение этих людей, когда они направлены и на тех лиц из их окружения, с которыми они повседневно общаются и которые в их глазах являются нормальными.

В чем конкретно выражается своеобразие, характеризующее познавательную, эмоциональную и волевою сферы людей с физическими недостатками, когда они общаются с другими людьми, как зависят особенности, выражающие это своеобразие, от возраста человека, его пола, вида его профессионального труда, как влияет на это своеобразие характер самого физического недостатка; с помощью каких мер следует уменьшать действие «комплекса физической неполноценности» на весь психический мир человека, имеющего отклонение от нормы в своем физическом облике, — получить ответы на эти вопросы одна из задач медицинской психологии.

Специальное направление в изучении общения с позиций, предложенных В. Н. Мясищевым, составляет выявление особенностей познания других людей, отношения к ним, обращения и их взаимосвязей у лиц, страдающих различными нервно-психическими расстройствами. Обнаруженные в таком изучении особенности внимания, восприятия, памяти, воображения, мышления, характера переживаний, возникающих у человека по поводу других людей, устанавливающейся у него манеры обращения с этими людьми могут играть роль дополнительного звена в диагностировании заболевания.

Свое определенное место в рассматриваемом цикле исследований должны занять также работы, выясняющие характеристики познания, чувств, воли, всего поведения, когда они направлены на других людей у человека, у которого отмечается та или иная степень умственной отсталости. Знание этих характеристик необходимо, чтобы через общение психологически более оптимально организовывать учебно-воспитательную работу с этой категорией людей.

61

В заключение следует коснуться еще одной проблемы общения, которая прямо относится к компетенции медицинской психологии и разрешение которой вполне

укладывается в исследовательскую схему, предложенную В. Н. Мясищевым. Речь идет о выяснении причин психотерапевтического воздействия на личность специально подбираемой для оказания такого воздействия группы, в которую включается эта личность. Хотя работ, описывающих большие или меньшие изменения в познавательной, эмоциональной и волевой сферах личности, когда они обращены на других людей и на ее самое в результате ее участия в дискуссиях, которые ведет группа под руководством специалиста в области групповой психотерапии, к настоящему времени опубликовано немало, однако все они пока научно уязвимы из-за того, что причинно-следственные зависимости изменений, наблюдаемых в личности с той или иной мерой активности ее проявлений, в жизни группы не прослеживаются в достаточно строгой системе.

Мы рассмотрели представляющиеся нам основными направления возможной реализации идей В. Н. Мясищева при исследовании общения и личности в общении в различных областях психологической науки. Выполненные к настоящему времени разработки, в основу которых была положена логика изучения общения, предложенная В. Н. Мясищевым, обогатили психологическую науку фактами, расширившими и углубившими имевшееся в ней понимание феноменов, закономерностей и механизмов общения. И новые исследования, осуществляемые в соответствии с этой логикой, без сомнения, будут развивать дальше систему научных знаний, отражающих существо характеристики межличностного общения в разных обстоятельствах жизни людей.

Однако следует со всей силой подчеркнуть, что лишь один путь изучения общения, предложенный В. Н. Мясищевым, несмотря на всю его перспективность, конечно, не может дать освещение общения во всех его связях и опосредствованиях. Исследование межличностного взаимодействия людей, каковым общение является, из-за огромной сложности его как объекта исследования,

62

предполагает методологически и теоретически хорошо подготовленный синтез самых разных научных подходов, требует объединения усилий ученых, представляющих разные научные направления.

Думается, что развернувшиеся сейчас в научных центрах нашей страны теоретическая разработка и экспериментальное решение проблем общения, возникающих на стыках философии и общей психологии (Б. Ф. Ломов и его ученики), общей и социальной психологии (Г. М. Андреева, А. В. Петровский и их ученики), общей психологии и психолингвистики (А. А. Леонтьев и его ученики), социальной и дифференциальной психологии (Н. Н. Обозов и его ученики), социальной и педагогической психологии (С. В. Кондратьева и ее ученики), педагогической психологии и педагогики (А. В. Мудрик и его ученики), являются хорошим подтверждением начавшегося комплексирования. Впредь, это совершенно очевидно, его надо последовательно развивать и укреплять.

63

О КАЧЕСТВАХ ЛИЧНОСТИ, НУЖНЫХ ДЛЯ УСПЕШНОГО ОБЩЕНИЯ*

Наверное, не надо тратить много слов на доказательство положения: чем бы ни был занят человек, какой бы профессией он ни обладал, он должен знать и понимать людей и уметь к каждому из них подойти.

Достижение такого понимания и овладение умением находить оптимальные способы общения, создающие у человека рабочий подъем, настраивающие его на мажорный лад, ведущие к развитию доброжелательного отношения к окружающим, — это дело не такое простое, как может показаться на первый взгляд.

Одним из условий получения именно такого результата является глубокое знание психологии другого человека — прежде всего его ценностных ориентаций, которые находят выражение в его идеалах, потребностях и интересах, в уровне его притязаний. Необходимо также и знание имеющегося у человека представления о себе, знание того, что человеку в самом себе нравится, что он себе приписывает, а против чего восстает.

Выдающийся учитель и замечательный воспитатель А. С. Макаренко многократно подчеркивал, что главным принципом, которым надо руководствоваться в деловом официальном общении, должно выступать положение: как можно больше требовательности к человеку и одновременно как можно больше уважения к нему.

Следование этому принципу в повседневных делах, связанных с организацией воздействий на людей, предполагает умение учитывать индивидуальное своеобразие каждого из этих людей. Вместе с тем индивидуальное своеобразие другого человека мы всегда будем

64

улавливать только случайно, если у нас отсутствуют качества, делающие нас знатоками других людей.

Главное, с чего начинается развитие названных качеств,— это формирование у человека такой направленности, при которой другие люди стояли бы не на периферии, а непременно в центре складывающейся у него системы ценностей. Что в этой системе будет на переднем плане — гипертрофированное «я» или «ты», — это оказывается вовсе не безразлично для проявления нашего умения глубоко проникать в другую личность и правильно строить с ней взаимоотношения.

Многие современники В. И. Ленина говорили, что он чувствовал бытие чужого «ты» так же сильно, как бытие своего «я». И это шло у него от полноты материалистического миропонимания, от глубокого и устойчивого интереса к людям.

Понимая значение развития направленности на других людей, необходимой для нормального общения в нашем обществе, выдающийся отечественный педагог В. А. Сухомлинский писал: «Умей чувствовать рядом с собой человека, умей понимать его душу, видеть в его глазах сложный духовный мир»¹.

Между тем факты показывают, что такое чувство чужого «ты» с той же силой, как чувство своего «я», имеет место не у всех людей. Так, например, петербургская исследовательница Н. В. Ревенко² установила, что у одной части руководителей различных предприятий направленность на людей сформирована весьма слабо, зато сильно развита направленность на технику, на продукцию, которую должно выпускать предприятие. У другой части их она, наоборот, обнаружила ярко выраженную направленность на других людей — на подчиненных или на вышестоящих начальников, а чаще — на тех и на других со всей сложностью их взаимоотношений — и сравнительно слабую направленность на техническую сторону деятельности предприятия, на его продукцию и экономику. И наконец, у третьей части руководителей она нашла одинаково

развитые до высокого уровня и направленность на людей, и направленность на технику, продукцию предприятия, на экономические показатели его деятельности. Руководители,

65

отнесенные к последней группе, наиболее успешно решали как чисто производственные задачи, так и задачи, связанные с необходимостью организации различных воспитательных воздействий по отношению к отдельным работникам предприятия.

Сформированная в личности направленность на человека способствует успешности общения, выбору наиболее соответствующих особенностям другого человека способов взаимодействия с ним, если в этой направленности проявляется отношение, которое порождает в личности ориентировку прежде всего на положительные качества в другом человеке. А такая ориентировка важна для общения, так как она способствует раскрытию личностного потенциала человека, с которым мы общаемся. А. М. Горький, имея в виду это значение направленности на человека, говорил, что в каждом человеке скрыт бубенчик и если его затронуть, человек зазвучит всем лучшим, что в нем есть.

К сожалению, у человека может быть устойчивая ориентированность и на отрицательное в других людях. Вспомним, например, такую колоритную фигуру из русской истории, как Иван Грозный, о котором историк В. О. Ключевский писал: «Он был восприимчивее к дурным, чем к добрым впечатлениям, он принадлежал к числу тех недобрых людей, которые скорее, охотнее замечают в других слабости и недостатки, чем дарования или добрые качества»³.

Помимо направленности на людей — своеобразной психологической «повернутости» к ним, человек, чтобы грамотно общаться, должен иметь в своем интеллекте, а также в своих эмоциональной и волевой сферах целый ряд характеристик, которые все вместе такое общение и обеспечивают. В интеллекте это относится буквально ко всем познавательным процессам, которые в него входят: и к вниманию, и к восприятию, и к памяти, и к мышлению, и к воображению.

Достаточно большой объем внимания, умение его распределять, высокая устойчивость его — эти качества внимания нужны человеку не только для предметно-практической деятельности, но прежде всего для успешного общения с другими людьми. А между тем и наблюдения, и данные экспериментов свидетельствуют о том, что у некоторых людей эти качества внимания сильно

66

дают себя знать при взаимодействии с миром вещей и слабо проявляются при взаимодействии с миром людей.

То же следует сказать и о таком важном для общения качестве восприятия, каким является наблюдательность человека. Мы очень отличаемся друг от друга по умению быть наблюдательными по отношению к окружающим нас людям, по способности фиксировать мельчайшие колебания в их внешнем поведении и заключать об истинном характере изменений в их настроении, отмечать мало заметные большинству из нас особенности поведения или внешнего облика и за ними видеть существенное в личности. И полностью прав известный журналист А. Ваксберг, когда пишет: «Многие люди поразительно слепы и, не тренируя свою наблюдательность, лишают себя возможности увидеть множество интересных вещей — в путешествиях, в общении с людьми, да и

просто в повседневной жизни. Как много, к примеру, могут сказать о человеке его манеры, его речь, его одежда и то, как он ест, и как он зевает, и как стрижется или бреется, и какова форма его ногтей, и каково происхождение пятнышка на его шляпе, и какими нитками пришиты пуговицы к его пиджаку, и на какую шутку он реагирует, а какую пропускает мимо ушей. Для того, кто умеет все это подмечать, сопоставлять, делать выводы, мир становится объемнее, полнее, красочнее, люди перестают быть случайными прохожими или попугайчиками — они открывают свои души»⁴.

Наша память, обращенная к другим людям, то, же условие нашего успешного общения с ними. Не перевирать их имена и отчества, помнить их лица, не забывать, что их выводит из себя, а что, наоборот, успокаивает, какие дни они особенно чтут, что каждый из них умеет и что не умеет, — в этом и во многом другом подобном проявляется такая память.

У каждого человека, и особенно если он руководитель, должна быть память на людей, особенно на хороших людей.

Современники Я. М. Свердлова, перечисляя качества, делавшие его ярчайшим организатором, указывают: «Каждого человека, который хоть раз у него побывал, Яков Михайлович запоминал навсегда, запоминал всего — с его характером, способностями, биографией, сильными и слабыми сторонами.

Как-то на прием пришел чуть сгорбленный человек с сильной проседью в густых темных волосах. Яков Михайлович в эту минуту

67

разговаривал по телефону. Положив трубку, он сказал: «Ну, слушаю тебя, Богдан!»

Посетитель с недоумением посмотрел на Свердлова: «Откуда Вы меня знаете? — Потом, взглядевшись, вскрикнул: «Товарищ Андрей! Ты?»

Оказалось, что он когда-то работал с Яковом Михайловичем на Урале, знал его под партийным именем «Андрей» и даже не подозревал, что этот «Андрей» и есть Свердлов. А Яков Михайлович знал и помнил о «Богдане» все — и где тот за эти годы работал, и где сел, и каким этапом шел, и где работает сейчас»⁵.

Важнейшим познавательным процессом, обслуживающим общение, является мышление человека. В данном случае речь идет о способности каждого из нас анализировать поступки человека и видеть за ними мотивы, которые руководят им, определять его поведение в различных ситуациях.

Очевидно, при таком проникновении во внутренний мир других людей большое значение имеет интуиция — постижение особенностей, характеризующих личность другого человека, путем непосредственного их усмотрения, без обоснования с помощью доказательств. Осмысление данных восприятия осуществляется у познающего другого человека субъекта в этих случаях путем мгновенного обобщения в виде мысленного замыкания непосредственно от исходных данных к результату; у него происходит быстрая мобилизация прошлого опыта на постижение сути какого-либо поступка, факта поведения или всей личности другого человека. Изощенный громадным опытом глаз мудрого педагога без рассуждений, по незначительным признакам схватывает характер переживаемого состояния учеником и причастность или непричастность этого ученика к какому-то событию, которое произошло в классе. Опытный руководитель по небольшому числу фактов поведения другого человека мгновенно решает, к какому типу личности этот человек относится, а потом уже обосновывает правильность своего «чутья».

Что такое интуиция в общении, очень ярко показывает в своих воспоминаниях генерал юстиции П. А. Доленко, наблюдавший ее у знаменитого нашего флотоводца — адмирала И. С. Исакова.

Шла война. Трибунал за грубое дисциплинарное нарушение должен был судить юношу-матроса. Его поступок в той конкретной ситуации заслуживал самого строгого наказания. Однако матрос написал рапорт адмиралу с просьбой пощадить его.

«...При всей нечеловеческой загруженности, проводя бессонные

68

ночи на самых опасных участках фронта, Исаков потребовал дело матроса, ознакомился с ним и велел привести парня к нему... Когда матроса после встречи увели, адмирал сказал: «По закону военного времени его следует судить и судить со всей строгостью, генерал. Но попробуйте помочь. Юноша с такими глазами не может быть злостным нарушителем дисциплины. Это подсказывает интуиция... Знаю, что Вам не до него. Все же не теряйте молодого человека из виду».

Матрос был наказан, но без тюремного заключения... Я время от времени просил докладывать о поведении матроса. Командир тепло отзывался о нем. Парень дважды был ранен, награжден пятью орденами, в том числе Красного Знамени, Красной Звезды. Прошли годы. Матрос после окончания высшего учебного заведения пошел в науку. Теперь он доктор биологических наук, недавно выступил с серьезным исследованием о перспективах развития подводной физиологии. Читая работу Дмитрия Новоселова — Димы, я то и дело вспоминаю слова Исакова, сказанные мне в трагические дни лета 1942 года: «Вы иногда верьте в интуицию»б.

Чтобы хорошо общаться с другими людьми, мы должны развивать у себя и воображение. Воображение в этом случае проявляется в нашем умении ставить себя на место другого человека и видеть мир, работу, нас, все происходящее его глазами.

Развитием такого умения мы также сильно отличаемся друг от друга. И жизнь свидетельствует, что порой даже у лиц, достаточно интеллектуально развитых и легко вступающих в контакт с другими людьми, воображение при взаимодействии с ними может работать недостаточно контекстно и очень не точно воссоздавать их переживания, намерения, ход мысли. А в самых крайних случаях человек с неразвитым социальным воображением вообще просто-напросто приписывает свои собственные состояния, свои намерения и мысли другим людям.

И в то же время встречаются люди, обладающие ярко выраженной способностью проникать во внутренний мир другого человека, ставить себя на его место, «влезать в его шкуру». Например, писатель В. А. Каверин, во время Великой Отечественной войны часто встречавшийся с прославленным командующим нашим Северным флотом адмиралом А. Г. Головко, пишет об этом незаурядном человеке: «Головко обладал редкой способностью ставить себя на место другого человека, с которым его сталкивала судьба. Более того, на место других, — будь это батальон морской пехоты или экипаж подводной лодки. Это означало, что он «входил в

69

положение». Он понимал «положение» как жизненную задачу»7.

Такую же ярко выраженную способность ставить себя на место другого человека наблюдали современники у И. Н. Ульянова, у Н. К. Крупской, у А. С. Макаренки. И она, без сомнения, помогала им успешнее строить взаимоотношения с людьми.

Условием успешного общения человека с другими людьми является соответствующая воспитанность его эмоциональной сферы, которая прежде всего проявляется в том, умеет ли человек сопереживать другим людям: чувствовать чужую боль как свою, чужие радости и горе как свои, способен ли он, говоря словами А. Н. Радищева, «сопечалиться человеку и совеселиться ему»⁸.

Наблюдения и эксперименты показывают, что широта проявления этой способности в значительной мере связана с тем, насколько велик тот круг людей, который включается человеком в категорию «мы», другими словами, насколько много в его окружении людей, которые субъективно значимы для него, по-настоящему ему дороги. У одних число предельно дорогих нам людей сравнительно невелико и не выходит за пределы семьи, а иногда и еще уже, у других оно, наоборот, включает широкий круг людей — это еще и товарищи по работе; у некоторых оно еще шире и включает всех людей труда.

К чему приводит узость способности к сопереживанию, показывает следующий опыт, поставленный психологами в США⁹. За стеклянной перегородкой в кресле сидел человек, к телу которого были прикреплены электроды. Этот человек в условиях дефицита времени должен был научиться выполнять определенное задание. По другую сторону перегородки в другое кресло по очереди усаживались испытуемые, которым говорилось, что, нажимая на разные кнопки перед собой и вызывая у человека за перегородкой более слабые или, наоборот, более сильные неприятные ощущения от раздражения электрическим током, они должны побудить его быстрее справиться с заданием.

В этом опыте очень многие испытуемые хотя и видели, что человек за перегородкой корчится от болевых

70

ощущений, тем не менее нажимали на кнопки, которые эти ощущения у него вызывали. Истина «не желай другому того, чего сам себе не желаешь» в конкретном поведении этих людей не проявлялась. Может быть, резко сказано, но они, наверное, шли в своем поведении в этом опыте не от принципа «человек человеку — друг, товарищ и брат», а от принципа «человек человеку — волк».

Между прочим, недавно проведенные исследования¹⁰ показали, что в семье с одним ребенком формирование у него способности к сопереживанию происходит более медленно, чем в многодетных семьях или в детских садах с хорошо поставленным воспитательным процессом. Ребенку отождествить, идентифицировать себя с другим человеком легче, когда этот другой — сверстник.

При общей положительной настроенности на других людей, способности к сопереживанию и сочувствию им, которые выступают как общий фон, на котором протекает общение с людьми, наш конкретный эмоциональный отклик может меняться в зависимости от того, как они себя ведут и как работают над осуществлением дорогих для нас целей. Однако и в этом случае характер и богатство общей палитры проявляемых нами по отношению к другому человеку чувств оказываются обусловленными нашей гражданской, моральной воспитанностью.

Хотелось бы в связи со сказанным также отметить, что при субъективной оценке совершаемых человеком поступков, при субъективно определяемой значимости различных качеств личности обнаруживаются заметные различия между людьми. Сравнение по этому параметру мужчин и женщин установило, что у женщин

характеристики, в которых проявляется отношение человека к другим людям, на шкале ценностей занимают более высокое место, чем у мужчин. Они для женщин субъективно более значимы. Для мужчин же относительно более значимы объекты, связанные с их работой¹¹.

71

Косвенным свидетельством большей значимости сферы межличностных, в частности интимных, коммуникаций для женщин и меньшей — для мужчин являются причины мужских и женских неврозов. По статистике, которую накопил Ленинградский психоневрологический институт им. В. М. Бехтерева, около 80% неврозов у женщин является следствием такого развития взаимоотношений в семейной сфере, которое расходится с их желаниями, с их притязаниями, а у мужчин только 20% неврозов имеет своей причиной неполадки в этой сфере. Эта бóльшая субъективная значимость для женщин взаимодействия с другим человеком и вообще области взаимоотношений своим следствием имеет сравнительно большее развитие у них, чем у мужчин, социально перцептивных способностей: женщины тоньше улавливают состояние другого человека по изменениям в тембре его голоса и в других сторонах его экспрессии, полнее отражают его внешний облик, точнее определяют эффект своего собственного воздействия на другого человека и т. д.

Важнейшим компонентом успешного общения, помимо соответствующего развития у человека познавательной и эмоциональной сферы, является его умение выбирать по отношению к другому человеку наиболее подходящий способ поведения, способ обращения с ним.

Как показывает жизнь, творчество необходимо не только в труде, направленном на создание материальных ценностей. Оно должно быть и в выборе средств воздействия на другого человека, в выборе подхода к нему.

Мы порой бываем недовольны поведением других людей, не замечая при этом, что мы сами своим обращением с ними толкаем их к действиям, которые нам не нравятся. Капризность ребенка, грубость ученика, неисполнительность подчиненного — это очень часто не проявление типичных для каждого из них свойств личности, а ответ на наш стиль поведения по отношению к ним, который спровоцировал эти ответы: капризность — на излишнюю уступчивость, грубость — на явную бестактность, неисполнительность — на низкую требовательность и отсутствие систематической проверки выполнения порученного.

Между прочим, характер обращения матери с ребенком, учителя со школьником, руководителя с подчиненным вызывает у того, с кем именно так, а не иначе обращаются, не только определенные формы эмоциональных

72

переживаний и формируют эмоциональный опыт, в котором начинают преобладать либо одни чувства, либо другие. Этот характер обращения столь же направленно влияет на то, какая манера поведения человека в различных ситуациях становится для него типичной.

Наше обращение с другими людьми, наше отношение к ним и наше понимание их обычно тесно друг с другом связаны.

У плохих работников, профессией которых является работа с людьми, сложившаяся в их опыте классификация типов людей (для начальников — типов подчиненных, для учителя — типов учеников, для врача — типов больных, для продавца — типов покупателей и т. д.) отличается узостью и бедностью, не исчерпывающей все многообразие встречающихся типов. Поэтому, сталкиваясь в общении с конкретными людьми и пытаясь оценить их, эти плохие «судьи» и дают им шаблонные, стереотипные оценки и столь же шаблонно ведут себя с ними.

Психолог С. В. Кондратьева, например, выяснила, что у учителей-мастеров представления о возможных типах учеников-отличников, учеников-«среднячков», учеников-отстающих намного богаче, чем у плохих учителей¹². Так, учителя-мастера различали отстающих, причиной неуспеваемости которых были: 1) непорядки в познавательной сфере — невнимательность, плохая память, несформированность до нужного уровня мыслительных операций, пробелы в знаниях и пр.; 2) непорядки в эмоциональной сфере — большая заторможенность, излишняя возбудимость и др.; 3) непорядки в волевой сфере — отсутствие усидчивости и др.; 4) недоразвитие в личности ученика важных для успешного учения более интегральных личностных качеств — познавательных интересов, самостоятельности, ответственности и др.; 5) одновременное сочетание ряда недостатков. В то же время многие плохие учителя выделяли только два типа неуспевающих — лентяев и тупиц.

Эта способность более или менее глубоко проникать в личностную суть других людей, как правило, влияет на поведение, которое человек позволяет себе по отношению к другим людям. У людей — специалистов по человеческому общению «репертуар» приемов, к которым они прибегают, строя свои контакты с

73

окружающими их людьми, инструментовка поведения, адресуемого другим, намного богаче, чем у неспециалистов. Так, было установлено, что если хорошие учителя в своей работе с учащимися используют до 43 различных приемов воспитательного воздействия, то плохие — только 17—19. Та же тенденция обнаружена, когда сравнили «наборы» воздействий, к которым прибегают в повседневной работе с подчиненными хорошие и плохие руководители. У первых она оказалась намного разнообразнее и шире. А когда в этих «наборах» совпадали какие-то приемы, частота их применения у хороших и плохих руководителей была неодинаковой. Например, такой прием воспитательного воздействия, как выговор при всех, в резкой, а иногда и грубой форме плохие руководители использовали в шесть раз чаще, чем хорошие; угроза по частоте применения среди других приемов у плохих руководителей стояла на 7-м месте, у хороших — на 13-м. Нотаций хорошие руководители не читали вовсе, а плохие ими просто-таки злоупотребляли и т. д.¹³.

Личностные черты, формирующиеся у каждого из нас, и прежде всего те из них, которые образуют склад нашего характера, определяют общий рисунок нашего поведения при общении с другими людьми.

В пьесе С. Алешина «Все остается людям», по которой потом был снят фильм, любимый ученик академика Дронова Алеша Вязьмин с самого детства рос в интеллигентной семье. У него мягкая мать, вдумчивый, тактичный учитель. И он усвоил стиль поведения по отношению к другим людям, в основе которого лежит деликатность, уважительность. Но вот жизнь сталкивает его с жуликом и пройдохой Трошкиным. В

ситуациях, в которые Вязьмин попадает, он не должен, не имеет права быть деликатным, уступчивым, а переломить себя Алеша не может.

Очень многое в нашей способности правильно настраиваться на другого человека и выбирать наиболее отвечающий обстоятельствам способ поведения зависит от

74

нашего знания не только другого человека, но и прежде всего — самих себя, от нашего умения на основе этого знания сознательно управлять своим поведением в различных ситуациях общения. И поэтому полностью прав был Н. Г. Чернышевский, когда утверждал: «Кто не изучал человека в самом себе, никогда не достигнет глубокого знания людей»¹⁴.

75

ВОЗДЕЙСТВИЕ СТИЛЯ ОБЩЕНИЯ ПЕДАГОГА С УЧАЩИМИСЯ НА ИХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ*

Общение является таким видом взаимодействия людей, в котором участвующие в нем лица своим внешним обликом и поведением оказывают более или менее сильное влияние на притязания и намерения, на состояния и чувства друг друга. Причем в то время как одни из них, вступая в контакты с окружающими, благодаря сформировавшейся у них манере общения, без всяких усилий со своей стороны или поддерживают, или просто создают у других людей хорошее настроение, другие — опять же в силу выработавшейся у них манеры общения — вносят в свои взаимоотношения с людьми напряженность и провоцируют развитие у последних отрицательных эмоций.

Часто эти различия в эмоциональных откликах, которые разные люди вызывают у окружающих, являются следствием того, что люди не в одинаковой мере хотят и умеют выбирать для каждого случая наиболее подходящий стиль общения. В то время как одни из них могут проявлять своеобразную гибкость и, учитывая особенности участвующих в общении людей, вносить в свою манеру общения требуемые обстоятельствами коррективы, другие на такие изменения неспособны и в общении с разными категориями лиц обнаруживают один и тот же ставший для них привычным способ поведения. Естественно, что эмоциональные состояния, которые могут вызвать эти люди благодаря присущей им манере общения у тех, с кем они вступают в разнообразные контакты, оказываются также очень неоднозначными. Люди с негибкой манерой поведения в общении вызывают благоприятную эмоциональную реакцию у других лиц часто случайно, только потому, что выработавшаяся у них манера общения «подошла» к индивидуальным особенностям других участников общения, «совпала» с

76

их требованиями к человеку, когда он выступает перед ними как объект и субъект общения. Зато в массе других случаев, когда ставший типичным для них способ общения разойдется с такими требованиями, эти люди, сами того не ведая, обычно стимулируют появление недовольства у других участников общения и укрепляют и поддерживают у них более или менее долго отрицательные эмоции.

Эти положения хорошо подтверждаются большим числом фактов, которые были собраны в шести подростковых классах школы-интерната, руководимых педагогами,

отличавшимися друг от друга преобладающей у каждого из них манерой устанавливать и поддерживать контакты с учащимися.

Двое из них практиковали по преимуществу безапелляционно-приказную форму обращения с учащимися, и по всем другим своим характеристикам как субъекты общения они тяготели к авторитарному типу личности. Двое других воспитателей в своей работе со школьниками гармонично сочетали требование и доверие и как субъекты общения, как правило, проявляли особенности, которые в жизни принято связывать с «демократическим стилем» поведения личности. Остальные педагоги по присущим им коммуникативным особенностям не составляли чистого типа, и для их манеры установления и поддержания контактов с учащимися были характерны противоречивость и непоследовательность.

Фиксирование в течение года эмоциональных переживаний школьников в классах, во главе которых стояли воспитатели с ясно выраженным каким-то одним из названных стилей обращения к учащимся, позволило выявить существенные различия в частоте одних и тех же переживаний у подростков, которые были прямо связаны со стилем общения, практикуемым воспитателем.

Оказалось, например, что состояние спокойного удовлетворения и радости относительно чаще возникает у учащихся из тех классных коллективов, во главе которых стоит воспитатель, придерживающийся демократических принципов в своем общении со школьниками-подростками. В то же самое время состояние подавленности у школьников чаще наблюдается, когда воспитатель их — личность авторитарного склада, а переживания гнева и злости у учащихся чаще отмечаются, когда воспитатели непоследовательны в своих отношениях с ними.

Оказывается также, что стили, практикуемые воспитателями

77

в их общении со школьниками, с неодинаковой частотой провоцируют одни и те же эмоциональные состояния у различных групп школьников-подростков, близких друг другу по своим учебным успехам и отношению к учению, — у отличников, средних учеников и у отстающих.

Так, если по частоте переживания радости учащиеся-отличники при разных стилях руководства друг от друга значительным образом не отличаются, то различия по этому показателю между отстающими школьниками значительны. И они особенно заметны, когда сравниваются отстающие, с которыми работают воспитатели авторитарного типа, и неуспевающие ученики, которыми руководят педагоги, практикующие демократический стиль общения. Кроме того, как, впрочем, этого и следовало ожидать, у отстающих учащихся в классах всех воспитателей чаще, чем у других групп школьников, отмечаются состояния подавленности, а также гнева и злости. И наоборот, подростки, которые отстают в учении, реже, чем другие группы школьников, переживают состояние спокойного удовлетворения. Хотя и в этом случае в классах, в которых практикуется демократический стиль общения, это состояние и у отстающих подростков отмечается все же чаще, чем в классах, которые ведут воспитатели, придерживающиеся других стилей.

Из полученных в излагаемом исследовании данных следует также, что состояние спокойного удовлетворения у школьников, находящихся по успеваемости в «золотой

середине», опять-таки встречается чаще в классах, если их ведут педагоги с демократическим стилем общения с воспитанниками.

Указанные тенденции, выражающиеся в том, что стиль установления и поддержания контактов, практикуемый воспитателем по отношению к учащимся, вызывает у них одни переживания чаще, а другие реже, проявились и тогда, когда были проанализированы переживания, преобладающие у школьников, входивших в актив, резерв актива, а также составлявших «болото» и группу «срывщиков». Так, состояние гнева и злости чаще отмечается у ребят-активистов, руководимых педагогами, для которых характерно непоследовательно-противоречивое поведение при установлении и поддержании контактов с учащимися. Состояние подавленности относительно часто развивается у представителей актива в классных коллективах, во главе которых стоят педагоги,

78

практикующие авторитарный стиль в своем общении с учащимися-подростками. Сравнительно низка в этих случаях частота подобных переживаний у подростков, стоящих в стороне от общественных дел.

Вместе с тем, если подростковые классы ведут педагоги, поведение которых явно тяготеет к демократическому стилю, их воспитанники, входящие в актив, переживают радость и спокойное удовлетворение значительно чаще, чем их сверстники из актива классов, руководимых воспитателями, для которых типичны иные стили общения.

Таким образом, если суммировать все данные, полученные в ходе излагаемого исследования, то они весьма определенно выявляют наличие довольно устойчивых зависимостей между манерой поведения, которая присуща педагогу в общении с учащимися, и характером переживаний, которые при этом возникают у учащихся-подростков. Одновременно эти данные говорят о том, что каждый из стилей поведения учителей не в одинаковой мере «провоцирует» одни и те же переживания у разных групп школьников. Попятно, что, создавая неодинаковый опыт эмоциональных переживаний у школьников, похожих друг на друга по учебным успехам или по присущему им отношению к общественной работе, воспитатели, различающиеся стилем общения с учащимися, по-разному воздействуют на формирование характерологических качеств подростков, даже если школьники одинаково успевают или проявляют одинаковую активность при выполнении общественных поручений.

Совершенно очевидно, что все приведенные выше факты позволяют увидеть лишь значение способа общения, практикуемого человеком при установлении связей с другими людьми для создания у последних определенного опыта эмоциональных переживаний.

Вместе с тем все приведенные факты рожают очень нелегкий для ответа психологический вопрос: почему тот или иной стиль общения, практикуемый педагогом по отношению к учащимся, вызывает и закрепляет у них чаще и быстрее одни переживания и реже и медленнее другие.

Очевидно, в самой общей и предварительной форме на него можно ответить так: у каждого человека, и у школьника в том числе, по мере его вхождения в разные виды деятельности и обогащения его опыта общения с разными людьми формируется потребность в таком поведении окружающих — и при выполнении ими различных

79

видов деятельности, и при завязывании взаимоотношений с людьми, — которое отвечало бы выработавшимся у него определенным эталонам высокого уровня владения деятельностью, отношения к людям и которое вместе с тем соответствовало бы его личным ожиданиям благоприятных действий этих людей по отношению к нему самому. А поскольку действия последних в повседневной жизни этим эталонам и ожиданиям отвечают, как правило, в разной мере, у любого человека, и в частности у любого школьника, возникают в связи с этим при большем соответствии — положительные переживания, при меньшем — отрицательные.

Люди же, склонные к авторитарной, демократической или непоследовательно-противоречивой манере обращения с окружающими, не могут все в одинаковой степени отвечать сформировавшимся у каждого человека эталонам общения и одинаково удовлетворять притязания человека, начиная, а затем и продолжая с ним общаться. Вместе с тем сам человек, вступающий в общение с «авторитарной» или «демократической» личностью или с личностью, для которой характерна непоследовательно-противоречивая манера общения, глубиной собственного субъективного вхождения в деятельность, по поводу которой он взаимодействует с личностью с определенным стилем общения, оказывается в большей или меньшей степени подготовленным к строго определенному эмоциональному реагированию на этот стиль в целом или лишь на являющиеся для него особенно значимыми отдельные стороны этого стиля.

Глубина же этого субъективного вхождения, если опять вернуться к школьнику, обычно связана с его успешностью или неуспешностью в учении, со степенью его участия в общественных делах класса, с отношением к нему товарищей из класса и с рядом других характеристик.

Поэтому, если мы хотим разобраться в конкретных причинах воздействия стиля общения педагога с учащимися на их эмоциональный опыт и хорошо понять, в чем заключаются общие психологические результаты этого воздействия на всех учащихся, особые — в результатах его воздействия на отдельные группы и единичные — от воздействия на определенных учеников в этих группах, необходимо объединять психолого-педагогический, возрастной и дифференциально-психологический подходы в освещении этой методически трудно решаемой проблемы.

80

О СВЯЗЯХ НЕКОТОРЫХ ХАРАКТЕРИСТИК КРУГА БЛИЖАЙШЕГО ОБЩЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ СВОЙСТВ*

Личность человека формируется в процессе общения с людьми. Если в начальный период жизни человек не волен выбирать для себя людей, которые составляют его непосредственное окружение, то в зрелом возрасте он уже сам в значительной степени может регулировать число и состав лиц, которые его окружают и с которыми он общается. Человек таким образом обеспечивает себе со стороны этого окружения определенный поток психологических воздействий.

Как известно, непосредственное окружение человека составляют люди, с которыми он вместе живет, играет, учится, отдыхает, работает. Всех их человек психически отражает, на каждого дает эмоциональный отклик, по отношению к каждому практикует определенный способ поведения. И от личностных особенностей этих людей в большей мере зависят характер психического отражения, эмоционального отношения и поведения общающегося с ними человека.

Одновременно это психическое отражение, эмоциональное отношение и поведение всегда несут на себе печать особенностей мотивационно-потребностной сферы человека, который общается с окружающими его людьми. С этими особенностями связан и выбор человеком людей, с которыми он предпочитает общаться.

Многочисленные факты показывают, что в зависимости от того, как люди своим внешним и внутренним обликом, знаниями, умениями и действиями удовлетворяют потребности общающегося с ними человека, находятся частота и характер его общения с ними. Соответствие

81

характеристик, которые несут в себе общающиеся с человеком люди, особенностям его потребностно-мотивационной сферы определяет субъективную значимость каждого из этих людей для человека.

При этом люди становятся субъективно значимыми для человека и вызывают стремление с ним общаться не только тогда, когда соответствуют усвоенным этим человеком эталонам, традиционным для людей его окружения. Оказывается, на выбор личностью людей для более частого общения могут влиять и такие ее специфические индивидуальные потребности, как потребность в сочувствии и опеке, потребность в доминировании, потребность в защите «я» или потребность в самоутверждении.

Имеющиеся экспериментальные материалы¹ свидетельствуют также о том, что субъективная значимость других людей для каждого человека может варьировать от предельно положительной до столь же предельно отрицательной. Она может характеризоваться также большими различиями в интенсивности эмоционального переживания, которое вызывает в личности значимый для нее человек, отличаться по признакам широты, устойчивости и действенности.

Н. А. Логинова и Е. А. Хорошилова, исходя из указанных положений, провели сравнительный анализ непосредственного общения и изменений в нем в течение жизни двух равных по числу групп взрослых испытуемых 21—22 и 37—42 лет².

Авторы исследования отдавали себе отчет в том, что такие характеристики испытуемых, как их социальная принадлежность, и такие обстоятельства, возникающие на их жизненном пути, как, например, учение в вузе, особенности работы или оставление ее женщиной ради воспитания детей, самым определенным образом влияют

82

на количественно-качественные параметры круга их непосредственного общения, поэтому на первом этапе исследования, результаты которого здесь излагаются, в качестве обследуемых были взяты представители интеллигенции, окончившие школу, занимающиеся в вузе или уже имеющие высшее образование и работающие.

Для получения объективных характеристик общения в исследовании были использованы методы: биографический, компетентных судей и наблюдения за людьми. Для выявления субъективных мнений обследуемых об их общении были применены специально разработанные вопросники, позволяющие, учитывая особенности мотивационно-потребностной сферы обследуемых, выявлять и классифицировать поводы, заставляющие вступать людей в общение, а также прослеживать изменения,

происходящие в частоте актуализации этих поводов под влиянием таких характеристик, как вид деятельности, которым заняты люди, официальный статус, возраст, пол.

Анализ собранных таким путем материалов показал, что расширение границ круга общения у большинства обследованных лиц характеризуется перерывами постепенности. Значительное обновление состава людей, с которыми каждый из обследуемых общался, наступало в таких точках жизненного пути, как приход в детский сад, в школу, переход в ее средние, а затем в старшие классы, уход в армию, поступление в институт, начало самостоятельной работы, замужество или женитьба. Было зарегистрировано увеличение объема общения со сверстниками из той же половой группы и расширение круга общения со взрослыми с переходом обследуемых в средние классы школы. Было отмечено нарастание объема их общения со сверстниками из противоположной половой группы в старших классах школы и значительное сужение круга общения при интенсификации самого общения к старшим курсам института, особенно после замужества или женитьбы.

С возрастом происходило значительное изменение характера причин, заставляющих человека вступать в непосредственное общение с другими людьми. Так, если во временном промежутке жизни обследуемых 15—23 лет наблюдался значительный рост контактов, в основе которых лежала необходимость удовлетворения познавательной потребности, то затем имело место их заметное уменьшение. То же самое приходится говорить и по поводу общения, в которое вступали обследуемые, реализуя цель усовершенствоваться в избранном ими

83

виде профессионального труда. Частота контактов по этому поводу у большинства из них не шла по нарастающей по мере приближения пенсионного возраста. Наиболее интенсивный период непосредственного общения по указанной причине пришелся на возраст 23—30 лет.

С параметром возраста у обследованных лиц оказался связанным и официальный статус людей, субъективно для них значимых и тоже входивших в круг их непосредственного общения. В любом возрасте число субъективно значимых людей, имевших более высокий статус, чем статус обследовавшихся лиц, оказалось значительным. Например, в старшем школьном возрасте оно составило половину лиц, которые входили в круг ближайшего общения обследуемых. Но с 28—30 лет эта картина начинала постепенно меняться. Соотношение родственников и друзей среди людей, с которыми обследуемые предпочитали общаться, оказалось 0,38:0,62 в первой, более младшей подгруппе испытуемых и 0,65:0,35 — в более старшей. Соотношение женщин и мужчин составило 0,57:0,43 в первой подгруппе и 0,68:0,32 — во второй. Таким образом, субъективно значимых для общения женщин в обеих подгруппах было значительно больше, чем мужчин.

Среди субъективно значимых для общения людей в двух подгруппах мужчин лиц, занимавшихся одинаковой с ними деятельностью, оказалось соответственно на 21 и 34% больше, чем в подгруппе женщин. В подгруппах мужчин по сравнению с подгруппами женщин среди субъективно значимых для них людей, с которыми они непосредственно общались, оказалось и больше лиц с более высоким официальным статусом, чем сами обследуемые, соответственно на 24 и 27%.

В круг непосредственного общения в обеих подгруппах женщин входило существенно более субъективно значимых для них лиц, представлявших самые различные возрастные

группы, чем это было в подгруппах обследованных мужчин, для которых большее число субъективно значимых для них лиц относилось к той же возрастной группе, что и они, или к более старшей (в первой подгруппе на 30%, во второй — на 31%).

В подгруппах мужчин чаще, чем в подгруппах женщин, основанием для включения определенных лиц в круг субъективно значимых и важных для непосредственного общения выступала возможность получения от этих лиц различной помощи, а также участия их в

84

удовлетворении повседневных бытовых потребностей (в первой подгруппе на 11%, во второй — на 27%).

Средний объем общения у мужчин обеих групп был в полтора раза меньше, чем у женщин. Число значимых других людей оказалось приблизительно одинаковым у мужчин и женщин, хотя и варьировало от возраста к возрасту.

Контактов с другими людьми, шедших у обследуемых на одинаковом уровне психологической близости³ с ними в течение длительных временных промежутков, оказалось от числа всех отмеченных 9%, постепенно выраставших от никакой до высокой степени близости — 7%. Все остальные контакты у обследованных лиц имели более сложную форму осознания ими характера психологической близости к людям, с которыми они общались в разные годы своей жизни. Так, в 10% случаев был зарегистрирован рост близости и сохранение ее на высоком уровне в течение сравнительно длительного времени, а затем отмечалось ее исчезновение, и в 3,5% случаев имело место нарастание близости, затем уменьшение и опять нарастание.

Обследуемые женщины считали свое общение с близкими им людьми более тесным, чем мужчины (различия статистически достоверны в обеих группах). По оценкам женщин их психологические контакты с субъективно значимыми для них людьми были более стабильными, чем такие же контакты (в их гностических, эмоциональных и практических характеристиках), когда их оценивали мужчины. 57% женщин отмечали с возрастом увеличение близости с другими людьми, и лишь 7% из них говорили об ее уменьшении. У мужчин только 25% обследованных подтвердили ее увеличение, а 51% — уменьшение. 29% мужчин оценили свои коммуникативные контакты с женщинами как более близкие и вместе с тем как более неустойчивые, чем с мужчинами.

Заканчивая рассмотрение эмпирических данных, полученных в этом исследовании, необходимо отметить, что сопоставление показателей количественно-качественных характеристик непосредственного общения человека, добытых с помощью наблюдения и метода компетентных судей, и показателей, полученных путем опроса самих обследуемых, выявило наличие расхождений между этими

85

двумя рядами показателей. Особенно часто эти расхождения имели место при оценке причин, которые побуждали человека общаться, а также при оценке степени его психологической близости с тем или иным лицом.

Одновременно это исследование выявило существование определенных различий в величине круга общения, а также в его составе, которые были связаны с

дифференциально-психологическими характеристиками обследуемых и с конкретными особенностями их жизненного пути.

Так, если среднее число лиц, образовавших круг ближайшего общения и включавших для обследуемых субъективно значимых людей, равнялось 7, то вместе с тем в изученной совокупности были люди, для одних из которых субъективно значимых лиц могло быть 2—3 человека, а для других — 13—15. Причины, заставлявшие обследуемых общаться с другими людьми, могли быть односторонне однообразными, выражавшими по преимуществу одну главную доминанту в мотивационно-потребностной сфере обследуемых, и, наоборот, при наличии в ней системы ярких и сильных потребностей они могли быть многообразными, и это обстоятельство всегда влияло на состав лиц, с которыми обследуемый предпочитал общаться.

Интересные уточнения характеристик феноменологии и психологических механизмов субъективной значимости одного человека для другого были получены нашим сотрудником Н. Б. Шкопоровым, работы которого уже были упомянуты выше.

Согласно материалам этих работ, изменения в субъективной значимости других людей для личности, как правило, были обусловленными, с одной стороны, ее позицией по отношению к себе в системе потребностей, а с другой — отношением к ней со стороны лиц, составлявших круг ее общения. Было выяснено, что эти значимые в разной степени для человека отношения других людей к нему влияют не столько на его ведущие потребности, сколько на подчиненные им тенденции защиты своего «я», проявляющиеся в поисках и в осуществлении способов поведения, утверждающих это «я».

Обнаруженные зависимости были часто тесно связаны с ситуативной динамикой субъективной значимости для личности тех людей, от которых эти отношения исходили, и это постоянно сказывалось на такой существенной

86

характеристике этого феномена, какой является его интенсивность.

В подавляющем большинстве случаев рост интенсивности отрицательной субъективной значимости каких-то людей из окружения человека в конкретных ситуациях общения этого человека оказывался сопряженным с увеличением интенсивности субъективной положительной значимости тех людей, на доброе отношение и поддержку которых, в противовес негативно значимым другим, человек в этих ситуациях рассчитывал.

Благодаря многим фактам, полученным в этих исследованиях, можно считать доказанным положение о различии форм ситуативной и общей динамики субъективной значимости других людей в зависимости от позиции человека по отношению к самому себе. Это различие выступило в том, что активные по своей натуре люди в ситуациях неуспеха обнаружили тенденцию к расширению имевшегося у них круга общения, в то время как пассивные в подобных ситуациях, наоборот, стремились его сузить.

Положительная или отрицательная субъективная значимость других людей, отмечавшаяся у обследованных лиц, оказалась тесно связанной у последних с ходом и результатами их деятельности с этими людьми, а также и с особенностями развертывающегося в этой деятельности общения. Однако для пассивных людей другие люди в значительной мере оказываются положительно или отрицательно значимыми не столько из-за особенностей связывающей их всех деятельности, сколько из-за

коммуникативных характеристик, которые этим людям присущи и которые они по отношению к каждой из пассивных личностей демонстрируют.

В излагаемых исследованиях было прослежено также, что круг ближайшего общения личности обычно мог быть более или менее сильно «открыт» на контакты и одновременно связан такими контактами с другими группами людей. И оказалось, что степень выраженности названной характеристики круга общения личности прямо сказывалась на особенностях проявления и развития коммуникативной сферы этой личности, способствуя, таким образом, обогащению опыта общения личности со все новыми и разными людьми или, наоборот, ограничивая и сужая этот опыт, а значит, облегчая или затрудняя дальнейшее формирование самой этой личности прежде всего как объекта и субъекта общения.

В целом излагаемый цикл исследований позволил

87

наметить некоторые из общих тенденций, которые характеризуют процесс становления человека как субъекта общения. Одновременно он определил проблему, которая еще нуждается в дальнейшем решении: выяснение того, каким образом конкретный состав людей, которые образуют круг общения человека в разные годы его жизни, влияет на формирование его личности.

Для решения этой проблемы необходимо выяснить не только общие условия, которые делают других людей значимыми для человека и увеличивают степень податливости его на их воздействия, но и установить, как эти условия должны меняться от возраста к возрасту, в зависимости от пола человека, его профессии и индивидуально-личностных свойств, чтобы эта высокая степень податливости на воздействие определенных людей у него сохранилась. Вместе с тем необходимо выяснить и то, каким должен быть круг общения у каждого конкретного человека на каждой ступени его жизни, чтобы формирование его личности шло наиболее успешно, и, наконец, как управлять созданием для человека такого круга общения, особенно в дошкольные и школьные годы его жизни, чтобы не только предметно-практическую деятельность, но и его взаимодействие с другими людьми можно было сознательно и целенаправленно использовать для оптимального развития его личности.

88

ОБЩЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ*

В последнее время ученые, представляющие различные области отечественной психологической науки, проявляют повышенный интерес к кругу проблем, которые после своего решения все вместе позволят достаточно исчерпывающе охватить феноменологию, закономерности и механизмы общения¹.

Благодаря их усилиям психология в последние годы была обогащена рядом общих и более частных фактов, которые, будучи рассмотрены с позиций целостной теории развития человека как индивида и как личности, очень убедительно показывают предельно необходимую роль общения в формировании многих важных характеристик психических процессов, состояний и свойств на протяжении всей жизни человека.

Задача этой работы заключается в том, чтобы последовательно рассмотреть все эти факты и попытаться проследить, каким образом и почему общение выступает наряду с трудом совершенно обязательным личностно формирующим фактором и вместе с тем, что нужно делать, чтобы усилить его значение в воспитании.

Некоторым психологам может показаться, что поставленная задача надуманна и что она не заслуживает специального внимания ни ученых-психологов и педагогов,

89

ни воспитателей-практиков. Представляется, что они ошибаются, и вот почему. После того как в советской психологии — а под ее влиянием и в педагогике — утвердилось в целом бесспорное положение о том, что психика формируется в деятельности², сущность этого положения очень многими учеными и еще большим числом практиков стала трактоваться очень односторонне: психика, считали они, формируется лишь в предметной деятельности.

Утверждая так, они допускали две неточности: во-первых, сужали понятие деятельности, а во-вторых, умаляли значение факторов, по их основным характеристикам к предметной деятельности не относящихся, но тем не менее оказывающих на развитие психики человека сильнейшее влияние. Если под деятельностью разуметь активность человека, направленную на достижение определенных осознаваемых им целей с помощью усвоенных им в обществе, в котором он живет, способов и стимулируемую столь же определенными мотивами, то деятельностью будут не только игра, учение, производственный и бытовой труд, не только работа хирурга или художника-живописца, но и взаимодействие людей друг с другом в форме общения.

Ведь понятно, что, вступая в общение друг с другом, люди тоже, как правило, преследуют какую-то цель: сделать другого человека единомышленником, добиться от него признания, удержать от неправильного поступка, понравиться и т. п. Чтобы осуществить ее, они более или менее сознательно используют свою речь, всю свою экспрессию, а побуждают их поступать в подобных случаях именно так, а не иначе имеющиеся у них потребности, интересы, убеждения, ценностные ориентации.

Вместе с тем, характеризуя общение как особый вид деятельности, необходимо также видеть, что без него не может происходить полноценное развитие человека и как личности, и как субъекта деятельности, и как индивидуальности.

Если процесс этого развития рассматривать не односторонне и оценивать его реально, то сразу окажется, что предметная деятельность человека во всех ее модификациях и его общение с другими людьми переплетены

90

в его жизни самым тесным образом и фактически ни одна из них не может существовать без другой.

Играя, ребенок общается. Длительные многие годы учение обязательно предполагает общение. Наконец, труд, как известно, в подавляющем числе случаев требует постоянного взаимодействия людей в форме общения. И от того, как протекает, как организовано общение, зависят результаты предметной практической деятельности занятых ею людей. В свою очередь ход и результаты этой деятельности постоянно и неотвратимо

воздействуют на многие характеристики коммуникативной деятельности вовлеченных в предметную деятельность людей.

И на формирование ряда устойчивых характеристик психических процессов, состояний и свойств личности каждого человека, а также и на образование структуры этих свойств и предметная деятельность и деятельность общения воздействуют совокупно и с разным эффектом в зависимости от их соотношения³.

На это их совокупное воздействие на личность обратил внимание еще А. С. Макаренко, когда подчеркивал, что труд сам по себе — в известном смысле процесс воспитательно нейтральный. Он одинаково может воспитать как коллективиста, так и индивидуалиста. Все дело оказывается в том, как связаны между собой люди — участники трудового процесса, образно говоря, работают ли они просто рядом или трудятся в полном смысле вместе по принципу «все — для одного и один — для всех»⁴.

Если продолжать эту, как мне кажется, очень правильную мысль А. С. Макаренко и распространять ее на другие области жизнедеятельности человека — на его быт и отдых, то и в этом случае характер протекания общения (его содержание и формы) в семье, с товарищами по совместному отдыху, а также с людьми, входящими в его более далекое окружение, — продавцами в магазине, спутниками в поезде и т. п. — будет определенным образом «работать» на развитие тех или иных качеств его личности.

91

И очевидно, если моральные нормы, по которым строится общение людей в основной для них трудовой деятельности, будут не совпадать с нормами, которые лежат в основе их общения в других видах деятельности, то развитие их личности будет носить более или менее противоречивый характер и формирование цельной личности у каждого из них будет затруднено.

Пытаясь выяснить причины, делающие общение одним из сильнейших факторов, участвующих в формировании личности, было бы большим упрощением видеть его воспитательное значение только в том, что вступающие в общение люди получают таким образом возможность передать друг другу знания об окружающей их действительности, которыми они обладают, а также умения и навыки, требующиеся обычно человеку для успешного выполнения предметной деятельности.

Воспитательное значение общения заключается не только в том, что оно расширяет общий кругозор человека и способствует развитию психических образований, которые необходимы ему для успешного выполнения деятельности, носящей предметный характер. Воспитательное значение общения заключается еще и в том, что оно является обязательным условием формирования общего интеллекта человека и прежде всего многих его аттенционных, перцептивных, мнемических и мыслительных характеристик⁵.

Какие требования предъявляют окружающие человека люди к его вниманию, восприятию, памяти, воображению, мышлению, когда с ним повседневно общаются, какую по преимуществу «пищу» ему задают, какие задачи перед ним ставят и какой уровень его активности при этом вызывают — от этого в большой степени зависит то конкретное сочетание разных характеристик, которые несет в себе интеллект человека.

Не меньшее значение общения как деятельность имеет и для развития эмоциональной сферы человека, для формирования его чувств. Какие переживания по преимуществу

провоцируют общающиеся с человеком люди, оценивая его дела и облик, откликаясь так или

92

иначе на его обращение к ним, и т. п., какие чувства появляются у него, когда он видит их дела, их поступки,— все это оказывает сильнейшее влияние на выработку в его личности устойчивых форм эмоциональных ответов на воздействие определенных сторон действительности — явлений природы, социальных событий, групп людей и пр.б.

Столь же значимое влияние оказывает общение и на волевое развитие человека. Привыкает ли он быть собранным, настойчивым, решительным, смелым, целеустремленным или у него будут преобладать противоположные качества — все это в очень большой мере определяется тем, насколько благоприятствуют выработке указанных качеств те конкретные ситуации общения, в которых человек изо дня в день оказывается.

Обслуживая предметную деятельность и способствуя формированию типичных для человека общих характеристик его кругозора, его умения обращения с предметами, а также его интеллекта и эмоционально-волевой сферы, общение в еще большей степени оказывается обязательным условием и необходимой предпосылкой развития у него комплекса как более простых, так и более сложных качеств, которые делают его не просто способным жить среди людей, сосуществовать с ними, а подняться до претворения в своем повседневном поведении принципов, содержащихся в кодексе строителя коммунизма.

Но к такому результату приводит не всякое общение, а только организованное при становлении человека как личности в соответствии с принципом «человек человеку — друг, товарищ и брат» и сопровождаемое, с одной стороны, воспитанием у каждого человека отношения к другим людям — товарищам по общему делу как к высшей ценности, а с другой стороны, предваряемое развитием у него круга нужных для успешного взаимодействия с другими людьми специальных психологических знаний, умений и навыков, делающих его знатоком других людей.

Организация общения в соответствии с принципами подлинного гуманизма предполагает как в труде во всех его проявлениях, так и в быту сочетание высокой требовательности к человеку с большим уважением к нему,

93

коллективизм в больших и малых делах, доброжелательность по отношению к людям.

Упражнение человека в отвечающем этим принципам поведении при взаимодействии его по разным поводам с другими людьми — и с теми, кто составляет его ближайшее окружение, и с теми, кто входит лишь в его далекое окружение, — оказывается плодотворным, если семья, дошкольные и школьные учреждения, общественные организации, членом которых он является, а затем и другие коллективы (производственные, самодеятельные и иные) одновременно и словом, и делом постоянно внушают ему, что люди — это главное богатство нашего общества, его непреходящая ценность.

Вместе с тем для того чтобы каждый человек был способен к отвечающему высоким принципам действительного гуманизма общению с другими людьми, он должен

обязательно обладать и определенной психологической культурой, основные положения которой можно попытаться свести к трем элементам: разбираться в других людях и верно оценивать их психологию, адекватно эмоционально откликаться на их поведение и состояние и выбирать по отношению к каждому из них такой способ обращения, который, не расходясь с требованиями морали и будучи направлен на утверждение идеалов, в то же время наилучшим образом отвечал бы индивидуальным особенностям тех, с кем приходится общаться.

Как показывают наблюдения ученых, а также педагогическая практика, все три названных элемента существуют в теснейшей связи друг с другом. Характер расшифровки человеком личностной сути других людей обычно сказывается на особенностях эмоционального отклика, который они у него к себе вызывают, и на тех способах поведения, которые он по отношению к этим людям избирает. В свою очередь отношение, которое человек сумел вызвать к себе со стороны окружающих, накладывает отпечаток на то, как трактуют его внутренний облик другие люди и какой стиль поведения они избирают, общаясь с ним. И поведение человека по отношению к другим людям обычно более или менее явно сигнализирует, как он «прочитывает психологию» этих людей и какие чувства они у него к себе вызывают.

Может показаться, что правильному пониманию других людей специально научить человека невозможно, как невозможно развить у него способность эмоционально неодинаково откликаться на разные категории людей и выбирать по отношению к ним такие способы обращения,

94

которые, с одной стороны, отвечали бы моральным нормам нашего общества, а с другой — более подходили бы к психологии этих людей, что все эти особенности, проявляющиеся у человека в общении и обслуживающие это общение, формируются у него только стихийно.

Представляется, что думать подобным образом — значит очень однобоко понимать причинно-следственные зависимости, которые определяют специфику развития человека не столько как объекта, сколько как субъекта познания других людей, субъекта целенаправленного общения с ними.

Конечно, полнота и правильность оценки человеком других людей, проявляющиеся у него психологические установки при восприятии окружающих и манера отвечать на их поведение несут на себе печать того конкретного опыта общения с людьми, который человек успел накопить в своей жизни. Поэтому если ему на его жизненном пути встречались люди, по своим достоинствам и недостаткам очень похожие друг на друга, а общаться изо дня в день надо было с небольшим числом лиц, не представляющих различные возрастные, половые, профессиональные и национально-классовые группы людей, то эта ограниченность личных впечатлений от встреч с людьми не может не сказываться отрицательно и на образовании у человека оценочных эталонов, которые он начинает прикладывать к другим людям, и на результате его эмоциональных реакций на их поведение, и на характере способов ответов на действия лиц, с которыми он по тем или другим причинам должен общаться теперь.

Но собственный опыт, складывающийся у человека из непосредственного познания людей, переживаний по поводу их поведения при встречах с ними и его собственных действий в ответ на их поведение, — это только один из путей формирования у человека

качеств, необходимых ему для успешного общения с другими людьми. Другой путь, который должен обязательно дополнять первый, — это постоянное обогащение его теоретическими сведениями, относящимися к различным областям человекознания, проникновение во все новые пласты психики человека, постижение законов, управляющих его поведением, через чтение подлинно художественной литературы, просмотр реалистических по своему содержанию фильмов и спектаклей, наконец, это проникновение во внутренний мир человека, понимание механизмов,

95

обеспечивающих его существование, через знакомство с научной литературой, предметом которой являются человек и человеческое общество.

Как известно, у кого нет идей, тот не видит и фактов. Идущее из разных источников обогащение людей обобщенными знаниями об основных проявлениях человека как личности, устойчивых зависимостях, связывающих ее внутренние характеристики с его поступками, а также с окружающей действительностью, делает этих людей более зрячими по отношению к личностной сути и, так сказать, сиюминутному состоянию каждого из тех конкретных лиц, с которыми этим людям по какому-то реальному поводу приходится взаимодействовать.

Третий путь воспитательной работы с человеком, направленный на развитие в его личности качеств, необходимых для общения с другими людьми в соответствии с требованиями коммунистической морали, состоит в формировании у него способности сопереживать другим людям — близким, товарищам по общему делу, соотечественникам, идейным единомышленникам.

Воспитание этой сугубо социальной способности, которое прежде всего предполагает развитие у человека умения ставить себя на место другого и чувствовать его боль и радость как свои, — процесс не только длительный, но и прямо сопряженный с выработкой в человеке таких важных для нашего общества характеристик, как коллективизм, глубокий интерес к другому человеку и постоянная готовность прийти ему на помощь.

И, наконец, четвертое направление работы с людьми, которая также должна начинаться очень рано, — это упражнения каждого из них в таком поведении по отношению ко всем остальным, которое бы никого из них не оскорбляло, не ущемляло бы их достоинство и не приводило бы только из-за одной неудачной формы к напряжению во взаимоотношениях. Учить людей не быть грубыми, высокомерными, придирчиво язвительными — это задача, органично связанная со всеми другими, о которых речь шла выше, и без ее решения более общая цель — всесторонняя воспитанность личности — полностью достигнута не будет.

Хотелось бы поднять еще один вопрос, который имеет прямое отношение к воспитанию у человека способности взаимодействовать с другими людьми на психологически грамотном уровне, — это формирование у него установки на творчество в общении. Человек, особенно если он воспитатель, руководитель, врач, обязан

96

уметь осуществлять индивидуальный подход к каждому из тех, кто находится под его началом, а это невозможно, если он не приучен «чувствовать» бытие другого человека как свое собственное бытие и всякий раз, встречаясь с ним, преодолевать формализм в

общении и, уходя от оценочных стереотипов, выявлять его личностное своеобразие и затем, переступая через старые поведенческие шаблоны, искать и пробовать наиболее воспитательно подходящие для данного случая способы обращения⁷.

Мы рассмотрели, и при этом весьма кратко, далеко не все аспекты большой и сложной проблемы — формирования личности в общении как деятельности, а по преимуществу лишь те, к которым в последние годы проявляет интерес наша психологическая и педагогическая литература. Вместе с тем для более полного охвата этой крайне значимой для понимания законов и механизмов развития психики человека в онтогенезе проблемы необходимо, с одной стороны, возобновление исследований, которые в прошлом в нашей психологической науке были начаты, а затем по ряду причин прерваны. Здесь прежде всего имеются в виду работы, выяснявшие роль индивидуальных характеристик человека в формировании его коммуникативного поведения, раскрывавшие психологические условия действия подражания, внушения, убеждения в процессе общения, прослеживавшие последовательность возникновения различных структурных образований в личности, например ее потребностей, ценностных ориентаций, изменения образа, понимания себя и отношения к себе, значение в этом процессе общения как деятельности и некоторые другие⁸. С другой стороны, для достижения ощутимых результатов в освещении всех неясностей процесса формирования личности в общении надо ставить и новые вопросы и искать на них научно убедительные ответы.

К числу их следует отнести строящуюся на основах научной психологии разработку путей управления общением с целью увеличения его воспитательного воздействия на личность и в связи с этим определение направленной коррекции общения личности, обладающей данными конкретными свойствами; выяснение наиболее

97

благоприятствующих всестороннему развитию личности характеристик общения, его целей, средств, актуализации мотивов с учетом возраста, пола и профессии общающихся, поиск воспитательно оптимальной организации общения при выполнении людьми различных видов деятельности; создание надежного диагностического инструментария для установления степени сформированности в структуре личности черт, образующих «коммуникативный блок».

Из всего рассмотренного перечня вопросов достаточно отчетливо видно, насколько тесно общение, как деятельность и формирование личности связаны друг с другом. Вместе с тем из приведенного перечня видно и другое: сколь много в этой проблеме различных аспектов, которые ждут своего освещения.

Представляется, что осуществление этой работы из-за ее очевидной теоретической и практической значимости является для отечественных психологов и педагогов таким делом, затягивать выполнение которого никак нельзя.

98 99

Часть II

Межличностное восприятие и понимание

100 101

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последнее десятилетие во всем мире все новые ученые включаются в разработку комплекса проблем, составляющих психологию познания людьми друг друга. Каждый ученый интересуется, как правило, отдельными и частными вопросами, относящимися к этому большому комплексу, но все вместе они создают предпосылки для глубокого проникновения в существо процесса формирования у человека знания других людей, а также для подлинного постижения роли этих знаний в поведении и деятельности человека. Исследуются общие особенности формирования образа другого человека и понятия о его личности, выясняется значение пола, возраста, профессии и принадлежности человека к той или иной социальной общности для образования у него знания о других людях, выявляются типичные ошибки, которые допускает человек, оценивая окружающих его людей, прослеживаются связи между познанием им самого себя и пониманием других лиц. Ранее неизвестными фактами обогащаются многие отрасли психологической науки, а практики получают дополнительные возможности для более эффективного руководства организацией взаимоотношений людей, оптимизации процесса их общения в сфере труда, учения, быта.

Накапливаемые факты, проясняющие все новые взаимозависимости характеристик человека, когда он выступает одновременно как объект и субъект познания других людей и как объект и субъект общения и воздействия на других и со стороны других, дают все больше оснований для выделения психологии познания людьми друг друга в относительно самостоятельную область научного исследования. Бесспорно, формирование образов людей и формирование понятий об их личностных качествах подчиняются тем же законам, по которым разворачивается формирование у человека образа предмета или обобщенного знания о нем. Но поскольку в этом случае в качестве объекта познания выступает

102

человек, а не предмет, не вещь, познание его приобретает новые черты. Он отражается в образах и понятиях, которые возникают у познающих его людей, не только своими пространственно-временными характеристиками и даже не только как лицо определенного физического склада, пола, возраста, но и непременно как личность, т. е. как член социальной общности, как индивид, обладающий каким-то характером, способностями, конкретно проявляющимися у него и в том, что он делает, и в том, что он говорит, и в том, что он познает.

Говоря о специфичности познания человеком человека, необходимо также видеть, что это познание, как правило, связано с установлением и сохранением коммуникаций. Будучи проявлением такого познания, образы других людей и складывающееся у человека обобщенное знание о них постоянно зависят от целей и характера его коммуникаций с другими людьми, а на эти коммуникации, в свою очередь, всегда влияет та деятельность, которая объединяет людей, ее содержание, ход и результаты.

Образы и понятия, которые формируются у людей друг о друге, неся им информацию об объективных характеристиках каждого участника деятельности и о его возможностях, позволяют им вести себя в соответствии с отмечаемыми у другого человека свойствами и целесообразно планировать свое поведение. Таким образом, названные формы психического отражения выполняют важнейшую функцию при объединении людей — они являются регулятором общения.

Человек в роли объекта познания, как и любой объект действительности, вызывает у познающих его людей определенное отношение. Но по причине того, что он сам способен «творить мир», активно влиять на ход общения, на результаты труда с другими, он своим поведением сильнейшим образом воздействует на отношение к нему окружающих его людей. А имеющиеся у этих людей оценочные эталоны, стереотипы и установки, актуализируясь при взаимодействии с оцениваемым человеком, в свою очередь, в очень большой степени обуславливают конкретное своеобразие впечатления, которое этот человек затем у каждого из них вызывает.

В познании человеком других людей без большого труда могут быть выделены этическая, эстетическая и аксиологическая характеристики. Этическим, эстетическим и просто широким ценностным нормам человек постоянно следует в своем выразительном поведении,

103

оформлении внешности и поступках, когда он оказывается в роли объекта познания для других. И он более или менее сознательно исходит из этих же норм, когда приходится оценивать любого из окружающих его людей. Во всех таких случаях сформированные у него критерии нравственного и безнравственного, важного и неважного, ценного и не имеющего цены неизменно определяют характер восприятия им других людей и интерпретацию их внутреннего мира. В этих образах и в этом понимании в конце концов всегда отражается положение, которое вообще занимает человек в той системе ценностей, на которую познающий субъект ориентируется в своем повседневном поведении. Положение человека в системе ценностей четко проявляется в том, насколько устойчиво субъект стремится к раскрытию индивидуально-неповторимых характеристик каждого из познаваемых им лиц и, стало быть, насколько он тяготеет к выбору оптимальных способов поведения по отношению к этим лицам. Как свидетельствуют факты, устойчивость такого стремления у лиц, для которых работа с людьми является профессиональным делом, оказывается одним из важнейших условий успеха их деятельности.

К настоящему времени накоплено значительное количество данных, которые в разных планах освещают процесс психологической интерпретации человеком другого человека как личности. В предлагаемой читателю работе предпринята попытка свести все эти данные вместе и в единой системе представить особенности, которые характеризуют познание одной личностью другой личности.

1. Познание человека человеком как научная проблема

Среди проблем, в глубокой и всесторонней разработке которых одинаково заинтересованы как теоретические науки о человеке, так и практика, важное место занимает проблема отражения людьми друг друга в процессе различных видов деятельности. Этой проблеме и посвящена данная работа. Опираясь на теорию формирования человека как субъекта труда, познания и общения, основы которой были заложены Б. Г. Ананьевым¹, мы делаем попытку проанализировать процесс

104

познания человека человеком и, привлекая экспериментальные данные, раскрыть ряд возрастных, профессиональных и индивидуальных особенностей, характерных для этого процесса.

Познание и взаимное воздействие людей друг на друга — обязательный элемент любой совместной деятельности, даже если ее целью не является прямое решение задач воспитания, и она всецело направлена на достижение какого-то материального результата. От того, как люди отражают и интерпретируют облик и поведение и оценивают возможности друг друга, во многом зависят характер их взаимодействия и результаты, к которым они приходят в совместной деятельности.

Главными видами деятельности, в которых люди выступают субъектами познания других людей, являются общение и труд. Процесс общения является таким видом взаимодействия людей, в котором последние выступают по отношению друг к другу одновременно (или последовательно) и объектами, и субъектами. Именно благодаря общению поступок личности А становится обстоятельством жизни В, С, D и т. д., а их поступки, экспрессивные действия, в свою очередь, оказываются обстоятельством жизни для А. Этот осуществляемый различными видами коммуникаций переход поступка одного человека в обстоятельства жизни других людей является характерной особенностью совместной жизни и деятельности людей. Но каждый человек выступает по отношению к партнерам по общению не только как объект и субъект воздействия, но одновременно и как объект и субъект познания.

В процессе общения достигается взаимопонимание, слаженность при выполнении работы, растет способность прогнозировать поведение друг друга в тех или иных обстоятельствах или, наоборот, возникают конфликты и моральные противоречия, разлад в работе, проявляется неспособность предугадать поведение партнера по общению. Достижение положительного результата в общении, как правило, связано с адекватным чувственным отражением друг друга общающимися субъектами, накоплением и правильным обобщением ими информации друг о друге. Отрицательный результат в общении часто оказывается следствием неадекватного отражения общающимися друг друга, недостаточности и неправильного истолкования информации, которой каждый из них располагает. Громадное значение в интерпретации чувственных данных отражения облика и поведения других

105

людей и регуляции взаимодействия с ними в общении имеет опыт труда, познания и общения, который накоплен человеком в ходе жизни, а этот опыт у каждого человека всегда индивидуально своеобразен, и общающиеся всегда более или менее отличаются друг от друга как личности. Кроме того, взаимодействующие в процессе общения индивиды могут преследовать как одну и ту же, так и разные цели. Поэтому общение — это и сложнейшее переплетение отношений общающихся друг к другу, к совместной деятельности и ее результатам и к самим себе, и одновременно яркий показатель умения общающихся понять и объективно оценить друг друга.

Общение как процесс непосредственного установления межличностных связей и взаимодействий людей определяется системой конкретных общественных отношений. Оно, указывает Б. Г. Ананьев, всегда соответствует определенным, исторически сложившимся и социально необходимым формам коммуникаций и регулируется нормами общественного поведения². Социальное и личное связаны как в структуре, так и в динамике процесса общения самым теснейшим образом. Взаимодействуют в этом процессе общественные индивиды, формирование которых как личностей является конкретным выражением конвергенции труда, общения и познания. Средства коммуникации, которыми они пользуются для установления контакта друг с другом, общественны по своему происхождению и индивидуальны по употреблению. Такова речь

— индивидуальное проявление важнейшего средства связи, созданного обществом, — языка. Таковы мимика и пантомимика, когда они начинают выполнять коммуникативную роль, таковы, наконец, и способы поведения каждого человека по отношению к другим людям.

Человек формируется как субъект познания других людей, накапливая и расширяя жизненный опыт, овладевая знаниями о природе, обществе, о человеке и его сознании.

Обязательное преломление индивидуального опыта через систему научных знаний об обществе и человеке, а также идей и образов искусства — одно из важнейших условий формирования человека как субъекта познания в современную эпоху.

Но общением с людьми, усвоением научных знаний,

106

идей и образов искусства не исчерпывается процесс формирования человека как субъекта познания себя и других. Громадную роль в выработке у человека общего подхода к другим людям, определения ценности личности каждого из них играют личный труд и место, занимаемое этим человеком в системе общественных отношений.

Для достижения целей трудовой деятельности каждый из ее участников должен отвечать каким-то требованиям и обладать определенными качествами. Усваивая эти требования, человек учится искать и отмечать наличие или отсутствие этих качеств у других людей и у себя. Место человека в обществе, его классовая принадлежность, роль в процессе создания материальных ценностей и усваиваемые им в связи с этим морально-эстетические нормы всегда сказываются на объективности восприятия и понимания этим человеком других людей, на том отношении, которое у него к каждому из этих людей складывается.

Отражение человеком других людей нельзя рассматривать как нечто статичное, раз навсегда данное. Развитие индивида как субъекта познания других людей проходит много фаз и этапов, которым соответствуют и глубокие изменения в структуре индивидуального сознания. Мысли, чувства и поведение человека по отношению к другим людям свидетельствуют об общем развитии личности. Поэтому отражение одного человека другим может развертываться на различных уровнях. В конечном счете эти уровни опять-таки зависят от того, каким, образно говоря, «фондом» трудовой деятельности, познания и общения обладает личность. Незначительный или только еще начавший складываться у человека опыт труда, познания и общения неизбежно приводит к низкому уровню адекватности отражения им других людей.

На разных возрастных ступенях содержание, конкретное соотношение и характер взаимодействия труда, познания, общения и производных от них видов деятельности, в которые включается человек, неодинаковы. Соответственно неодинаковы на каждом из этапов и результаты совокупного и индивидуального воздействия всех этих видов деятельности на формирование человека не только как субъекта познания в целом, но и как субъекта познания других людей в частности. На всех ступенях формирования человека как личности уровень воспитанности субъекта влияет на характер поведения

107

и отношения к нему окружающих, а стало быть, и на характер впечатлений, которые накапливаются у субъекта от общения с людьми.

Сущность и роль познания человека человеком в процессе взаимодействия людей станут яснее, если мы попытаемся взглянуть на них, используя понятия кибернетики. Н. Винер именно с кибернетической точки зрения рассматривает процесс взаимодействия людей, когда пишет: «Устанавливая связь с другим лицом, я сообщаю ему сигнал, а когда это лицо в свою очередь устанавливает связь со мной, оно возвращает подобный сигнал, содержащий информацию, первоначально доступную для него, а не для меня. Управляя действием другого лица, я сообщаю ему сигнал, и, хотя сигнал дан в императивной форме, техника коммуникации в данном случае не отличается от техники коммуникации при сообщении сигнала факта. Более того, чтобы мое управление было действенным, я должен следить за любыми поступающими от него сигналами, которые могут указывать, что приказ понят и выполняется»³. Таким образом, условием взаимодействия между людьми является непрерывное получение информации каждым из его участников о различных сторонах и компонентах процесса взаимодействия.

Информация, поступающая в процессе взаимодействия людей к каждому из его участников, складывается, во-первых, из тех сигналов, которые человек в ходе совместной деятельности получает непосредственно о других участниках; во-вторых, в нее обязательно входит информация, которую он прямо черпает о себе через посредство своих экстеро-, проприо- и интерорецепторов, сигнализирующих ему о ходе его собственного участия в деятельности, достигнутых результатах, его состоянии и пр. В-третьих, он постоянно получает информацию о внешних для всех участников деятельности условиях, в которых, а может быть и благодаря которым, эта совместная деятельность людей разворачивается. В-четвертых, он получает информацию об общих итогах деятельности.

Вместе все эти виды информации образуют сложный комплекс. В зависимости от требований момента значимыми оказываются то одни, то другие стороны, которые наиболее четко в данный момент и отражаются человеком.

108

В свою очередь каждая из групп сигналов, входящих в этот сложнейший комплекс, который дает человеку разнообразную информацию о ходе совместной деятельности (о частичных и общих результатах ее, об условиях выполнения, о других участниках, о самом себе), также характеризуется многокомпонентностью. Не рассматривая все группы сигналов информации, поскольку это не входит в задачу исследования, проанализируем роль лишь той части информации, которую получает человек о непосредственно взаимодействующем с ним другом человеке.

Особенности, образующие внешний облик и поведение человека, многообразны, и все они для других людей могут выступать носителями определенной информации и играть роль сигналов. По одним признакам, входящим во внешний облик человека, люди судят о его расовой и национальной принадлежности, по другим — о поле и возрасте, по третьим — о социальной принадлежности и уровне культурного развития. Во внешнем облике и поведении каждого человека имеются признаки, наблюдая которые люди выводят заключение о характерологических особенностях другого человека, его способностях, испытываемом им состоянии. Наконец, по определенным признакам мы судим, чем занят человек и как он делает свое дело сейчас, и т. д.

Анализ показывает, что признаки-сигналы, из которых слагаются внешний облик и поведение человека, могут иметь для других людей осведомительное значение и выполнять регулятивную, или прагматическую, функцию. Будучи отраженными, признаки-сигналы актуализируют в сознании воспринимающего субъекта большую или меньшую систему знаний, которую он привык связывать с каждым из этих сигналов, и предупреждают его о необходимости определенного поведения по отношению к тому человеку, которому этот признак-сигнал присущ.

Осведомительная и регулятивная функции сигнала тесно связаны, но полностью не покрывают друг друга. При богатстве связей с другим человеком и при наличии сравнительно высокого уровня психологической и гражданской зрелости взаимодействующий субъект может воспринять в другом человеке значительное число признаков-сигналов. Но, как правило, лишь часть этих сигналов становится регулятором поведения познающего субъекта при взаимодействии с воспринимаемым человеком. Остальные признаки-сигналы, отраженные индивидом

109

в этот момент, будут как бы составлять избыточную информацию. Когда в ходе взаимодействия людей появляются новые задачи, происходит перераспределение ролей признаков, отражаемых познающим субъектом. Признаки, которые в предыдущей совместной деятельности имели для познающего субъекта только осведомительное значение и регулятивной нагрузки не несли, теперь начинают выполнять прагматическую функцию. Те же сигналы, которые ранее имели регулятивное значение, теперь переходят в разряд несущих по преимуществу осведомительную информацию.

Чем ограниченнее опыт общения индивида, тем меньше его способность (возможность) воспринять сигналы, которые несут только осведомительную, но не регулятивную информацию о взаимодействующем с ним человеке. С другой стороны, смысловая наполненность сигнализации о другом человеке может возрастать при отражении его познающим субъектом в процессе совместной деятельности, но она может не использоваться при организации взаимодействия с этим человеком некоторое время или же не использоваться вообще. Регулирующим взаимодействие людей такой сигнал будет в этом случае только потенциально. И в самом деле, факты на каждом шагу убеждают, что, например, при нормальном течении процесса совместной деятельности, при реализации человеком целей, которых он хотел бы достичь, общаясь с другим человеком, определенная часть потока сигналов, получаемых при отражении облика и поведения партнера по деятельности, носит чисто осведомительный характер. И лишь в тех случаях, когда взаимодействие людей начинает идти не так, как хотелось бы одному из участников деятельности, и, стало быть, когда оказывается под угрозой достижение желаемого им результата, указанные сигналы из разряда только осведомляющих индивида о другом человеке переходят в разряд регулирующих его действия и, связываясь с другими прагматическими сигналами, более или менее перестраивают его поведение по отношению к этому человеку.

Исходя из сказанного, всю уже имеющуюся у индивида или поступающую к нему в процессе взаимодействия с другим человеком информацию можно условно разделить на группы в зависимости от ее содержания, способов хранения и целей использования. Видимо, можно выделить прежде всего общеосведомительную информацию. Это — информация о внешних и внутренних

110

устойчивых особенностях другого человека, которая накапливается и сохраняется длительное время, используется при общей оценке актуальных и потенциальных возможностей этого человека и влияет на выработку общего подхода к нему. Затем индивид может располагать более конкретной и ограниченной осведомительной информацией, говорящей ему лишь о готовности другого человека к деятельности определенной сложности и длительности и о характерном для него поведении в условиях этой деятельности. Наконец, существует текущая оперативно-регулятивная информация о поведении, состоянии и возможностях человека, получаемая при взаимодействии с ним в данный момент в совершенно конкретных условиях при совместном решении определенной задачи и используемая немедленно. Само собой понятно, что все эти виды информации не отделены китайской стеной друг от друга и объем и значение каждого из них в зависимости от характера и продолжительности совместной деятельности могут возрастать или уменьшаться.

Положение людей по отношению друг к другу в процессе совместной деятельности, их права и обязанности могут быть и одинаковыми, и различными. Это обстоятельство сказывается на содержании той информации друг о друге, которая имеет для каждого из них первостепенное значение. При сходстве задач деятельности и совпадении в главном путей решения этих задач характер признаков, которые в каждом из участников имеют сигнальное значение, для обоих участников одинаков. При несходстве задач, осуществляемых в деятельности каждым участником, и несовпадении способов, с помощью которых эти задачи каждый из них решает, характер регулятивных признаков в партнере при деятельности для каждого — свой.

Два человека пилят бревно. У них в этой совместной деятельности — объективно равное положение и одинаковые обязанности. Осведомительную и одновременно регулятивную нагрузку для каждого из пильщиков в таких случаях несут те признаки в облике и поведении партнера, которые говорят об имеющемся у него запасе сил и умении. Фиксируются действия партнера: скорость отведения пилы к себе, нажим на ее ручку, угол, под которым он удерживает полотно пилы по отношению к распиливаемому стволу дерева, и т. п.

Для сражающихся на ринге боксеров одинаковой спортивной квалификации наиболее значимыми признаками

111

в облике и действиях противника будут прежде всего признаки, свидетельствующие о его силе, технической и тактической подготовленности, волевой закалке. В ходе боя для обоих боксеров основную осведомительную и регулятивную роль играют особенности облика и действий противника, сигнализирующие о его физическом и психическом состоянии, об общем плане боя, о намерении его провести тот или другой прием и т. д.

Иная картина, когда взаимодействующие в деятельности люди различаются занимаемым в ней положением. Для мастера на производстве наибольшую информационную нагрузку о поступившем в его распоряжение рабочем несут те признаки, которые говорят о производственной подготовленности, владении инструментом, средней производительности труда, качестве работы при выполнении заданий разной сложности, знании правил техники безопасности и т. п. Для рабочего же наиболее значимыми в мастере являются признаки облика и поведения, говорящие о его организаторских навыках, объективности и справедливости при распределении работы, об

умении помочь при возникновении трудностей, о внимании к рабочим, о способности отстаивать законные интересы бригады в целом и отдельных ее членов.

Для провинившегося ребенка в облике и действиях воспитателя наибольшую информационную нагрузку несут признаки, осведомляющие о настроении взрослого, намерениях по отношению к ребенку, степени объективности и искренности в оценке проступка. Для воспитателя же важнейшую осведомительную и регулятивную роль в облике и действиях провинившегося играют те признаки, которые свидетельствуют о понимании ребенком ложности мотивов поступка, вреда его, о раскаянии, стыде и пр.

Таким образом, в первых двух случаях одинаковость объективных условий и тождественность требований, предъявляемых к каждому из участников деятельности, заставляют последних выделять и оценивать совпадающие в содержании (хотя, может быть, и различные по степени выраженности) особенности в облике и действиях друг друга. В последующих двух случаях неодинаковость объективных условий деятельности и нетождественность требований, предъявляемых к каждому из участвующих в ней людей, вынуждают их фиксировать друг в друге не совпадающие в содержании особенности.

Взаимодействие людей друг с другом может быть

112

как непосредственным, так и обусловленным и осложненным опосредствующими звеньями.

Чтобы определенные виды совместной деятельности протекали успешно, совершенно необходимо прямое восприятие партнеров и их поведения. В других совместных деятельности людей для осуществления их целей нет необходимости в непосредственно получаемой информации о поведении друг друга. В подобных ситуациях характер действий одного участника деятельности часто определяется не результатами восприятия поведения партнера, а результатами действий машины, которой последний управляет, или восприятием материальных результатов его деятельности. В этих случаях восприятие облика и поведения партнера по деятельности не является регулятором поведения для другого участника. Оно снова может приобрести регулятивное значение, если воспринимаемый человек отступит от принятых воспринимающим субъектом норм деятельности. И, наконец, во многих видах совместной деятельности на разных ее этапах поведение человека регулируется как непосредственной информацией о действиях партнеров, так и информацией о материальных результатах их деятельности. Эта информация дается разного рода техническими устройствами и вносит коррективы в поведение воспринимающего субъекта.

Широта охвата сигналов информации, поступающих от другого человека, и преимущественный отклик на одни из них и полное или частичное игнорирование других зависят не только от объективного значения этих сигналов для результатов совместной деятельности, но и от их субъективного значения, которое может не совпадать с объективным.

Значимость сигнала, т. е. субъективное отношение человека к поступающей информации, влияет также и на скорость переработки получаемой индивидом информации в ходе взаимодействия с другим человеком.

Мы знаем, что взаимодействие людей в различных видах деятельности протекает в речевой форме. Оно может проходить и в форме осуществления людьми физических действий, направленных на достижение определенной цели, одинаковой или неодинаковой для взаимодействующих. Оно может выглядеть и таким образом, что один человек говорит, а другие осуществляют физические действия. И, наконец, речевые реакции и физические действия одного человека могут переплетаться с физическими действиями и речевыми реакциями другого.

113

Своеобразным аккомпанементом, подчеркивающим степень захваченности человека происходящим и значимости для него собственных действий и действий других людей, являются его выразительные движения. Таким образом, формы, в которые облекается информация, поступающая от одного человека к другому, неодинаковы в разных видах деятельности. В зависимости от видов совместной деятельности находятся количество каналов связи, по которым поступает информация к одному участнику о других, и то, какая из форм информации является главной. В одних случаях наибольшую информацию могут нести и доминировать при построении образа другого человека сигналы, отражаемые зрительным анализатором, в другом — слуховым, в третьем — кинестетическим и т. д.

Если какие-то сигналы, получаемые при взаимодействии с другим индивидом, носят чисто осведомительный характер и не приобретают регулятивного значения для принявшего их субъекта (а так бывает, например, при восприятии признаков расовой и национальной принадлежности человеком, лишенным националистических предрассудков), это неизбежно приводит к превращению соответствующих раздражителей в индифферентные агенты и к постепенному отторжению и исчезновению тех реакций на них, которые могли наблюдаться раньше.

Исходя из своего прошлого опыта общения с разными категориями людей в разных обстоятельствах, индивид ожидает от другого человека в каждой из ситуаций одни формы действий чаще, а другие реже. Это ожидание является субъективным выражением объективного факта вероятности сигнала.

Одним из необходимых условий взаимодействия людей, отвечающих сформированным у человека представлениям о нормальном течении этого процесса и о достижении в ходе его желательных целей, является непрерывное получение человеком информации о результатах его собственных действий в этом процессе. Это управление человеком своим поведением достигается с помощью механизма обратной связи.

Высказывая другому человеку свое мнение и подкрепляя его соответствующими выразительными движениями, давая ему поручение, решая с ним вместе какую-то практическую задачу, индивид непрерывно получает сигналы о том, как он действует и какие результаты им достигаются. В его центральный регулирующий аппарат

114

все время возвращается информация об осуществляемом воздействии на внешний мир, на другого человека.

Благодаря действию механизма обратной связи человек на основе достигаемого в ходе взаимодействия с другими людьми результата может корректировать свое последующее

поведение, заменяя использованные способы воздействия новыми, которые кажутся более эффективными.

Роль обратных связей при непосредственном общении людей хорошо показана в исследовании Г. Мейла⁴. Сенсорные сигналы, возникающие при отражении человеком облика и поведения собеседника, и слушание им собственной речи, информируя его о результатах общения, сказываются на дальнейшем течении и экспрессивном оформлении этого процесса. Искусственно вызываемые Мейлом перерывы в обратной связи, когда нарушалась слуховая самостимуляция, приводили к ряду новых явлений: а) нормальная интонация, характерная для речи испытуемых, утрачивалась; б) возникали необычные для голоса говорящего особенности (дрожание, прерывистость и пр.); в) речь убыстрялась; г) появлялся «агрессивный и виноватый» смех; д) спонтанно проявлялись глубоко личные особенности; е) выражение состояния личности через словесные и голосовые средства отклонялось от ставшей привычной для нее манеры. Все эти изменения не в одинаковой мере проявлялись у разных испытуемых. У некоторых сравнительно быстро наступала адаптация. У других же, когда нарушались обратные связи, указанные выше отклонения от нормы проявлялись достаточно сильно.

Когда исключалась возможность зрительного восприятия собеседников и, стало быть, опять же нарушались обратные связи, коммуникативных жестов у испытуемых становилось меньше, но число жестов некоммуникативных, аутистических возрастало.

Участвующие в регулировании взаимодействия одного человека с другим обратные связи отличаются друг от друга степенью сложности. В простейших обратных связях в грубой форме фиксируется успех или неуспех в достижении несложной цели, например удалось ли нам произнести строгим тоном какую-то фразу, чтобы удержать детей от шалости, и пр. С помощью механизма

115

более сложных обратных связей в регулирующий аппарат человека поступает информация не о результатах выполнения отдельных действий, а о поведении в течение более длительного времени и в системе многих обстоятельств. «Логический тип» такой обратной связи иной, чем в элементарных обратных связях.

Пройденный человеком путь воспитания развивает у него привычку давать способам действия другого человека определенное истолкование и, чаще наблюдая одни из них и реже другие, заключать об устойчивых особенностях последнего. Человек накапливает, не осознавая, эти фактические данные об особенностях поведения другого человека. Перерабатывая и обобщая их, он превращает эти сведения в командную информацию, участвующую в регулировании его поведения по отношению к этому человеку и позволяющую ему более или менее предугадывать наиболее вероятные действия последнего.

Изменения в поведении индивида, которые диктуются появлением нового в действиях другого человека и определенно истолкованной информацией, в конечном итоге опять-таки связаны с проявлением очень общего вида обратной связи.

Хорошо функционирующая обратная связь выступает одним из необходимых условий успешной работы руководителя, воспитателя, учителя. Налаженность ее или пренебрежительное к ней отношение приводят субъекта деятельности к действиям вслепую, потому что отсутствие обратной связи фактически означает отрыв от

действительности. Когда по какой-либо причине механизм обратной связи начинает «работать» с перебоями, человек, взаимодействующий с другими людьми, не фиксирует всех их действий, отражает их выборочно, случайно, вне связи друг с другом, неправильно их интерпретирует и, соответственно, неадекватно на них отвечает. Контакт между людьми разлаживается, взаимодействие нарушается.

2. Человек как объект познания

Человек — не только субъект, но и объект познания, и в качестве такового он предстает перед людьми как индивид, как личность, как индивидуальность. Как индивид он всегда характеризуется определенными морфо-конституционными,

116

нейротипологическими, половыми и возрастными особенностями. Как личность он оказывается представителем определенной общественно-экономической формации, народа, класса, социальной группы, коллектива. Вместе с тем каждый человек выступает всегда и как индивидуальность, как неповторимый продукт, как единичный результат конвергенции совершенно конкретных естественных и общественных условий и обстоятельств, формировавших его как субъекта труда, познания и общения.

Особенности, характеризующие человека как индивида, как личность и как индивидуальность, всегда так или иначе запечатлеваются в образах и понятиях, которые возникают у взаимодействующих с ним людей. В зависимости от задач, решаемых людьми в совместной деятельности, значимость каждой из названных сторон человека может быть различной для окружающих и поэтому больше или меньше запечатлеваться в сознании последних. В повседневном общении каждый человек отражает физический облик других людей, их речь, особенности выразительного поведения, одежду, различные детали оформления внешности, выполняемые ими действия, выделяет признаки, которые могут говорить об их профессии, переживаемом состоянии и т. д.

Физический облик человека характеризуется типом сложения, половыми, возрастными и расовыми особенностями. Тип сложения человека в целом определяется его конституцией, которую современная наука рассматривает как совокупность морфологических, функциональных и реактивных особенностей организма, сложившихся на основе определенной наследственности и воздействий конкретной среды⁵.

Сопоставляя, дифференцируя и оценивая анатомические признаки, образующие физический облик человека, взаимодействующие с этим человеком люди судят о его поле, расовой принадлежности, возрасте, состоянии здоровья и пр.

В разных видах взаимодействия физический облик человека и различные его элементы играют то большую, то меньшую роль. Взаимодействуя с людьми, индивид, «выбирая» стиль общения с ними, учитывает, как правило, их пол и возраст. В ряде деятельности: работе

117

врача, педагога-хореографа, тренера, закройщика — правильная оценка особенностей физического облика людей — одно из условий успешного выполнения ими трудовых задач. При отборе исполнителей той или иной роли в кинофильме или спектакле черты физического облика артиста также оказываются значимым компонентом.

Помимо анатомических признаков, которые образуют физический облик человека, важным компонентом его внешнего облика являются так называемые функциональные признаки. К ним относятся мимика, жестикуляция, походка, осанка, голос, а также речь.

Психические процессы и присущие человеку в каждый момент внутренние психические состояния коррелируют с конкретными нервно-физиологическими и биохимическими характеристиками организма. Сложные психологические образования, которые представляют собой непрерывно перестраивающиеся по ходу деятельности ансамбли процессов и состояний, динамично выражаются во внешнем облике и поведении человека в виде совокупности определенных признаков, организующихся в пространственно-временные структуры. Каждая такая структура включает конкретные характеристики мимики, пантомимики, интонации, темпа движений, качества деятельности и пр. и является сигнальным комплексом, информирующим другого человека о психических процессах и состояниях его партнера по деятельности. Следует отметить, что осведомительную и регулятивную функции несет комплекс в целом, а его компоненты в отдельности воспринимаются далеко не всегда. В осуществлении указанных функций эти компоненты не равноценны, и, если во внешнем облике или поведении человека появляется только один или небольшая часть признаков сигнального комплекса, взаимодействующему с ним индивиду трудно уловить изменения в психическом состоянии партнера.

Совокупность мимических и пантомимических особенностей, соответствующих состояниям грусти, гнева, радости, страха и прочим, является сигналом этих состояний. Каждый из таких сигналов, имеющих как осведомительное, так и регулятивное значение для отразившего их человека, обладает сложной структурой. В нее, как правило, входят признаки разных модальностей (воспринимаемые зрительно, на слух, иногда кожно-мышечным путем). Одни из признаков, образующих структуру такого сигнала, характеризуются постоянством,

118

другие — вариативностью. Человек, осваивая сигналы состояний в ходе взаимодействия с людьми, выделяет и объединяет признаки, характерные для каждого состояния.

Важнейшим элементом в физическом облике человека является лицо. Как ни режет слух фраза: лицо — важнейший инструмент общения, однако факт остается фактом — большинство людей в процессе общения чаще всего концентрирует свое внимание на лицах партнеров и больше всего на глазах, которые оказываются видимым центром человека для воспринимающего субъекта. Это значение лица в процессе общения определяется тем, что на лице расположены важнейшие дистанторецепторы, от лица исходит голос, слышимый другим человеком. Сокращения лицевых мышц изменяют выражение лица и сигнализируют о состояниях человека. Привычка смотреть в лицо партнера по общению и более или менее тонко отмечать смену выражений развивается у каждого человека постепенно, начиная с первых недель жизни. Появление ее дает ребенку возможность предвидеть действия взрослого с «таким» лицом и соответственно строить свое поведение.

Точность и тонкость дифференцирования выражений лиц и соответствующих им состояний у разных людей неодинаковы.

Изучению особенностей восприятия человеком лиц других людей и дифференциации их выражений посвящено много исследований. Авторы этих работ стремятся проследить,

как развивается способность распознавать эмоциональные состояния по выражению лица по мере формирования личности воспринимающего, выявить характерные особенности распознавания у людей, страдающих расстройством психического здоровья, определить основания, которыми руководствуются люди, определяя выражения лиц, соответствующие разным эмоциональным состояниям, и пр. Например, Ф. Ленард

119

и Э. Банлаки изучали, как развивается способность распознавать выражения лиц у учащихся 7 — 17 лет⁷. Исследованием было охвачено 613 учеников разного возраста, которые должны были определять чувства людей, изображенных на фотографиях. В опытах использовались портреты с выражением боли, плохого настроения, отчаяния, удивления, испуга, ужаса, ненависти, ярости, сомнения, сочувствия, отвращения, злорадства, подозрения, соблазна, иронии, большой радости. Ученые установили, что в распознавании эмоциональных состояний по выражениям лиц у школьников с возрастом наблюдается прогресс. Вместе с тем они выявили разницу в темпах развития способности распознавать разные эмоциональные состояния. У школьников 11—13 лет они обнаружили явление временного регресса в распознавании ряда чувств. Этот факт они объясняют тем, что восприятия лиц и толкование их выражений связаны с особенностями личности воспринимающего. В образах, говорят авторы, проецируются особенности не только объектов, но и субъекта восприятия. Поэтому характер распознавания человеком эмоциональных состояний может иметь диагностическое значение.

Р. Плучек⁸ предъявлял испытуемым подросткам фотографии трех разных областей лица — лба, глаз и рта с различными характерными выразительными особенностями. Ученый получил данные о дифференциации подростками выражений лица, которые соответствовали восьми так называемым начальным, или первичным, эмоциям, в совокупности образующим «эмоциональный круг».

С. Ванденберг и М. Маттиссон⁹ выясняли, насколько точно определяют выражения лиц, соответствующие различным эмоциональным состояниям, шизофреники и другие душевнобольные по сравнению со здоровыми людьми. Испытуемым предлагались наборы фотографий мужских и женских лиц, выражающих состояние радости, печали, беспокойства, страха, гнева, смущения, презрения, удивления и подозрений. Основанием использовать в эксперименте именно эти фотографии служило

120

единодушное мнение двенадцати здоровых людей об эмоциональных состояниях лиц, изображенных на портретах. Исследователи установили, что нарушение внутриличностных связей и потеря социальных коммуникаций, характерные для больных шизофренией, а также для страдающих некоторыми другими видами душевных расстройств, в каждом случае определенным образом снижают способность правильно определять выражения лиц. Например, по статистически обработанным данным, собранным Ванденбергом и Маттиссоном, шизофреники-параноики дают более высокий процент адекватного толкования выражений лиц, чем другие шизофреники. Анализируя собранные данные, авторы учитывали влияние «вербальной интеллигентности» испытуемого на показываемые им результаты.

Изучая восприятие человеком мимики, ряд ученых (М. Шерман, Ч. Ландис и др.)¹⁰ предприняли попытку найти определенный «код», который, по их мнению, характеризует каждую эмоцию. В расшифровывании такого «кода», по мнению этих исследователей,

заключается процесс узнавания и распознавания переживаний тем или другим человеком. Однако такой подход к изучению закономерностей прочтения переживаний человека, несмотря на всю его оправданность, все же не ведет к полному решению проблемы, так как при этом, во-первых, не учитывается значение других, помимо выражения лица, особенностей его экспрессии при расшифровывании переживаний и состояния воспринимаемого человека, а во-вторых, не принимается во внимание роль всей ситуации, в условиях которой происходит общение людей.

Влияние ситуации на характер интерпретации мимических движений экспериментальным путем убедительно показывает П. М. Якобсон¹¹. Теоретически значение ситуации общения в расшифровывании переживаний человека, его состояний хорошо раскрывает С. Л. Рубинштейн: «В изолированно взятом выражении лица напрасно ищут раскрытие существа эмоции; но из того, что по изолированно взятому выражению лица, без

121

знания ситуации, не всегда удается определить эмоции, неправильно заключают, что мы узнаем эмоцию не по выражению лица, а по ситуации, которая ее вызывает. В действительности из этого можно заключить только то, что для распознавания эмоций, особенно сложных и тонких, выражение лица служит не само по себе, не изолированно, а в соотношении со всеми конкретными взаимоотношениями человека с окружающими»¹².

Интересное продолжение исследования значения характеристик личности для опознания и переживаемого человеком состояния получили в работах К. Д. Шафранской¹³. Она показала, что трактовка экспрессивного поведения при распознавании эмоционального состояния, стоящего за этим поведением, зависит не только от полноты и надежности информации, содержащейся в экспрессии, выражающей состояние, но и от характеристик расшифровывающей это состояние личности, которые влияют на предпочтение личностью информации определенного вида, на расстановку акцентов в ней, на все ее осмысление.

К. Д. Шафранская сравнивала опознание состояния по экспрессивным признакам поведения человека и всей ситуации, в которой этот человек действует, экстравертами и интровертами и обнаружила, что, чем сильнее было выражено качество экстравертированности у личности, тем больше такая личность опиралась при опознании состояния человека на его экспрессию и тем меньше принимала во внимание всю ситуацию, в которой находился человек, состояние которого надо было определить. Противоположную тенденцию при проведении опознания состояния К. Д. Шафранская обнаружила у интровертов.

Подчеркивая психологическое своеобразие актов опознания эмоционального состояния экстравертами и интровертами, она пишет: «Коротко и упрощенно можно было бы сказать так: экстраверты — смотрят, интроверты — думают»¹⁴, и затем, конкретизируя эту мысль, указывает, что эксперты с интровертированной направленностью

122

личности в большей степени, чем другие испытуемые, проявляют недоверие к одним экспрессивным признакам и одновременно склонность к оперированию представлениями о наиболее вероятных состояниях, опираясь на оценку и соотнесение друг с другом всех

компонентов ситуации, в которую оказывается включенным человек, эмоциональное состояние которого надо установить.

В образе, формирующемся в процессе общения, могут быть запечатлены жесты партнера. По ним мы можем заключить об отношении воспринимаемого человека к какому-то событию, лицу, предмету и пр. Жест может нам сказать о желании этого человека, о его состоянии. Особенности жестикуляции, наблюдаемые длительное время, могут оказаться для нас одним из оснований для вывода о каком-то качестве воспринимаемого человека, например о суетливости, склонности к мелодраматичности и пр.

Жесты, являющиеся одним из видов выразительных движений человека, нельзя считать спонтанным проявлением активности. Любой человек, формируясь как личность в конкретной социальной среде, усваивает характерные для этой среды способы жестикуляции и, так сказать, правила их применения и прочтения. Внешне похожие жесты у людей, формировавшихся в разных культурно-исторических условиях, могут иметь неодинаковое значение.

Человек может жестикулировать как произвольно, так и непроизвольно. По мнению ряда исследователей, для определения состояния, переживаемого человеком, особое значение имеет непроизвольная жестикуляция. Кроут, наблюдая за людьми в экспериментально созданных конфликтных ситуациях, пришел к выводу, что существуют корреляции между различными непроизвольными жестами и определенными состояниями. Пальцы, сведенные кончиками вместе, означают, по его мнению, покорность, смирение, палец у губ — стыд, палец, зажатый обвившими его пальцами другой руки, — самоободрение. Подобным образом он пытается связать еще ряд жестов, с одной стороны, и состояний — с другой. Анализируя отношения между жестами и состояниями, Кроут помимо общих особенностей разбирает индивидуальные вариации в жестикуляции, соответствующие разным состояниям, а также пробует установить особенности жестикуляции в связи с требованиями, предъявляемыми

123

к принятой для представителей разных полов манере вести себя в обществе¹⁵.

Бесспорно значение разработки проблемы, которая заинтересовала Кроута, но его выводы нуждаются в экспериментальной проверке.

Жестикуляция, как и мимика, голос и отмечаемые у данного человека позы, может войти в образ, формирующийся у людей при познании этого человека. Однако она может быть и типичной для этого человека, и совсем не характерной для него, а выразить только случайное состояние.

Интересный материал о жестикуляции и мимических движениях содержится в исследовании Гельма, изучавшего влияние аффективных напряжений на умственную деятельность¹⁶. Этот автор указывает, что в состоянии эмоционального напряжения и конфликта возникают многообразные движения смущения и беспокойства. «Большинство замеченных здесь движений смущения заключается в почесывании и трении разных частей головы. Глаза, лоб, темя, подбородок и нос трут так же часто, как губы, щеки, уши. Такие действия над предметами, как повторное закручивание и раскручивание футляра самописки, галстука, троганье костюма и т. д., следует причислить сюда же»¹⁷. Движения

беспокойства, по данным Гельма, заключаются в усиленной мимике рта, закусывании губ, частом покачивании головы, ерзании на стуле, в отбрасывании «мешающих» волос.

Характерная для человека осанка и типичные позы являются одним из компонентов облика человека, также влияющих на характер впечатления, которое о нем складывается у взаимодействующего с ним индивида. Осанка придает фигуре общий вид и зависит от привычного положения корпуса и головы. Осанка классифицируется как прямая, сутуловатая и сгорбленная, как вялая и бодрая.

Истолкованию позы человека также посвящен ряд работ. А. Олсен провел исследование восприятия человеком

124

движений и поз других людей¹⁸. Рассматривая позы и движения как ответы на действие окружающих условий, как знаки, сигнализирующие о состоянии человека, которые, повторяясь, могут свидетельствовать о некоторых относительно устойчивых особенностях его личности, А. Олсен предлагал испытуемым по фотографиям определять их значение. Он нашел ряд индивидуальных различий в восприятии и толковании движений и поз.

Сарбин и Хардик предприняли исследование с целью выявить влияние поз на ролевое восприятие¹⁹. Полученные данные они интерпретировали с позиций распространенной сейчас на Западе теории ролей. В ходе эксперимента они предъявляли испытуемым одну за другой сорок две так называемые «палочные» фигуры человека, которым придавались различные позы. Каждый участвующий в опыте должен был сказать, какое состояние, по его мнению, испытывает человек, для которого характерна та или другая смоделированная с помощью «палочной» фигуры поза. Авторы пришли к выводу, что определенные позы связываются с определенными действиями или качествами личности.

Походка человека также обогащает наше впечатление о нем. Замеченная нами, она может быть сигналом состояния человека, иногда говорит о перенесенных им болезнях, о роде его занятий (походка альпиниста, моряка, солдатский шаг и пр.).

Ходить, как известно, учатся, не руководствуясь каким-то общим образцом. Тем не менее все индивидуальные варианты походок можно свести к определенным средним формам и в них выделить объединяющие их признаки. Походка каждого человека характеризуется рядом черт: ритмом, скоростью, давлением на поверхность, длиной шага, эластичностью, определенностью направления и изменчивостью. Походке может быть присуща большая или меньшая естественность. Неестественность в походке появляется у человека при состоянии «скованности», чрезмерного напряжения. Эта неестественность может быть связана и с телесными аномалиями. Изучением механизма ходьбы и исследованием походки

125

занимались Н. А. Бернштейн²⁰, Вебер, Браун, Фишер, Бойтендаик, Энке, Покорны и др. Установлено, что темп ходьбы может быть замедленным или убыстренным, в нем, как и вообще в моторике человека; находят выражение и общее состояние организма, и, по утверждению ряда исследователей, такие особенности, как экстра- или интравертированность личности.

В работах, посвященных анализу походки, мы находим и другие попытки связывать ее особенности с состоянием человека и чертами его характера. Так, Р. Покорны в работе «О выражении человека в походке»²¹ указывает, что раскачивание при ходьбе — признак аккуратности, точности, иногда даже педантичности. В некоторых случаях раскачивающаяся походка, по уверению указанного психолога, свидетельствует о тщеславии. Он же полагает, что нарушение нормальных пропорций между ростом человека и длиной его шага тоже может свидетельствовать об определенном состоянии или даже чертах характера. Например, необычно большие шаги малорослого могут означать желание быстрее достичь цели, стремительность, энергию. Маленькие шаги высокого человека могут говорить не только о неторопливости, но и о робости, о желании отдалить встречу с кем-то и т. п.

Помимо общих принято выделять еще особенные признаки походки. К ним относятся элементы движений при ходьбе, которые связаны с отдельными положениями тела в целом или его частей. Такими особенными признаками являются, например, положение носков ног при ходьбе и стоянии, движения рук, так называемая пяточная и пальцевая ходьба. В эту же группу признаков входят наблюдаемые при ходьбе и явно выраженные у некоторых людей содвижения бедер, поясные движения, движение плечами.

Авторы, интересующиеся вопросом о том, насколько в походке человека проявляется его состояние и черты личности, наряду с верными наблюдениями действительных фактов позволяют себе делать обобщения, которые

126

не отвечают требованиям научной достоверности и порой звучат просто наивно. Однако они верно подметили одну из особенностей формирования образа человека окружающими. Характер походки действительно связывается людьми с физическим самочувствием и возрастом (старческая походка), иногда с полом (мужская походка), с состоянием («виноватая» походка) и пр., и если походка является для индивида значимым признаком, он будет отмечать ее, воспринимая других людей. Она как один из признаков, постоянно будет входить в образы людей, формирующиеся у этого индивида.

Голос также является одним из компонентов облика и влияет на впечатление, производимое человеком на окружающих. Голоса людей в широких пределах различаются по высоте, тембру, манере произношения и являются довольно тонким инструментом выражения состояния и некоторых других особенностей их владельцев. Тем не менее голос из-за трудности его анализа в психологии исследуется пока мало, изучается главным образом речь. А между тем голосу каждого человека присущи определенный ритм, отрывистость или плавность произношения, характерность интонаций, большая или меньшая музыкальность. И эти свойства, так же как высота и тембр, делают голос каждого человека индивидуально своеобразным²² и влияют на то впечатление, которое складывается о владельце голоса у воспринимающего его индивида.

Г. Олпорт попытался установить корреляции между голосом и некоторыми чертами физического и психического облика человека и выявить, как голос сказывается на формировании образа того, кому он принадлежит²³. Собранные Олпортом факты, по его мнению, свидетельствуют о том, что восприятие голоса дает человеку знание не только о состоянии владельца этого голоса, но и о его возрасте, причем возраст по голосу может быть назван с точностью до десяти лет. Прямых корреляций между голосом, с одной стороны, и комплекцией и ростом человека — с другой, Олпорт не установил.

Лишь некоторым его испытуемым случайно удавалось по голосу угадывать черты физического облика владельца голоса, предъявленного для восприятия. Вместе с тем ряд испытуемых под влиянием имевшегося у них опыта общения с определенными людьми обнаружили стойкую тенденцию связывать воспринимаемый голос с определенным физическим обликом человека. Испытуемые Олпорта, как он пишет, «с явным успехом» по голосу устанавливали, экстравертированный или интравертированный тип личности характерен для его владельца. При дальнейшем анализе собранных материалов Г. Олпорт идет еще дальше и в заключение утверждает, что, на его взгляд, голос хорошо согласуется с личностью как целым и по нему можно «набросать эскиз» человека, которому он принадлежит.

Нельзя отрицать ценности проведенного Олпортом изучения корреляций между голосом и чертами облика, а также роли его в формировании впечатления о человеке, которому он принадлежит. Однако при обобщении собранных данных Олпорт допустил ошибку, аналогичную ошибкам графологов, которые проводили прямую связь между почерком и характером человека и пытались определить содержание и форму такого сложного психического свойства, как характер, проанализировав лишь почерк человека.

Голос действительно может «выдать» переживания человека, сказать об отношении его владельца к тому или иному факту, помочь лучше понять самочувствие и темперамент человека и даже раскрыть некоторые черты его характера, скажем, такие, как уверенность или неуверенность человека в себе. Однако утверждать, как это делает Олпорт, что голос сочетается с типом личности как целым, значит выдвигать совершенно неправильное положение. Если рассматривать личность как ансамбль психических свойств, таких, как характер, являющийся обобщенной и закрепленной совокупностью побуждений, регулирующих поведение, и как способности, представляющие собой закрепленную в индивиде систему обобщенных психических деятельностей, то голос никак не может быть показателем типа личности.

В реальном живом общении людей большое значение имеет узнавание голоса человека и различение оттенков его с целью установления эмоционального состояния, переживаемого человеком, с которым нам приходится общаться. Поэтому именно этот вопрос был

подвергнут самостоятельному изучению в работе, выполненной Т. В. Корневой²⁴.

Т. В. Корнева установила, что различия в точности распознавания эмоциональных состояний людей на основе восприятия их голоса связаны в основном с модальностью эмоций. Наименьшее количество ошибок при оценивании состояния человека по голосу испытуемые, с которыми работала Т. В. Корнева, допустили при идентификации состояния гнева и ровного настроения. Средний балл их опознания составил соответственно 99,3 и 97,0. Другие состояния распознавались значительно менее успешно ($p < 0,05$). Так, средний балл опознания сниженного настроения равнялся 75,8, тревоги — 81,4, апатии — 80,7, повышенного настроения — 79,5.

В этом же исследовании Т. В. Корневой удалось убедительно выявить наличие зависимостей между точностью опознания по голосу эмоционального состояния человека и особенностью профессионального опыта лиц, решавших задачу на опознание. В

излагаемом исследовании различия в точности опознания состояния человека по его речевой экспрессии между испытуемыми врачами-психиатрами, у которых профессионально развивается внимание ко всем проявлениям экспрессии, с одной стороны, и испытуемыми немедицинского профиля (инженерами, математиками и др.), а также врачами других специальностей (терапевтами, окулистами, отоларингологами и др.) — с другой, были статистически достоверными на доверительном уровне 99,9%.

И наконец, Т. В. Корневой было выявлено значение ряда личностных характеристик людей для адекватного различения ими по оттенкам голоса и особенностям речевой экспрессии эмоциональных состояний человека. Методом корреляционного анализа ею были установлены статистически достоверные связи (рассматривались коэффициенты корреляции, значимые на уровне 95% и выше) между определенными личностными характеристиками — сензитивностью, легкой ранимостью, проницательностью по отношению к другим людям, осторожностью в межлюдских контактах и некоторыми другими (выявленными с помощью опросника Кэттелла) и более высокой способностью тех, у кого были обнаружены

129

эти характеристики, дифференцировать состояние человека по его голосу.

В создании впечатления о воспринимаемом человеке большую роль играет и его речь. Как мы знаем, и устной и письменной речи любого человека присущ ряд индивидуальных особенностей. К ним относятся характерная для данного человека скорость речи, длина фраз, типичные для него конструкции предложений, использование прилагательных, наклонений глаголов, употребление жаргонных словечек, метафор, грамматические ошибки и оговорки, расстановка ударений и пр. Стиль речи, характерный для воспринимаемого человека, оценивается другой личностью с точки зрения соответствия определенным речевым эталонам, сформировавшимся у этой личности, и сказывается на общем мнении, которое складывается у нее о воспринимаемом человеке.

Исследователи Сарбин и Вильямс интересовались, как люди, слушая голос, могут «конструировать» личность говорящего²⁵. Они записали на ленту магнитофона 38 фраз, произнесенных разными людьми неодинаковым тоном. Например, одно из предложений было выкрикнуто человеком среднего возраста: «Очень хорошо, ребята, выходите и покажите им!!», другое было произнесено «хныкающей маленькой девочкой», крикнувшей: «Кто-то сломал мою куклу!!», третье — человеком, сказавшим: «Я люблю сидеть у огня и читать — читать стихи». Эти записи были воспроизведены перед различными группами испытуемых. Последние должны были указать возраст, пол, род занятий каждого из говоривших и высказать предположение об особенностях их личности и о ситуации, в которой произнесена данная фраза. Хотя соответствие содержания ответов действительности было нулевым, так как все вышеназванные фразы были сказаны или студентами, или зрелыми актерами, степень совпадения оценок, данных испытуемыми, была очень высокой. Например, прослушав первую фразу, 90% отвечающих решили, что ее произнес тренер, обращаясь к футболистам перед выходом их на поле.

Авторы этого исследования, исходя из анализа полученных материалов, считают, что определенно можно говорить о положительной корреляции в ответах у женщин между частотой оценки ими возраста и частотой

130

приписывания лицам, произносившим различные фразы, соответствующих социальных ролей. У мужчин исследователи нашли положительную корреляцию между частотой представления ими социальной роли и социальной ситуации.

В своем исследовании Сарбин и Вильямс предприняли также попытку установить корреляции между оценкой испытуемым личности того, кто произносил ту или иную фразу, и качествами личности самого испытуемого.

Работа Сарбина и Вильямса, таким образом, показывает, что если жизненный опыт данной группы людей в основном одинаков, то сходными будут восприятие ими определенных фраз и представления о тех, кто эти фразы произнес, и о том, в какой обстановке они были произнесены.

Поскольку характеризующая человека манера речи, а также его голос в общении играют роль опознавательного признака, криминалистика, когда другие способы не эффективны, используя технику, находит нужных ей людей «по голосу» и по «особенностям речи». Вот один из таких случаев. В Западной Германии преступник, похитив семилетнего мальчика, позвонил его отцу и предложил выкупить сына. Отец поставил об этом в известность полицию. Все его последующие телефонные разговоры с вымогателем были записаны на магнитофонную пленку. Большая группа специалистов по научной фонетике и диалектам, познакомившись с этими записями, единодушно пришла к выводу, что преступнику около 40 лет, что он не принадлежит к образованным слоям населения, что в речи его преобладает диалект Рейнско-Рурской области, хотя встречаются и выражения, свойственные говору германского юга-запада. Впоследствии их вывод подтвердился. По радио несколько раз передавали магнитофонную запись речи преступника и обратились к населению с призывом помочь установить его личность по голосу. Чтобы внимание слушателей не отвлекалось содержанием разговора, а было приковано исключительно к особенностям речи, криминалисты сделали монтаж, включающий в себя повторение одних и тех же фраз и оборотов. Шесть радиослушателей узнали голос и назвали имя человека, его владельца. Указанный ими человек действительно оказался тем преступником, которого искали²⁶.

131

Исследователи, например Г. Олпорт, опираясь на собранные факты, полагают, что присущие каждому человеку временные и устойчивые состояния наиболее адекватно и тонко выражаются, как правило, одним-двумя способами экспрессии. Для одного таким выделяющим личность способом оказываются характерные изменения в выражении глаз, для другого — движения рук, для третьего — изменения в походке и позе, для четвертого — голос и т. д. Это утверждение верно лишь отчасти, ибо ученый не принял во внимание значение силы переживания в связи с тем или иным событием в жизни человека. Как известно, в зависимости от значения события для личности и степени сохранения контроля над своими движениями возбуждение может охватывать большее или меньшее число областей экспрессии.

Эта зависимость в определенной мере прослеживается в исследовании Гельма, который пытался установить различия в характере мимических проявлений в зависимости от интенсивности аффективных состояний и того, в какой мере воздействие затрагивает наиболее существенные стороны личности. Когда аффектогенное воздействие затрагивает человека менее серьезно (не колеблет его социальную позицию, не изменяет мнения, сложившегося о нем у авторитетных для него людей, и т. п.), его аффективные проявления выражаются свободнее как в мимическом, так и в речевом плане. Когда же воздействия

затрагивают человека более глубоко, более личностно и колеблют, как ему кажется, его жизненную позицию, начинается видимое и осознанное владение собой, что отражается на характере мимики и пантомимики. Гельм пишет по этому поводу: «Просто «нормальный» аффективный процесс выражается непосредственнее и понятнее, чем управляемый аффект средней интенсивности»²⁷.

Изучению механизмов выразительного поведения людей посвящено очень много исследований²⁸. После классических работ И. П. Павлова была сделана не одна попытка осмыслить выразительное поведение и формирование выразительных движений с позиций

132

рефлекторной теории. П. В. Симонов, П. М. Якобсон, опираясь на новейшие факты, полученные как в их лабораториях, так и другими исследователями, при разработке общей теории эмоций анализируют и сопутствующие им жесты, мимику, интонацию²⁹. В эмоциях, имеющих сложную рефлекторную структуру, двигательные и вегетативные компоненты связаны между собой самым тесным образом. Двигательные компоненты при возникновении эмоционального возбуждения играют роль функционального стержня, вокруг которого формируется целостный рефлекторный акт. Эффекторное осуществление эмоционального акта ведет к торможению центральных образований, а задержка эффекторной деятельности усиливает эмоциональное возбуждение. Большое значение в развитии выразительных движений имеет подражательный рефлекс, при помощи которого у человека в детские годы складывается и вырабатывается сложное индивидуальное и социальное поведение.

В сравнительно недавнее время Н. А. Бернштейн попытался объяснить механизм походки, тембр голоса, произношение, почерк, используя новейшие данные физиологии и кибернетики³⁰. Он специально выделял факт, характерный для каждого из совершаемых человеком повторных навыковых движений, — «существенное сходство, т. е. равенство, по одной части имеющих признаки при отсутствии конгруэнтности и размещаемость по другой, обычно метрической части признаков в вариационные ряды»³¹. Для объяснения этого явления Н. А. Бернштейн использовал математическую идею, выдвинутую И. М. Гельфандом и М. Л. Цетлиным и заключающуюся в приложении к разбираемому вопросу класса функций большого количества переменных, обозначаемых авторами как «хорошо организованные функции»³². «Влияние существенных переменных на небольших

133

интервалах, — пишет Н. А. Бернштейн, — может в значительной степени маскироваться вмешательством сильно вариативного эффекта несущественных переменных, но в итоговом результате форма и протекание функции определяются прежде всего существенными переменными»³³. Определяющие закодированные в мозгу черты циклического навыкового акта типа походки, письма реализуются, по мнению Н. А. Бернштейна, как продукт существенных переменных, а метрические признаки, каждый из которых дает вариационные ряды, — как результат влияния несущественных переменных.

Помимо признаков, образующих физический облик человека и его выразительное поведение, компонентом внешнего облика человека являются его одежда, прическа, украшения и прочие предметы и признаки, с помощью которых достигается то или иное внешнее «оформление» облика человека. Этот компонент облика может говорить о

деятельности человека (военная форма, рабочий комбинезон), о его национальной принадлежности (национальный костюм), служить дополнительным признаком возраста, свидетельствовать о вкусах и привычках и т. д. От оформления облика человека, следовательно, также зависит (больше или меньше) характер впечатления, которое складывается о нем у воспринимающих его людей. В зависимости от деятельности, соединяющей людей, и от особенностей личности самих общающихся этот компонент внешности в одних случаях осознается больше, в других меньше. Оформление внешности человека оценивается, как правило, окружающими его людьми с позиций усвоенных ими этико-эстетических норм.

Среди факторов, влияющих на развитие общения, внешность и выразительные движения человека могут занимать и занимают важное место. Вместе с тем ясно, что громадную роль в общении выполняют фиксирование и психологическая интерпретация людьми тех движений партнеров, которые совершаются в связи с задачами, вытекающими из совместно выполняемой ими деятельности. А между тем еще во многих руководствах по психологии фактически высказывается взгляд, что информационное значение для субъекта восприятия имеют лишь речь и экспрессивные движения — мимика и пантомимика, выражающие состояние и отношение партнера по деятельности. Все прочие движения человека почему-то

134

не принято рассматривать с точки зрения их информационного значения, которое они имеют для других людей. Но ведь ясно, что положение тела человека в пространстве относительно горизонтали и вертикали, движения, им совершаемые, а также положение отдельных частей тела относительно друг друга и тела в целом и движения этих частей сигнализируют другим людям не только об эмоциональном состоянии человека. Они дают информацию о намерениях воспринимаемого человека, о выполняемой им работе, о владении им определенными навыками, о степени развития у него тех или других привычек, о его возрасте и т. д. Чтобы адекватно отразить и правильно оценить выразительные движения партнера, познающий индивид должен обладать определенным опытом. Интерпретация и оценка всех названных движений и действий также зависят от опыта познающего субъекта.

Движения и действия составляют поведение человека. В него входят и поступки — акты объективно и субъективно мотивированного поведения, которые имеют значение для окружающих людей и нравственно-психологические последствия для совершившей поступок личности³⁴. Воспринимая движения, действия, поступки, деятельность человека, люди проникают в их внутреннее психологическое содержание, познают убеждения, потребности, интересы, чувства, характер, способности личности.

Непосредственно наблюдая внешнюю сторону поведения другого человека, воспринимающий его индивид в меру своего умения «читает» на основе контекста людских отношений выражаемое в этом поведении психологическое содержание. С. Л. Рубинштейн пишет об этом так: «В повседневной жизни, общаясь с людьми, мы ориентируемся в их поведении, поскольку мы как бы «читаем» его, т. е. расшифровываем значение его внешних данных и раскрываем смысл получающегося таким образом текста в контексте, имеющем свой внутренний

135

психологический план. Это «чтение» протекает бегло, поскольку в процессе общения с окружающими у нас вырабатывается определенный более или менее автоматически функционирующий психологический подтекст к их поведению»³⁵.

В повседневных, ставших привычными для нас жизненных ситуациях, когда нет надобности глубоко проникать в смысл поведения окружающих нас людей, в истинные мотивы их действий, процесс, раскрывающий действительное психологическое содержание их поведения, свернут. Но стоит другому человеку отойти от «само собой разумеющейся» манеры поведения или небезразличному для нас лицу «огорошить» необычным для него поступком, как процесс интерпретации их поведения выдвигается на передний план. Мы не просто регистрируем внешнюю сторону их поведения, а пытаемся психологически объяснить их поступки, для чего порой начинаем дополнительно наблюдать за ними.

Особенность, на которую обратил внимание С. Л. Рубинштейн, чрезвычайно существенна для понимания процесса познания людьми друг друга в жизни, и границы, в пределах которых она дает себя знать, очень широки. Пока манера общения с другими, род занятий, качество труда, внешний облик, отклик на происходящие события, преследуемые цели, весь уклад жизни, присущие другому человеку, соответствуют образцам, которым привык следовать общающийся с ним субъект, последний обычно проявляет своеобразное «равнодушие» к психологии другого. Он, так сказать, без сомнений и доказательств полагает, что у другого человека «психология» такая же, как и у него. И только когда образ жизни, манера вести себя, реагирование на происходящие события, внешний облик человека отходят от тех «образцов», которые в глазах общающегося с ним являются выражением «нормы», последний от регистрации внешней стороны поведения познаваемого человека переходит к психологической классификации его поступков, пытается дать им ту или иную оценку и понять этого человека как личность. При этом он всегда сталкивается с определенными психологическими трудностями, которые являются, с одной стороны, следствием сложности познаваемой личности, а с другой — вызваны

136

неизбежной ограниченностью познавательных возможностей самого субъекта познания.

Внешняя сторона отдельно взятых поступков, как правило, не определяет однозначно их внутреннее психологическое содержание, и это превращает процесс познания индивидом другой личности в решение им психологической задачи, на которую он может дать как правильный, так и неправильный ответ.

В сознании человека развито убеждение, что качествам личности, содержание которых отвечает требованиям морали, соответствуют определенные формы выражения этого содержания, определенные способы поведения личности. И наоборот, качествам, содержание которых расходится с требованиями морали, в свою очередь соответствуют другие, также сравнительно определенные способы поведения. И такое убеждение в общем правильно, потому что действительно в состав качества личности входят, с одной стороны, известная система потребностей, интересов, чувств субъекта, определяющая его отношение к действительности, с другой стороны, способы поведения, являющиеся средством и формой осуществления этих потребностей, интересов, принципов. Однако связь между содержанием качества и способом его выражения не всегда имеет однозначный характер. Практика взаимодействия людей и специальные исследования, особенно исследования формирования качества личности на разных возрастных этапах,

дают нам факты, свидетельствующие о том, что способ поведения личности может не полностью соответствовать или вообще не соответствовать имеющемуся у личности отношению к какой-то стороне действительности. Это, в частности, было выявлено нами в прежних работах при исследовании личности школьника³⁶.

Возможные виды связи между содержанием качества личности, с одной стороны, и способом, формой проявления его в поведении личности — с другой, между мотивом и поступком личности широко освещены также в работах Л. И. Божович, А. В. Веденова, В. Н. Мясищева, С. Л. Рубинштейна и ряда других исследователей.

137

3. Восприятие человека человеком (характеристика процесса)

Основными процессами, посредством которых человек принимает и перерабатывает информацию, поступающую от другого человека, являются ощущение, восприятие, представление, мышление.

Чтобы раскрыть процесс познания человека человеком, надо проследить особенности формирования образа человека и понятия о нем, как о личности у взаимодействующего с ним индивида.

Чувственный образ, который является первой ступенью познания, формируется как процесс построения изображения. Образ человека, как образ восприятия, представляет собой совокупность элементов, находящихся в определенном соотношении с совокупностью элементов, составляющих облик отражаемого человека. В самом общем смысле это есть соотношение подобия или сходства. Оно характеризуется общностью модальности элементов обоих множеств и общностью принципа их пространственно-временной упорядоченности.

Восприятие человека человеком, как и любое другое восприятие, характеризуется предметностью, которая в рассматриваемом случае заключается в том, что свойства облика человека отражаются в образе как принадлежащие человеку, т. е. как свойства этого человека. Восприятию человеком человека присущи и такие особенности, характеризующие отражение индивидуумом действительности, как объективированность и субъективность, как целостность и структурность.

И. М. Сеченовым было показано, что основой целостности и структурности восприятия является отражение формы (и контура) предмета, которая, являясь «раздельной гранью двух реальностей», выделяет его из окружения и выражает единство строения предмета как целого³⁷. Очертание лица, общий силуэт тела являются важнейшими опознавательными признаками человека для воспринимающих его людей.

Многочисленными исследованиями установлено, что целостный образ возникает постепенно и становление его связано с пространственно-временными условиями, в которых человек отражает объект. Действие этих условий всегда сказывается и на формирующемся у нас

138

образе другого человека. Например, по имеющимся данным, люди с нормальным зрением в условиях хорошей видимости выделяют человека из окружения, когда этот человек

находится от них на расстоянии 2 км. На расстоянии 1 км они видят общий контур человека. На расстоянии 700 м индивидуум воспринимает движение рук и ног другого человека, на расстоянии 400 м он видит головной убор, на расстоянии 300 м — голову и плечи, овал лица, цвет одежды. На расстоянии 200 м человек выделяет лицо, кисти рук, на расстоянии 60 м — различает глаза, нос, пальцы, на расстоянии 20 м человек различает все детали облика другого человека.

В условиях меньшей видимости показатели восприятия человека на расстоянии оказываются иными. Например, в пасмурный зимний день, начав наблюдать за приближающимся человеком, когда он находился на расстоянии 350 м, и закончив наблюдение, когда он приблизился на расстояние 20 м, группа испытуемых из 26 человек в целом показала такие результаты (см. табл. 1).

Комментируя данные таблицы 1, необходимо отметить, что для отражения испытуемыми каждого из названных признаков всегда был характерен определенный путь развития. В излагаемом опыте все испытуемые преувеличили рост человека, находившегося от них на большом расстоянии. Наблюдая за человеком на расстоянии 350 м, все испытуемые сначала утверждали, что он одет во все черное. Различение цвета каждого из элементов внешнего облика воспринимаемого человека происходило неодновременно. Цвета элементов внешности, относившихся к верхней половине фигуры воспринимаемого человека, распознавались раньше, чем цвета элементов внешности, относившихся к нижней половине фигуры. В облике медленно приближавшегося к испытуемым человека в первую очередь правильно воспринимался цвет крупных компонентов и деталей.

Аналогичные результаты нами были получены при таких же условиях и в другой группе испытуемых.

Изменения зрительного образа в условиях постепенного изменения расстояния между объектом наблюдения и наблюдателем были изучены М. Д. Александровой и Б. Ф. Ломовым³⁸.

Таблица 1

Элементы внешнего облика	Расстояние, на котором дан правильный ответ, м		
	лучший результат	худший результат	средний результат
Отсутствие пальто	350	140	269
Цвет главных предметов верхней одежды (верхняя половина тела)	350	110	244
(нижняя половина тела)	290	110	183
Овал лица	300	200	236
Отсутствие перчаток	260	200	224
Расстегнут пиджак	320	140	220
Вид верхней одежды	350	110	212
Отсутствие головного убора	260	200	203
Рост	260	110	177
Джемпер	290	110	163
Основные элементы лица	200	110	140
Цвет волос	230	20	113
Прическа	170	20	101
Расцветка джемпера	110	80	96

Цвет обуви	140	20	89
Улыбка	140	50	87
Цвет рубашки над вырезом джемпера	140	20	80
Рисунок на джемпере	110	20	69
Лоб, глаза, нос (относительная величина их)	80	50	62
Авторучка в нагрудном кармане и значок на лацкане пиджака	50	20	43
Пуговицы на рубашке	50	20	35

В этих исследованиях процесс становления зрительного образа при отражении человека человеком специально не изучался, однако фазы процесса становления образа предмета, установленные названными исследователями, имеют место и при восприятии людьми друг друга, когда их разделяет большое расстояние. Исследователи выделяют в процессе становления зрительного образа пять фаз. На первой из них имеет место грубое различие общих пропорций объекта и его положения. Эту фазу сменяет фаза «мерцающей» формы. Для третьей фазы характерно грубое различие основных деталей. Прежде всего вычлняются наиболее крупные детали вне зависимости от того, где они расположены. Если детали примерно равны, то раньше всего воспринимаются детали, расположенные сверху и справа. Различение нижних частей отстает от

140

различения верхних. На этой фазе характерные части контура хотя и отмечаются, но еще нет адекватного отражения их взаимоотношений. На четвертой фазе наблюдается глобально-адекватное восприятие. На пятой фазе образ становится дифференцированным. Контур объекта отражается в полноте его деталей.

Большое значение в формировании образа человека имеет ракурс, в котором обычно видят этого человека воспринимающие лица. Факты показывают, что разница в росте между воспринимающим и воспринимаемым оказывает влияние на формирующийся образ. О примерах такого влияния пишет И. Рахилло: «Маяковский был высокого роста, и все обычно привыкли видеть его снизу, с подбородка: в этом ракурсе его лицо приобретало тяжелую скульптурную монументальность. На самом же деле, с точки зрения обычных пропорций, подбородок у Маяковского не был большим (хотя многие художники и скульпторы до сих пор бьются и не могут найти эту неуловимую и характерную для выражения лица поэта значительность — они искусственно утяжеляют ему подбородок и сразу теряется сходство).

А подбородок у Маяковского был, как это ни кажется странным, совсем не резко выраженного, а даже наоборот — мягкого контура. Монументальность поэту придавали его рост, плечи, широкий великолепный рот оратора и жгучие, полные ума, человечности и ощущения скрытой силы, огромные выразительные глаза»³⁹.

Восприятию человека человеком присуща и такая черта, как константность. Несмотря на изменения в освещенности, удаленности от наблюдателя, образ воспринимаемого человека остается относительно постоянным. Как отметил Селфридж, «человеческие лица как зрительные комплексы подвергаются увеличению, перекосу, вращению, их контуры могут быть подчеркнуты или размыты, и все же они остаются теми же лицами»⁴⁰. Работы, осуществленные в нашей стране и за рубежом, показали, что, не будучи абсолютным свойством, константность, подобно целостности и структурности, не является изначальным свойством и возникает в процессе формирования образа

восприятия: образ становится константным лишь по мере все более тонкого различения элементов контура.

141

Как известно, все рецепторные процессы: отбор и поиск информации, настройка, прослеживание, гаптика и т. д. — протекают активно. Эта активность характерна и для зрительного восприятия человека человеком. И. М. Сеченов высказал мысль, что зрительное восприятие человека предполагает активные «ощупывающие» движения глаз, и эти движения — такой же необходимый компонент зрительного восприятия, как и отражение зрительного образа на сетчатке. Эта мысль была экспериментально подтверждена рядом исследователей, в частности А. Л. Ярбусом. Он показал, что объект, изображение которого падает на неподвижную точку сетчатки, перестает восприниматься уже через 2—3 с. Для устойчивого зрительного восприятия объекта необходимо перемещать изображение по сетчатке, что достигается с помощью микро- и макроскопических движений глаз⁴¹. В. П. Зинченко и Б. Ф. Ломовым было установлено, что макродвижения глаз являются составной частью механизма отражения пространственных признаков объектов: их формы, величины, положения и пр.⁴² На первой стадии установления перцептивного образа человека с помощью макродвижений глаз осуществляется наводка рецепторов на воспринимаемого человека и определяется его местоположение в поле восприятия. Кроме того, макродвижения глаз выполняют функции построения, измерения, контроля и корригирования. В траектории движения глаз воспринимающего субъекта воспроизводится, хотя и с отклонениями, контур любого объекта, в том числе и человека. В процессе такого «обследования» объекта в нем, как правило, выделяются «конструктивные» точки, относительно которых оцениваются все остальные элементы контура. Можно думать, что при отражении внешнего облика другого человека в условиях обычного общения роль таких «конструктивных» точек выполняют глаза. Исследования показывают, что взгляд субъекта восприятия постоянно возвращается к глазам партнера по общению.

Пониманию многих существенных моментов формирования чувственного образа содействует попытка осветить

142

процесс восприятия с позиций вероятностной теории. Согласно этой теории восприятие — сложный активный процесс, основанный на последовательном просмотре отдельных деталей объекта с выделением точек, несущих наибольшую информацию, отведением неправильных гипотез и получением определенного синтеза наиболее информативных точек, который в итоге и позволяет сделать заключение о характере воспринимаемого объекта⁴³. При восприятии знакомого предмета и в обычных условиях этот процесс оказывается более или менее свернутым. Но при отражении незнакомого объекта или при необычности условий сразу же проявляются и сложная структура, и развернутость во времени процесса восприятия.

Восприятие человека человеком характеризуется осмысленностью. Посредством слов, которыми обозначают воспринимаемого (колхозник, ученый, капиталист и т. п.), в образ его включается обобщенное знание о данной категории людей, сложившееся в результате общественной практики и более или менее усвоенное воспринимающим субъектом.

Как свидетельствуют факты, значение слова в формировании восприятия человека может быть очень большим. Мы показывали поочередно 58 взрослым испытуемым

фотографии девушки-старшеклассницы, молодой женщины, молодого человека и пожилого мужчины. Испытуемые, видевшие каждую из фотографий в течение пяти секунд, должны были словесно воссоздать облик человека, которого они только что рассматривали.

Перед каждым показом одной и той же фотографии группам испытуемых давались разные установки. Так, одной группе испытуемых, перед тем как показать фотографию молодой женщины, мы говорили: «Сейчас вам будет показана фотография учительницы», а другой: «Сейчас вы увидите портрет артистки». Перед предъявлением фотографии молодого человека одну группу испытуемых мы предупреждали, что они увидят портрет героя, а второй группе испытуемых, прежде чем показать эту же фотографию, говорили, что на ней изображен преступник, и т. п.

143

От испытуемых было получено 224 отчета⁴⁴ о восприятии ими названных выше лиц. Анализ содержания дает основание разделить «нарисованные» испытуемыми словесные портреты на три группы. К первой мы отнесли портреты, содержание которых в большой мере было обусловлено установкой. Во вторую группу мы объединили портреты, содержание которых свидетельствовало о том, что на восприятие человека испытуемым установка не действовала и формирование его всецело шло под влиянием тех особенностей, которые были присущи воспринимаемой натуре. И, наконец, третью группу в описываемом опыте составили портреты, содержание которых говорило о борьбе установки и природы в момент, когда у испытуемого формировался образ человека, изображенного на фотографии.

Вот образцы портретов, отнесенные нами соответственно к 1, 2 и 3-й группам.

1. Портреты, свидетельствовавшие о том, что испытуемый, воспринимая изображение человека, всецело был во власти установки, созданной у него перед показом фотографии:

«Этот зверюга понять что-то хочет. Умно смотрит и без отрыва. Стандартный бандитский подбородок, мешки под глазами, фигура массивная, стареющая, брошена вперед» (автор «портрета» И. Установка — преступник).

«Человек опустившийся, очень озлобленный. Неопрятно одетый, непричесанный. Можно думать, что, до того как стать преступником, он был служащим или интеллигентом. Злой взгляд» (автор «портрета» К. Установка — преступник).

«Молодой человек лет 25—30. Лицо волевое, мужественное, с правильными чертами. Взгляд очень выразительный. Волосы всклокочены, не брит, ворот рубашки расстегнут. Видимо, это герой какой-то схватки, хотя у него и не военная форма (одет в клетчатую рубашку)» (автор «портрета» Г. Установка — герой).

«Очень волевое лицо. Ничего не боящиеся глаза смотрят исподлобья. Губы сжаты, чувствуется душевная сила и стойкость. Выражение лица гордое» (автор «портрета» М. Установка — герой).

«Портрет мужчины примерно 50—53 лет. Открытое лицо, крупные черты. Седые, вернее, седеющие волосы; лоб выпуклый с горизонтальными складками морщин. Очень выразительные глаза, какие обычно бывают у умных, проницательных людей. Вокруг глаз множество морщинок, придающих лицу немного лукавое выражение. Так и кажется, что этот человек при встрече обязательно начнет с шутки. Нижнюю часть лица не помню. Запомнились руки — небольшие, нерабочие, покрытые волосами. Портрет писателя... Мне кажется, что это лицо человека, любящего детей и пишущего для них. Судя по непринужденному виду, он привык позировать, наверное, это известный писатель. Еще раз хочется подчеркнуть, что наиболее

144

запоминаются в портрете глаза. Человек с такими глазами, должно быть, хорошо знает и любит жизнь, людей...» (автор «портрета» В. Установка — писатель).

«Человек лет шестидесяти, лысый, с папиросой в руке. Черты лица крупные, правильные. Голова большая, лоб высокий и широкий, настоящий лоб ученого. Взгляд и выражение лица ученого говорят о том, что он напряженно и мучительно решает какую-то проблему» (автор «портрета» Д. Установка — ученый).

2. Портреты, которые говорят о том, что на часть испытуемых установка не оказала заметного влияния:

«Продолговатое, с крупными чертами лицо, застывшее в сильном напряжении, плотно сжаты крупные, выпяченные губы (особенно нижняя). Взгляд обращен вверх. Глаза светлые, округлые. Волосы рассыпаны по голове шапкой. Лицо обращено влево» (автор «портрета» П. Установка — герой).

«Мужчина лет сорока. Лицо утомленное. Лохматая шевелюра. Брови тоже лохматые. Глаза смотрят немного вверх и влево. Нос «картошкой». Губы очерчены довольно резко — скептические. Подбородок мягкий, толстый. Ворот рубашки растянут. В вырезе ворота — короткая морщинистая шея» (автор «портрета» М. Установка — преступник).

«Лысый мужчина лет 55—60. Высокий гладкий лоб, умные глаза; нос с горбинкой, небольшие, резко очерченные губы. Суровые складки идут от носа книзу. Под подбородком рука, в которой зажата папироса. Черный костюм» (автор «портрета» Н. Установка — писатель).

«Яркий цветной платок (крупные красные цветы) с кистями (сельский). Лицо красивое, улыбающееся, слегка продолговатое. Красивые белые зубы. Глаза прищурены. Брови черные, тонкие. Лоб высокий. Волосы светлые, спереди волнистые. Блондинка» (автор «портрета» М. Установка — учительница).

3. «Портреты», содержание которых говорит о борьбе «установки» и «натуры» при формировании у испытуемого образа восприятия:

«Милое женское лицо. Оно очень выигрывает в обрамлении цветного, по-крестьянски повязанного платка. Румянец, белые зубы, веселая улыбка говорят о хорошем здоровье, жизнерадостности, благожелательном отношении к людям. Она любит детей и старается научить их тому, что знает сама. Дети, несомненно, ее любят так же... Однакостораживает определенная нарочитость одежды, цветной деревенский платок и ярко накрашенные губы... Трудно представить, что человек со столь отчетливо выраженной демонстративностью живет богатой внутренней жизнью. У нее есть запас знаний, и основы культуры не чужды ей. Но мне кажется, что как только она выйдет замуж, заведет семью, детей, то мгновенно исчезнет ее столь демонстративно выпячиваемый оптимизм и проявятся имеющиеся у нее негативные черты характера» (автор «портрета» О. Установка — учительница).

«Взлохмаченные волосы, неправильный нос, широко открытые глаза. Выражение какое-то удивленное. Одежда — вязаный свитер, клетчатая рубашка. Возможно, это поляк или чех — участник подпольной группы во время войны. Волосы седые, всклокоченные, не ухаживает за ними. По-моему, это все же не реальный герой, а артист в какой-то роли, может быть и не героической» (автор «портрета» К. Установка — герой).

145

Количественно полученные в излагаемом эксперименте портреты распределяются по названным трем группам следующим образом: 1-я группа — 79 портретов (35,3%); 2-я группа — 121 портрет (54%); 3-я группа — 24 портрета (10,7%).

Дальнейший анализ полученных в ходе опыта портретов показал, что всех принявших участие в этом эксперименте испытуемых можно разделить на три группы. Первую группу составили испытуемые, у которых при восприятии и оценке всех четырех лиц «сработала» установка. Таких испытуемых оказалось 9. Во вторую группу вошли испытуемые, которые при восприятии этих же четырех лиц полностью следовали натуре. Этим испытуемым было 10 человек. Ни в одном портрете, полученном от них, влияние установки не проявилось. Испытуемые, отнесенные нами к третьей группе, при восприятии одних лиц оказывались под сильным влиянием установки, а при восприятии

других — натуры. Эта группа была наиболее многочисленной. В нее, по результатам опыта, вошли 35 человек (64,8% всех участвовавших в этом опыте).

Возникает вопрос, как объяснить различия между испытуемыми, воспринимавшими одни и те же лица? Мы считаем эти различия в восприятии следствием того, что испытуемым присущи неодинаковые специальные типы высшей нервной деятельности. Для испытуемых, на восприятие которых значительно повлияла установка, характерно относительное преобладание второй сигнальной системы. У испытуемых, воссоздавших портреты с натуры, относительно преобладала первая сигнальная система. И, наконец, у испытуемых, на которых при восприятии одних лиц установка действовала, а в других случаях не влияла вовсе, относительного преобладания второй или первой сигнальной системы не было. Эти испытуемые по всем данным относились к так называемому среднему типу. Победа словесной установки или «натуры» при формировании образа восприятия человека свидетельствовала о том, в какой из сигнальных систем у испытуемого быстрее и устойчивее происходят образование и актуализация нервных связей и какая из них играет преобладающую роль в детерминации реакции.

Описанные и подобные им факты⁴⁵ показывают, что

146

в осмысленности восприятия проявляется взаимодействие двух сигнальных систем, передача возбуждения из одной сигнальной системы в другую.

Мы видим, таким образом, что благодаря слову в образ воспринимаемого человека включается содержание, не данное непосредственно, чувственно. Оно может действительно характеризовать воспринимаемого, а может быть совсем ему и не присуще.

Особенности облика и поведения воспринимаемого человека и изменения в них, фиксируемые в момент восприятия, не жестко определяют поведение воспринимающего человека, потому что воздействие этих особенностей опосредствуется всем его опытом, его внутренним миром, преследуемыми им целями. Не способный абстрагироваться от них субъект восприятия обычно связывает внешний облик, манеру поведения и стиль действия другого человека с определенными устремлениями, вкусами, моральными принципами, актуальными, а иногда и потенциальными возможностями воспринимаемого. Таким образом, другой человек воспринимается не только в своих исходных физических качествах (такой-то рост, пол, возраст, фигура, лицо, глаза и пр.), но и как личность, занимающая определенное положение в обществе и играющая ту или иную роль в жизни воспринимающего.

При восприятии индивидом объектов действительности, в том числе и человека, может иметь место как обобщенное, так и дифференцированное узнавание. Интересные данные, относящиеся к характеристике обобщенного узнавания человека, были получены Э. Н. Алферовой⁴⁶.

На экране телевизионной установки она предъявила испытуемым изображения лица, предмета и сложного сюжета. Электронный счетчик ПС-10000 «Флокс» регистрировал количество зрительной информации, поданной на экран в момент узнавания. Этот показатель являлся величиной порога узнавания изображения.

По данным Э. Н. Алферовой, порог узнавания лица у всех групп испытуемых (в ее опытах в этой роли выступали учащиеся I, II, V, VII, IX классов и группа взрослых) оказался значительно ниже порога узнавания изображения несложного контура вазы.

147

Наиболее высокие индивидуальные показатели при узнавании Э. Н. Алферова опять-таки получила от испытуемых, когда они воспринимали изображение лица.

Значительные различия в порогах узнавания (в случае обобщенного узнавания) лица и прочих объектов объясняются прежде всего неодинаковой настроенностью каждого из испытуемых на ожидание или изображения лица, или изображения других предметов. Большое количество ожиданий появления именно лица (или фигуры человека) является субъективным выражением объективного факта вероятности сигнала. Лицо человека, другой человек — это обычно наиболее часто воспринимаемые большинством людей объекты.

Наш сотрудник В. Н. Панферов⁴⁷, пользуясь тахистоскопической методикой предъявления испытуемым фотографии незнакомых им человеческих лиц, попытался установить величину порогов узнавания человеческого лица и его отдельных элементов. В опыте были использованы изображения лиц (мужских и женских), снятых в фас и в профиль, а также отдельные структуры: овал, верх и низ лица и глаза.

В опытах В. Н. Панферова порог узнавания лица на фотографии оказался равным 0,03 с. Элементом, несущим наибольшую информацию при опознавании лица в описываемом опыте, были волосы и вообще верх головы. Испытуемые выделяли их в изображении лица в первую очередь, и порог их узнавания оказался лежащим в пределах 0,03—0,04 с. Интервалы порогов при узнавании других черт лица показаны в таблице 2.

Таким образом, в этом опыте довольно отчетливо выявилось направление, в котором идет рассматривание лиц, а именно сверху вниз, от волос к губам. Верх головы, волосы в первый момент рассматривания лица становятся своеобразной точкой отсчета.

Таблица 2

Элементы лица	Интервалы порога	Средний порог
Лоб	0,04—0,11	0,06
Брови	0,05—0,13	0,09
Глаза	0,05—0,14	0,08
Уши	0,04—0,23	0,09
Нос	0,08—0,3	0,1
Губы	0,06—0,24	0,14
Подбородок	0,06—0,34	0,12

148

Наиболее устойчивое различие пола рассматриваемого в тахистоскопе лица наступало в описываемом эксперименте при экспозиции 0,5 с, хотя начиналось оно уже на уровне порога узнавания лица. Адекватное улавливание выражения лиц, которые были взяты в обычном (нейтральном) положении, отмечалось уже при экспозиции 0,1 с. Средняя же величина порогов располагалась в интервале 0,19—0,26 с.

Попытку исследовать дифференцированное узнавание предпринял В. И. Киреев⁴⁸. Испытуемым двух групп (в одну входили художники, в другую — нехудожники) в его опытах показывались фотографии людей. Испытуемые, внимательно рассмотрев их, должны были затем найти те же самые лица на таблице из ста фотографий. При этом в ряде случаев лица на таблице были сняты в новом ракурсе, при другом освещении и пр.

Общей характерной особенностью испытуемых художественной группы явилось быстрое запечатление изображения и относительно продолжительное его сохранение. Подобный факт отмечал в свое время и И. П. Павлов. Художники, писал И. П. Павлов, «могут ясно, иногда до степени галлюцинации, представлять себе предметы и явления, например, художники пишут портреты по памяти, настолько отчетливо они представляют себе свою модель. Поэтому у них многое происходит, как при реальных раздражителях»⁴⁹.

Для испытуемых с относительным преобладанием второй сигнальной системы целостное схватывание лиц оказалось затруднительным; у ряда испытуемых нехудожественной группы наблюдалось анализирующее восприятие с осмыслением отдельных признаков и черт лица.

В целом эксперимент на узнавание лиц по фотографиям, проведенный В. И. Киреев, выявил существование больших индивидуальных различий, особенно четко выступающих, когда сокращается время, даваемое на восприятие лица, которое затем надо найти в группе из многих лиц и в другом ракурсе.

Перспективную попытку объяснить механизм таких процессов, как узнавание человека в лицо при шести вариантах проективных изменений его изображения на сетчатке, узнавание в данном человеке представителя

149

того или иного народа и т. д., мы находим в работах Н. А. Бернштейна⁵⁰. Отнеся эти процессы к категории процессов мозгового моделирования, Н. А. Бернштейн использует идею И. М. Гельфанда и М. Л. Цетлина о «хорошо организованных функциях»⁵¹ для объяснения принципов, которыми руководствуется мозг при разбивке признаков объекта на существенные и несущественные.

В актах восприятия, прежде всего в восприятии формы, и во всевозможных актах обобщения имеет место организация определяющих переменных, подобная той, которая была обнаружена при анализе механизмов циклических навыковых актов. Это указывает на то, что и мозговому активному моделированию в процессах восприятия лица и фигуры человека свойственна природа этих замечательных функций⁵².

В нашей лаборатории экспериментально-методически хорошо проработанную попытку выяснить особенности запечатления лица человека по фотографии и его последующего воспроизведения по памяти предприняла Л. Н. Иванская⁵³.

Показывая испытуемым — мужчинам и женщинам, представлявшим профессии актеров, художников, музыкантов, инженеров, спортивных тренеров, фотографическое изображение мужского лица, Л. Н. Иванская просила затем каждого из них на основе сохранившегося представления воссоздать образ этого лица на экране фоторобота.

Средняя степень сходства воссоздаваемого портрета с оригиналом по всему количеству испытуемых в этом эксперименте оказалась равной 61,17%. Женщины давали показатели выше средних данных, а мужчины — ниже. По степени точности воспроизведения оригинала все испытуемые разделялись на пять групп. Было также обнаружено, что отдельные элементы лица обладают различной степенью трудности воспроизведения. Наиболее легко воссоздаются такие элементы, как волосы и

150

лицевые пропорции, а наименее успешно — глаза, нос, уши, овал лица. Выявились четкие профессиональные различия в точности воссоздания лица по представлению: группа актеров (лучше всех), далее художники, музыканты, инженеры-мужчины, тренеры (хуже всех).

Занимаясь различными видами деятельности, человек, отвечая на требования каждого из них, обнаруживает то одни, то другие из присущих ему особенностей. Взаимодействующие лица по отношению друг к другу выступают в разных ролях (рабочий, начальник, партнер по команде, артист, зритель, лектор, слушатель и пр.). В связи со всем этим на первый план в восприятии выступают те качества в облике, экспрессии и действиях воспринимаемого, которые в данных условиях приобретают особое значение. Так происходит потому, что на эти качества распространяется вторичное возбуждение от актуализации состояний и свойств, ими сигнализируемых. Восприятие чувственных признаков, которые сигнализируют о других особенностях, присущих воспринимаемому человеку, благодаря отрицательной индукции тормозится. Они как бы отодвигаются на второй план. В других условиях, когда восприятие прежде заторможенных чувственных признаков и сигнализируемых ими внутренних свойств воспринимаемого приобретает большее значение, оно растормаживается, но зато тормозится восприятие признаков, бывших перед этим на первом плане. Образно говоря, наблюдается смена сторон, граней внешнего и проявляющегося в нем внутреннего облика человека, которые в связи с целью, преследуемой воспринимающим субъектом, и его состоянием прежде всего попадают в поле зрения и доминируют в формирующемся у него образе этого человека.

В науке было предпринято несколько попыток экспериментально изучить отмеченную особенность моделирования облика другого человека познающим его индивидом. Ряд исследователей изучали этот феномен в связи со значением подкрепления. Ч. В. Снайдер и Ф. В. Снайдер записали на пластинку два голоса, которые одновременно читали разные предложения. Испытуемый, прослушав эту запись, должен был через 10 с воспроизвести услышанное им. Показания его с целью последующей обработки, в свою очередь, записывались на магнитофонную ленту⁵⁴. Ч. Снайдер и Ф. Снайдер

151

нашли, что лица, участвовавшие в их опытах, воссоздали речь человека, восприятие голоса которого на стадии, предшествовавшей основному опыту, подкреплялось положительно, значительно полнее и точнее, чем речь человека, голос которого подкреплялся отрицательно. В потоке голосов испытуемые воспринимали «поощряемый» голос как «фигуру» и «наказываемый» голос как «фон».

Джексон, используя тахистоскоп, предлагал испытуемым в течение $\frac{1}{3}$ с смотреть на одно из двух изображений известных им лиц. Испытуемый называл имя лица, а экспериментатор указывал, правильно он определил лицо или ошибся. И далее в

зависимости от результата испытуемый получал награду или же подвергался штрафу. После ста предъявлений одиночных изображений лиц испытуемому демонстрировалась в серии из 32 предъявлений фигура, составленная из изображений двух лиц, которые до этого показывались независимо друг от друга⁵⁵. Испытуемые в этих опытах проявили тенденцию воспринимать поощряемые лица как счастливые, приятные, улыбающиеся и т. п., в то время как лица, за которые испытуемый подвергался штрафу, часто воспринимались как мартышкообразные, тупые, грубые. Комментируя этот факт, Джексон указывает, что изменения в произвольной оценке испытуемыми выражений одних и тех же лиц говорят о том, что подкрепление участвует в конструировании восприятия.

Исследования динамики «фигура — фон» в связи с характером подкрепления различных элементов предъявляемого сложного раздражителя, когда в качестве такового выступали человеческие лица, были осуществлены также Шефером и Мерфи⁵⁶ и Мессиком и Соллей⁵⁷. Проанализировав результаты своих экспериментов, они делают вывод, что подкрепляемое лицо в подавляющем числе случаев воспринимается как «фигура». Действие отрицательного подкрепления в их опытах не было однозначным. Оно резко различалось по результатам в

152

зависимости от того, была ли это начальная или конечная стадия опыта. Шефер и Мерфи пишут, что пороги восприятия лиц, связываемых с отрицательным подкреплением, варьировали от индивида к индивиду в более широких пределах, чем пороги восприятия этими же индивидами лиц, связываемых с положительным подкреплением. По утверждению указанных авторов, неодинаково четкое восприятие испытуемыми лиц, по-разному подкрепляемых, было связано и с уровнем развития индивида. В то же время в их опытах дети 5—8 лет проявили сравнительно стойкую тенденцию воспринимать в двуличном изображении «поощряемое» лицо как «фигуру» и «наказываемое» лицо как «фон», взрослые такой явной тенденции не обнаружили. Вместе с тем на всех возрастных уровнях проявились большие индивидуальные различия в степени и способе воздействия на восприятие (или, как говорят исследователи, на структурирование испытуемыми действующего на них стимула) «аффекта», вызванного в одних случаях поощрением, а в других — наказанием. Этот «аффект», как несколько раз подчеркивают названные авторы, — важная переменная в обуславливании того, что в воспринимаемом будет играть роль «фона» и что будет «фигурой».

К названным работам примыкает исследование Януша Рейковски, который прямо попытался выяснить влияние эмоционального возбуждения на восприятие человеком человека⁵⁸. Источником эмоционального возбуждения в опытах Рейковски была обстановка, предшествующая экзамену. Испытуемые перед самым экзаменом встречались с незнакомым им человеком, с которым вели короткую беседу, касающуюся анкетных данных и реакций на экзаменационную обстановку. После окончания экзамена испытуемые студенты заполняли вопросные листки, обозначая с помощью шкалы черты внешнего и внутреннего облика лица, встреченного перед экзаменом. На следующий день испытуемые, пользуясь той же шкалой, оценивали другого, также совершенно незнакомого им человека. Испытуемые были разделены на две группы. Одна встречалась с личностью А перед экзаменом (экзаменационная обстановка), а с В — во время тестового испытания (тестовая

153

обстановка), вторая группа встречалась с В перед экзаменом, а с А — в тестовой обстановке.

Благодаря такой процедуре А и В получили две группы характеристик: характеристики, сделанные испытуемыми, находящимися в состоянии эмоционального возбуждения, и характеристики, сделанные испытуемыми, когда возбуждение у них вообще не проявлялось или проявлялось в небольшой степени. Разница между этими группами характеристик одних и тех же лиц указывала на влияние, какое имело эмоциональное возбуждение на восприятие людей.

Статистически обработанные результаты эксперимента позволили Рейковски выявить в восприятии других людей человеком, находящимся в состоянии эмоционального возбуждения, определенную тенденцию. Эта тенденция выражается в более низкой оценке привлекательности воспринимаемого лица, в оценке этого лица как менее дружески расположенного, а его настроения — как более худшего. Величина перцептивной реакции была различной у разных лиц.

При всей оправданности темы исследования Рейковски в нем имеются неясные положения. Например, не вполне раскрыто, что понимается под тем состоянием, которое влияет на перцептивную реакцию, исследуемую в работе. То, что определено как состояние эмоционального возбуждения, представляет собой чрезвычайно сложное явление. Оно включает и предэкзаменационное, и послезаменационное волнение. А последнее не может быть одинаковым у всех участников опыта, потому что экзамены они сдают с разным результатом. В исследовании не проверено, как влияет эффект первой встречи с новым знакомым на вторичное восприятие его, не выявлены различия в восприятии человека возбужденными людьми, отличающимися друг от друга возрастом, полом, степенью самоконтроля, уровнем культуры и др.

Обнаруженные исследователем особенности «моделирования» испытуемыми физического облика человека, впервые встреченного перед началом экзамена, и характер прогнозирования ими его внутреннего облика вызваны тем, что знакомство с этим человеком произошло в аудитории, в которой вот-вот должен был начаться экзамен, и этот человек воспринимался испытуемыми как потенциальное препятствие к достижению желаемого ими результата на экзамене.

Выяснению влияния аффекта, или, если говорить

154

точнее, отношения на восприятие человека человеком, помимо названных работ посвящены также работы В. Виттрайха и К. Готтшальдта.

В. Виттрайх сосредоточил свое внимание на выяснении вопроса о связи восприятия величины и контуров тела человека и эмоционального отношения, которое сформировано к этому человеку у воспринимающего его субъекта⁵⁹. Используя широко применяемую в США методику восприятия лица и фигуры человека на фоне специально созданной комнаты, элементы которой располагаются относительно друг друга непривычно для наблюдателя, Виттрайх установил факт, подтверждаемый и другими исследователями⁶⁰. В зависимости от того, в какой точке экспериментальной комнаты находился воспринимаемый субъект, он казался воспринимающему его человеку то необычно высоким, то низким. Однако при дальнейшем проведении опытов выяснилось, что это явление имеет место не всегда и в ряде случаев испытуемые воспринимали величину лиц

и фигур передвигавшихся в пространстве экспериментальной комнаты людей стабильно, без искажений. Но для этого нужно было, чтобы воспринимаемый и воспринимающий до опыта были связаны определенными отношениями.

Виттрайх провел через эти опыты несколько десятков супружеских пар, чаще это были молодожены, и получил ряд фактов, когда один из супругов, воспринимая свою жену (или мужа) на фоне экспериментальной комнаты, не замечал никаких изменений в величине ее (его) лица и фигуры, но ясно фиксировал изменения величины лица и фигуры и искажения их, когда на этом же фоне он воспринимал незнакомых людей.

Далее опыты велись по другой методике. Испытуемому надевались на глаза специальные линзы, искажавшие внешность воспринимаемых людей таким образом, что они казались наклонившимися вперед, нижняя половина их тел становилась шире, воспринимаемые приобретали пирамидоподобный вид.

Одна серия этих опытов была проведена в госпитале, другая — среди новобранцев, которые через анисейконические линзы должны были воспринимать в одних случаях

155

своих сотоварищей, в других — своих прямых начальников. И снова были получены факты избирательного видения искажений внешности воспринимаемых. Изменения во внешности других солдат отмечались сразу. Искажений же во внешности начальника новобранец не видел, или требовались более сильные линзы, чтобы образ восприятия начальника у него изменился.

Виттрайх считает, что феномены, выявившиеся во всех сериях проведенных им опытов, можно объяснить только отношениями, установившимися в жизни между воспринимаемым и воспринимающим субъектами. Чувство страха по отношению к воспринимаемому, преклонение перед ним могут оказать и оказывают сильное влияние на воспринимающих лиц. Восприятие человека, которого испытуемые боятся, оказывается не совсем таким, как у тех, кому он безразличен, и это, в частности, выражается у последних в меньшей устойчивости какого-либо одного образа воспринимаемого и легкой перестройке его при изменившихся условиях восприятия.

К. Готтшальдт в своих работах также поднимает вопросы, связанные с восприятием и пониманием одного человека другим в зависимости от отношения⁶¹. В описываемых им экспериментах применялись специально изготовленные фотографии, в которых силуэты заснятых на них людей были искажены — более или менее расширены или сужены. К. Готтшальдтом была обнаружена интересная особенность. Хотя взрослые испытуемые, глядя на себя в зеркало, имели возможность в серии предложенных им собственных фотографий выбрать фотографии с нулевым искажением, они тем не менее обнаружили, отыскивая наиболее «похожую» фотографию, стойкую тенденцию к выбору более расширенного или суженного изображения. По мнению исследователя, в этом факте проявляется определенное притязание личности.

Далее подобные опыты были поставлены на подростковых классах школы. Оказалось, что положение ученика в классе сказывается на восприятии им собственных фотографий, а также на восприятии фотографий других учащихся, превосходящих его, стоящих ниже его, резко отклоняющихся от массы или входящих в ядро класса. К. Готтшальдт утверждает, что учащиеся,

удовлетворяющиеся своей посредственной позицией и оценкой, даваемой им классом, выбирают свои фото с нулевым искажением. Их товарищи, активно протестующие против ущемления своей индивидуальности в классе, устойчиво склонны считать точно соответствующими друг другу свое изображение в зеркале и на фотографии, искажающей его в сторону расширения или сужения, и воспринимать ее как наиболее правильную. При признании превосходства соученика выявляется тенденция при выборе его «точной» фотографии предпочитать «широкое фото», при пренебрежительном отношении к нему — «узкое фото».

Далее к участию в этих опытах были привлечены 10- и 16-летние мальчики и девочки, которые должны были выбрать наиболее точные, «самые похожие» фотографии не только себя, но и родителей, учителей, нейтральных взрослых и одновозрастных партнеров. Выявилось, что десятилетние ребята рассматривали свое изображение «наивно» и выбирали фото с нулевым искажением. Фотографии матери и отца выбирались ими из тех, где изображения были расширены. Фото с нулевым искажением в этих случаях ими большей частью подчеркнуто отвергались. Совсем иные результаты были получены при выполнении этого же задания 16-летними испытуемыми. В 80% случаев образ матери (или отца) выбирался ими из ряда фотографий, где искажение было равно нулю, в то время как для собственной личности устойчиво предпочитались, особенно мальчиками, более «широкие» образы на фотографиях.

Закljučая эту часть исследования, К. Готтшальдт пишет, что восприятие фотопортрета (это касается и восприятия лица человека и его фигуры) зависело от соотношения социальных позиций воспринимающего и воспринимаемого. Эта связь между ними с течением времени изменяется, что находит отражение в количественных характеристиках образа другого лица, формирующегося у воспринимающего субъекта.

В нашем исследовании учебных способностей подростка в связи с его интересами, используя тахистоскопическую методику, мы получили большое число фактов, говорящих о зависимости полноты, яркости и правильности образа восприятия от отношения, имеющегося у субъекта к отражаемому им объекту⁶². Среди объектов,

предлагаемых испытуемым для восприятия, в наших опытах широко были использованы изображения людей.

Во всех этих опытах отнесение подростками предлагаемого им для восприятия содержания к области действительности, к которой у них успело выработаться устойчиво положительное отношение, вызвало активизацию восприятия. И, наоборот, отнесение ими предлагаемого для восприятия содержания к области действительности, к которой у них уже существовало устойчиво безразличное отношение, вызвало понижение активности восприятия.

Л. И. Божович, В. Н. Мясищев, П. М. Якобсон и другие авторы также не раз показывали в своих работах, насколько сильным может быть воздействие отношения на характер формирующегося у субъекта образа другого человека.

Внешний облик и действия людей могут по-разному отвечать этико-эстетическим требованиям, сформированным у человека и более или менее им осознаваемым. Поэтому

люди вызывают у него к себе неодинаковое эмоциональное отношение. Возникнув, это отношение вносит свой корректив в дальнейшее формирование у индивида образа каждого из тех людей, с которыми он общается, затушевывая одни стороны этих людей и выпячивая другие.

Многие исследователи делали попытки описать механизм влияния эмоционально-аффективного фактора на восприятие⁶³. И хотя, если судить по этим попыткам, детального понимания этого механизма еще нет, однако в общем совершенно очевидно, что этот механизм имеет рефлекторную природу и принцип действия этого механизма вполне может быть раскрыт.

Итак, опираясь на положения современной науки, мы изложили свое понимание восприятия человека человеком и рассмотрели его роль в процессе взаимодействия людей. Мы показали также, что в научной разработке этих важных и в теоретическом, и в практическом отношении вопросов могут помочь теория информации и кибернетика. Однако в психологической науке были предприняты и другие попытки объяснить феномен познания

158

человека человеком. Как и при решении всех других научных проблем, и в этой области психологической науки сталкиваются материализм и идеализм⁶⁴.

4. Возрастные и индивидуальные особенности восприятия человека человеком

Отражение человеком действительности всегда оказывается опосредствованным особенностями, которые характеризуют этого человека как личность, как субъекта труда, познания и общения. Эта закономерность распространяется и на процесс познания человека человеком. Выступая в качестве объекта познания и действия, человек отражается в сознании людей и определяет их поведение, лишь «преломляясь» через их внутренний мир, сложившийся строй мыслей и отношений.

Восприятие и понимание человека, формирующиеся у дошкольника или у школьника, отличаются от восприятия и понимания этого же человека взрослым.

Раскрыть основные особенности отражения человеком других людей, учитывая степень сформированности его как субъекта труда, познания и общения, — задача, в успешном решении которой заинтересованы как теория, так и практика. В последующем изложении освещается один из аспектов этой большой и сложной проблемы. Мы поставили цель выявить конкретные особенности восприятия человеком других людей в зависимости от того, на какой ступени психического развития находится сам познающий субъект. В этой главе излагаются результаты изучения восприятия человека человеком, которое проводилось с учетом возраста воспринимающих. В первой части дается анализ особенностей восприятия человека взрослыми людьми, во второй — детьми, подростками и юношами.

Сравнивая восприятия людей представителями названных возрастных групп, можно выяснить ряд существенных моментов, характеризующих развитие этого процесса.

159

В опытах, результаты которых излагаются ниже, испытуемыми были: взрослые (студенты в возрасте 21—26 лет) и школьники всех возрастных групп.

В число испытуемых включались лишь те, в чьем внешнем облике не было бросающихся признаков. Испытуемые, входящие в каждую возрастную группу, были членами одного коллектива и хорошо знали друг друга.

Для получения сравнимых данных при проведении эксперимента во всех возрастных группах применялась одна и та же методика. Она заключалась в том, что лица одной возрастной группы приглашались в аудиторию (или класс) и перед каждым из них ставилась задача описать внешность всех остальных таким образом, чтобы, если понадобится, только по одним словесным портретам⁶⁵ можно было разыскать тех, кто описывается. Испытуемые 13—26 лет могли выполнять это задание только письменно. Испытуемые 10—12 лет могли выбрать по желанию или письменный, или устный вариант. Первоклассники (дети 7—8 лет) выполняли это задание устно. Содержание полученных таким образом 2275 «словесных портретов» подвергалось анализу с целью:

1. Выяснить, какие элементы внешнего облика и с какой частотой отображены испытуемыми в созданных ими «портретах». Отмечавшиеся испытуемыми во внешнем облике людей особенности были разделены на три группы. Они характеризовали: а) физический облик; б) выразительное поведение; в) оформление внешности.

2. Установить, как изменяется отражение этих элементов облика человека в зависимости от возраста испытуемых.

3. Проследить, как в зависимости от возраста испытуемых, точнее, от степени развития их как субъектов труда, познания и общения в целом меняется характер восприятия людей.

4. Выявить индивидуальные отличия в восприятии людьми друг друга при применении описанной выше методики.

160

Восприятие человека взрослыми людьми

50 взрослых испытуемых, которых мы разделили на пять групп по десять человек в каждой, на основе непосредственного восприятия дали 450 описаний внешнего облика (каждый испытуемый описал внешность девяти человек из одной с ним группы).

Основные элементы внешности человека представлены в этих описаниях очень неравномерно. Если принять за 100% общее число фиксирований всех элементов внешности испытуемых, то отражение элементов физического облика составляет 82,5%, экспрессии — 13,6, оформления внешности — 3,9%.

Различные элементы внешнего облика человека отображены в портретах также неодинаково часто. Если все эти элементы расположить в ряд в зависимости от того, в каком количестве описаний каждый из них был назван, то получается такая последовательность (табл. 3).

Элементы внешнего облика	Кол-во «портретов», в которых данный элемент назван		Элементы внешнего облика	Кол-во «портретов», в которых данный элемент назван	
	абс. числа	%		абс. числа	%
Рост	378	83	Поза (осанка)	47	10,3
Глаза (цвет)	343	75	Зубы	43	9,5
Волосы (цвет)	331	73	Голос и речь	41	9,0
Мимика	302	66	Косметика, украшения	38	8,4
			и пр.		
Лицо	291	64	Жестикуляция	36	7,9
Нос	267	59	Особые приметы	35	7,7
Телосложение	248	55	Кожа	32	7,0
Губы	185	41	Одежда	31	6,8
Лоб	162	36	Походка	17	3,7
Брови	104	23	Шея	15	3,3
Подбородок	94	21	Руки	14	3,1
Рот	85	19	Ноги	12	2,6
Прическа	58	13	Плечи	18	1,8
Уши	49	11			

161

Таким образом, воспринимая других людей и воссоздавая затем их облик, взрослые испытуемые выделяют прежде всего рост, глаза (цвет), волосы (цвет), мимику (выражение глаз и лица), нос, особенности телосложения человека. Все другие признаки при словесном воссоздании внешности отмечаются реже. Рост, цвет глаз и волос являются в глазах взрослых наиболее значимыми отличительными элементами облика человека. При словесном воссоздании внешности людей для большинства испытуемых они выполняют роль опорных признаков, с которыми испытуемые затем связывают другие элементы, если они отличаются какими-то характерными для воспринимаемого человека особенностями.

Как мы увидим позже, названные элементы начинают играть роль таких главных опорных элементов лишь с определенного момента формирования познающего субъекта как личности. Совершенно очевидно, что важными признаками во внешнем облике являются также общий контур тела и форма лица воспринимаемого человека. Роль их как опознавательных признаков в практике общения велика. Тем не менее в портретах они выделяются испытуемыми не в первую очередь.

Из особенностей, характеризующих экспрессию воспринимаемого человека, чаще всего выделяется мимика (общее выражение лица, глаз другого человека), реже отмечается типичная для человека поза и еще реже — другие особенности выразительного поведения. В отличие от признаков, характеризующих физический облик или оформление внешности, особенности выразительного поведения включаются испытуемыми в «портреты» часто по памяти. Ни походку, ни голос, ни речь, ни некоторые из жестов тех, чей облик надо было воспроизвести, испытуемые в момент опыта не воспринимали, тем не менее некоторые, используя результаты прошлых наблюдений за этими людьми, отметили в их облике и названные признаки. После опыта эти испытуемые пояснили, что в их сознании облик описываемых обязательно связывается и с названными особенностями выразительного поведения. Поэтому они отмечают наиболее типичное для воспринимаемого человека выражение лица, позу, особенности походки, любимые жесты, характерную для него манеру говорить.

Вот несколько примеров фиксирования в облике человека подобных признаков. Все они взяты из портретов одного и того же человека, Владимира П., нарисованных его товарищами по группе. «Поза чуть усталая. Обычно одна рука в кармане, другая засунута за пиджак. Говорит медленно, тихо». «...Привычка закусывать губу... Походка с разворотом носков внутрь, немного меланхоличная манера движения...» «Очень вялый, часто выражение недовольства проявляется в характерной мимике и позе... мимикой своего лица

162

владеет, часто используя это, и поэтому иногда выражение лица не соответствует внутреннему состоянию». «Когда увлекается, начинает сильно жестикулировать и лицо становится очень выразительным». Воссоздавая облик участницы опыта П., испытуемый Л. отмечает, что она «четко очерченные маленькие губы любит сжимать в трубочку, когда на минуту она над чем-то задумывается». Испытуемый Б., создавая «портрет» участника опыта У., замечает: «...для речи У. характерен лаконизм. Часто, произнеся фразу, он оставляет рот слегка открытым...» и т. д.

Широкое включение черт экспрессии в создаваемый на основе восприятия портрет человека существенно отличает

Таблица 4

Элементы внешнего облика	Кол-во испытуемых, отметивших данный элемент внешности у объектов наблюдения (обозначены буквами)									
	Ч.	П.	Ш.	Д.	Ф.	Г.	Л.	Е.	Б.	У.
Рост	8	7	6	8	7	8	8	7	9	7
Телосложение	5	4	7	3	3	7	9	4	4	5
Лицо	6	1	5	6	7	6	7	6	8	8
Лоб	5	4	3	4	—	2	5	4	7	3
Брови	—	1	1	—	2	2	—	5	1	—
Нос	9	7	7	8	—	5	5	—	6	5
Рот	1	2	5	3	—	1	2	1	1	1
Губы	3	5	1	4	5	3	—	6	4	5
Подбородок	1	—	1	1	1	6	2	2	4	—
Уши	2	2	—	1	—	—	1	1	1	2
Глаза	6	7	7	6	6	8	5	5	5	6
Волосы	7	7	6	4	4	9	9	9	7	6
Шея	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Зубы	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—
Кожа	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Прочие элементы	—	—	—	2	1	—	2	—	—	—
Мимика	8	9	7	9	6	5	4	3	6	6
Жестикуляция	—	—	—	1	—	2	—	2	2	—
Походка	—	—	—	1	—	1	—	1	—	—
Поза	—	—	—	1	—	2	—	—	3	2
Голос и речь	1	—	1	1	—	3	—	—	—	—
Прическа	2	1	2	2	2	—	1	1	—	—
Одежда	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Косметика, украшения и пр.	—	—	—	2	3	—	—	—	—	—
Всего отмечено элементов	66	57	59	67	47	70	64	57	68	57

163

моделирование облика хорошо знакомых людей от моделирования испытуемыми облика тех, кого они видят впервые. Это, в частности, подтверждается таким фактом: испытуемым первой группы наряду с заданием словесно воссоздать облик друг друга было предложено в другом опыте «нарисовать» портреты десяти совершенно незнакомых

Прочие элементы	2	—	—	—	—	—	1	—	2	—
Мимика	1	2	5	7	7	9	9	7	9	7
Жестикуляция	—	—	—	1	—	2	3	1	—	—
Походка	—	—	—	—	—	—	2	—	1	—
Поза	—	—	—	—	—	3	1	4	—	—
Голос и речь	—	—	—	—	—	1	—	1	4	—
Прическа	1	2	—	1	2	1	2	1	—	1
Одежда	—	—	2	—	1	—	—	—	—	—
Косметика и пр.	1	1	2	—	—	—	1	—	—	—
Общее количество фиксирований элементов облика	60	47	70	70	76	47	46	52	58	86

манеру видения. Внимательный анализ данных, показывающих, сколько раз каждый из испытуемых отметил тот или иной элемент во внешности остальных девяти участников опыта, дает возможность проследить, какие элементы в облике других людей для данного испытуемого оказываются более, а какие менее существенными.

165

Таблица 6

Испытуемый	Элементы физического облика, выделяемые		
	хорошо	удовлетворительно	плохо
Ч.	рот, нос, глаза	форма лица, рот	уши, шея, зубы, кожа (цвет)
П.	рост, форма лица, телосложение, волосы	лоб, брови, нос, подбородок, глаза, шея	рот, губы, уши, зубы, кожа (цвет)
Ш.	рост, телосложение, глаза, волосы, лоб	брови	рот, уши, шея, зубы, кожа (цвет)
Д.	рост, форма лица, нос, глаза, волосы	лоб, рот, подбородок	брови, уши, шея, зубы, кожа (цвет)
Ф.	рост, лоб, нос, рот, глаза, волосы, уши	телосложение, форма лица, губы	брови, подбородок, шея, зубы, кожа (цвет)
Г.	телосложение, волосы	лоб, губы, глаза, шея	брови, нос, рот, подбородок, уши, зубы, кожа (цвет)
Л.	форма лица	телосложение, нос, подбородок, глаза, волосы	лоб, брови, рот, уши, шея, зубы, кожа (цвет)
Е.	глаза, волосы	телосложение, лоб, нос, подбородок, зубы	брови, рот, губы, уши, шея, кожа (цвет)
Б.	глаза	брови, рот, подбородок, волосы, кожа (цвет)	лоб, уши, шея, зубы
У.	рост, телосложение, форма лица, нос, губы, глаза, волосы	брови, подбородок, уши, зубы	шея, кожа (цвет)

Прежде всего при отражении физического облика проявляется характерная только для данного испытуемого тенденция чаще выделять и больше подчеркивать одни элементы облика и меньше другие. В табл. 5, где показано, сколько раз тот или иной элемент в облике одних и тех же людей назвал каждый из испытуемых 1-й группы, эта тенденция хорошо прослеживается. Например, испытуемый Ч. часто отмечал рост, нос, глаза, но довольно редко отмечал форму лица и рот воспринимаемого и вовсе не фиксировал в «портретах» уши, зубы и цвет кожи.

В таблице 6 на основе анализа данных таблицы 5 прослежено, как упомянутая тенденция в восприятии физического облика проявилась у каждого испытуемого

166

1-й группы, какие элементы он фиксировал хорошо (не менее чем в 70% портретов), какие удовлетворительно (не более 30%) и какие плохо (0% портретов).

Таким образом, у испытуемых выявилась стойкая тенденция отмечать в облике воспринимаемых людей одни черты, одни элементы и почти совсем не фиксировать другие. Чтобы проверить степень устойчивости этой тенденции, характеризующей восприятие людьми физического облика друг друга, нами была использована дополнительная методика. Испытуемым через тахистоскоп предъявлялась состоящая из 20 карточек серия контурных изображений человеческого лица. В каждом изображении лица недоставало каких-то двух основных элементов, например глаз и рта, волос и носа, контура лица и бровей (лишь одно изображение содержало все основные элементы, характерные для лица). Всмотревшись в изображение лица, показываемое в окошко тахистоскопа, каждый из испытуемых должен был сказать, чего в этом лице не хватает.

В течение всего экспериментабб каждое изображение лица предъявлялось в течение 0,75 с. Постоянной в опытах была и освещенность. Экран тахистоскопа располагался от испытуемого на расстоянии 1,2 м. Во время опыта подбородок испытуемого опирался на специальную подставку. Всего в опытах участвовало 20 человек (1-я и 2-я группы испытуемых). В общей сложности от них было получено 1230 оценок лиц. Результаты этих опытов свидетельствуют, что испытуемые чаще отмечали отсутствие тех элементов лица, на которые они обычно обращали внимание при создании «словесных портретов».

Воспринимая схематические изображения лиц, в каждом из которых отсутствовали какие-то два основных элемента, испытуемые в подавляющем большинстве случаев из-за краткости времени экспозиции изображения успевали отметить отсутствие в лице только одного из двух элементов. Для всей группы испытуемых в целом элементами лица, отсутствие которых они фиксировали

167

чаще, были: а) форма лица — 75% предъявлений; б) волосы — 72; в) глаза — 69,5% предъявлений. Отсутствие других элементов на лице испытуемые замечали реже: отсутствие рта они заметили в 42,2% случаев, носа — в 38,6, ушей — в 34,3, бровей — в 27,2% случаев. Таким образом, при восприятии изображений лиц, в которых отсутствовало по два элемента, форма лица, волосы и глаза оказались для испытуемых более значимыми компонентами лица, чем нос, рот, уши, брови.

Выше речь шла об особенностях восприятия, характеризующих группу испытуемых в целом. Но в излагаемом исследовании были выявлены и индивидуальные отличия в восприятии изображений лиц, аналогичные тем, которые имели место при создании испытуемыми словесных портретов друг друга. Эти различия заключались в том, что для каждого из испытуемых (в данном случае эксперимент проводился с 1—2-й группами) была характерна своя тенденция фиксировать почти без пропусков и с малым числом ошибок наличие или отсутствие в лице одних элементов и намного реже отмечать наличие или отсутствие других. Представление о такой тенденции дает табл. 7. В ней показано, отсутствие каких частей лица в схематическом изображении каждый из участников опыта замечал хорошо (дал не менее 70% правильных ответов), отсутствие каких элементов фиксировал хуже (менее 30%), а какие не замечал вовсе.

Таблица 7

Испытуемый	Части лица, отмечаемые
------------	------------------------

	хорошо	посредственно	плохо
Ч.	глаза, волосы, нос	рот	уши
П.	волосы	брови, нос	рот, уши
Ш.	форма лица, волосы	—	брови, уши
Д.	форма лица, волосы	рот	брови
Ф.	глаза, нос, рот	волосы	—
Г.	волосы	уши, рот	брови, нос
Л.	—	глаза, уши	нос, рот
Е.	глаза, волосы	брови, уши	—
Б.	глаза, форма лица	рот	брови, нос
У.	форма лица, глаза, волосы	—	—

168

Сравнение результатов опытов, зафиксированных в табл. 6 и 7, позволяет с большей уверенностью говорить об индивидуальном своеобразии восприятия. Каждый из испытуемых склонен выделять одни элементы облика воспринимаемого человека чаще, чем другие. Эти индивидуальные различия в восприятии физического облика одного и того же человека разными людьми, видимо, можно объяснить явлением установки. Как известно, установка есть состояние, обусловливаемое определенной организацией предшествующего опыта человека, которое создает дифференцированное отношение, избирательную готовность афферентных процессов. Обусловливаемая конкретным содержанием предшествующих переживаний установка влияет на содержательную сторону предстоящих переживаний.

Испытуемым кроме описанных отличий восприятия черт физического облика других людей оказались присущи и другие индивидуальные особенности. Так, во всех пяти группах имели место случаи, когда разные испытуемые, воссоздавая облик одного и того же человека, давали неодинаковую оценку как внешности в целом, так и ее отдельным компонентам. Эти расхождения сплошь и рядом возникали при оценке разными испытуемыми вида и особенно величины элементов физического облика одного и того же человека. Мнения испытуемых могли не совпадать, когда они определяли цвет глаз одного и того же человека, форму его лица, цвет волос, величину лба, рта и т. д. Несовпадение оценок особенно часто проявлялось, когда испытуемые отмечали и оценивали такой заметный признак в физическом облике человека, как рост. Наглядное представление об этом факте дает табл. 8, в которой приведены данные об оценке роста одних и тех же людей испытуемыми 1-й и 2-й групп.

Из табл. 8 видно, что рост каждого из воспринятых в опытах людей был отмечен в их портретах неодинаковое число раз — от трех до девяти. Из 113 оценок испытуемыми роста друг друга мнения совпали полностью только при оценке роста двух человек: С., И. При оценке роста остальных 18 у испытуемых единого мнения не оказалось. При наиболее внимательном рассмотрении выясняется, что, оценивая рост, испытуемые могут употреблять разные обозначения, но иметь в виду одну и ту же длину тела человека и в ряде случаев использовать одинаковые обозначения и иметь в виду не одну и ту же длину тела человека. Дополнительно проведенный эксперимент на определение этими испытуемыми длины тела человека показал, что некоторые из них пользуются классификацией роста людей, отличной от общепринятой.

169

Таблица 8

Восприни-	Его рост	Кол-во	Кол-во испытуемых, оценивших рост как
-----------	----------	--------	---------------------------------------

маемый человек		испытуемых, отметивших рост	низкий	ниже среднего	средний	выше среднего	высокий
С.	179,0	4	—	—	—	—	4
В.	157,0	5	2	1	2	—	—
Р.	158,0	4	1	1	2	—	—
Я.	162,0	3	1	1	1	—	—
М.	165,0	3	—	1	2	—	—
Т.	161,0	5	—	—	2	1	2
И.	167,0	3	—	—	—	—	3
О.	154,0	3	1	1	1	—	—
А.	166,0	3	—	—	1	1	1
Ч.	163,0	8	—	—	5	—	3
П.	159,0	7	2	—	5	—	—
Ш.	158,0	6	2	1	3	—	—
Д.	153,0	8	6	2	—	—	—
Ф.	156,0	7	—	1	6	—	—
Г.	165,0	8	2	1	5	—	—
Л.	163,0	8	3	3	2	—	—
Е.	176,0	7	—	—	1	1	5
Б.	166,0	9	—	2	6	1	—
У.	162,0	7	4	3	—	—	—

Примечание. Действительный рост каждого из воспринимаемых людей был установлен исходя из рубрикации длины тела, принятой в антропологии (по Мартину).

Одни из них используют каждый из терминов общепринятой классификации роста, как правило, для обозначения меньшей длины тела, чем та, для обозначения которой этот термин применяется большинством людей. Другие же употребляют каждый из терминов для обозначения большей длины тела, чем это принято. В наших опытах некоторые из испытуемых постоянно причисляли людей ниже среднего роста к людям среднего роста. Средний рост они постоянно расценивали как выше среднего или даже большой. У двух испытуемых в эксперименте при оценке роста наблюдалась противоположная тенденция. Они стойко занижали действительную длину тела людей, которую должны были определять.

170

Как объяснить указанные факты? Первоначально казалось, что они прямо связаны с собственным ростом испытуемых: высокие имеют тенденцию недооценивать длину тела людей меньшего роста, а для людей небольшого роста, наоборот, характерна тенденция преувеличивать рост других. Однако это предположение не подтвердилось. Хотя действительно имели место факты, когда высокие люди недооценивали рост людей с меньшей длиной тела, а люди низкого роста переоценивали длину тела людей выше их ростом, однако в ряде случаев высокие люди переоценивали рост людей с меньшей длиной тела, чем их собственная, а люди низкого роста занижали рост людей выше себя. Кроме того, в эксперименте выявилась довольно многочисленная группа людей, для которых вообще не была характерна тенденция систематически переоценивать либо недооценивать рост других людей. Представители этой группы рост одного человека определяли правильно, рост другого — завышали, рост третьего — преуменьшали и т. п.

Видимо, несовпадение мнений при определении действительного роста человека, когда такая задача специально ставилась перед людьми, и ошибки, допускавшиеся при решении ее, объясняются тем, что в практике повседневного общения, во многих видах совместной деятельности рост людей не влияет на результаты деятельности и не имеет какого-либо

сигнального значения. Жизнь не требует от нас точно дифференцировать рост других людей и не проверяет, насколько каждый преуспел в этом. Отражая объективные различия между людьми в росте, человек устанавливает границы этих различий на основании своего опыта и, опираясь на него, судит о росте каждого из воспринимаемых им людей. При оценке роста других людей имеет значение оценка, даваемая человеком своему росту. Оценка может соответствовать действительности и не противоречить мнению большинства, но может и не совпадать с ним. Среди испытуемых был человек, который, согласно рубрикации длины тела, принятой в антропологии, относился к людям низкого роста (158 см), но в «словесном автопортрете» он назвал свой рост средним. Других людей низкого и ниже среднего роста, длину тела которых ему было предложено оценить, он тоже считал людьми среднего роста.

Весь этот вопрос, связанный с оценкой одних и тех же компонентов физического облика того или иного человека разными людьми, видимо, заслуживает дальнейшего

171

изучения. Всесторонний и глубокий ответ на него поможет лучше уяснить одну из важных особенностей формирования образа другого человека у воспринимающего его лица.

Существенной особенностью, характерной для восприятия других людей, является и степень различения и осознания индивидом особенностей их выразительного поведения. Всех испытуемых, которые на основе восприятия описывали внешность человека, можно определенно разделить на три группы в зависимости от того, как они фиксировали особенности выразительного поведения человека и как широко включали их в «портрет» в качестве существенных признаков облика. Для одних была характерна тенденция отмечать во внешности людей только черты физического облика. Особенности экспрессии представители этой группы или не отмечали совсем, или называли очень редко (1—4% от числа всех фиксирований компонентов облика), преимущественно в тех случаях, когда воспринимали людей с яркой и богатой мимикой и пантомимикой. Другая группа испытуемых чаще отмечала черты выразительного поведения у воспринимаемых (5—10% от числа всех фиксирований признаков внешности). Большинство испытуемых этой подгруппы выделяли в выразительном поведении воспринимаемого человека лишь мимику. Наконец, среди принимавших участие в опыте была категория испытуемых, которые, отмечая физические черты человека в портрете, вместе с тем сравнительно полно и детально фиксировали особенности его экспрессии, обращая внимание как на мимику, так и на другие его стороны (20—30% высказываний от числа всех фиксирований компонентов облика). Участвовавшие в опытах со словесным портретом испытуемые отличались друг от друга также и тем, насколько часто каждый из них называл особенности, относившиеся к оформлению внешности воспринимаемого человека (одежде, украшениям, причёске и пр.).

Возникает вопрос, является ли обнаруженное в описываемом эксперименте различие между испытуемыми стойкой индивидуальной особенностью восприятия или оно всецело определяется тем, как тот или иной испытуемый понял инструкцию, которая ему была дана перед опытом. Чтобы получить ответ на этот вопрос, мы провели дополнительный эксперимент.

Группе испытуемых из 30 человек (21—26 лет) мы показывали фотографии незнакомых им людей. Посмотрев на фотографию в течение 1 с, каждый из испытуемых

должен был записать все, что успел заметить. Всем последовательно были показаны фотографии смеющейся девушки, мальчика, играющего в настольный теннис, и средних лет мужчины. Запись увиденного испытуемые делали после просмотра каждой из фотографий.

Суждения испытуемых об изображенных на фотографиях людях были разбиты на шесть групп в зависимости от того, что они характеризовали в первую очередь — физический облик, мимику, позу, действия человека, оформление его внешности (прическа, одежда и пр.) или же говорили о тех или иных качествах личности. Затем было подсчитано, какое количество суждений каждый испытуемый высказал о каждой из названных сторон внешнего и внутреннего облика людей на фотографиях и о выполняемых ими действиях. Приняв общее число суждений, высказанных испытуемым обо всех названных сторонах людей за 100%, мы высчитали, далее, процент суждений, характеризующих каждую сторону. Выраженные таким образом в процентах результаты опыта представлены в табл. 9.

Из табл. 9 ясно, что, воспринимая фотографии одних и тех же людей, одни испытуемые наиболее часто и полно запечатлевают особенности физического облика, другие — детали оформления облика (прическа, головной убор, одежда, обувь и пр.), третьи — особенности мимики и пантомимики. Кроме того, есть испытуемые, для которых не характерна тенденция выделять в облике воспринимаемых людей признаки по преимуществу какой-то одной категории. Они более ровно отмечают признаки всех групп⁶⁷.

Как видно из таблицы, тенденция фиксировать в первую очередь особенности физического облика проявилась у пяти испытуемых, тенденция прежде всего отмечать черты оформления облика человека оказалась присущей восьми испытуемым, тенденция прежде всего видеть и осознавать в другом человеке особенности мимики и пантомимики оказалась ярко выраженной у 13 испытуемых. Тот вид восприятия, когда тенденция выделять в облике другого человека признаки какой-то

Таблица 9

Испытуемый	Процент суждений, характеризующих					
	физический облик	мимику	позу	одежду и прическу	действие	качества личности
1	—	25	12,5	12,5	12,5	37,5
2	25	10	10	50	5	—
3	17	17	17	41	8	—
4	—	40	20	20	—	20
5	20	30	10	35	5	—
6	24	14	28,5	28,5	5	—
7	14	44	7	7	7	21
8	32	21	—	26	5	16
9	14	38	5	28	5	10
10	6,5	29	29	29	—	6,5
11	27	27	12	27	7	—
12	17	22	22	33	6	—
13	15	31	15	31	—	8
14	32	14	7	43	4	—

15	17	12	24	41	6	—
16	19	37	19	25	—	—
17	5,5	17	11	61	5,5	—
18	22	18	22	30	4	4
19	33	14	5	38	5	5
20	50	4	25	17	4	—
21	42	16	16	21	—	5
22	43	21	7	29	—	—
23	23	18	14	45	—	—
24	20	7	7	59	7	—
25	15	15	5	55	5	5
26	48	9	9	21	9	4
27	40	20	10	10	10	10
28	—	29	14	14	14	29
29	32	15	32	11	5	5
30	40	27	20	13	—	—
31	20	50	20	—	10	—
32	25	33	17	17	8	—

одной группы четко не проявляется, характерен для четырех испытуемых.

Выделяющиеся в изложенном опыте тенденции, характеризующие восприятие человеком фотографий людей и проявляющиеся в типичном для него более ярком отражении, при прочих равных условиях, одних сторон внешнего облика и менее ярком — других, дали себя знать и в других группах взрослых испытуемых, рассматривавших фотографии людей при более длительной экспозиции (1,5 и 2 с).

Дальнейшее исследование показало, что отмеченная

174

тенденция имеет устойчивый характер и в ней определенно находит выражение индивидуальная манера видения человеком других людей. Она проявляется не только при восприятии других людей, но и в представлениях памяти.

По нашей просьбе десять человек, окончивших школу восемь лет назад, попытались воспроизвести внешний облик 15 своих учителей. Оказалось, что большая часть испытуемых характеризовала главным образом какую-то одну сторону облика учителя и почти или совсем не характеризовала остальные его стороны. Результаты этого эксперимента приведены в таблице 10.

Таблица 10

Испытуемый	Процент суждений, характеризующих			
	физический облик	миимику и пантомиму	оформление внешности	внешность в целом
1	43	24	7	26
2	32	44	—	24
3	24	57	5	14
4	22	63	—	15
5	81	14	5	—
6	73	14	8	5
7	69	5	—	26
8	53	12	—	35
9	21	39	15	25
10	65	9	13	13

Как видно из данных таблицы, воссоздавая по памяти облик одних и тех же людей, одна часть испытуемых преимущественно указывают на черты физического облика, другая часть характеризуют особенности выразительного поведения. В этой группе, возможно потому, что она была невелика, не оказалось лиц, которые с одинаковой степенью полноты отметили бы в «портретах» как черты физического облика, так и экспрессии.

Дальнейший анализ показал, что фиксирование некоторыми испытуемыми преимущественно особенностей выразительного поведения, как правило, коррелирует с большим умением различать и правильно толковать различные оттенки экспрессии. Наоборот, у испытуемых, которые отмечали главным образом физические черты или особенности оформления внешности, умение схватывать изменения в выразительном поведении других людей оказалось развитым хуже.

Определяя выражение лиц на фотографиях, показываемых через тахистоскоп, испытуемые 1-й подгруппы в среднем сделали ошибок на 62% меньше, чем испытуемые 2-й подгруппы (которые в предыдущем эксперименте во внешнем облике отмечали главным образом физические

175

черты или детали оформления внешности). Испытуемые 1-й подгруппы, воспринимая через тахистоскоп различные выражения лиц на фотографиях, оказались способными улавливать более тонкие различия в выражении лица, чем испытуемые 2-й подгруппы, которые при таком же времени экспозиции могли дифференцировать лишь сильно отличавшиеся друг от друга выражения лиц.

Описанные факты говорят о существовании индивидуальных порогов различения изменений в экспрессии и сигнализируемых ею эмоциональных состояний. Эти факты заслуживают экспериментальной проверки на большом числе испытуемых. С умением лучше или хуже видеть и дифференцировать особенности экспрессии человека прямо связано формирование способности личности психологически адекватно взаимодействовать с другими людьми — проявлять чуткость, тактичность, вовремя сопереживать.

Видимо, более тонкое различение оттенков экспрессии и их значения одними людьми и более грубое — другими является следствием конкретной практики общения, которая формирует каждого человека как субъекта познания других людей.

Прежде чем перейти к следующим вопросам нашей темы, необходимо остановиться еще на одной особенности индивидуального восприятия человеком других людей. Неодинаковость восприятия одного и того же человека разными людьми проявляется, в частности, в том, что различна словесная форма, в которой они фиксируют и оценивают признаки его внешнего облика. Мы знаем, что, словесно обозначая видимый предмет, человек включает формирующийся у него конкретный образ этого предмета в сложившуюся у него в индивидуальном опыте систему образов других предметов и явлений. Включая возникший образ в систему близких к нему в том или ином отношении образов, закрепленных в опыте человека в форме, на которой лежит печать этого опыта, человек осознает предмет или явление. Не составляют исключения из этого правила и осознание, и оценка индивидом другого человека, когда ему приходится воспринимать, а затем словесно воссоздавать внешний облик этого человека.

Суждения, с помощью которых испытуемые обозначали и осмысливали особенности внешнего облика других людей, а также выражали свое отношение к нему, можно условно разделить на четыре вида.

176

Одни из них имели четко определенное содержание и применялись для того, чтобы обозначить вид, величину, цвет, положение, форму того или иного компонента во внешнем облике. «Худощавое телосложение», «круглое лицо», «черные волосы» и т. п. — примеры этой, 1-й группы обозначений.

Для 2-й группы суждений характерно использование испытуемыми штампов обыденного сознания или представлений, почерпнутых из литературы, живописи и т. п. Эти обобщенные представления используются для подчеркивания каких-то определенных черт воспринимаемого человека, его профессии, национальной принадлежности и пр. Усмотрев сходство внешнего облика воспринимаемого человека (или какого-то компонента в нем) с чьей-то внешностью, ранее запечатленной по описанию или в результате личного восприятия, испытуемый говорит об этом человеке: «у него типично русское лицо», «он похож на Пьера Безухова», «у него пальцы музыканта» и т. д. В эту группу включаются нами также суждения, содержание которых фактически свидетельствует о том, что некоторые испытуемые проводят связь между анатомическими особенностями физического облика и особенностями психическими (умный лоб, волевой подбородок, чувственные губы и пр.)⁶⁸. К этой группе относятся и суждения, в которых психологически истолковывается оформление внешности.

Третью группу обозначений видимого в другом человеке составляют суждения, посредством которых испытуемые психологически истолковывают выразительное поведение — «угрюмое лицо», «печальные глаза», «виноватая походка» и пр.

Наконец, содержание 4-й группы суждений об облике составляет эстетическая оценка испытуемым того или иного компонента или всей внешности в целом.

Количественно суждения, высказанные испытуемыми при характеристике внешнего облика лиц, которых

177

они знали длительное время, распределялись на названные группы таким образом.

Суждения 1-й группы составляют 71,4% от общего числа фиксирований всех признаков внешности участниками этого опыта. Суждения 2-й группы — 11% всех высказываний (в том числе суждения, проводящие связь между анатомическими особенностями облика и психическими особенностями, — 0,5%). Суждения, в которых подчеркивается связь между особенностями выразительного поведения и внутренним миром воспринимаемого, составляют 13,6%. Суждения, содержащие эстетическую оценку облика с точки зрения идеала, имеющегося у испытуемого, составляют 4%⁶⁹.

Воссоздавая на основе восприятия внешний облик одних и тех же людей, разные испытуемые неодинаково использовали названные категории суждений. В табл. 11 в абсолютных цифрах и в процентах показано, как часто каждый из испытуемых, воссоздавая и оценивая другого человека, прибегал к суждениям, отнесенным нами к 1, 2, 3 и 4-й группам.

Испытуемый	Кол-во суждений							
	1-группы		2-й группы		3-й группы		4-й группы	
	абс. числа	%	абс. числа	%	абс. числа	%	абс. числа	%
Ч.	49	81,6	7	11,7	1	1,7	3	5,0
П.	34	72,4	11	23,4	2	4,2	—	—
Ш.	47	97,2	8	11,3	5	7,2	10	14,3
Д.	61	87,2	—	—	8	11,4	1	1,4
Ф.	62	81,5	3	4,0	7	9,2	4	5,3
Г.	29	61,6	—	—	15	32,0	3	6,4
Л.	29	62,9	2*	4,4	14	30,5	1	2,2
К.	34	65,4	—	—	13	25,0	5	9,6
Б.	43	74,2	1*	1,7	13	22,4	1	1,7
У.	71	82,4	3	3,5	7	8,2	5	5,9

* У испытуемого Л. в двух высказываниях и у испытуемого Б. в одном утверждается связь между физическим обликом воспринимаемого человека и его психическими качествами.

178

Отражая облик одних и тех же людей, испытуемые преломляют его через ту систему образно-понятийного знания о людях, которая у них к этому времени сложилась. А она у каждого из них индивидуально своеобразна, потому что индивидуально своеобразен опыт труда, познания и общения, который в каждом случае формировал эту систему. Поэтому и характер осмысливания разными испытуемыми облика одних и тех же людей также всегда более или менее различен.

Мы рассмотрели особенности восприятия человеком других людей, когда формирование его как субъекта познания достигает сравнительно высокой степени. Однако, прежде чем он оказывается способным к отражению других людей во всем богатстве признаков, присущих их облику и поведению, прежде чем он научится дифференцировать эти признаки в зависимости от их значимости и приобретет умение по ним давать воспринимаемому человеку правильную социально-психологическую оценку, он сам как личность должен пройти большой путь развития. Одним из аспектов формирования личности является развитие человека как объекта познания других людей.

Развитие восприятия человека в дошкольном и школьном возрастах

Развитие ребенка — с момента появления на свет и до зрелости — есть формирование его как члена общества. В ходе формирования ребенка как члена общества, как личности происходит и процесс развития его психики от элементарных форм отражения, присущих младенцу, до высших форм сознательного отражения действительности, свойственных взрослому.

Восприятие человеком человека развивается вместе с развитием самого воспринимающего, с формированием у него потребностей в общении, познании и в труде. Известно, что в конце первого — начале второго месяца жизни у ребенка появляются специфические формы реагирования на ухаживающих за ним взрослых, что свидетельствует о выделении им взрослого из окружающей обстановки.

Н. Л. Фигурин и М. П. Денисова описали эту форму реагирования на взрослого человека, назвав ее комплексом оживления⁷⁰. Природа этой реакции научно убедительно еще не раскрыта. Д. Б. Эльконин, например,

считает, что она является особым эмоциональным состоянием, возникающим благодаря тому, что общение ребенка со взрослым часто подкрепляется пищей, прием которой вызывает положительные эмоции⁷¹. Вследствие совпадения во времени положительно-эмоционального состояния ребенка с появлением рядом с ним ухаживающих за ним взрослых у него формируется положительная эмоционально-двигательная реакция, выражающаяся в улыбке и зрительном сосредоточении на лице другого человека, интенсивном и быстром вскидывании ручек и переборе ножек.

Е. К. Каверина, специально исследовавшая реакции ребенка на голос человека, отмечает, что в период появления ориентировочных рефлексов на зрительные и слуховые раздражители реакции ребенка на человека и на предметы совершенно одинаковы. Положительная эмоциональная реакция именно на лицо человека образуется постепенно⁷².

Положительное эмоциональное реагирование на взрослого является, с одной стороны, показателем того, что у ребенка возникла потребность общения со взрослым, лежащая в основе всего его дальнейшего психического развития, а с другой — косвенным образом свидетельствует о роли развивающегося у ребенка восприятия другого человека. Оно оказывается совершенно необходимым актом проявления и удовлетворения потребности в общении.

А. В. Ярмоленко специально изучала сравнительную привлекательность различных предметов и человека для младенцев первого полугодия жизни и время внимания к различным объектам⁷³. Она установила, что уже в первом полугодии жизни ребенок все более и более выделяет взрослого человека из других предметов. В то время как на протяжении от 4-го до 6-го месяца жизни длительность сосредоточения его на неподвижном зрительном раздражителе возрастает, по средним данным, с 26 до 37 с, сосредоточение на неподвижном человеке возрастает с 34 до 111 с, т. е. в три раза; сосредоточение на движущемся зрительном раздражителе в этот период возрастает с 41 до 78 с, а на двигающемся

человеке — с 49 до 186 с, т. е. почти в четыре раза. Если сосредоточение на звучащем перемещающемся предмете за это же время возрастает в три раза, то сосредоточение на говорящем, находящемся в движении человеке увеличивается в пять с лишним раз.

Помимо более устойчивой по сравнению с другими предметами фиксации внимания на человеке у ребенка на смену пассивному рецептивному контакту приходит активный рецептивный контакт со взрослым. Так, А. Валлон отмечает, что на шестом месяце среди прочих реакций простая фиксация (без дополнительных жестов) лиц других людей занимает 50%; на седьмом же месяце число таких реакций снижается до 26%, в то время как число реакций с жестами по отношению к другому человеку возрастает на 41%. Между седьмым и двенадцатым месяцами жесты, направленные на других людей, встречаются в 4 раза чаще, чем в первое полугодие, и превосходят на одну треть число жестов, имеющих у детей на втором году жизни⁷⁴.

М. Ю. Кистяковская указывает, что уже в возрасте от трех до шести месяцев у ребенка возникает избирательное отношение ко взрослым⁷⁵. Трехмесячный ребенок выделяет свою мать из окружающего, а шестимесячный начинает отличать чужих от своих. Если

трех-, четырехмесячные дети улыбаются, и оживляются на обращенный к ним разговор любого взрослого, то пяти-, шестимесячные дети при приближении и обращении к ним другого человека, вместо того чтобы сразу улыбнуться, долго и сосредоточенно смотрят на него, а затем либо улыбаются, либо отворачиваются, а иногда и могут громко расплакаться. Во втором полугодии ребенок уже может наблюдать за детьми и взрослыми, находящимися в поле его зрения.

Н. Л. Фигурин и М. П. Денисова, обстоятельно обследовавшие развитие ребенка на первом году жизни, пишут, что до года улыбка появляется у ребенка почти исключительно на человеческое лицо или голос. Двигательная реакция на звук возникает прежде всего на человеческий голос, потом уже на другие звуки. Крик (испуг) в ответ на зрительные воздействия впервые появляется при дифференцировании человеческого лица

181

(знакомого) от близкого к нему раздражителя (чужой человек или маска)⁷⁶.

Таким образом, на первом году жизни ребенка устанавливаются и усложняются связи между ним и взрослыми. Приведенные факты говорят и об интенсивности, с какой развивается способность ребенка выделять из окружающей обстановки сначала близких, затем новых людей, а также дифференцировать их наиболее наглядные признаки.

Благодаря значению, которое имеет взрослый в жизни ребенка, в процессе взаимодействия с ним ребенок все тоньше дифференцирует особенности, составляющие внешний облик другого человека, и осваивает значение изменений, которые в нем происходят. В связи с изменением роли взрослых по отношению к ребенку, возможности которого к самостоятельному действию непрерывно растут, взрослые открываются ребенку со все новых сторон. Передавая ребенку общественно выработанные специфически человеческие способы употребления тех или иных предметов, взрослый все более выступает для ребенка не только как средство удовлетворения основных потребностей, но главным образом как носитель речевых форм общения и общественного опыта действий с предметами, которыми овладевает ребенок, и как организатор, руководитель его ориентировки во все расширяющемся предметном мире. Поэтому ребенок выделяет взрослого из всей совокупности элементов ситуации как ее центральное звено.

Прослеживая этапы формирования навыков общения у ребенка, следует помнить о развитии первичной ориентировки в людях, а также выработке социальных способов контакта не только с близкими ему взрослыми, но и с теми взрослыми и детьми, с которыми ребенок общается в яслях, детском саду, во дворе и т. п.

В этом случае резко увеличивается круг лиц, с которыми ребенок связан. Он сталкивается с необходимостью дифференцировать их, выделять в них сходное и различное. Благодаря увеличению видов деятельности, в которых пришедший в детское учреждение ребенок взаимодействует с людьми, у него расширяется возможность видеть последних в новых ролях, и, таким образом, ребенок делает еще один шаг в познании других людей.

182

Очень большое значение в познании ребенком человека имеет овладение речью. Употребление имени и связывание с ним образа конкретного человека в каких-то

действиях, выполняемых им, являются ярким показателем развития отражения ребенком других людей. У ребенка появляется способность обобщить ощущения, возникающие при взаимодействии с определенным человеком. Углублением познания ребенком других людей является переход от называния взрослых в зависимости от выполняемых по отношению к нему функций (мама, папа, няня) к различению людей по внешним (возрастному и половому) признакам и особенно переход к использованию в разговоре местоимений для обозначения окружающих. Сознательное употребление ребенком местоимений в разговоре означает переход от представления о другом человеке к мысли о нем.

Уже при наличии сенсорной речи дети в ответ на вопросы могут правильно показывать на глаза, нос, рот, уши, руки, ноги и другие части тела человека. В процессе дальнейшего овладения речью, как пишет П. Р. Чамата, дети способны не только показывать части тела человека, но и называть их, определять их функции и т. д.⁷⁷ В 3—4 года, а иногда и раньше дети могут соотносить поступки и действия человека с его личностью. Это отчетливо показывают ответы детей на вопросы: «Кто это сделал? Почему он это сделал?»

Слово включается в восприятие благодаря связям, образующимся между непосредственно воспринимаемыми особенностями облика или проявлений другого человека и содержанием слова, по механизму «возбуждения второго порядка». Включение слова в восприятие человека совершается в ходе индивидуального развития. В процессе овладения речью у ребенка устанавливаются временные связи между тем или другим человеком из его окружения и обозначающими их словами, между позой, выражением лица, жестом и их словесным обозначением. Таким образом, в систему корковых связей, являющуюся нейродинамической основой образа другого человека, включается новый компонент — второсигнальные связи. Зрительный образ другого человека обогащается за счет содержания, закрепленного в обозначениях человека, черт его внешности и

183

различных проявлений. Смысловое содержание слова соединяется с чувственным образом человека. При этом смысловое содержание, вошедшее в восприятие человека как компонент, начинает в подавляющем большинстве случаев осознаваться как содержание воспринимаемого человека, а не как содержание слова. Чувственное содержание образа человека становится носителем психологического индивидуально-личностного содержания. Человек начинает выступать в восприятии другого как лицо, обладающее не только непосредственными чувственно данными свойствами, но и сигнализируемыми ими психическими свойствами.

Общаясь с близкими взрослыми людьми, а затем и с людьми из более широкого окружения, дети учатся дифференцировать оттенки экспрессивного поведения и по ним «читать» переживаемое человеком состояние. Об этом свидетельствуют проявления маленькими детьми сочувствия, страха, радости и иных переживаний в соответствии с экспрессивной картиной поведения близкого им человека.

Понимать значения выразительного поведения других людей дети учатся постепенно. Т. А. Репина, исследовав восприятие дошкольниками выразительной стороны рисунка, раскрыла ряд особенностей отражения ими экспрессии⁷⁸.

В качестве наглядного материала Т. А. Репина предъявляла детям трех — семи лет репродукции картин эмоционального содержания. При этом в картинах одной группы эмоции передавались главным образом мимикой и жестами изображенного человека. В

других картинах кроме мимики и позы изображенного лица имело место более сложное выражение эмоции: раскрывались взаимоотношения персонажей друг с другом или их отношение к окружающим предметам.

Т. А. Репина установила, что легче всего дошкольниками в картине воспринимается эмоциональное содержание, непосредственно переданное в мимике изображенных персонажей. Восприятие же эмоционального переживания, выраженного в позе и жестах героя или через изображение взаимоотношений персонажей, представляет значительные трудности, особенно для детей младшего дошкольного возраста.

184

Воспринимая переживания персонажа, выраженные в мимике, дошкольники легче всего схватывают мимику радости и гнева. Выражение грусти, печали изображенного на картине персонажа дошкольникам понять труднее. Установить характер эмоции, выраженной через взаимоотношения изображенных персонажей и ситуаций, оказалось для дошкольников наиболее сложной задачей. Здесь выявились три уровня восприятия: 1) не понимается ни эмоция, выраженная в картине, ни сюжет; 2) правильно воспринимается эмоция, хотя сюжет явно не понимается; 3) дети осознают сюжет картины и правильно воспринимают ее эмоциональное содержание.

Третья ступень восприятия становится доминирующей только у детей старшего дошкольного возраста.

Наблюдения за тем, как дети смотрят картины, телевизионные передачи, спектакли, подтверждают, что Т. А. Репина верно отметила особенности восприятия дошкольниками выразительного поведения людей и оценки переживаемых ими чувств.

Громадную роль в развитии отражения ребенком действительности, в развитии восприятия им людей, в формировании у него умения общественно правильно оценивать их поведение и составлять верное с общественной точки зрения представление о качествах той или иной личности играет школа.

Вопрос о том, как в годы учения в школе формируется и проявляется у ребенка понимание другой личности, будет нами рассмотрен ниже. Сейчас же мы хотим осветить один из аспектов проблемы восприятия школьниками других людей. Чтобы осветить этот вопрос широко, необходимо исследовать восприятие детьми разных возрастных групп (школьных классов) сверстников, детей другого возраста, учителей, родителей, взрослых вообще. В будущем мы намерены изучить этот вопрос. Здесь же мы излагаем добытые в результате использования только одной методики данные о восприятии школьниками разных возрастных групп хорошо знакомых им сверстников.

Материалы, раскрывающие особенности видения школьником одноклассников, были собраны в I, IV, V, VII, VIII и XI классах. Так как в этих опытах применялась та же методика, что и при работе с группой взрослых — создание так называемого словесного портрета, — то появляется возможность сравнить результаты

185

Таблица 12

Испытуемые (возраст, лет)	Кол-во испытуемых	Кол-во описаний	Кол-во фиксирований	Процент фиксированных элементов		
				физического	выразительного	оформления

		внешнего облика	различных элементов внешности (абс. числа)	облика	поведения	внешности
7—8	31	184	870	38,0	3,8	58,2
10—11	36	290	1275	54,4	5,0	40,6
11—12	27	342	1604	60,5	5,8	33,7
13—14	24	331	2650	67,4	7,4	25,2
14—15	21	392	3864	66,4	9,1	24,5
17—18	15	286	2875	74,7	14,8	10,5
21—26	50	450	3266	82,5	13,6	3,9

отображения сверстников взрослыми испытуемыми и учащимися школьного возраста.

Сравнение цифр табл. 12 дает возможность увидеть три определенно проявляющиеся тенденции:

1. С возрастом при словесном воссоздании облика воспринимаемого человека в создаваемый портрет все более часто включаются в качестве существенных признаков компоненты, образующие физический облик. К 21—26 годам процент фиксирований этой стороны внешности по сравнению с процентом фиксирования и отображения ее детьми 7—8 лет возрастает почти в 2,2 раза.

2. С возрастом при словесном воссоздании облика все более часто включаются в портрет другого человека описания черт его экспрессии как существенных признаков внешности. Процент фиксирований особенностей экспрессии к 21—26 годам по сравнению с процентом фиксирования этой стороны учениками I класса увеличивается почти в 3,6 раза.

3. С возрастом неуклонно падает включение в портрет воспринимаемого человека (при решении той задачи, которая была поставлена перед всеми группами испытуемых) описаний элементов, образующих оформление внешности человека. Процент фиксирований этой стороны внешности в описаниях облика воспринимаемого человека по сравнению с процентом фиксирования ее детьми 7—8 лет падает к 21—26 годам в 14,9 раза.

Теперь сравним между собой те данные по каждому

186

Таблица 13

Элементы внешнего облика	Кол-во портретов, %, в которых отмечен данный элемент испытуемыми (возраст, лет)						
	7—8	10—11	11—12	13—14	14—15	17—18	21—26
Рост	17	31	43	84	92	93	83
Телосложение	8	9	12	46	52	54	55
Лицо	12	19	29	56	63	71	64
Лоб	3	6	11	20	25	31	36
Брови	5	9	12	21	40	42	23
Нос	14	21	23	36	40	63	59
Рот	5	8	9	8	17	23	19
Губы	4	7	10	26	32	38	41
Подбородок	3	4	8	18	19	24	21
Уши	4	5	4	12	13	15	11
Глаза	41	51	54	75	87	92	75

Волосы	45	52	51	79	80	85	73
Шея	—	—	1	4	8	13	3,3
Плечи	—	—	1	12	13	12	1,8
Руки и ноги	1	2	4	11	16	24	3,1; 2,6
Зубы	5	3	4	13	20	23	9,5
Кожа (цвет)	3	3	3	8	13	18	7
Особые приметы	10	8	7	10	25	30	7,7
Мимика	18	17	22	35	48	72	66
Жестикуляция	—	1	2	7	7	9	7,9
Походка	—	2	1	4	8	11	3,7
Осанка и поза	—	—	—	9	21	51	10,3
Голос и речь	—	1	2	5	5	6	9,0
Прическа	53	26	24	84	97	73	13
Одежда	100	71	65	62	72	20	6,8
Обувь	83	62	48	46	61	12	—
Прочие предметы оформления внешности	39	22	21	9	11	1	8,4

возрасту, которые показывают, как часто тот или иной элемент, входящий во внешний облик, был включен в описание воспринимаемого человека каждой из групп испытуемых (табл. 13).

Из данных табл. 13 следует, что достигшие совершеннолетия школьники фиксируют рост воспринимаемых сверстников при описании их внешнего облика в 5,5 раза чаще, чем это делают первоклассники, отмечают телосложение в 6,7 раза чаще, чем дети 7—8 лет. Школьники, кончающие школу, описывая внешность

187

сверстника, отмечают форму лица как существенный признак в 5,9 раза чаще, чем это делают ученики I класса.

Такое же увеличение процента фиксирования имеет место и при отображении других элементов физического облика. При этом, как видно из табл. 13, темп и «потолок» роста процента фиксирований неодинаковы для разных компонентов. Хотя процент фиксирований различных компонентов в физическом облике нарастает и в описаниях, выполненных учащимися старших классов школы, однако особенно резко этот рост фиксирований многих их элементов физического облика происходит между V и VIII классами.

В то время как в XI классе «потолок» роста процента фиксирования таких компонентов, как общая длина тела, достигает 93% описаний, глаза — 92, волосы — 86, форма лица — 71%, для других компонентов физического облика этот «потолок» значительно ниже (лоб — 31% описаний, подбородок — 24, уши — 15% и т. д.).

Как увеличение процента фиксирований каждого элемента физического облика, так и проявление указанного «потолка» говорят о том, что в школьные годы продолжается начавшийся еще в предшкольном и дошкольном возрасте процесс дифференциации отдельных элементов физического облика и происходит переоценка в сознании степени важности каждого из них для характеристики индивидуальных особенностей внешности. То же происходит и с отображением экспрессии. Процент «портретов», в которых описана мимика воспринимаемого сверстника, возрастает к 17—18 годам по сравнению с I классом в 4 раза. Как существенные признаки внешнего облика описываются в портретах, созданных одиннадцатиклассниками, и жестикуляция, и походка, и поза, и голос, и речь.

Таким образом, хотя практически человек сравнительно рано начинает читать «язык» экспрессии и пользоваться им в своем общении с окружающими, однако сам факт, что выразительное поведение — важный признак среди характерных индивидуальных особенностей внешнего облика, осознается постепенно. Судя по полученным данным, особенно заметные изменения происходят в этом отношении с вступлением человека в старший школьный возраст.

Количество описаний компонентов оформления внешности воспринимаемого сверстника испытуемыми разных

188

групп, как мы уже показывали, в целом от I к X классу неуклонно падает. Однако если рассматривать фиксирование в портретах тех или иных особенностей оформления внешности безотносительно к отображению в них физического облика и экспрессии, то по VIII класс включительно число портретов, в которых фигурируют те или иные элементы оформления внешности, все же очень велико. И лишь испытуемые 17—18 лет, описывая согласно инструкции опыты облик одноклассников, видят их таким образом, что для многих из них признаки оформления внешности оказываются несущественными при создании портретов.

Выше речь шла об изменениях, которые происходят в отображении школьниками внешнего облика друг друга в годы учения — в I—XI классах. Теперь попытаемся выяснить, в чем состоит то новое, что появляется при решении этой же задачи у лиц 21—26 лет, которые по сравнению со старшими школьниками делают еще один шаг вперед как субъекты труда, познания и общения. Как уже было отмечено, в целом лица 21—26 лет фиксируют элементы физического облика на 7,8% чаще, чем школьники 17—18 лет, а экспрессию — на 1,2% реже. Выяснилось, что студенты реже, чем старшеклассники, отмечают каждый из конкретных элементов физического облика и экспрессии. Это обстоятельство первоначально нас удивило, так как мы предполагали, что частота отображения каждого конкретного компонента физического облика и экспрессии у студентов должна быть выше, чем в портретах старших школьников.

Объясняется это явление разным пониманием задачи и разницей способов, при помощи которых школьники, с одной стороны, и студенты — с другой, стремятся воссоздать облик другого человека. Качественный анализ содержания портретов, созданных школьниками, и портретов, авторами которых являются студенты, и сличение этого содержания в каждом случае с оригиналом показывают, что для многих школьников при описании внешнего облика характерно стремление отобразить как можно больше элементов внешности воспринимаемого, в то время как многим студентам присуще стремление передать характерность, подчеркнуть своеобразие внешнего облика, дать ему обобщенное описание. Конечно, среди школьных портретов есть такие, в которых заметен отбор индивидуально-своеобразных элементов облика воспринимаемого человека, так же

189

как и среди студенческих портретов встречаются и такие, где явно выступает желание их авторов что-то не пропустить во внешности.

Вот примеры этих сильно отличающихся друг от друга по способу осмысления внешнего облика и последующего его описания портретов. Сначала приводим типичный школьный портрет одной из десятиклассниц.

Н. — среднего роста, пропорционального сложения. Лицо овальное. Лоб прямой. Брови черные. Когда они поднимаются, то делаются похожими на крыши домиков. Ресницы не очень длинные, загнутые. Глаза коричневатозеленые с суживающимся к виску разрезом. Нос почти прямой, но кончик вздернут. Чуть намечена горбинка, если смотреть в профиль. Хорошо очерчены крылышки носа. При улыбке от них бегут к подбородку две морщинки. Губы неяркие, нечеткой формы, зубы белые, ровные. Подбородок разделен надвое ямочкой. Щеки чуть розоватые; на левой скуле родинка. Уши маленькие, прижаты к голове. Волосы черные, взбиты и заколоты на затылке и так же взбиты надо лбом. Впереди почти до бровей опускается челка. С левой стороны она топорщится.

А теперь образец студенческого портрета.

В. — рост небольшой. Лысеющая крупная голова. Светлорусые волосы. Серого цвета большие глаза. Взгляд чуть-чуть исподлобья. Правая бровь скорее направлена вниз. Ноздри широкие. Большие толстые губы. При разговоре они не очень быстро двигаются. Речь монотонная. Слова заканчиваются причмокиванием. Любимый жест — раскрывать ладони при разговоре. Правая рука заметно подвижнее левой.

Развитие восприятия внешнего облика другого человека характеризуется также тем, что с возрастом испытуемые отмечают большее количество признаков в выделяемых ими частях лица, тела, экспрессии воспринимаемого человека. Если первоклассник может выделить сравнительно небольшое количество признаков, указывающих на размер, контур, положение, цвет и другие особенности того или иного элемента физического облика, то старшие испытуемые видят и называют в тех же самых элементах большое число различных особенностей.

Например, выпускник школы, а тем более взрослый могут характеризовать подбородок воспринимаемого человека по высоте (низкий, средний и пр.), по форме (круглый, прямоугольный, треугольный), по отношению к вертикали (скошенный, выступающий, прямой), отметить в нем раздвоенность, ямки, поперечную борозду и пр. У первоклассника же еще не сформированы многие понятия и образы, которые позволяют более старшим школьникам быстро осмысливать и адекватно описывать названные особенности или многие из признаков,

190

характеризующие другие элементы физического облика.

То же относится и к экспрессии. Когда младший школьник называет ее в качестве существенного признака внешности, он отмечает незначительное количество выражений лица, глаз и пр. Когда характерность выразительного поведения воспринимаемого человека пытается понять старший школьник или взрослый испытуемый, они подмечают в нем несравнимо большее число различных черт и оттенков.

Об этом обогащении содержания образа восприятия, выражающемся в том, что при отражении другого человека более развитый как субъект труда, общения и познания индивид отмечает больше признаков, очень определенно свидетельствуют результаты эксперимента, который мы провели в V и VIII классах школы.

В этом опыте восьмиклассники и ученики V класса описывали внешний облик одних и тех же взрослых (четыре педагогов — мужчин). Чтобы получить сравнительные данные, испытуемым было предложено при составлении словесных портретов указанных лиц придерживаться схемы облика человека, которая содержала перечисление восемнадцати основных компонентов внешности. (Эта схема была дана испытуемым перед опытом.)

Сопоставление количества и характера признаков, отмечаемых учениками V класса, с одной стороны, и учениками VIII класса — с другой, раскрывает во всей полноте

неодинаковость осознания особенностей одних и тех же элементов облика этими двумя группами испытуемых (табл. 14 и 15).

Данные табл. 14 показывают, насколько богаче становятся видение и оценка в облике человека таких признаков, как форма, относительные размеры, положение, цвет у 15-летних ребят по сравнению с 11-летними школьниками. Из табл. 15 видно, как по мере формирования личности школьника растет вширь и вглубь осознание им признаков, характеризующих походку человека, его голос, речь, мимику, жестикуляцию, осанку и позу. Например, к VIII классу по сравнению с V значительно увеличивается число случаев, когда школьники отмечают в походке воспринимаемого человека скорость, характерную для него длину шага, давление на поверхность (тяжелая походка), сопутствующие содвижения или, останавливая внимание на речи другого человека, фиксируют в ней такие признаки, как отчетливость произношения, богатство словаря, правильность

191

Таблица 14

Объект характеристики	Признаки, отмеченные учащимися	Возможный максимум обозначений данного признака* в абс. числах испытуемыми		Кол-во действительных обозначений данного признака испытуемыми				Кол-во отмеченных вариантов данного признака испытуемыми	
		11 лет	15 лет	11 лет		15 лет		11 лет	15 лет
				абс. числа	%	абс. числа	%		
Основные элементы физического облика	Форма	1944	1872	147	7,5	306	16,2	4	9
	Величина	1944	1872	428	21,8	738	39,1	6	11
	Положение	1512	1456	72	4,8	167	11,4	6	14
	Цвет	324	312	230	71,3	298	95,4	9	13
	Эстетическая привлекательность	1944	1872	59	3,0	43	2,3	3	3

* Максимум обозначения исчислен при условии, что каждый учащийся мог отметить данный признак хотя бы один раз.

построения фраз и расстановки ударений, скорость говорения, интонационное богатство и отдельные недостатки произношения.

По мере формирования личности познающего субъекта у него не только развиваются способности видеть все многообразие признаков, характеризующих тот или иной компонент облика воспринимаемого человека, но и различать все богатство оттенков в проявлении каждого признака в отдельности. В эксперименте, результаты которого были только что изложены, и эта особенность, характеризующая развитие у человека восприятия других людей, проявилась так же четко. Отмечая типичные для воспринимаемого человека выражения лица, описывая имеющиеся у него особенности голоса, всматриваясь и в другие проявления его облика, восьмиклассники находят в них чаще, чем пятиклассники (см. табл. 15), индивидуально характерные оттенки.

192

Таблица 15

Объект	Признаки,	Кол-во действительных обозначений данного	Кол-во отмеченных
--------	-----------	---	-------------------

характеристики	отмеченные учащимися*	признака испытуемыми				вариантов данного признака испытуемыми	
		11 лет		15 лет		11 лет	15 лет
		абс. числа	%	абс. числа	%		
Осанка		26	24,2	58	55,7	2	5
	Относительная скорость	32	29,8	46	44,2	3	3
	Длина шага	1	0,93	16	15,4	1	2
Походка	Давление на поверхность	4	3,7	16	15,4	1	2
	Сопутствующие движения	15	13,9	22	21,1	1	3
	Эстетическая привлекательность	3	2,8	5	4,8	1	1
Голос	Сила	66	61,4	63	60,5	4	5
	Тембр	18	16,7	35	33,6	2	4
	Эстетическая привлекательность	12	11,2	17	16,3	2	3
Речь	Ясность произношения	19	17,7	42	40,3	1	3
	Грамматическая правильность	18	16,7	12	11,5	1	3
	Богатство словаря	1	0,93	11	10,6	1	2
Мимика	Скорость говорения	11	10,2	24	23,0	1	3
	Интонационное богатство	—	—	10	9,6	1	2
	Недостатки произношения	12	11,2	15	14,4	2	5
Жестикуляция	Выражение глаз	68	63,2	82	78,7	6	11
	Выражение лица	84	78,1	85	81,6	5	13
	Характер излюбленных жестов	21	19,5	57	54,7	3	6

* Возможный максимум обозначений каждого признака в данном случае для детей 11 лет был равен 108, для подростков 15 лет — 104.

193

Наглядное представление об успехах, которые достигаются человеком по мере формирования его личности в осознании особенностей облика других людей, дает сравнение словесных портретов одного и того же человека (Н. Д. — мужчина 54 лет, рост 171 см, работает директором школы), написанных испытуемыми — восьмиклассником и учеником V класса.

Автор портрета — школьник 12 лет

Возраст 35—40 лет.

Рост 170—180 см.

Фигура прямая.

Лицо бритое, чистое.

Лоб небольшой.

Брови густые, черные.

Глаза серые.

Нос длинный.

Рот небольшой.

Автор портрета — школьник 16 лет

Возраст — лет 55—60.

Рост средний, 165—168 см.

Фигура плотная, несколько выдается вперед живот.

Лицо круглое, открытое, волевое.

Лоб высокий, широкий, пересечен глубокими морщинами.

Брови темные, с сединой, низко нависают над глазами, у переносицы близко подходят друг к другу.

Глаза большие, серые, лучистые (в уголках глаз — морщинки).

Нос прямой, с большими ноздрями.

Рот кажется большим из-за толстых губ. Верхняя губа выдается вверх, вперед.

В уголках рта — тоже морщинки.

Подбородок (признаки не названы.— А. Б.).	Подбородок со слегка заметной ямочкой, широкий, волевой.
Волосы черные.	Волосы темные, почти черные, с проседью.
Уши маленькие.	Уши маленькие, прижаты к голове.
Шея нормальная.	Шея толстая, короткая, видна жировая складка второго подбородка. Кадык выступает чуть больше обычного.
Руки не очень мускулистые.	Руки сильные, мускулистые, пальцы пухлые, кисти жилистые, ладонь широкая.
Ноги прямые	Ноги толстые, прямые.
Голос громкий.	Голос громкий, низкий.
Речь Н. Д. — говорит красиво.	Речь очень связная, толковая.
Выражение глаз и лица доброе.	Н. Д. объясняет все или рассказывает всегда увлекательно, интересно, живо.
	Немного картавит и шепелявит.
Походка прямая, военная. Когда говорит, любит что-нибудь вертеть в руках.	В окончаниях — ия — ж. р. часто не произносит и (или произносит очень неразборчиво). При разговоре изредка облизывает губы движением языка с верхней губы вниз и назад. Выражение лица суровое и часто доброе. Походка, ровная, степенная, неторопливая. Во всех движениях чувствуется военная выправка. Носит прическу полубокс.
Одежда чистая. Любит широкий морской клеш	Одежда — темно-синий костюм в белую полоску. Есть галстук. Брюки широкие. Все гладко выутюжено. На улице Н. Д. ходит в темном пальто и в зеленой велюровой шляпе с полями.

194

Сравнение характеристик каждого элемента внешности одного и того же человека, даваемых младшим и старшим подростками, убедительно выявляет развитие их восприятия. Оно выражается в том, что в каждом элементе внешности воспринимаемого человека фиксируются все новые признаки, а в них — все новые оттенки.

Сравнение восприятия человека испытуемыми разных возрастных групп показывает, далее, что по мере формирования индивида как субъекта познания возрастает степень точности отражения им признаков облика воспринимаемых людей. Это относится как к отражению и оценке испытуемыми черт физического облика, особенностей оформления внешности человека, так и его выразительного поведения, выполняемых им действий.

Рассмотрим, например, как по мере повзреления группы испытуемых изменяется точность оценки ими роста воспринимаемого человека и его возраста.

Наша сотрудница И. А. Горбовская предлагала трем группам школьников (ученикам II, V, VIII классов) определять в сантиметрах рост одних и тех же лиц, с которыми испытуемые встречались и до опыта. Для школьников II класса задача назвать (в сантиметрах) рост человека, основываясь на восприятии, оказалась чрезвычайно сложной. Поэтому экспериментатор после проведения проверочной серии опытов для этой группы испытуемых в новом эксперименте изменил методику. Ученики II класса, посмотрев на определенного человека, поворачивались к высотомеру и на нем показывали рост того, кого они только что видели.

Сведенные вместе данные об оценке роста одних и тех же лиц тремя группами испытуемых, находящихся на разных ступенях развития, показали, что задача точно оценить рост человека представляет для индивида тем большую трудность, чем меньше последний развит в целом как личность. Чем меньше возраст человека, тем хуже он

определяет истинную длину тела лиц, которые входят в его окружение. Если дети 8—9 лет, работая по облегченной методике, при оценке роста дали 2,9% правильных ответов, то в группе школьников 11—12 лет правильных суждений стало уже 28,5%. В группе испытуемых 14—15 лет процент правильных суждений (или с ошибкой, не превышающей ± 2 см) при прямой оценке роста поднялся до 37,2%. Чем старше были испытуемые, тем меньше они делали ошибок,

195

выходящих за пределы ± 6 см, при определении роста.

Повышение точности оценки роста других людей находится в прямой связи с развитием у школьника глазомера, пространственных представлений, вычислительных навыков, а также с осознанием значения этого признака для характеристики облика человека.

С развитием индивида как личности растет точность оценки им и такого сложного компонента в облике воспринимаемого человека, как возраст. Возраст наряду с другими характеристиками личности, в той или иной мере связанными с внешним обликом человека, несет индивиду также определенную информацию, выполняет сигнальную роль, осведомляя его о количестве жизненного опыта другого человека и возможном его положении в обществе. Осознание этой стороны в облике воспринимаемого лица влияет на характер контакта, который устанавливается между людьми, и в случае отсутствия других внешних ориентирующих данных определяет форму обращения одного человека к другому. Оценка возраста другого человека может косвенным образом отразить отношение к нему, служить показателем самооценки и взаимоотношений людей.

Карстен, изучавший восприятие возраста⁷⁹, указывает на существование «масштабного поля», которым пользуется любой человек, устанавливая возраст другого. Масштабное поле включает в себя годы или поколения, к которым сам человек относится. Оно имеет определенные границы, пороги, которые воспринимаются как детство, отрочество, юность, молодость, зрелость и старость.

Мы не случайно назвали возраст очень сложным компонентом в облике человека.

Возраст — не только временная характеристика, его нельзя установить без пространственных признаков. В. А. Надеждин указывает, что о возрасте человека прежде всего говорят количество и расположение морщин лица и шеи, так как топографическое распространение морщин всегда соответствует возрасту⁸⁰. Старению сопутствуют и другие признаки: изменение пигментации

196

кожи, сухость и морщинистость кожи рук, атрофические изменения ногтей, степень сношенности зубов и пр. Но, как показывают наблюдения, если перед человеком не ставится конкретная задача выявить эти признаки, по которым можно с максимальным приближением назвать возраст воспринимаемой личности, то он предпочитает пользоваться методом сравнения, используя свой прошлый опыт. В таком случае приобретают большое значение не только физический облик человека, но и оформление его внешности, его манеры, поведение, выразительные свойства личности.

Различия в оценке возраста испытуемыми, находящимися как личности на разных ступенях развития, в нашей лаборатории изучала В. Н. Куницына⁸¹. Различным

коллективам учащихся она предлагала описать внешность человека, предъявляемого или непосредственно, или на фотографии. В основной части эксперимента, где описание проводилось на основании непосредственного восприятия, внимание испытуемых на возрасте специально не фиксировалось, и эта деталь в инструкции преднамеренно опускалась. Это обстоятельство способствовало выявлению действительной значимости возрастной характеристики для испытуемых.

В качестве основных испытуемых в этом исследовании были взяты коллективы VII и VIII классов трех школ-интернатов и шести обычных школ Мурманской области и Ленинграда (всего в опытах участвовало 740 школьников). Разграничение в дальнейшем анализе группы испытуемых на семиклассников и восьмиклассников при небольшой, казалось бы, разнице в возрасте оправдано практикой школы, отмечающей качественные сдвиги в развитии восьмиклассников — расширение умственного кругозора, новые интересы, касающиеся прежде всего общественной жизни.

В качестве воспринимаемых лиц была использована основная группа из четырех женщин (возраст — 28, 29, 33 и 62 года), шести мужчин (возраст — 32, 37, 40, 54 и 56 лет), двух подростков (девочка 14 и мальчик 15 лет) и трех учеников IV класса (одна девочка и два мальчика 11 лет). Использование в опыте постоянной группы воспринимаемых лиц дало экспериментатору единое основание для сравнения особенностей восприятия

197

в различных условиях и при влиянии различных факторов. При проведении этого эксперимента и при анализе собранных данных учитывались: 1) степень знакомства предъявляемой личности испытуемому (подросток видит человека в первый раз или знал его не менее года, но не имел тесного контакта, был хорошо знаком с ним и т. п.); 2) эмоционально-динамическая выразительность воспринимаемого лица. В зависимости от степени ее проявления воспринимаемые лица были разделены на две группы. Первая группа лиц отличалась общей подвижностью, общительностью, непринужденной и естественной манерой обращения, богатством мимики и пантомимики. Для второй, наоборот, были характерны медлительность, немногоречивость, скованность движений и небогатая мимика.

По данным опытов, возраст оказался значимой для подростка характеристикой воспринимаемого человека. 61% участвовавших в опыте детей указали возраст описываемого человека. Причем если в группе семиклассников на эту сторону в обличье обратили внимание 49% участвовавших в опыте, то в группе восьмиклассников на возраст указали 75% испытуемых. Определение возраста оказалось довольно затруднительной для подростков задачей, что видно из нижеследующих фактов.

Количество точных оценок очень небольшое (13%). Даваемые определения возраста нередко соответствовали временным представлениям подростка, отличным от временного масштаба взрослых людей — «возраст средний — 24 года», «преклонный возраст — 38—40». При установлении возраста подростки использовали слишком большие временные интервалы. Иногда эти интервалы достигали 10—15 лет⁸². (Например, подросток мог сказать: этому человеку 55—70 лет.) Отклонения на один-два года в сторону завышения или занижения действительного возраста воспринимаемого взрослого человека были отмечены В. Н. Куницыной у 10% участвовавших в опыте детей, а отклонения свыше двух лет — у 20—30%. В некоторых случаях величина этого отклонения достигала 10—20 лет.

По данным В. Н. Куницыной, точность определения возраста зависит как от сформированности личности познающего субъекта, так и от состояния и внешнего

198

вида воспринимаемого человека (что, в свою очередь, может зависеть от ряда причин: оформления внешности — одежды, прически, косметики; состояния здоровья, степени усталости, эмоционально-динамической выразительности и т. п.) и от условий восприятия (освещенности, местоположения и пр.).

Больше всего совершается ошибок, когда некоторые признаки внешности человека не соответствуют его возрасту. Так, например, возраст 36-летнего мужчины, имеющего значительную лысину, всеми подростками был значительно завышен. Повышенная эмоционально-динамическая выразительность воспринимаемых лиц, наоборот, способствовала активному занижению их действительного возраста.

По данным В. Н. Куницыной, повышению точности оценки возраста благоприятствует ряд обстоятельств. Во-первых, она связана с возрастом воспринимаемых лиц. Самая высокая точность была достигнута в описываемом опыте при восприятии подростками ровесников (41,5% правильных ответов), затем детей младшего возраста (32%). Точность оценки возраста лиц зрелого и пожилого возраста была низка (соответственно 13 и 7%). Высокая точность оценки возраста в первых двух случаях объясняется не только близостью, соразмерностью возраста воспринимающих и воспринимаемых, так сказать, единым масштабным полем, но и тем, что в детстве и юности каждый новый год жизни ребенка сопровождается ощутимыми изменениями его физического облика (роста, голоса). Помимо этого, внешнее оформление детей часто указывает на их возраст (дошкольники, октябрята, пионеры, комсомольцы). У взрослых таких внешних ориентиров значительно меньше, и установить их возраст по названным признакам оказывается поэтому более затруднительным.

При оценке возраста взрослого человека ее точность была тем выше, чем моложе был воспринимаемый человек. Так, при определении возраста двух женщин (28 и 33 года) неправильно ответили соответственно 11,7 и 6,58% участвовавших в опыте ребят, возраста двух мужчин (40 и 55 лет) — соответственно 42,85 и 22,86% испытуемых. Возраст мужчин устанавливался на основании представления (по памяти), возраст женщин — на основе восприятия. Точность оценки возраста испытуемыми была ниже при непосредственном восприятии и выше при определении возраста на основе представлений

199

в два раза у мальчиков и в три раза у девочек. Видимо, установлению истинного возраста человека при непосредственном восприятии мешают такие факторы, как особенности оформления внешности воспринимаемого, его физическое состояние и настроение, освещенность и т. п., в то время как при определении возраста на основе представления все эти условия нивелируются, усредняются.

Число случаев правильного определения возраста человека оказалось выше (в описываемом опыте — в два раза), когда этот человек был хорошо знаком испытуемым, и оно заметно упало, когда им пришлось определять возраст человека по первому впечатлению или устанавливать возраст малознакомого человека. Наконец, повышение количества правильных оценок возраста воспринимаемых лиц оказалось в прямой связи с

возрастом самих испытуемых, что отразилось на точности их оценок в очень значительной степени.

В опыте, результаты которого здесь приводятся, ученицы VIII класса почти в два раза чаще, чем девочки-семиклассницы (14,9 и 8,8%), определяли возраст правильно. Различия между мальчиками — учениками VIII и VII классов — при определении ими возраста этих же лиц выступили менее резко. Однако и у мальчиков-восьмиклассников стало намного меньше определений возраста путем отнесения человека к широкой возрастной группе по принципу масштабного поля (пожилой, среднего возраста...). Особенно резко увеличилось в VIII классе число точных оценок при определении возраста на основе представления (в пять раз).

Таким образом, согласно данным, полученным в эксперименте В. Н. Куницыной, возраст, являясь для подростков в другом человеке значимой характеристикой, определяется ими со все большей степенью точности по мере формирования их как субъектов деятельности, как личностей.

Формирование индивида как субъекта труда, познания и общения вызывает прогресс в отражении и оценке им не только таких сравнительно бросающихся особенностей облика другого человека, как рост и возраст, о чем мы только что вели речь. Этот прогресс, как будет показано ниже, захватывает отражение и оценку индивидом и тех проявлений, в которых другой человек всесторонне выражает себя как личность.

200

5. Профессиональные особенности восприятия человека человеком

Непременным условием превращения каждого человека в субъекта познания других людей является деятельность, включаясь в которую человек оказывается связанным с этими людьми множеством определенных отношений. Не требует особых доказательств факт, что каждый человек познает других людей не ради праздного любопытства. Формирующиеся у него образы людей и понятия о личности служат целям регуляции его деятельности, его поведения в общественной среде — в производственном и учебном коллективах, в семье, на отдыхе и пр.

Еще И. М. Сеченов отмечал, что трудовое действие в каждый момент выполнения адекватно предмету, орудиям и условиям труда. При нормальном ходе деятельности в развивающемся процессе общения мы наблюдаем ту же картину: поступки человека адекватны поведению взаимодействующих с ним людей. А для этого участники деятельности, их дела и вся ситуация общения должны быть отражены в мозгу человека, и отражение должно регулировать его поведение. Не только в трудовой деятельности при использовании орудий, нацеленных на достижение определенного материального результата, но и в разных видах непосредственного взаимодействия людей друг с другом психические процессы выполняют функцию программирования, регулирования и контроля поведения одного человека по отношению к другим.

Анализируя участие ощущений и восприятий в трудовом акте, И. М. Сеченов указывал, что они являются не только системой пусковых сигналов для движения, но и меркой, образцом, в соответствии с которым производится регулирование этого движения. И. М. Сеченов писал: «Чувствование повсюду имеет значение регулятора движения, другими словами, первое вызывает последнее и видоизменяет его по силе и направлению»⁸³. Эти

мысли Сеченова имеют очень большое значение для понимания процесса непосредственного общения в различных видах деятельности.

Отражение индивидом других людей и регуляция его поведения по отношению к ним неотрывны друг от друга.

201

Исследуемые психологами (А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, Д. А. Ошанин) в системе «человек — машина» чувственный и логический уровни регуляции индивидом своих действий⁸⁴ (соответствующие основным формам отражения действительности) очень четко проявляются в процессе взаимодействия людей в разных видах деятельности. В любом виде непосредственного взаимодействия людей эти уровни регуляции выступают в неразрывном и подвижном единстве. Однако в зависимости от задач, содержания и условий протекания взаимодействия людей, а также и от индивидуальных особенностей самих общающихся может доминировать один из этих видов регуляции.

Обычно в ситуациях непосредственного взаимодействия людей всегда решается какая-то определенная задача. И для каждого из участников этого взаимодействия в других партнерах по деятельности важны прежде всего те компоненты их облика и поведения, которые наиболее значимы для решения задачи деятельности. Отражение этих компонентов в облике и поведении друг друга участниками деятельности включает два взаимосвязанных момента: во-первых, непосредственное различение и опознание их среди других компонентов облика и в общей картине поведения и, во-вторых, интерпретацию того психологического содержания, которое, как кажется участникам деятельности, заключено в этих компонентах-сигналах и имеет отношение к решаемой задаче. Понятно, что индивид может получать информацию о другом человеке не только путем непосредственного восприятия его внешнего облика и поведения, но и через речь. В этом случае слова выступают как код реальных признаков внешнего облика другого человека, переживаемых им состояний, его действий, намерений, мнения и пр.

Поскольку в каждом конкретном виде непосредственного взаимодействия людей (общение педагога и школьника, контакт врача и больного, игра команд на футбольном поле и т. д.) для решения задачи деятельности имеют значение определенные компоненты облика и поведения, у общающихся лиц создается установка

202

на отражение и осмысливание в другом человеке прежде всего этих компонентов.

Влияние требований деятельности на характер отбора и оценки человеком особенностей внешнего облика и поведения тех, кто с ним в этой деятельности участвует, хорошо прослеживается при анализе отражения учителем ученика.

Мы предлагали 122 учителям, преподававшим в школе общеобразовательные дисциплины, словесно воссоздать облик известных им учащихся (это задание учителя выполняли не на основе непосредственного восприятия определенных учащихся, а опираясь на представление по памяти). Таким путем этой группой испытуемых были «нарисованы» портреты учеников V—X классов.

Фиксирования в облике описываемых лиц различных компонентов распределились, как показано в табл. 16.

Элементы облика	Кол-во портретов, в которых данный элемент назван, %	Элементы облика	Кол-во портретов, в которых данный элемент назван, %
Рост	62,3	Кожа	15,6
Телосложение	46,7	Особые приметы, (анатомические)	4,1
Лицо	18,0	Осанка	10,7
Лоб	1,6	Походка	11,5
Брови	4,9	Поза	20,5
Нос	4,9	Жестикуляция	9,0
Рот	0,8	Мимика	59,9
Губы	0,8	Голос	15,6
Подбородок	0,8	Речь	77,1
Уши	0,8	Прическа	18,9
Глаза	37,7	Одежда *	82,0
Волосы	30,3	Украшения	3,3
Шея	0,8	Общая подвижность	44,3
Плечи	1,6	Соразмерность и точность движений	10,7
Руки	4,1	Манера вести себя на уроке	55,8
Зубы	0,8		

* В 73% случаев было отмечено обычное состояние костюма ученика.

Данные, приведенные в таблице, показывают, что в описываемом опыте в облике школьника учителя наиболее ярко и прочно фиксировали компоненты, относящиеся к его экспрессии, характеризующие его речь, а также входящие в оформление внешности.

В описываемом опыте, воссоздавая облик учащихся по памяти, испытуемые-учителя крайне неполно, фрагментарно

203

«рисовали» физический облик школьников, фамилии которых им были названы, и в то же время осанку, жестикуляцию, мимику они описывали в портретах почти с той же частотой, что и испытуемые-педагоги, которые воссоздавали облик людей на основе восприятия, а походку, и особенно голос и речь, они фиксировали в «портретах» намного чаще, чем это делали непедигоги (походку — в три раза чаще, речь — больше чем в восемь раз).

Говоря об учащихся, учителя обычно ярко и верно вспоминали, насколько грамматически правильна речь, насколько она интонационно выразительна, богат ли у ученика словарный Запас, какие в его произношении имеются недостатки и пр.

В этом эксперименте на воссоздание по памяти облика учащихся у учителей проявилась также тенденция указывать в «портретах» на обычную для школьника манеру вести себя на уроке (55,8% портретов), говорить об его подвижности (44,3% портретов), оценивать соразмерность и точность его движений (10,7% портретов), отмечать типичное для данного школьника состояние его костюма (59,9% портретов).

Вот несколько описаний облика учащихся учителями.

Сергей В. — невысокий паренек, темноволосый, темноглазый — Макаренко назвал бы его попросту: «пацан», всегда с лукавой усмешкой в глазах. Чистое лицо его не совсем правильно: оно немного «редькой вверх». Но оно всегда светится такой мальчишеской «приятней», что, глядя на его звонкую улыбку, трудно ему не отвечать тем же. Одет он всегда скромно (насколько скромно может быть одет ученик, «закованный в гимназические доспехи») и чисто. Пионерский галстук — постоянный его атрибут. На уроках ведет себя очень хорошо. Правда, допускает то, что свойственно многим детям его возраста (Сергей — шестиклассник. — А. Б.) — тянет руку вверх так, что хруст стоит (настолько велико желание отвечать). (Автор портрета учитель немецкого языка С.).

Шура В. — внешность у девочки обычная: простое русское лицо, остренький нос, небольшие внимательные глаза, гладкие, зачесанные назад волосы, скромная, всегда чистая одежда. В проявлениях своих переживаний она сдержанна, холодна. Движения неторопливые. Манера говорить бесстрастная, спокойная. (Автор портрета семиклассницы учитель русского языка Р.).

Валерий К. — широкоплечий, стройный, сильный, с уверенными жестами и движениями ученик. Его внешний вид сразу говорит о том, что Валерий, во-первых, спортсмен и что, во-вторых, он из культурной семьи. Его манеры производят хорошее впечатление: он не кричит в разговоре с товарищами, не перебивает их, его речь отличается чистотой (я имею в виду отсутствие жаргонных слов и выражений). Валерий опрятен в одежде и аккуратен со своими вещами — его учебники и тетради всегда в хорошем виде. (Автор портрета ученика X класса учитель литературы Л.).

204

При длительном занятии тем или иным видом деятельности тенденция отражать других людей с определенной точки зрения может стать у человека устойчивой, превратиться в профессиональную привычку. Эта особенность восприятия человеком других людей, связанная с основным в его жизни родом деятельности, ярко проявляется у врачей, артистов, писателей, следственных работников, т. е. у всех тех, в чьей повседневной работе другой человек оказывается главной фигурой.

Не составляет исключения в этом ряду и восприятие других людей художниками-профессионалами. Основными существенными чертами объекта, от передачи которых в изображении в первую очередь зависит степень выполнения художником своей задачи, являются, как известно, форма, цвет и пространственное положение. Другой человек для художника-мастера та же натура, и он фиксирует в ней основные для целей изображения черты. У лиц, занимающихся изобразительной деятельностью, наряду с установкой на обычное восприятие развивается установка на восприятие для целей изображения, которая в результате накопления опыта изобразительной деятельности может превратиться в устойчивую профессиональную привычку.

Об этих особенностях восприятия других людей художником убедительно говорят собранные нами материалы.

Мы предлагали студентам III и IV курсов Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина «нарисовать» словесные портреты некоторых сотрудников института (инструкция для них была точно такой же, как и для нерисующих испытуемых)⁸⁵. Полученные в этом опыте портреты мы проанализировали точно так же, как анализировали портреты, авторами которых были испытуемые-нехудожники. В результате появилась возможность сравнить восприятие другого человека нерисующими испытуемыми, с одной стороны, и рисующими — с другой.

В табл. 17 показано, насколько чаще испытуемые-художники фиксировали основные компоненты внешности другого человека, чем выполнявшие такое же задание испытуемые-нехудожники. Данные таблицы свидетельствуют, что если определенные компоненты внешности

205

фиксируются художниками и нехудожниками примерно с одинаковой частотой, то в отражении других элементов различия между этими группами весьма велики.

Таблица 17

Элементы внешнего облика	Кол-во портретов, %, в которых отмечен данный элемент у	
	нехудожников	художников
1	2	3
Рост	83	80
Телосложение	55	56
Лицо	64	92
Брови	23	20
Лоб	36	40
Нос	59	84
Рот	19	12
Губы	41	44
Подбородок	21	40
Уши	11	12
Глаза	75	88
Волосы	73	76
Шея	3,3	32
Плечи	1,8	28
Руки	3,1	24
Ноги	2,6	24
Зубы	9,5	12
Кожа	7	20
Особые приметы (анатомические)	7,7	32
Осанка	0,3	32
Походка	3,7	44
Жестикуляция	7,9	20
Мимика	66	60
Голос и речь	9	20
Прическа	13	60
Одежда	6,8	44
Украшения (применение косметики и пр.)	8,4	08

Рост, телосложение, лоб, брови, губы, уши, глаза, волосы и некоторые другие компоненты физического облика воспринимаемых людей испытуемые-художники фиксировали с такой же частотой, как испытуемые из нерисующей группы. Зато большинство остальных компонентов в физическом облике другого человека художники выделяли намного чаще, чем нехудожники. Почти в 2 раза чаще в группе испытуемых-художников описан подбородок, в 2,9 — кожа, в 4,2 раза чаще они отметили особые приметы (анатомические). В 7,7 раза чаще испытуемые из рисующей группы выделяли в облике другого человека его руки, в 9,2 раза чаще, чем нехудожники, они указывали на особенности ног, в 9,7 раза чаще говорили о шее. В 15,5 раза чаще, чем нехудожники, художники описывали плечи. Столь же значительными оказались различия в отражении художниками, с одной стороны, и нехудожниками — с другой, большинства компонентов экспрессии воспринимаемого человека. Хотя

миимику, характерную для воспринимаемых лиц, художники в излагаемом эксперименте фиксировали не чаще, чем нехудожники, однако все остальные компоненты экспрессии они включали в создаваемые ими словесные портреты значительно чаще, чем испытуемые-нехудожники. Голос (и речь) они описывали в портретах в 2,2 раза чаще. Жесты они отмечали в портретах как существенные признаки облика воспринимаемого в 2,5 раза чаще, чем нехудожники. Осанку художники отмечали в портретах в 3,1 раза и походку в 11,9 раза чаще, чем их описывали испытуемые-нехудожники.

Испытуемые из художественной группы намного чаще, чем испытуемые нехудожественной группы, описывали оформление внешности (прическу художники отмечали в 4,6 раза и одежду в 6,5 раза чаще, чем нехудожники).

Приведенные данные, нам кажется, убедительно показывают, что формируемая у студентов-художников установка на фиксирование в объектах сторон, важных для целей изображения, четко проявляется и при восприятии каждым из них других людей. Данный факт становится еще более неоспоримым, когда выясняется, какие конкретно признаки испытуемые-художники предпочитали называть при описании как отдельных компонентов, так и облика воспринимавшегося ими человека в целом.

Если принять за 100% общее число всех фиксирований различных признаков облика тех людей, словесные портреты которых давали художники, то 17,8% составили фиксирования формы, 13,9 — пространственного положения и 21,6% — пропорций.

В зависимости от художественной специальности фиксирования указанных признаков, а также цвета в описываемой группе испытуемых распределились, как показано в табл. 18.

В «нерисующей» группе испытуемых соотношение фиксированных ими признаков в облике воспринятых лиц было другим, а именно: форму они отметили в 12% случаев, пространственное положение — в 7,9% и пропорции — в 11,2%.

Эти цифры свидетельствуют о том, что тенденция художников к точным оценкам положения изображаемого объекта в пространстве, к схватыванию его пропорций, формы отчетливо проявляется при восприятии ими человека. Эти признаки для лиц, входящих в художественную группу, субъективно оказываются более важными,

207

чем для тех, кто не рисует. Совершенно естественно, что в формирующемся у художников образе другого человека его пространственное положение, пропорции, форма имеют первостепенное значение, несут наибольшую сигнальную нагрузку.

Таблица 18

Художественная специальность	Кол-во фиксирований, %			
	формы	пространст- венного положения	пропорции	цвета
Живописцы	7,9	5,2	10,4	8,3
Графики	3,3	3,9	4,2	3,5
Скульпторы	6,6	4,8	7,0	2,5
Всего	17,8	13,9	21,6	14,3

Особенности, характеризующие восприятие другого человека испытуемыми-художниками, легко прослеживаются в созданных ими портретах. Приведем несколько примеров:

1. Н. — невелик ростом, но и не очень мал (1,60—1,70 м). Крепкий, коренастый, с красивой, слегка вытянутой в подбородке головой. Волосы мягкие, бархатистые, но неопределенного цвета — порой кажутся золотистыми, а порой — особенно против света — какими-то зеленоватыми. Самое удивительное в этом человеке — это рот, вернее, губы. Красивый, лукообразный разрез, обрамленный пушистой, слегка вьющейся растительностью. Трудно передать словами обычное его выражение лица. Глаза раскосые, как у монгола, но голубые, почти чистые. Брови широкие, но удивительно сросшиеся — почти в одну прямую линию. Нос тоже не короткий — обыкновенный, русский, плотный, чуть-чуть стремящийся кверху, но все же не курносый. Красиво, очень мужественно на лице выделяются скулы. Вся голова на красивой атлетической шее чем-то напоминает «Апоксиомена, счищающего с себя грязь, после борьбы». Самое привлекательное в нем — улыбка, ясная, лучезарная, открывающая красивые белые зубы. Плечи вместе с руками дополняют атлетический образ — круглые, с играющими плотными бицепсами. Пальцы рук слегка плоские. Ноги с резко очерченными икрами. (Автор портрета студент III курса графического факультета.)

2. «Старая женщина», сутулая, в темно-коричневом платье. Чулки и ботинки того же цвета. Ворончик у платья очень тонкой кружевной работы, светлого цвета. Седые коротко остриженные волосы. Лицо желтое, глазницы темные, впалые. Глаза слезящиеся. Очень большой нос, а подбородок срезан на нет. Рот поставлен наискось, с тонкими губами. Уголки рта немного приподняты, как будто в улыбке, скулы обозначаются резкими складками. Руки сухие с длинными пальцами. Садится на стул статично, как каменная. Походка неприятная — делает слишком большие шаги. Платье широкое, развевается складками. Голова устремлена вперед, и руки постоянно находятся где-то у рта. (Автор портрета студент III курса живописного факультета.)

3. Рост у X. выше среднего, плечи (в сравнении с тазом) довольно

208

широкие. Грудная область объемна в меру. Все части тела весомы, но невелики. Очень просты и ясны (по форме) и в большей степени скромны. Голова по высоте больше, чем по ширине. Темные гладкие, зачесанные вверх волосы еще больше подчеркивают высоту головы. Лоб прямой, правильный, по греческому канону. Подбородок несколько тяжел, выступает вперед. Уши также немного непропорциональны и крупнее, чем нужно, но на голове расположены правильно. Нос не прямой. Кончик носа слегка вздернут и также утяжелен. Хорошо «читаются» скуловые кости. Глазная щель уменьшена за счет провисания части расположенных над глазами мышц. Глаза темные. Словом, как и части тела, части головы у X. умеренно тяжелы. Исключение составляют лишь губы: они кажутся тонкими. (Автор портрета студент III курса скульптурного факультета.)

Характерные для каждого подлинного художника целостность восприятия объекта изображения, точность оценок его положения в пространстве, пропорций, тонкость различения светлотных отношений достигают наибольшей степени развития у мастеров-портретистов. Кроме того, у них, опять же под влиянием специфики их деятельности, формируется профессиональная установка на фиксирование во внешнем облике и выразительном поведении воспринимаемого человека особенностей и признаков, в которых обнаруживается психологическое своеобразие личности.

Эта характерная для восприятия других людей художником черта четко выявилась и в том опыте, результаты которого мы излагали выше, ее также неоднократно отмечали как и сами художники⁸⁶, так и ученые, специально изучавшие психологию изобразительной деятельности⁸⁷.

Факт влияния профессиональной установки на формирование у человека образа восприятия другой личности отчетливо дает себя знать и в восприятии других людей мастерами хореографии.

По нашей просьбе 19 преподавателей хореографии, занимавшихся на курсах усовершенствования при училище им. Вагановой, также дали описание обликов хорошо

знакомых им лиц. Выполняя это задание, они руководствовались той же инструкцией, которой придерживались и испытуемые других групп при решении аналогичной задачи.

Сравнение полученных в этой группе портретов с

209

портретами, авторами которых были испытуемые, не занимавшиеся хореографией, показало, что хореографы чаще, чем другие люди, воспринимая человека, фиксируют в его облике так называемое общее сложение, отмечают особенности его рук и ног. Они значительно чаще, чем люди далеких от хореографии специальностей, обращают внимание на то, какова общая подвижность воспринимаемого человека, насколько соразмерны и ловки его движения, легок или пластичен этот человек или он угловат, неуклюж. Также намного чаще, чем испытуемые из нехудожественных групп, преподаватели хореографии отмечали в словесных портретах особенности походки воспринимаемых лиц и давали ей эстетическую оценку.

Испытуемые-хореографы общие особенности телосложения выделили в облике воспринятых лиц в 63% случаев. Испытуемые из обычной группы указали на этот элемент лишь в 55% портретов. Испытуемые из последней группы обратили внимание на руки воспринимаемых ими людей в 3,1% случаев и на ноги в 2,6% случаев. Стажеры-хореографы отметили эти части тела в 37% портретов. Возрастные особенности (анатомические) в облике воспринимаемых лиц хореографы фиксировали в пять раз чаще, чем это делали испытуемые из обычной группы. В экспрессии воспринимаемых лиц испытуемые-хореографы выделяли осанку в четыре раза чаще, чем испытуемые из обычной группы (в 42% портретов против 10,3%). Походку они фиксировали в одиннадцать с лишним раз чаще, чем испытуемые из общей группы. В два раза чаще, чем последние, стажеры-хореографы фиксировали жесты воспринимаемых лиц. Мимику они отмечали также чаще, чем испытуемые из обычной группы (84% портретов против 66%).

Общую подвижность воспринимаемых лиц испытуемые-хореографы охарактеризовали в 32% портретов. Высказались о физической силе лиц, облик которых они воссоздали в портретах, в 16% случаев. Степень соразмерности движений была отмечена этой группой испытуемых в 37% случаев, и дана общая эстетическая оценка наружности воспринятых лиц в 47% случаев.

Приводим два типичных для стажеров-хореографов портрета.

1. Худенькая, средних лет брюнетка. Рост средний. Большие, выразительные глаза, красивые зубы. Длинные густые волосы, немного вьющиеся от природы. Удлиненные кисти рук, не холодные, но красивой формы. Стройные ноги. Держится прямо, не сутулится.

210

Хорошая посадка головы. Несмотря на возраст, у нее фигура, как у мальчишки. Энергичная, стремительная походка. (Автор портрета — Я. Стаж работы в театре 20 лет.)

2. Передо мной молодой мужчина, среднего роста, стройный, с мягкими движениями гибкого, сильного тела (способного к хореографии). Лицо приятное, чисто выбритое. Волосы светлые, с рыжиной, даже с каким-то легким пушком. Спереди немного лысоват. Кожа лица имеет розовато-белый оттенок, как у всех очень светловолосых людей. Нос почти прямой, на конце чуть загнут вверх. Губы не очень тонкие, но и не полные. На щеках ямочки. Подбородок чуть выдается вперед. Глаза голубые, под ними небольшие мешки. Руки и ноги хорошо развиты и пропорциональны телу. Одет в спортивного покроя костюм. (Автор портрета — Ж. Стаж работы в качестве преподавателя хореографии 10 лет.)

Таким образом, восприятие людьми друг друга, выполняя в деятельности, которая их объединяет, осведомительную и регулятивную роль, вместе с тем само оказывается под сильным влиянием этой деятельности. Следы его дают себя знать и тогда, когда люди взаимодействуют в иных, чем эта деятельность, условиях.

Создавая устойчивый образ и фиксируя изменения в этом человеке и его поведении в связи с определенными причинами, восприятие дает личности возможность действовать в общении целесообразно.

6. Общие особенности понимания людьми друг друга

Человек — живой организм и вместе с тем общественное существо: в этом своем качестве он выступает как личность. Сущность человека как личности, как объекта и субъекта истории общества, говорил К. Маркс, составляет «совокупность всех общественных отношений»⁸⁸. Как личность человек вступает в общение с другими людьми, как личность он проявляет себя в учении, труде, в отдыхе, как личность, как живой, реальный, действующий человек, член определенного общества он воспринимается и оценивается окружающими его людьми. Определяющими в формировании и развитии личности являются конкретно-исторические условия, в рамках которых проходит ее жизненный путь, ее участие в общественной жизни и практической деятельности. Личность каждого человека своеобразна и вместе

211

с тем ей свойственны черты, общие с другими людьми, в классовом обществе — с представителями своего класса. Каждая общественно-историческая формация накладывает отпечаток на духовный облик личности. Определяясь условиями жизни и деятельности, личность сама является активным участником и деятелем общественной жизни, играет действительную роль в истории общества.

Духовный облик личности представляет собой исторически складывающуюся совокупность наиболее существенных, относительно устойчивых психических свойств, каждое из которых представляет собой сформированную у индивида способность закономерно отвечать определенными психическими действиями на определенные объективные воздействия.

В этой совокупности всегда четко выделяются две группы психических свойств. Первая связана с побудительной (мотивационной), вторая — с организационно-исполнительской стороной психической регуляции поведения человека.

Это внутреннее психическое содержание человека (его убеждения, потребности, интересы, чувства, характер, способности) обязательно выражается у него в движениях, действиях, поступках. Воспринимая движения, действия, поступки, деятельность человека, люди проникают в его внутреннее психологическое содержание, познают его убеждения, потребности, интересы, чувства, характер, способности.

Вместе с тем мы знаем, что связь между отношением к действительности как содержанием качества личности и способом его выражения не всегда имеет однозначный характер. Практика взаимодействия людей и специальные исследования, особенно исследования формирования качеств личности на разных возрастных этапах, дают нам факты, свидетельствующие о том, что способ поведения личности может не полностью соответствовать или вообще не соответствовать характеру отношения, имеющегося у

личности к какой-то стороне действительности. Это, в частности, было выявлено нами при исследовании личности подростка, проведенном в одной из школ-интернатов Ленинграда. У значительного числа подростков содержательные стороны отношения к учению, коллективу и товарищам, к труду по самообслуживанию и т. п. совпадали, но вместе с тем, как выяснилось, это отношение проявлялось у них через способы

212

доведения, на которых лежала печать пути, пройденного каждым из этих школьников.

Вот, например, как проявлялась «одинаковость» содержания отношения к товарищам у трех изучавшихся нами шестиклассников: Вити М., Вовы М. и Вовы К. Все трое — члены дружного, жизнерадостного, инициативного и требовательного коллектива, лучшего среди первичных коллективов интерната. К VI классу у них успело выработаться сходное и, с точки зрения морали нашего общества, правильное убеждение в том, кого можно считать настоящим товарищем и как каждый из них должен поступать. И сами они отзывчивые, всегда готовые прийти на помощь нуждающемуся в ней однокласснику пионеры. Однако сколь различно конкретное проявление этого отношения у каждого из трех подростков! Поведению, в котором повседневно проявляется отношение Вити М. к одноклассникам, присущи грубоватость и прямолинейность. Для поведения Вовы М., в котором выражается его отношение к товарищам, характерны, наоборот, вежливость и тактичность. У Вовы К. содержательная сторона отношения к товарищам на таком же уровне развития, как и у первых двух учащихся, но яркой и устойчивой особенностью ее проявления в повседневном поведении приобщения мальчика со сверстниками является добродушная насмешливость, обязательное присутствие шутки.

Таким образом, в отношении к товарищам каждого из этих подростков при сходстве в главном все время дают себя знать и другие, свойственные им характерологические качества. Эти качества сравнительно стойко влияют на способ проявления отношения, делая его для каждого подростка индивидуально типичным. У названных шестиклассников при совпадении содержания их отношения к товарищам, при одинаковости (в смысле соответствия этому содержанию) поступков, в которых это отношение реализовалось, внешнее оформление этих поступков было неодинаковым.

В ходе дальнейшего исследования у ряда других шестиклассников был выявлен в общем такой же уровень содержательной стороны отношения к товарищам по коллективу, как у названных подростков. Однако форма проявления содержания этого отношения и у них помимо общих признаков, формируемых у всех детей, воспитывающихся в хорошем коллективе, в каждом отдельном случае имела особенности, наблюдавшиеся только у данного конкретного подростка. И эти особенности,

213

делавшие способ поведения, в котором проявлялась содержательная сторона отношения, в каждом случае индивидуально своеобразным, развились и закрепились у подростка как итог взаимодействия конкретных прямых и косвенных воздействий на него и его собственных ответов на них в прошлом.

Помимо фактов, сущность которых вкратце только что была изложена и в которых содержательная сторона отношения и способ ее выражения относительно соответствовали друг другу, в ходе исследования пришлось столкнуться с серией случаев, для которых

было характерно расхождение между содержательной стороной отношения и формой ее проявления.

Наташа И. — грубая в общении с окружающими, часто недисциплинированная, вечно всем недовольная, все в интернате громогласно критикующая, склонная к ссорам по пустякам. Однако она оказалась большим патриотом своего коллектива. Выяснилось, что она к нему сильно привязана и не хотела бы расстаться ни с одним из своих одноклассников. В то же время со всеми вежливый, послушный и аккуратно исполняющий все поручения и воспитателей, и пионерского актива Алик Б., одноклассник Наташи, коллективом не дорожит, в беседах с «посторонними» зло и часто несправедливо критикует почти всех его членов и из интерната готов уйти немедленно.

В этих двух случаях речь шла о несоответствии действительного отношения подростка к коллективу и способа его поведения; возможность существования такого расхождения была выявлена и при исследовании отношения шестиклассников к учению, а также и к некоторым из внеучебных дел.

Саша Б. — неорганизованный, часто нарушающий дисциплину как на уроках, так и в часы самостоятельного приготовления заданий подросток. Он неряшливо пишет, торопится, готовя уроки, многое не доводит до конца. Всем своим поведением он как бы доказывает, что учение как деятельность и знания, приобретаемые при этом, ему постылы. Однако проверка этого не подтвердила. Оказалось, что Саша Б. активно положительно относится к учению и у него проявляется познавательная потребность, удовлетворяемая им прежде всего за счет знаний, приобретаемых в процессе учебной деятельности. Но еще до интерната мальчик был сильно педагогически запущен, и сейчас, на фоне более благополучных детей, выработавшийся у него в прошлом способ

214

поведения все еще дает себя знать и принимается поверхностными наблюдателями за доказательство отсутствия у этого подростка интереса к учению.

Гера К. при систематической и организованной работе над учебными предметами, большой дисциплинированности как в часы так называемой самоподготовки, так и на уроках не обнаружил активно положительного отношения к содержанию учебной деятельности. Нам не удалось найти у него потребности в знаниях, даваемых учителями и учебниками. Как оказалось, поведение этого школьника при занятии учебной деятельностью было имитацией в действительности отсутствовавшего у него отношения и вызывалось другими мотивами (страхом перед родителями).

Такие же вариации связи между содержательной стороной отношения и способами ее выражения обнаружались при исследовании выполнения детьми трудовых поручений.

Лариса С. с большой тщательностью занимается уборкой класса, когда приходит ее очередь, добросовестно дежурит на кухне и в спальне. Воспитатель считает ее трудолюбивой девочкой и ставит в пример тем, кто отлынивает от так называемой черной работы. А в действительности Лариса — воспитанница с сильно развитыми интеллектуальными интересами — не любит эту работу. Она сама говорит по этому поводу следующее: «Ненавижу ее, скучно, время зря уходит, но стараюсь, потому что без нее не обойтись».

Валя П., наоборот, когда приходит ее очередь дежурить, подметает пол не весь, оставляет пыль на цветах, неаккуратно укладывает книги в шкафу. Создается впечатление, что она нерадиво занимается данным видом труда. Но это не так. Она с удовольствием, как показала проверка, выполняет эту работу, но, еще недавно очень неряшливая, она не научилась делать ее так, как давно умеют лучше ее воспитанные в этом отношении одноклассники. Способ выражения содержательной стороны отношения здесь значительно отстал в своем развитии.

Какие же выводы можно сделать из собранных фактов?

Прежде всего, нам кажется, нельзя упрощенно представлять себе связь между содержанием качества личности, каким является отношение, и формой его выражения. Факты в действительности свидетельствуют, что хотя форма проявления отношения, способ поведения,

215

через который отношение выражается, и определяются содержанием последнего, все же они имеют некоторую относительную самостоятельность. И поэтому форма, способ поведения личности могут и не полностью соответствовать или даже вообще не соответствовать содержанию отношения личности к какой-то стороне действительности. Исходя из имеющихся фактов, есть основание говорить о следующих возможных вариантах такого соотношения:

1. При положительном характере отношения у человека наблюдаются и адекватные этому отношению способы поведения.

2. При отрицательном характере отношения у него наблюдаются и соответствующие способы поведения.

В этих двух случаях имеется полное соответствие содержания отношения и способа его выражения.

3. При положительном характере отношения способ его выражения и поведение человека неадекватны такому отношению.

4. При отрицательном (или безразличном) характере отношения к чему-то человек ведет себя так, будто у него имеется к этому объекту устойчиво положительное отношение.

В двух последних случаях содержание отношения и способ его выражения не соответствуют друг другу.

В одних случаях такое соответствие (несоответствие) оказывается сравнительно устойчивым, но в других может иметь место своеобразная борьба двух способов выражения содержания одного и того же отношения — старого, неадекватного, и нового, адекватного этому содержанию. И тогда оценивать подлинную сущность человека бывает особенно трудно.

Несоответствие содержания какого-то отношения и способа его выражения у личности может быть также сравнительно независимым от других отношений, и оно же может быть и результатом какого-то вмешательства другого отношения, также характеризующего

личность, но более сильного. И это, конечно, тоже увеличивает трудности адекватной оценки личности. В подобном случае необходимо проникнуть в структуру личности и установить субординацию составляющих ее отношений, а это задача нелегкая.

Пока мы говорили преимущественно о том, как может соотноситься содержательная сторона и способ ее выражения в одном отношении. Но раз личность представляет собой систему отношений, не обойти вопроса

216

о том, как же обстоит дело с соотношениями содержательных сторон и способов их выражения у личности в целом. Исследования показывают, что в ряде случаев у человека может наблюдаться сосуществование разных степеней развития отношений и способов их выражения в повседневном поведении. Например, у одного и того же подростка содержание отношения к учению может соответствовать способу его выражения, а содержание отношения к общественной работе не соответствовать способу поведения.

Мы рассмотрели некоторые аспекты связи содержательной стороны отношения и способов ее выражения у человека. Сказанное, нам кажется, позволяет понять одну из причин того, почему восприятие нами поведения другого человека не всегда может дать правильную информацию о том, какое отношение к действительности ему присуще. Кроме того, разные стороны личности одного и того же человека неодинаково сложны и по своей структуре, и по формам возможных проявлений, и поэтому для их познания и оценки требуется разное время. Исходя из этого предположения и в подкрепление его Тажиури, Брунер и Блейк экспериментально установили, что, например, отношение человека к вещам улавливается и правильно оценивается обычно быстрее, чем отношение к людям⁸⁹.

На характер оценки человека как личности другими влияет то, насколько много информации этот человек вольно или невольно представляет о себе людям, для которых он оказывается в роли объекта познания. Вместе с тем это количество информации о другом человеке не должно быть слишком большим — иначе у окружающих его людей может сложиться о нем неадекватное представление.

По данным Саймондса и Холландера, проверенным недавно Ньюкомом, правильное понимание человека как личности образуется у общающихся с ним людей при не очень длительном и, главное, при не очень тесном знакомстве. В противном случае оценивающие, как правило, не могут преодолеть в себе тенденции быть снисходительным и проявляют своеобразный фаворитизм по отношению к старым знакомым или необъективность негативного характера при оценке личности своих недругов.

217

Развитие тесных контактов между людьми; как оказывается, может привести и к тому, что субъект будет с опозданием фиксировать или даже вообще не замечать изменения во внутреннем мире другого человека и строить свое поведение по отношению к последнему исходя из устарелых представлений о его личности. В этих случаях развивается явление, которое в психологической литературе получило название «эффекта ореола».

Этот факт говорит также, что содержание понятия, которое формируется у нас о личности того или иного человека, всегда определяется и тем, насколько мы сами сформированы как личности, как субъекты труда, познания и общения.

Всякое мышление совершается в обобщениях. Для процесса формирования у индивида знания другого человека как личности также характерны образование обобщений и вместе с тем опора на ранее сформированные обобщения.

Сравнение понятий об одной и той же личности, которые формируются у различных людей, раскрывает особенности видения одной личностью другой. Если, например, экономист или политик, создавая понятие о типе людей, намеренно отвлекается от их индивидуальных особенностей, схватывая лишь их социальную сущность, а писатель стремится верно постичь главное в изображаемом человеке и определить конкретные признаки, являющиеся его наиболее полным воплощением, чтобы затем это найденное общее, единичное и особенное воссоздать в художественном типе, добиться «воспроизведения типичных характеров в типических обстоятельствах», то в повседневном общении картина формирования понятия о личности оказывается совершенно иной. В этом случае в содержание понятия личности входят, как правило, лишь те качества, которые человек, исходя из своего опыта общения с людьми и познания их, успел в этой личности рассмотреть в конкретных условиях своего взаимодействия с нею. Вообще факт, когда из-за узости сферы общения и связанной с этой узостью ограниченностью впечатлений о человеке в понятии индивида о познаваемой личности оказывается отраженной лишь одна часть присущих ей качеств и не находят отражения остальные ее качества, в практике взаимодействия людей является скорее правилом, чем исключением. Ошибочно думать, что в понятии, которое формируется у человека о другой личности,

218

всегда находят выражение все действительно присущие этой личности качества и отражается ее индивидуально неповторимая структура. Факты свидетельствуют, что в очень многих случаях познание человеком другой личности сводится к отнесению ее на основании оценки ее поведения и действий лишь к определенной категории людей (хороший специалист, слабый ученик и пр.). При таком неполном познании в личности неизбежно остаются нераскрытыми черты и признаки, составляющие ее индивидуальность.

Мы знаем, что уже при отражении облика и поведения другого человека одни признаки могут запечатлеваться в образе этого человека, формирующемся у познающего его индивида, ярко и точно, другие — бледно и с искажениями, третьи — не фиксироваться совсем. То же может происходить и с выделением субъектом в личности другого человека характеризующих ее черт. Из-за этой неполноты фиксирования качеств, присущих личности, индивид понимает эту личность очень часто более или менее схематично и упрощенно. Не является подлинным пониманием и другая крайность, когда индивид отмечает в познаваемой личности бесконечно большое число фактов поведения в разнообразных условиях, но не умеет подняться над ними, увидеть черты личности, в них проявляющиеся, отделить случайное от существенного.

Обязательным компонентом мыслительного процесса, направленного на постижение сущности того или иного конкретного человека как личности, является актуализация в сознании познающего субъекта психологических знаний, накопленных им в ходе взаимодействия с людьми, опора на обобщения, сформировавшиеся у субъекта при познании других людей. Роль обобщений, в которых у индивида аккумулированы его впечатления от личных встреч с людьми в прошлом, всегда так или иначе сплавленные со знаниями о людях, полученными им из других источников (книги, устные рассказы, кино, телевидение и пр.), в познании им каждого определенного человека очень значительна.

Вынося оценку особенности личности нового для него человека, индивид на такие обобщения опирается постоянно, хотя они и не всегда могут быть верными. Вообще система понятий и общих представлений, в которой у каждого человека

219

оказывается запечатленным его опыт общения с людьми и познания их в прошлом, как показывают наблюдения, содержит, во-первых, обобщения, которые правильно фиксируют устойчивые зависимости между особенностями внешнего облика, формой поведения людей, с одной стороны, и обычно стоящими за ними качествами личности — с другой. Во-вторых, в эту систему всегда входят обобщения, которые в действительности отражают лишь случайные связи. Наконец, в ней могут найти какое-то место «обобщения», фиксирующие связи там, где их нет вовсе. У разных людей доля каждого из этих видов обобщений в системе знаний, в которой запечатлен их опыт познания человека, не одинакова.

Нами были опрошены разные люди (пенсионеры, рабочие, студенты, школьники), которые должны были сказать, имеют ли они обыкновение связывать психические качества людей с особенностями их внешности, и в случае положительного ответа на этот вопрос привести примеры таких имеющихся, по их мнению, отношений. Оказалось, что, несмотря на то что наукой показана ошибочность так называемой физиогномики, френологии и не подтверждена правильность учения Кречмера о типах конституции и связи их с определенными чертами характера, среди людей имеют хождение идеи, в свое время фигурировавшие в названных концепциях. Из 72 опрошенных, например, девять человек заявили, что люди с квадратными подбородками обладают сильной волей, семнадцать человек сказали, что люди с большим лбом — умные, три человека полагали, что люди с жесткими волосами имеют непокорный характер, четырнадцать человек считали, что полные люди обладают добродушным характером, два человека сказали, что толстые губы свидетельствуют о большой сексуальности. Пять человек утверждали, что люди ниже среднего роста всегда отличаются властностью, энергией, большим желанием всеми командовать. Один человек написал, что люди с близко посаженными друг к другу глазами очень вспыльчивы. Пять человек убеждали нас, что красивые люди всегда или глупы, или большие себялюбцы. Двое утверждали, что, если у человека большой рот, «владелец» его — шутник и насмешник, а если у него тонкие, бескровные губы, он — ханжа и ему присуща скрытность. Один из опрошенных сказал, что, по его мнению, постоянно приоткрытый рот — признак глупости. Далее было установлено, что если во внешности

220

воспринимаемого человека оказывается какая-то из названных особенностей, которую воспринимающий субъект еще раньше начал связывать с определенной чертой характера, типом личности и пр., то эта связь включается в формирующийся у него образ человека.

«Житейские обобщения», на которые, часто не осознавая этого, опираются в повседневном общении люди, вынося оценку новому для себя человеку, исследовал также Г. Олпорт⁹¹. Он предлагал большим группам испытуемых по первому впечатлению оценивать качества личности до эксперимента незнакомых им людей и обнаружил тенденцию воспринимать людей, носящих очки, или с высоким лбом, как более умных, заслуживающих доверия, прилежных, видеть в пожилых и полных мужчинах людей надежных, уверенных в себе, ответственно относящихся к своему слову; воспринимать улыбающиеся лица более умными, а владельцев их дружелюбнее настроенными по

отношению к другим людям. Помимо названных найдены и другие оценочные тенденции, которые, хотя они довольно часто проявляются в практике общения людей, заключают в себе также лишь небольшую долю достоверности. Олпорт считает, что у большинства людей такие оценки образуются как следствие поверхностных ассоциаций. Люди, носящие очки, могли повредить свои глаза в учении, люди с высоким лбом имеют большое пространство для мозга и т. п. Конечно, подобные «обобщения» — свидетельства психологической необразованности тех, у кого они возникают, следствие односторонности и плохого анализа ими собственного опыта общения, но эти тенденции — реальный факт и изучать их необходимо.

Вместе с тем на оценку, даваемую человеком познаваемой личности, оказывают влияние и обобщения, в которых у него запечатлеваются наблюдаемые им в жизни связи между способами поведения людей и их отношения к различным сторонам действительности.

Э. Холл в очерке «Наш безмолвный язык»⁹², опираясь на свои наблюдения особенностей общения у разных народов, направляет внимание читателей на анализ фактора, мимо которого часто проходят психологи, но который в процессе общения проявляется и может

221

влиять на восприятие собеседниками друг друга, на возникающие при этом эмоциональные переживания и представления о качествах личности собеседника. Речь идет о так называемом «ocultos» — «невидимом», или проще, об обычаях устанавливать и поддерживать контакты (деловые, дружеские и иные), принятых у данного народа и усваиваемых каждым новым поколением. В статье, в частности, говорится о том, что у каждого народа существует свое представление о дистанции, которая должна разделять собеседников. По утверждению автора, типичная для янки дистанция разговаривающего с другим взрослым мужчиной на деловую тему и в деловой обстановке равняется приблизительно двум футам. Для взрослых жителей латиноамериканских стран это расстояние кажется непомерно большим, так как они усвоили принятую в их странах привычку во время разговора подходить к собеседнику почти вплотную. Эдвард Холл «сталкивал» в деловом разговоре до этого незнакомых коренных граждан своей страны и типичных представителей стран Латинской Америки, и разница в привычных дистанциях при разговоре немедленно сказывалась: один во время беседы, иногда не сознавая этого, стремился приблизиться к собеседнику, а второй все время отодвигался от него. И во многих случаях, разбираясь в своем первом впечатлении о новом знакомом, североамериканец думал о латиноамериканце: какой он назойливый... претендует на установление близких отношений, а представитель латиноамериканских стран также искренне полагал, что янки высокомерен, холоден, слишком официален. А все дело было в несхожести привычных расстояний для ведения разговора.

В упоминаемом очерке описываются и другие виды ocultos, которые у одного народа не такие, как у других (отношение к времени, к завязыванию знакомств и т. д.). Э. Холл не стремился в этом очерке к научной убедительности, но он правильно обращает внимание на то, что обычаи народа или общественной группы к которым принадлежит человек, непременно «говорят свое слово», когда у него складывается впечатление о новом для него человеке.

Из-за узости практики общения, недостаточной научной вооруженности человек, взаимодействуя с другими людьми, в подобных случаях не может определить, какие же

чувственные признаки во внешнем облике познаваемого человека и его поведении действительно содержат информацию о качествах характера этого человека,

222

об испытываемом им состоянии, а какие такой сигнальной нагрузки не несут. Умозаключения о внутренних качествах людей в таких случаях осуществляются на основе случайных ассоциаций внешнего сходства фактически совершенно различных людей, совпадения явлений во времени и пространстве, не связанных между собой причинно-следственными отношениями.

Но помимо «обобщений» указанного характера при познании других людей и самого себя у каждого человека постоянно формируются обобщения, которые верно фиксируют связь между особенностями поведения личности и ее внутренним миром. Человек может их и не осознавать, но они тем не менее также всегда «работают», когда он анализирует и оценивает поведение другой личности. На такого рода обобщения человек в ходе своего повседневного общения с другими людьми главным образом и опирается.

У каждого человека под влиянием общества, членом которого он является, формируются общие нравственно-эстетические требования к другим людям и образуются воплощающие эти требования более или менее конкретные эталоны, пользуясь которыми он дает оценку окружающим его людям. Одновременно у него складываются и требования к людям, связанные с занимаемым ими конкретным положением в обществе и выполняемой ими ролью в том или ином виде деятельности. Соответственно этим требованиям у него возникают и определенные эталоны, с которыми он сопоставляет лиц, выполняющих данную общественную функцию. При этом указанный процесс вовсе не сводится лишь к образованию эталонов, в которых находит выражение представление человека о людях, наиболее полно отвечающих названным требованиям, например о высоконравственной личности, о настоящем учителе, о блестящем специалисте, образцовом руководителе и т. д. Как показывают факты, у индивида вместе с тем формируются «представления-образцы» о людях, которые отвечают этим требованиям в меньшей степени или совсем не соответствуют (надежный, но не блестящий работник, средний ученик, посредственный актер, плохой учитель, руководитель-бюрократ, рабочий-рвач и т. д.).

Все эти эталоны, формирующиеся у индивида в процессе совместной деятельности его с другими людьми, по мере развития этой деятельности и с изменением самого индивида как личности постоянно обогащаются новыми чертами, переосмысливаются, становятся все

223

более обобщенными. Однако это не меняет их функции в процессе познания людьми друг друга, и для взрослого человека, как прежде для дошкольника, они выполняют роль мерки, которую он прикладывает к личности, так или иначе проявляющей себя в труде, в общении, в познании.

Названные эталоны, используемые индивидом при оценке тех или иных людей, отличаются от научных понятий о типах людей и от типических образов искусства. Прежде всего это отличие — в путях их создания. Научные понятия о типах людей и типические образы, создаваемые искусством, это всегда — плод творческого труда, сознательно подчиняемого решению определенных задач. Формирование эталонов,

которыми человек пользуется при оценке личности, хотя неизбежно и определяется многочисленными влияниями общества, для самого человека оказывается в большинстве случаев стихийным процессом, и он может и не сознавать, что у него формируются те или другие эталоны и что они всегда «говорят свое слово», когда он оценивает другую личность.

Как и понятия о типах личности, создаваемые наукой, рассматриваемые эталоны также являются результатами анализа и синтеза человеком получаемых им при взаимодействии с людьми впечатлений. Они тоже представляют собой какую-то ступень отвлечения от индивидуального, в них нередко находят выражение черты тех общественных групп, представители которых составляют окружение человека. Вместе с тем на формировании этих эталонов, этих «мерок», которые используются человеком при оценке окружающих его людей, в очень сильной степени сказывается его личный опыт труда, познания и общения.

Наиболее отчетливо зависимость характера эталонов от личного опыта труда, познания и общения выступает при сравнении оценок, даваемых одной и той же личности людьми с резко противоположными взглядами на обязанности человека в обществе (например, если мы сравним оценки, даваемые личности ударника коммунистического труда тунеядцем, который не умеет и не хочет трудиться, и сознательным тружеником, для которого общественно полезная работа стала внутренней потребностью).

В эталонах, складывающихся у человека, прежде всего из-за ограниченности его личного опыта общения не всегда могут найти отражение существенные для

224

той или иной группы людей признаки. Приписывая отмечаемые у ограниченного числа людей признаки личности всем остальным представителям группы, к которой относятся эти люди, человек никогда не гарантирован от ошибки поспешного «обобщения». Из числа существенных сторон, характеризующих определенную группу лиц, человек может выделить и абсолютизировать лишь какую-то одну. В этом случае формирующийся у него эталон неизбежно будет страдать схематизмом. Не только в оценке, даваемой личности, но и в тех эталонах, с которыми человек эту личность сравнивает, прежде чем вынести ей ту или иную оценку, находят выражение идейная зрелость человека, его умение объективно фиксировать главное в окружающих его людях.

Конкретные попытки исследования содержания «эталонов» и их проявления, у лиц, обладающих неодинаковым жизненным опытом, находящихся как личности на разных ступенях развития, были предприняты в нашей лаборатории В. Н. Куницыной, В. А. Лабунской, В. М. Сенченко и Г. Г. Финиковой.

В исследовании В. А. Лабунской⁹³ была выявлена роль в успешности опознания экспрессии характера сформировавшихся у личности эталонов выразительного поведения, соответствующих тем или иным эмоциональным состояниям, переживаемым человеком, а также прослежено влияние способа экстерииоризации этих эталонов на точность определения по экспрессии человека переживаемого им состояния. Ею были выделены три группы людей, отличающиеся друг от друга характером наблюдавшихся у них взаимоотношений между способом экстерииоризации эталонов и успешностью опознания экспрессии.

Люди, которые В. А. Лабунской были отнесены к первой группе, при опознании переживаемых человеком состояний по его экспрессии ориентировались по преимуществу на его мимику, и, соответственно, актуализировавшиеся у них при этом оценочные эталоны экспрессии были в основном содержащими характеристики мимики человека при переживании им различных эмоциональных состояний.

Люди, вошедшие во вторую группу, при опознании состояния ориентировались как на мимику, так и на все

225

другие компоненты выразительного поведения человека, и соответственно, оценочные эталоны, с которыми они сравнивали фиксируемую у человека экспрессию, для того чтобы сказать, что он в тот или иной момент переживает, включали в себя в обобщенном виде как черты мимики, так и пантомимики, а также выразительные характеристики речи и голоса.

У третьей группы людей оценочных эталонов, достаточно определенно актуализирующихся при решении ими задач на опознание состояния по экспрессии либо с ориентацией только на мимику, либо на все выразительное поведение, В. А. Лабунской обнаружить не удалось.

В соответствии с задачами исследования, которые состояли в том, чтобы выявить комплекс условий, влияющих на успешность опознания эмоциональных состояний, В. А. Лабунской были подвергнуты факторному анализу показатели успешности опознания эмоциональных выражений, показатели типов эталонов и показатели дифференциально-психологических характеристик людей, решавших задачи, требовавшие от них психологической интерпретации экспрессии.

В результате такого анализа В. А. Лабунская установила, что люди необщительные, эмоционально неустойчивые, с развитым образным мышлением, более старшие по возрасту, успешнее опознают отрицательные эмоциональные состояния. И вместе с тем всякие эмоциональные состояния опознают лучше люди с развитым невербальным интеллектом, эмоционально подвижные, больше направленные на окружающее, чем на самих себя.

В этом исследовании была обнаружена также группа лиц, которая с одинаковым успехом опознает выражения различной сложности, и другая группа, которая хорошо справляется лишь с опознанием несложных выражений эмоций. И оказалось: за этой неодинаковой успешностью дифференцирования выражений стояли по-разному сформированные в каждой группе эталоны экспрессии для различных эмоциональных состояний.

Работы, осуществленные в нашей лаборатории В. Н. Куницыной, В. М. Сенченко и Г. Г. Финиковой, были посвящены изучению эталонов другого вида у людей, находившихся как личности на разных ступенях развития и запечатлевших в этих эталонах не свои представления об образах экспрессии, а знания о различных типах личности.

226

Эти работы показывают, что эталоны, актуализирующиеся у человека при оценке им другой личности, отличаются различной степенью обобщенности и выступают в

различных формах. Это может быть образ конкретного человека, являющийся в глазах индивида персонифицированным носителем того или иного положительного или отрицательного качества или группы качеств. Это может быть и более обобщенный образ «хорошего мальчика», «руководителя», «героя», «лентяя» и др. Это, наконец, могут быть уже сложившиеся в предшествующем опыте человека понятия о типах личности и характерной для каждого из них совокупности качеств, а также о поведении человека, обладающего этими качествами.

Исследования показывают, что степень обобщенности эталонов, используемых человеком при оценке поведения и психических качеств личности, растет по мере того, как сам человек формируется как субъект труда, познания и общения. Этот рост хорошо прослеживается, когда сравниваются эталоны, имеющиеся у лиц разного возраста. Например, Г. Г. Финиковой выяснено, что у первоклассника с его еще небольшим опытом общения и малым запасом знаний о людях, полученных из различных источников, а также неумением мыслить абстрактно содержание эталонов (Финикова выяснила содержание эталонов «добрый человек», «рассеянный человек», «злой человек» и некоторых других) очень узко, элементарно и конкретно. Первоклассники, раскрывая их содержание, неизменно приводили тот или иной пример, характеризующий поведение людей, или ссылались на конкретных людей из своего окружения, а иногда указывали на какого-то героя из сказки. Лишь позже, с появлением на жизненном пути школьника новых людей, обладающих неодинаковым физическим обликом, но совершенно одинаковыми действиями и поступками и, наоборот, внешне похожих, но по-разному себя ведущих, а также с накоплением у него знаний об оценках, даваемых авторитетными для него взрослыми поведению этих людей и качествам личности, которые, они при этом проявляют, происходит постепенный рост обобщенности эталонов.

Для каждого школьника характерен какой-то период, в течение которого связывание определенного физического облика и внутренних качеств человека сосуществует в его сознании со складывающимся у него убеждением в том, что о чертах личности человека надо

227

судить не по его наружности, а по делам, по поступкам. Указанная особенность очень четко была, например, выявлена у подростков В. Н. Куницыной. Она предлагала 43 учащимся VII класса ответить, какого человека они считают добрым, умным, злым, рассеянным, жестоким. По характеру ответов В. Н. Куницына разделила подростков на четыре группы. В первую группу она включила учащихся, у которых все вышеназванные качества связываются исключительно с внешним (часто только с физическим) обликом человека. Учащиеся, отнесенные ко второй группе, характеризуя личность, отмечали в ней и определенные черты физического облика и в то же время называли характерные, по их мнению, для личности с таким качеством особенности поведения. Подростки, объединенные в третью группу, говоря о том, какими они представляют людей, обладающих одним из перечисленных свойств, совершенно не касались их физического облика и вообще их внешности и называли только особенности их дел, поступков, поведения. В последнюю, четвертую группу В. Н. Куницына отнесла подростков, у которых одни из названных качеств всецело связывались с определенным физическим обликом человека, а другие раскрывались исключительно через указание на поступки, мысли и чувства, которые кажутся этим подросткам типичными для людей, в личности которых доминирует какое-либо из названных качеств⁹⁴.

Развитие содержания эталонов, связанное с изменениями в личности тех, у кого эти эталоны формируются, было прослежено также В. М. Сенченко. Используя статистические методы, он выявил основные направления перестройки эталона отечественного солдата в группах испытуемых, которые охватывали возрасты от младшего дошкольного до старшего школьного и, кроме того, включали солдат всех лет службы, а также офицеров, имевших 5 и более лет командирского стажа.

Вычислив показатели абсолютной вероятности включения различных признаков в интересовавший его эталон представителями каждой из групп испытуемых, В. М. Сенченко убедительнейшим образом показал, что

228

в эталоне солдата у младших дошкольников главенствующее положение занимают признаки оформления внешности (форма, снаряжение, оружие). Старшие дошкольники почти столь же часто, как признаки оформления внешности, начинают включать в эталон солдата признаки телосложения (рост, величину фигуры и некоторые другие). В глазах учащихся I класса значение двух названных групп признаков для солдата сохраняется, однако первоклассники часто включают в его эталон функциональные характеристики (стреляет из автомата, водит танк, лежит в окопах, пускает ракеты и т. п.). В следующих возрастных группах учащихся содержание эталона солдата обогащается качествами, относящимися к воле, а также к мотивам поведения. Особенно сильно волевые качества личности выявляются в эталонах солдата подростков.

В дальнейшем в содержании эталонов солдата резко изменяется соотношение групп признаков. Уже у семиклассников, по данным В. М. Сенченко, заметно снижается доля признаков, относящихся к оформлению внешности, и столь же сильно возрастает фиксирование признаков, свидетельствующих о характере советского солдата. В старших классах эти характерологические признаки в эталонах солдата начинают играть ведущую роль. Эталоны солдата, имеющиеся у самих солдат, особенно «старослужащих», отличаются большой представленностью в них помимо характерологических качеств, в которых выражается отношение к большим социальным институтам и к воинскому труду, коммуникативных черт личности, ее контактности с другими, развитости чувства товарищества и др. В структуре групп признаков, которые В. М. Сенченко были обнаружены при анализе эталонов солдата, имевшихся у строевых офицеров со стажем, в качестве очень значимой группы признаков выступили обобщенные умения и навыки, а также отвечающие определенным критериям знания, которые делают человека, именуемого солдатом, действительно солдатом. Эти признаки по частоте фиксирования у этой группы испытуемых заняли место сразу после характерологических качеств.

Факты, собранные В. М. Сенченко, показывают, таким образом, что развитие эталонов, начавшееся у человека в пору дошкольного детства, продолжается не только в школьном возрасте, но и в пору юности и во все последующие годы его жизни.

229

У всех людей в связи с конкретным видом деятельности, которой они по преимуществу заняты, и характером общения главным образом с определенными категориями людей помимо эталонов, относимых к большим группам людей, формируются специальные, частные эталоны, имеющие более ограниченное приложение. У каждого человека, воплощаясь в образно-понятийную форму, развиваются эталоны плохого и хорошего учителя, рабочего, студента, руководителя, родителя и т. д. При частном общении с

определенной категорией людей: с рабочими, колхозниками, учащимися, спортсменами, руководителями, врачами — у человека развивается более дифференцированное понимание типов лиц, представляющих данную деятельность, профессию, специальность, возраст, пол и т. д., и соответственно увеличивается число оценочных эталонов. При этом у каждого человека, как правило, наблюдается сосуществование эталонов, различающихся степенью соответствия их содержания сущности тех людей, оценке которых эти эталоны служат. В то время как в содержании одних эталонов, сложившихся у человека, сущность определенной категории людей воплощена в полной мере и они хорошо выполняют функцию мерки при оценке новых лиц, в содержании двух эталонов типичные особенности какой-то группы людей оказываются запечатленными с большими искажениями или даже не фиксируются вовсе. И эти последние эталоны, актуализируясь у субъекта при взаимодействии его с другими людьми, не способствуют правильной оценке тех лиц, к которым они прилагаются субъектом. Такое неодинаковое соответствие содержания эталонов, формирующихся у личности, в действительности является, как правило, результатом того, что у каждого человека в ходе жизни при общении с разными группами людей обычно накапливается неравновеликий и неравноценный запас впечатлений.

Например, у школьника опыт общения со сверстниками растет обычно интенсивнее, чем опыт взаимодействия с представителями других возрастов. Соответственно формирование у него правильных эталонов при познании сверстников происходит, быстрее, чем развитие эталонов, актуализирующихся в процессе общения с представителями других возрастов. У учителя, проработавшего всю жизнь с младшими школьниками, образуются обобщенные и вместе с тем точные эталоны, в которых находят отражение существенные, с точки

230

зрения учителя, особенности наиболее распространенных вариаций личности младших школьников. В то же время у него вследствие ограниченности опыта общения со старшими школьниками могут сформироваться эталоны, которые в своей совокупности лишь в самой небольшой мере отразят многообразие вариаций личности старших школьников. Разную степень объективности эталонов и большее или меньшее соответствие их всему тому многообразию основных вариаций личности, которое есть в действительности, легко можно обнаружить у любого человека по отношению к различным категориям людей.

Широкий и разнообразный опыт общения с людьми является важным, но не единственным условием успешного формирования объективных и дифференцированных эталонов, используемых при оценке той или иной личности. Труд человека на различных поприщах, деятельность, направленная на познание различных сторон действительности, вооружают его такими знаниями, которые, хотя подчас и не заключают в себе информации о психологии других людей, тем не менее могут облегчить более глубокое проникновение в нее. Занимаясь непосредственно тем или другим видом труда, человек действительно познает требования, которые этот труд предъявляет работнику; у него накапливается знание о трудностях, которые приходится преодолевать, решая те или иные задачи, и т. д. В процессе личного участия в труде у человека вырабатываются собственные эталоны успешного или неуспешного освоения требований участниками трудового процесса и преодоления ими трудностей. В зависимости от того, насколько далеки от этих эталонов результаты труда познаваемых людей, человек предполагает у последних сформированность одних качеств и отсутствие других. Личный труд человека

способствует, таким образом, развитию у него «меры», которую он начинает прилагать к другим людям.

При оценке индивидом отдельных актов поведения, а также и всей личности человека у него актуализируются обобщения, образовавшиеся не только в процессе общения с различными людьми, но и непосредственно с этим человеком. Повседневное общение ведет к тому, что наиболее часто фиксируемые способы поведения в разных ситуациях также начинают выполнять для индивида роль эталонов при оценке им действий этого

231

человека в последующем. Действие таких индивидуальных эталонов проявляется ярко, например, тогда, когда поступки и манера поведения знакомого нам человека в данный момент расходятся с тем, что мы привыкли видеть у него раньше, и мы думаем о нем: это на него не похоже или он перестал быть самим собой.

Совершенно ясно, что признаки внутреннего облика и поведения человека, которые роднят его со всеми другими людьми, характеризуют его как представителя определенной группы лиц, отличают от всех других людей и придают его личности индивидуальное своеобразие, не отделены друг от друга «китайской стеной». Общее и особенное существуют в единичном и через единичное. Но всегда каждая из групп этих признаков в одной и той же личности может быть абстрагирована при необходимости характеристики человека под определенным углом зрения. Соответственно и общечеловеческие, и групповые, и индивидуальные эталоны, формирующиеся у каждого человека, взаимопроникают друг в друга и при оценке им личности актуализируются в теснейшей связи друг с другом.

Хотя для образования индивидуальных эталонов требуется прежде всего накопление у человека впечатлений о поведении конкретных людей, однако формирование этих эталонов всегда обусловлено знанием общечеловеческих и групповых норм поведения и представлений о том или другом типе личности, которые уже успели сложиться у индивида в прошлом.

Исследование содержания эталонов, которые актуализируются при оценке лиц, выполняющих различные социальные функции, а также обладающих тем или иным социальным положением, у типичных представителей различных социальных общностей является по всем данным одним из важных направлений в разработке психологии познания людьми друг друга. Знание этих эталонов дает возможность заранее предвидеть, как в главном будет оценен данным лицом какой-то конкретный человек, если этому лицу известна принадлежность оцениваемого к людям, объединяемым на основании каких-то общих для них признаков в одну и ту же группу.

Установление устойчивых зависимостей между содержанием и структурой оценочных эталонов и такими, например, характеристиками субъекта восприятия, как его пол, возраст, профессия, позволяет затем с большой долей вероятности предугадать направления развития

232

процесса оценивания одной личностью другой личности и намеренно использовать это значение при решении задач воспитания, организации психотерапии, а также в ходе применения так называемых средств массовых коммуникаций.

Формирование у каждого человека все новых эталонов по мере установления у него контактов со все новыми категориями лиц и накопления все новых впечатлений о них теснейшим образом связано с одновременно разворачивающимся у человека процессом классифицирования познаваемых людей на основе установления сходства и различия в их личностных характеристиках на более или менее определенные группы.

В одних случаях такая классификация производится человеком с целью решения той или иной задачи и сначала и до конца осуществляется сознательно. В других случаях она разворачивается стихийно.

Мы знаем, например, что А. С. Макаренко, исходя из определенных критериев, подразделял своих воспитанников на актив, гниющий актив, резерв актива, здоровый пассив, «болото» и «шпану». Точно так же учителя в школе одних учащихся относят к сильным ученикам, других — к «среднячкам», третьих — к «слабым учащимся» и т. д.

Мы попросили девяносто двух выпускников вузов Ленинграда ответить, существуют ли, на их взгляд, определенные типы студентов и преподавателей. После того как все они дали на этот вопрос утвердительный ответ (каждый из них отвечал без свидетелей), перед ними была поставлена задача перечислить эти типы.

Называя типы студентов, выполнявшие эту часть задания выпускники пользовались неодинаковыми основаниями, относя студентов к различным группам. Одни из отвечавших делили всех студентов на две категории: на пришедших в вуз по призванию и не по призванию. Другая группа отвечавших утверждала, что существуют четыре типа студентов: 1) студент, гармонично сочетающий ученье и общественную работу; 2) студент — большой общественник, у которого ученье на втором плане; 3) студент-«академист», признающий только ученье и «бегающий» от общественных поручений; 4) студент, формально относящийся и к ученью, и к общественной работе. Третья группа опрошенных выпускников в качестве основания деления студентов на определенные категории избрала регулярность и систематичность их учебной работы в течение года, и,

233

таким образом, ею были названы студенты, занимающиеся серьезно постоянно, и студенты, в полную силу работающие только во время экзаменационной сессии. Была, наконец, группа отвечавших, которые полагали, что есть все основания выделить тип студента с широкими, разносторонними познавательными интересами, тип студента с узким интересом, проявляющимся только к тому, что непосредственно связано с приобретаемой специальностью, и тип студента, вовсе лишенного познавательных интересов и занимающегося ради диплома.

Называя типы преподавателей, опрошенные нами выпускники выделяли такие типы: 1) хороший лектор, но плохой ученый-специалист; 2) большой ученый-специалист, но плохой лектор; 3) большой ученый-специалист и хороший лектор; 4) плохой лектор и посредственный ученый-специалист; 5) плохой преподаватель-лектор, но хороший человек; 6) человек так себе, но преподаватель-лектор хороший; 7) настоящий человек, большой ученый и хороший преподаватель. Некоторая часть отвечавших, называя типы преподавателей, руководствовались уровнем требований, которые они обычно предъявляли студентам. Таким образом, всех преподавателей они подразделяли на «добряков», «формалистов», «строгих, но справедливых».

Указанные представления о студентах и преподавателях, формируясь у человека в условиях непосредственного взаимодействия с ними, вместе с тем участвуют в оценке этим человеком людей, ранее ему незнакомых, но также являющихся преподавателями или студентами. Такие представления выполняют в этом случае функцию эталонов.

Другая группа бывших выпускников ленинградских вузов, имевшая пятилетний стаж работы на предприятии, называла типы руководителей. Одни из этих молодых специалистов сказали, что, по их мнению, есть: 1) руководители, знающие производство, и хорошие организаторы; 2) руководители, знающие производство, но плохие организаторы; 3) руководители — хорошие организаторы, но плохо знающие производство. Другие молодые специалисты разделили руководителей на требовательных и вежливых с подчиненными и требовательных, но грубых с подчиненными. Наконец, третьи, называя типы руководителей, помимо перечисленных признаков важным признаком типа считали отношение

234

человека к своему делу: боится он за него или нет.

Мы привели лишь отдельные примеры классификаций, складывающихся у общающихся в некоторых видах деятельности. Вообще же весь этот вопрос требует всесторонней и углубленной разработки, потому что знание подобных классификаций, различающихся по разным параметрам, фактически означает постижение системы понятий и представлений, в которых оказывается аккумулирован, отражен и так или иначе обобщен опыт познания людей представителями различных социальных групп.

Помимо эталонов, выполняющих при познании одним человеком другого роль мерок, которые, образно говоря, прикладываются к познаваемой личности и которые дают возможность отнести эту личность к какому-то классу в той системе типов, которая у познающего субъекта сформировалась, у человека — субъекта познания других людей всегда могут быть выявлены и наборы качеств, которые он имеет тенденцию приписывать тем лицам, класс которых, как ему кажется, им установлен. Это явление приписывания познаваемой личности целых наборов определенных качеств на основе отнесения ее по увиденным в ней отдельным качествам к какому-то классу лиц было хорошо изучено Келли, Вайшнером и Ашом, которые экспериментально показали, что за ним стоит факт так называемого безотчетного структурирования личности⁹⁵.

Это явление «приписывания» получило у исследовавших его ученых название стереотипизации, а наборы качеств, которые человек придает познаваемой им личности, соответственно были названы оценочными стереотипами⁹⁶.

В последующем многочисленными исследованиями было показано, что в этих стереотипах всегда находят

235

выражение запас теоретических и практических знаний, которыми располагает человек, о каждом народе, о каждом из общественных классов, о поле, возрасте, профессии. Поскольку опыт общения каждого человека детерминирован его принадлежностью к определенному народу, общественному классу, полу, возрастной группе, профессии, то оценочные стереотипы представителей разных демографических и социальных групп наряду с чертами сходства включают в себя очень существенные и характерные различия.

Было выяснено, что стереотипы начинают срабатывать уже тогда, когда оцениваемые люди отличаются друг от друга только своими физическими характеристиками — наружностью (Г. Олпорт, П. Секорд)⁹⁷. Например, Секордом было установлено большое совпадение тенденций в приписывании определенных черт людям, в лицах которых можно было найти определенные характеристики (формы лица, расположение глаз относительно носа, величина ротовой щели и т. д.). В исследовании Секорда, где в качестве объектов оценки были использованы фотографии 24 мужских лиц, median correlation коэффициент оказался равным 0,65 с рангом от 0,54 до 0,78 для различных оцениваемых черт. Median correlation коэффициент для женских лиц был 0,59 с рангом от 0,37 до 0,87. Секорд объясняет эту весьма высокую однозначность в приписывании одних и тех же черт многочисленными испытуемыми людям с определенным складом лица действием одних и тех же «оценочных» стереотипов, которые были усвоены испытуемыми, принадлежащими к одной национально-культурной общности.

Дж. Брунер и Х. Перлмуттер, используя в своих опытах в качестве испытуемых большие группы американцев, французов и немцев, с большой убедительностью установили, что суждения людей о новом для них человеке в сильной степени обусловлены имеющимися у этих людей представлениями о национально-этнических группах, к которым они относили оцениваемого человека⁹⁸. Если признак национальной принадлежности

236

человека выступал при оценке его личности на передний план, участники опыта имели обыкновение приписывать ему черты, которые они привыкли ассоциировать с национальным характером того народа, к которому, по их мнению, принадлежит оцениваемый. Вместе с тем, чем лучше участники опыта Брунера и Перлмуттера знали народ, к которому был отнесен оцениваемый, тем реже они, характеризуя человека, прибегали к упрощенным групповым стереотипам. Подтверждающие данные Брунера и Перлмуттера результаты о роли так называемых национальных стереотипов при складывании впечатления о людях в разное время были получены Э. Кентрилом, Г. Олпортом, К. Содхи⁹⁹ и другими исследователями.

Не меньшее значение в формировании впечатления о другом человеке имеют стереотипы, которые актуализируются в сознании оценивающего лица, когда оно располагает информацией об общественно-профессиональном статусе оцениваемой личности. Очень яркий пример роли этой группы стереотипов при образовании оценки другого лица приводят в своем исследовании Хайр и Грюнес¹⁰⁰. В проведенном ими опыте большая группа менеджеров и квалифицированных рабочих, разделенная на две подгруппы, оценивала двух людей, из которых один был представлен первой подгруппе как владелец фабрики, а другой — как рабочий. Когда этих лиц представляли второй подгруппе испытуемых, «владелец фабрики» стал «рабочим», а «рабочий» стал «владельцем фабрики». Познакомившись с ними, обе подгруппы испытуемых должны были назвать качества, которые, по их мнению, наверняка были у «владельца фабрики» и у «рабочего».

Оказалось, что характеристики, которые давали одним и тем же людям испытуемые, входившие в две подгруппы, резко различались между собой, когда оцениваемому сообщалась новая социальная роль. Общее

237

впечатление о человеке было радикально иным, когда он воспринимался испытуемым как владелец фабрики по сравнению со случаем, когда он был представлен им как квалифицированный рабочий. В характеристиках одного и того же человека, когда он был представлен и воспринят как владелец фабрики или как рабочий, имелись значительные различия, обусловленные и принадлежностью лиц, дававших характеристики, к разным социальным группам.

Аналогичные результаты, также свидетельствующие о большой роли социально-статусных «оценочных стереотипов», сформированных у человека в прошлом, в складывании у него мнения о новом лице, были получены и другими экспериментально исследовавшими этот социально-психологический феномен учеными — Бруннером, Лафтом, Форвергом и др.¹⁰¹.

В нашей лаборатории явление стереотипизации изучала З. Ф. Семенова. Она приглашала на телестудию рабочих, служащих, инженерно-технических работников, ученых, а также учащихся старших классов средних школ, которые выражали желание ознакомиться с работой телецентра. Там под удобным предлогом им показывалась видеозапись экспериментального выпуска «теленостей». Участвовавшие в эксперименте — всего их было 667 человек — 291 мужчина и 376 женщин — полагали, что они смотрят передачу, транслируемую в эфир. Одно из сообщений выпуска, в котором говорилось о спуске нового судна, читал человек, которого разным группам испытуемых представляли неодинаково: то в качестве ученого, то в качестве журналиста, то в качестве директора судостроительного завода, то как генерального конструктора и, наконец, как бригадира отличившейся бригады. Таким образом, в этом эксперименте во всех случаях оценивался один и тот же человек, который выступал с одним и тем же сообщением, но социальная роль его при «встрече» с очередной группой испытуемых менялась.

Просмотрев теленовости, испытуемые-телезрители по просьбе З. Ф. Семеновой заполнили шкалу «полярные профили», в которой они должны были выразить

238

свое впечатление о выступавшем с сообщением человеке.

Произведя статистическую обработку полученных таким путем ответов, З. Ф. Семенова установила различия в оценочных стереотипах, актуализировавшихся: у испытуемых при восприятии одного и того же человека, когда этот человек выступал перед ними в разных социальных ролях. Актуализировавшиеся у испытуемых стереотипы были не полностью одинаковыми и при восприятии и оценке личности человека в одной роли, если сами испытуемые принадлежали к группам, различным по своим социальным характеристикам (рабочие, служащие, инженерно-технические работники, ученые, школьники старших классов). Эти различия в стереотипах затрагивали как характер качеств, которые прежде всего усматривались в выступавшем в «теленостях» человеке, так и оценки их выраженности в его личности испытуемыми-телезрителями. По данным З. Ф. Семеновой, для каждой из привлеченных к участию в эксперименте групп испытуемых одни социальные роли оказались более значимыми, чем другие, и это вело к тому, что определенные «комплексы» качеств у одного и того же человека в первом случае ими отмечались и даже иногда объявлялись сильно выраженными, а во втором случае испытуемые, принадлежавшие к той же самой социальной группе, их могли не назвать или назвать случайно.

Эксперимент, поставленный З. Ф. Семеновой, одновременно показал, что социальная роль, которая приписывается человеку, сказывается не только на характере качеств, которыми наделяют воспринимающие его люди, но и на полноте и прочности усвоения ими информации, которая от этого человека исходит. Между оценками человека, выступавшего с сообщением, и запоминанием содержания этого сообщения испытуемыми З. Ф. Семеновой были выявлены тесные и достоверные связи (коэффициенты корреляции равны 0,845, 0,879 и т. д.).

Как видно из всех изложенных выше фактов, явление стереотипизации разворачивается после того, как познающий другого человека субъект установит его принадлежность к какой-то социальной общности, определит его социальную роль, статус и т. д. Выявление принадлежности познаваемого человека к какому-то «классу», «типу», «категории» людей влечет за собой создание у познающего лица установки на дальнейшее фиксирование

239

в человеке — объекте познания определенных качеств. Как выяснено психологической школой Д. Н. Узнадзе, установка может возникнуть как на чувственном, так и на логическом уровнях отражательной деятельности субъекта.

Характер воздействия разных вербальных установок, являющихся следствием отнесения оцениваемого человека к той или иной категории лиц, на интерпретацию личности этого человека в нашей лаборатории изучали В. Н. Панферов¹⁰² и Ю. Г. Дамаскина. В их опытах испытуемым через электронный тахистоскоп на 0,02 с предъявлялись фотографии с изображением человеческих лиц, среди которых на два лица (одно мужское и одно женское) требовалось давать характеристики. При первом предъявлении испытуемые (это были студенты университета) должны были дать «свободные» характеристики на основе информации, которую они получили только от внешности данных лиц. При втором предъявлении им говорилось, что это «староста курса». При третьем предъявлении установка «староста курса» менялась на установку «хороший товарищ». При четвертом предъявлении установка «хороший товарищ» сменялась установкой «отличник». При пятом, последнем предъявлении говорилось, что это — «хвостист».

Все данные, полученные В. Н. Панферовым и Ю. Г. Дамаскиной в этом опыте, были обработаны по специально составленной классификационной матрице. Структура характеристик (интерпретация) включала в себя группы качеств, которые могли иметь различную вероятность определения. Сравнение вероятностей по величине осуществлялось исследователями как внутри каждого из названных выше пяти категорий интерпретаций, так и между этими категориями. Качества, обладавшие наибольшими вероятностями внутри одного вида интерпретации, были в опыте условно названы основными, а те, которые обладали наибольшей вероятностью при сравнении различных видов интерпретации между собой, назывались специфическими.

При качественном анализе результатов исследования в число основных качеств были включены только

240

пять, которые имели наибольшую вероятность определений. Число специфических качеств ограничивалось, в этом исследовании условно взятым нижним пределом вероятности определений, равным 0,07.

Число категорий качеств в описываемом опыте служило показателем объема интерпретации. В своих «свободных» интерпретациях воспринимаемых людей испытуемые охватывали 26 категорий качеств, по которым характеризовали предъявляемых лиц.

Наиболее характерной для свободной интерпретации оказалась высокая вероятность определений социально-групповой принадлежности человека-объекта. Специфическими качествами выступили в этом случае привлекательность внешнего облика, национальность и вид деятельности. Остальные 23 категории качеств обладали настолько малой вероятностью, что не могли быть выделены в группу специфических.

Отношение к деятельности, умственные способности, отношение к учебе и другим людям попали в ходе анализа в разряд качеств, весьма важных для «старосты курса». Отношение к себе также вошло в число специфических для интерпретации «старосты курса», что указывает на особую важность данной группы качеств. Далее, для «старосты», с точки зрения студентов, специфические значения имели темперамент, роль в группе, наличие воли и организаторских способностей, участие в общественной жизни и способность считаться с интересами группы, не идя у нее на поводу. Объем интерпретации «старосты курса» был равен 33.

Наиболее существенными качествами «хорошего товарища» в глазах испытуемых студентов оказались те, которые выражают отношение к людям, в частности отношение к друзьям, и вообще коммуникативные свойства человека. Для них значимым в этом случае было и отношение, которое вызывает воспринимаемый у других людей. Объем интерпретации «хороший товарищ» был в этой части опыта равен 36.

Качества общих умственных и учебных способностей оказались в опыте В. Н. Панферова и Ю. Г. Дамаскиной основными и специфическими для интерпретации человека-объекта как «отличника». В число определений «отличника» вошли также характеристики ряда интеллектуальных потребностей и интересов. Объем интерпретации «отличник» был равен 32.

Ведущее положение в интерпретации «хвостиста» заняли в описываемом эксперименте качества: отношение

241

к деятельности, а также потребности и интересы вообще. Именно эти качества вошли при истолковании человека как «хвостиста» в разряд основных и специфических. Объем интерпретации в этом случае равняется 39.

Сравнение вышеприведенных интерпретационных матриц указывает на весьма существенное участие вербальной установки в процессе восприятия и понимания человека человеком.

При свободной интерпретации личности по внешности люди в основном в первую очередь пытаются определить социально-групповые характеристики человека и стремятся, правда в меньшей мере, дать оценку его внешности с точки зрения эстетической привлекательности. Испытуемые обращали внимание на национальную принадлежность человека-объекта и пытались охарактеризовать его вид деятельности. Другие свойства человека при описании организации опыта также могут определяться, но с малой частотой и большой вариативностью.

Статусная определенность человека-объекта значительно расширяет объем интерпретации и существенно меняет направленность характеристик. Социально-психологическая установка на воспринимаемое лицо определяет комплекс свойств, которые должны быть оценены субъектом в объекте. Этот комплекс и определяет структуру и интерпретации человека, выполняющего ту или иную общественную функцию. Сам же комплекс детерминирован функциональной структурой деятельности, которую призван выполнить человек, занимающий тот или иной пост. Поэтому в интерпретациях человека-объекта, социальная функция которого известна воспринимающему, находят отражение качества личности, необходимые для выполнения данной социальной роли.

При интерпретации лица как «старосты курса» высокую вероятность имели определения отношения к деятельности, хотя эта группа свойств и не является специфической для интерпретации человека как «старосты курса». Судя по тому, что отношение к деятельности определяется столь же часто еще в двух установках («отличник», «хвостист»), можно предположить, что там, где для воспринимающего четко определен вид деятельности характеризуемого человека, возрастает частота определений данной группы качеств. Возможно также и то, что для данной группы испытуемых (студентов)

242

эти виды деятельности близки и они осознали на собственном опыте важность отношения к деятельности для успешного ее осуществления. Тот же факт, что отношение к труду сказывается на результате труда, уже ни для кого не является секретом, это доказанная истина.

Группа свойств, характеризующих умственные способности, обладала сравнительно высокой вероятностью и имела место во всех пяти интерпретациях. Видимо, для студентов степень выраженности ума у других людей, в частности у своих товарищей, является весьма важной.

Интересно, что при интерпретации воспринимаемого лица с установкой «хвостист» испытуемые-студенты объясняли отставание в учебе не столько отсутствием интеллектуальных способностей, сколько какими-либо привходящими причинами, в числе которых наибольшей вероятностью обладало не способствующее успеху в учении отношение к деятельности.

В число мешающих учебе причин испытуемые-студенты включили широкие недифференцированные интересы и потребности, а также повышенные сексуальные потребности, отрицательное отношение к труду и легкомысленное отношение к жизни. Самый удивительный в данных опытах факт заключался в том, что посредством словесной установки, выражающей социально-психологическую сущность человека, удается изменять мнение субъектов вплоть до противоположного о целом ряде качеств личности одного и того же человека-объекта. И это происходит несмотря на то, что испытуемые-студенты не только не питают анатагонизма к «хвостистам», но относятся к ним даже с некоторым сочувствием.

Таким образом, с помощью установки можно направить отражательную деятельность человека, а вслед за тем, видимо, и его поведение в желаемое русло, т. е. установка может выступать как психологический механизм воздействия на человеческое отражение, взаимоотношения и поведение.

Итак, мы рассмотрели некоторые общие вопросы формирования у каждого человека понятия о другой личности, проанализировали особенности обобщений, развивающихся у него в процессе взаимодействия с другими людьми, охарактеризовали эталоны, которые, когда они возникают у человека, выполняют для него роль мерок, прикладываемых к другой личности. Мы

243

остановились также и на значении так называемых оценочных стереотипов, выполняющих в акте познания, образно говоря, роль «одежек», в которые одевает познаваемого человека познающее его лицо, после того как оно отнесло его к определенной категории людей.

Теперь мы кратко рассмотрим некоторые особенности психических процессов, наиболее заметно проявляющиеся, когда человек познает окружающих его людей.

Большое значение в формировании у человека понятийно-образного знания психологии других людей и в развитии у него умения быстро и правильно проникать в их состояние, предугадывать их действия имеет развитие у него наблюдательности. И. В. Страхов, анализируя проявление наблюдательности у педагогов, а С. Р. Янкелевич — у людей разного возраста и специальности, самым убедительным образом прослеживают влияние этого качества на форму общения и характер контактов, которые устанавливаются между людьми. Названные авторы показывают различия в содержании, в форме, а также в степени действенности наблюдательности, проявляемой разными лицами по отношению к окружающим их людям. С. Р. Янкелевич, кроме того, прослеживает связь между уровнем сформированности у индивида наблюдательности, проявляемой по отношению к другим лицам, и развитием у человека различных свойств личности¹⁰³.

Как показывают факты, наблюдательность, выражающаяся в умении фиксировать в поведении человека малозаметные, но психологически значимые детали, теснейшим образом связана со способностью индивида различать незначительные изменения в макро- и микроэкспрессии других людей.

Разные деятельности, в которых непосредственно взаимодействуют друг с другом люди, требуют от общающихся неодинакового охвата компонентов, образующих выразительную сторону поведения другого, и предполагают разную степень расшифровки их психологического значения. Например, практика воспитательной работы требует от лиц, непосредственно организующих воспитательный процесс, высокой сенсорной культуры, проявляющейся, в частности, в сильно развитом умении различать и правильно истолковывать

244

очень тонкие нюансы в макро- и микроэкспрессии воспитанников.

А. С. Макаренко прямо указывал: «Можно и нужно развивать зрение, просто физическое зрение. Это необходимо для воспитателя. Нужно уметь читать на человеческом лице, на лице ребенка, и это чтение может быть описано в специальном курсе. Ничего хитрого, ничего мистического нет в том, чтобы по лицу узнавать о некоторых признаках душевных движений»¹⁰⁴.

Это умение достигается тем, что в процессе многократного восприятия другого человека дифференцируются чувственные свойства, выступающие в качестве сигналов его внутренних состояний, его отношения к различным сторонам действительности и т. п., и их различие «подкрепляется» результатом регулируемой деятельности (совместный труд, учение, совместная игра, разговор и др.).

В понимании состояния другого человека очень большую роль играет степень развития у другого человека воображения. Прав был Б. М. Теплов, когда писал: «Чтобы веселиться чужим весельем и сочувствовать чужому горю, нужно уметь с помощью воображения перенестись в положение другого человека, мысленно стать на его место. Подлинное чуткое и отзывчивое отношение к людям предполагает живое воображение»¹⁰⁵.

Специфической особенностью анализируемого вида воображения является то, что процесс мысленного воссоздания чужих чувств и намерений разворачивается у человека в ходе непосредственного взаимодействия его с другим человеком. Деятельность воображения в этом случае протекает на основе прямого восприятия человеком поступков, экспрессии, содержания речей, качества деятельности другой личности. Очень хорошо об этом специфическом виде воображения, проявляющемся в общении и обслуживающем его, сказал Н. П. Акимов: «...все эти короткие общения гораздо сильнее воздействуют на нас, чем думают те люди, которые делают это общение неприятным. Причина здесь в одном качестве человека, которое является неременным для каждого чувствующего и мыслящего человека, — в его фантазии... Каждый человек невольно продолжает и завершает в своем воображении все мелкие проявления

245

его ближнего, воспринимаемые им при встречах, и на этой способности фантазирования и строятся наши «первые впечатления» и сила их воздействия на наше настроение»¹⁰⁶.

Способность с помощью воображения проникать в состояние другого человека формируется у человека постепенно, и развита она у разных людей неодинаково. Степень проявления воображения у одного и того же человека подвержена колебаниям.

В деятельности воображения рассматриваемого вида можно, по всей вероятности, выделить несколько уровней.

Первый — низший уровень. Воображение в этом случае пассивно. Общаясь с другим человеком, личность проявляет своеобразную слепоту к состоянию, переживаниям, намерениям, мыслям другого человека. Актуализации соответствующих образов на основе наглядных впечатлений у индивида нет. Характерные для этой ступени особенности воображения могут быть следствием заторможенности первой сигнальной системы, ее относительной слабости, а также бедности выработанных у человека в прошлом связей между отражаемыми им более или менее устойчивыми чертами поведения людей, с одной стороны, и переживаниями, внутренними качествами этих людей — с другой.

Второй уровень — неупорядоченная, эпизодически проявляющаяся деятельность воображения. Основная особенность его — возникновение по ходу общения отдельных отрывочных представлений о переживаниях другого человека. Условиями разворачивания деятельности воображения в этом случае оказываются главным образом или сильная выраженность в деятельности, в поведении, в экспрессии воспринимаемого человека его

состояния, или появление у индивида специального намерения понять переживания другого человека.

Третий уровень характеризуется проявлением у личности способности к мысленному воссозданию особенностей переживаний другого человека не только в отдельных ситуациях, а на протяжении всего процесса взаимодействия с ним. Существенными признаками этого уровня является, во-первых, то, что «слежение» за состоянием партнера по общению, осуществляясь непроизвольно, приобретает постоянный характер;

246

во-вторых, для этого уровня характерно свертывание процесса воображения и вместе с тем вхождение индивида в состояние другого человека сразу, «с места», в каждый момент общения с ним. На этой ступени процессы анализа и синтеза происходят на уровне как первой, так и второй сигнальных систем в соответствии с целями и особенностями общения.

В зависимости от того, насколько велик и систематизирован опыт общения человека с другими людьми и насколько он сам сформирован как личность, образы, мысли и чувства, которые у него возникают, когда он пытается представить состояние другого человека, в различной степени соответствуют действительности. В нашем исследовании обнаружилось, что у лиц, даже достаточно интеллектуально развитых и легко вступающих в контакт с другими людьми, воображение при взаимодействии с ними может работать недостаточно контекстно и неадекватно оценивать и воссоздавать переживания тех, с кем они взаимодействуют.

И в то же время встречаются люди, обладающие ярко выраженной способностью проникать во внутренний мир другого человека, сопереживать ему, ставить себя на его место. Эту черту как особую способность отмечал в себе Бальзак. В начале рассказа «Фачино Кане» он говорит, что она приобрела у него остроту инстинкта: «Не пренебрегая телесным обликом, она разгадывала душу — вернее сказать, она так схватывала внешность человека, что тотчас проникала и в его внутренний мир; она позволяла мне жить жизнью того, на кого была обращена, ибо наделяла меня способностью отождествлять с ними себя самого... Слушая этих людей (жителей предместья. — А. Б.), я приобщался к их жизни, я ощущал их лохмотья на своей спине, я сам шагал в их рваных башмаках; их желания, их потребности — все передавалось моей душе, или, вернее, я проникал душою в их душу»¹⁰⁷.

Очевидно, при таком проникновении одного человека во внутренний мир других людей большое значение имеет интуиция — способность постижения особенностей, характеризующих личность другого человека, путем непосредственного их усмотрения, без обоснования с помощью доказательства. Осмысление данных восприятия осуществляется у познающего другого человека

247

субъекта в этих случаях путем мгновенного обобщения в порядке мысленного замыкания непосредственно от исходных данных к результату; у него происходит быстрая мобилизация прошлого опыта на постижение сути какого-либо поступка, факта поведения или всей личности другого человека. Изощенный громадным опытом глаз мудрого педагога без рассуждений, по незначительным признакам сразу схватит характер состояния, переживаемого учеником, и причастность или непричастность этого ученика к

какому-либо событию, которое только что произошло в классе. Опытный руководитель по небольшому числу фактов поведения другого человека мгновенно решает, к какому типу личности этот человек относится, а потом уже обосновывает правильность своего «чутья». Начав общаться с новыми для себя людьми, бывалый человек по некоторым, мало бросающимся в глаза особенностям их экспрессии сразу догадывается, какое он на этих людей произвел впечатление.

Ошибочно было бы полагать, что во всех случаях проявляется какая-то мистическая способность ума, наитие и пр. Способность интуитивно определять состояние другого человека, его отношение к делу, судить о нем как о личности развивается у индивида по мере накопления опыта общения и совместной деятельности с разными людьми, в ходе анализа и обобщения им этого опыта. Интуиция, являющаяся одним из способов осознания человеком действительности, представляет собой такой феномен, в котором тесно связаны восприятие, мышление и чувство. Истинность знания о другом человеке, получаемого интуитивным путем, находится в прямой зависимости от уровня развития в познающей личности качеств психолога-практика и от сложности явления, которое путем интуиции в другом человеке познается. Широкий и разнообразный запас хорошо систематизированных впечатлений о других людях, накопленный человеком в ходе прямого контакта с людьми и преломленный им сквозь призму научно-теоретических знаний о личности, — важнейшее условие высокой продуктивности интуиции.

Срабатывание интуиции при оценке личности, зависящее от опыта человека, можно проиллюстрировать следующим примером. Алексей Максимович Горький в своих воспоминаниях о В. И. Ленине пишет: «Как-то, входя в его кабинет, я застал там человека, который, пятясь к двери задом, раскланивался с Владимиром

248

Ильичем, а Владимир Ильич, не глядя на него, писал.

— Знаете этого? — спросил он, показав пальцем на дверь; я сказал, что раза два обращался к нему по делам «Всемирной литературы».

— И — что?

— Могу сказать: невежественный и грубый человек.

— Гм-гм... Подхалим какой-то. И, вероятно, жулик. Впрочем, я его первый раз вижу, может быть ошибаюсь.

Нет, Владимир Ильич не ошибся; через несколько месяцев человек этот вполне оправдал характеристику Ленина»¹⁰⁸.

Успех допроса при ведении расследования часто зависит от того, насколько следователь умеет правильно определить индивидуальные особенности человека, которого он допрашивает, и избрать оправданную тактику допроса. Опытные следователи могут найти правильный подход к допрашиваемому сразу же, при первом знакомстве, даже по тому, как он здоровается, как садится, какие слова произносит первыми и т. д. При этом ни один из следователей не может определенно ответить на вопрос, почему он применяет тот или иной прием в данном случае. Он обычно ссылается на свое чутье, на следственную интуицию. Неопытные же следователи применяют различные приемы «по очереди» до тех пор, пока какой-нибудь из них не «пройдет»¹⁰⁹.

Исследования Б. М. Теплова¹¹⁰ и С. Л. Рубинштейна показали, что основным звеном мышления является анализ через синтез, заключающийся в том, что в процессе мышления объект «включается во все новые связи и в силу этого выступает во все новых качествах, которые фиксируются в новых понятиях: из объектов, таким образом, как бы вычерпывается все новое содержание; он как бы поворачивается каждый раз другой своей стороной, в нем выявляются все новые свойства»¹¹¹. Раскрытие в другой личности все новых сторон, их фиксирование в определенных понятиях, обобщение выявленных отношений — это типичнейшие особенности

249

процесса познания одной личностью другой.

Накопление у человека понятийного знания о других людях приводит к совершенствованию у него процессов различения, развитию большей обобщенности восприятия, когда объектом его оказываются другие люди, и формирует у него способность к интуитивному познанию последних.

Каждый человек — его наружность, действия, поступки, вся личность — всегда познается и оценивается окружающими его людьми в соответствии с морально-эстетическими критериями, действующими в том обществе, членами которого эти люди являются. Другой человек может оцениваться с точки зрения соответствия его внешности эстетическому идеалу, имеющемуся у воспринимающего его лица, с точки зрения соответствия требованиям деятельности, которой он занят.

Личный взгляд человека на других людей всегда несет на себе также печать его особых черт характера, его личной силы и слабости, выражает индивидуально неповторимые черты его жизненного пути, особенности воспитания, которое он получил. Восприятие и понимание личности другого человека постоянно сопровождаются возникновением у познающих этого человека людей тех или иных моральных и эстетических чувств. Отмечая эту особенность, А. Н. Радищев указывал, что люди в процессе взаимодействия в силу своей социальной природы сопереживают друг другу, вызывают друг у друга тот или иной эмоциональный отклик: «Человек сопечалится человеку, равно он ему и совеселится»¹¹².

В настоящее время изучению способности личности не только более или менее глубоко и правильно осознавать характер эмоционального состояния другого человека, но и самой более или менее сильно эмоционально откликаться и подстраиваться под него посвящено уже немало исследований. И в зарубежной и в отечественной психологической литературе названная способность обозначается термином эмпатия¹¹³.

250

Эмпатия, если рассматривать ее проявление у взрослого человека, обычно выступает как очень сложное психологическое образование, в котором познавательные и эмоциональные процессы оказываются связанными друг с другом теснейшими зависимостями.

Так, внимание к мельчайшим колебаниям в экспрессивном поведении человека, восприятие в целом этого поведения, правильное оценивание переживаний, которые за ним стоят, и причин, которые их вызывают, а также умение мысленно войти в состояние этого человека являются совершенно обязательным условием возникновения у личности

состояния сонастроенности на переживания другого человека. И, наоборот, сама эта сонастроенность, если она возникла, как показывают факты, всегда более или менее сильно влияет на ход и результаты дальнейшего познания личностью этого человека.

Результаты познания эмоционального состояния другого человека личностью и характер ее собственного эмоционального отклика на эти состояния в большой мере зависят от мотивов, которые являются ведущими для личности при ее общении с другими людьми, и не в меньшей мере они зависят от устойчивости этих мотивов.

Характер ведущей для человека мотивации в актах общения с другими людьми и ее, так сказать, коллективистическая или эгоцентрическая подоплека неотвратимо влияют на формы эмпатии и особенности ее проявления по отношению к разным эмоциональным состояниям другого человека.

Более непосредственной и более импульсивной формой эмпатии является сопереживание личностью чувствам человека, с которым она общается. Более опосредствованной раздумьями по поводу состояния другого человека и несущей в себе большое желание действительно помочь ему оказывается другая сторона эмпатии — сочувствие. Сочувствуя человеку, личность осознает не только знак и модальность, но и содержание

251

своего переживания, и свое отношение к объекту эмпатии, также и способ выхода из ситуации, которую она наблюдает.

Сочувствие помимо его большей осознанности и обобщенности отличается от простого сопереживания еще и большей инициированностью его мотивацией, за которой стоят усвоенные личностью нормы гуманистической по своей сути морали.

Проведенные к настоящему времени исследования показывают, что в формировании эмпатии выделяются этапы, которые самым тесным образом связаны с развитием всей личности человека, а в ней наиболее непосредственно — с системой ценностных ориентаций, которая у человека складывается. Степень субъективной значимости в этой системе для человека других людей и значимости для него его собственного «я» всегда влияет на все основные характеристики присущей ему эмпатической способности.

Индивидуально-психологическое изучение особенностей проявления эмпатии у разных людей позволило обнаружить значительные различия в ее сформированности у каждого из них. Эти различия относились прежде всего к кругу тех людей и характеру их переживаний, по отношению к которым эмпатия у них проявлялась, а также к таким ее характеристикам, как широта, сила, устойчивость, действенность.

Развитие эмпатии сильнее всего связано с воспитанием у человека непроизвольно проявляющихся нравственных мотивов, за которыми обязательно стоит все более крепнущая потребность жить для других людей и быть им полезным. Через формирование эмпатии достигается не одно лишь приобщение ребенка, подростка, юноши к миру переживаний других людей. Повторяющиеся ее проявления по все новым поводам и по отношению ко все новым людям означают вместе с тем создание в воспитании человека как личности важнейшей предпосылки закрепления у него убеждения в ценности другого человека и поведения, направленного на его благополучие.

Дела, поступки, личность человека вызывают у других людей моральные чувства, оцениваемые обществом как положительно (возмущение нечестным поступком, гордость за человека, сочувствие, уважение, симпатия и др.), так и отрицательно (злорадство, зависть и др.).

Как правило, при познании другого человека помимо

252

морального чувства у познающего субъекта обычно возникает то или иное эстетическое переживание. Характер этих переживаний зависит от того, насколько отражаемый человек, его действия, все его поведение соответствуют тем нормам прекрасного, которые познающий субъект усвоил, может быть и не осознав их, когда формировался как личность. Мысль В. И. Ленина: «... без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания* истины»¹¹⁴, полностью приложима и к процессу познания одним человеком другого.

Чувства, возникающие у индивида в ходе отражения и оценки поведения другой личности, начинают затем влиять на последующее отражение индивидом этой личности. Как показывают работы Л. И. Божович, В. Н. Мясищева, Л. С. Славиной¹¹⁵, эти чувства проявляются в уровне активности протекания познавательных процессов, сказываются на направленности их, влияют на характер делаемых при познании обобщений.

Об этой роли чувств в «моделировании» облика других людей каждый человек знает по себе. Поэтически ярко и остро, иронично говорил о ней в свое время еще Лукреций Кар, имея в виду ослепленных любовью мужчин:

Черная кажется им «медуницей», грязнуха —
«простушкой».
Коль сероглаза она, то — «Паллада сама», а худая —
«козочка».
Карлица то — «грациозная крошечка», «искра».
Дылду они назовут «величавой», «достоинства
полной».
«Мило щебечет» заика для них, а немая —
«стыдлива».
Та, что несносно трещит беспрестанно, — «огонь
настоящий».
«Неги изящной полна» тщедушная или больная.
Самая «сладость» для них, что кашляет в смертной
чахотке.

253

Туша грудастая им — «Церера, кормящая Вакха».
Если курноса — «Силена», губаста — «Любзания
сладость»¹¹⁶.

Интересную работу по выяснению зависимостей между уровнем понимания личностью других людей и ее эмоциональным отношением к ним провела в лаборатории социальной психологии Ленинградского университета А. А. Русалинова.

Учащимся пяти групп производственно-технических училищ Ленинграда она предложила сказать, какими качествами и в какой степени обладают их мастера.

Эмоциональная сторона отношения учащихся к мастеру выяснялась в этом исследовании с помощью прямого вопроса в анкете для учащихся: «Нравится ли тебе ваш мастер?»

Коэффициент корреляции между положительным отношением учащихся к мастеру и уровнем их оценки положительных качеств личности мастера оказался равным 0,788, это свидетельствует о довольно тесной связи этих факторов. Коэффициенты корреляции между уровнем оценки учащимися качеств личности мастера и уровнем положительного отношения учащихся к мастеру, полученные А. А. Русалиновой в ее исследовании, приведены в табл. 19. Эти цифры хорошо показывают, в каких случаях в изученных группах связи между уровнем оценки качества личности и уровнем оценки положительного отношения оказались более или менее тесными.

Таблица 19

Качества мастера	Коэффициент корреляции	Качества мастера	Коэффициент корреляции
Хорошо знает производство	0,912	Считается с мнением группы	0,640
С ним можно поговорить по душам	0,868	Переживает за группу	0,561
Приветливый	0,853	Хорошо объясняет материал	0,508
Добрый	0,839	Заботится, чтобы никто не сидел без работы	0,492
Справедливый	0,789	Требовательный	0,459
Хорошо относится ко всем ученикам	0,740	Охотно помогает своим ученикам	0,409
Любит свою работу	0,711	Ценит рабочее время	0,343
Любит шутить	0,698	Редко сердится	0,279
Интересный человек	0,691		

254

Факты, полученные А. А. Русалиновой (позже они были подтверждены в нашей лаборатории Г. И. Бабкиной), свидетельствуют о том, что при отражении индивидом других людей может иметь место идеализация. И эта идеализация, т. е. завышенная оценка личностных качеств другого человека, тем выше, чем больше оцениваемый человек нравится оценивающему. Указанная идеализация может быть и с отрицательным знаком. В этом случае у индивида наблюдается тенденция преувеличивать недостатки и отрицательные качества характеризуемой им личности или той или иной группы людей.

Если человек систематически неправильно судит о внутреннем мире других людей и приписывает им мотивы поведения, которых у них в действительности нет, то это очень часто является следствием узости связей этого человека с людьми и укоренения в нем предрасположенности к восприятию и пониманию всех людей, некоторой категории их или, быть может, отдельного человека с какой-то одной предвзятой точки зрения. Такой взгляд на людей может возникнуть в результате только раз пережитой, но эмоционально очень острой ситуации, когда другие люди причиняют человеку глубокую и незаслуженную обиду, топчут самое дорогое для него, бросают в опасности. Однако чаще предвзятая точка зрения в подходе к людям является итогом более или менее длительного общения личности по преимуществу с каким-то одним значимым для нее контингентом людей, которое дает ей опыт только отрицательных переживаний. В таких случаях взгляд, верный лишь по отношению к одному человеку или небольшой группе людей, проявивших себя аморально в определенной ситуации, начинает «говорить свое слово» при оценке и всех других людей. Однажды образовавшись, подобные установки личности могут сделать ее в известной степени слепой к действиям и поступкам людей, не соответствовавших сформировавшемуся у нее взгляду. Такой закрепившийся взгляд («все

люди — эгоисты», «все учителя — формалисты», «все торговые работники — нечестные люди» и пр.) может упорно сопротивляться объективному пониманию и осознанию поступков других людей, действовать длительное время

255

вопреки сознанию его неразумности и нецелесообразности.

Очень яркий пример такого обобщения приводит в своей «Трудной книге» Г. Медынский. Один из бывших правонарушителей, с которыми переписывался писатель, рассказал ему о себе: «Освободился с характером, еще больше окрашенным оттенком цинизма в отношении к людям. Тюрьма не исправила меня ничуть. И что самое главное, тот образ жизни, его обычаи, нравы, отношения, тип людей обобщились в моем понятии как целостное представление о людях вообще. Не прошла мимо меня и ходовая идея о том, что все люди — мошенники, все крадут, как только могут...»¹¹⁷.

Точно таким же образом опыт общения с людьми, проявлявшими себя только положительно и дававшими связанному с ними лицу по преимуществу лишь одни положительные переживания, формирует у этого лица также известную предвзятость в подходе к людям, хотя и положительного толка.

Подобные факты еще и еще раз говорят нам о том, что понятие, верно отражающее сущность той или иной конкретной личности, всегда является результатом громадной обобщающей работы познающего эту личность индивида. Формирование этого понятия ни в коей мере не является результатом анализа поведения и деятельности только познаваемой личности. На него всегда так или иначе «работает» весь прошлый опыт прямого и непрямого взаимодействия с людьми, накопленный и систематизированный познающим эту личность индивидом, и в такой опыт обязательно включается и обобщение тех переживаний, которые ранее дали человек люди.

Мы рассмотрели некоторые общие особенности, характеризующие процесс формирования понятия о человеке как личности у окружающих его людей. В ходе рассмотрения мы смогли убедиться, насколько сложен этот процесс, насколько его итог — понятие о конкретной личности — зависит и от самого познаваемого лица, и от познающего субъекта.

Дела человека, его поступки, все его поведение в целом в разных обстоятельствах, являясь для окружающих его лиц источником формирования понятия о нем как о личности и объектом идейно-эмоциональных оценок,

256

вместе с тем в конечном итоге служат показателем правильности этих понятий и оценок. Вся последующая деятельность личности, характер ее общения с людьми, ее труд являются проверкой правильности понятия, сформировавшегося об этой личности у окружающих.

Люди познают друг друга не ради праздного любопытства. К этому побуждает их жизнь в обществе, и результаты такого познания всегда в конечном счете влияют на их труд, на формирующиеся у них отношения к другим людям и к себе.

7. Возрастные и индивидуальные особенности понимания человека человеком

Активное отражение человеком других людей, их облика, поступков, действий служит целям регулирования его поведения и деятельности, и, конечно, первостепенную роль в развитии у человека знания людей и адекватного поведения по отношению к ним играет непосредственное общение с ними. И хотя все сферы деятельности, в которые оказывается включенным человек, раздвигают границы его знания людей, однако важнейшее значение для развития его как субъекта познания других людей принадлежит тем видам и актам деятельности, в которых он связан с другими участниками деятельности отношениями ответственной зависимости и где результаты деятельности каждого общественно и лично значимы в глазах общающихся.

Начиная взаимодействовать с другими людьми в новом для себя виде деятельности, человек опирается на более или менее обобщенный им опыт познания людей и их поведения, накопленный им в иных, чем эта деятельность, условиях. Так, общение ребенка, начавшего посещать детский сад, с новыми для него людьми опирается на те первичные и элементарно обобщенные представления о людях, которые сформировались у него в семье и яслях. В зависимости от того, как складывались у него отношения с людьми раньше, он проявляет доверчивость или боязливость, ласковость или грубость, исполнительность или упрямство, драчливость или уступчивость по отношению к новым для него людям. В последующем новые переживания, возникающие у ребенка в процессе общения со сверстниками и взрослыми, при выполнении заданий по самообслуживанию, в играх, на занятиях, подготавливающих его к школе,

257

облегчают развитие одних представлений о людях и затрудняют развитие других, способствуют формированию однозначного или дифференцированного отношения к людям. Уже на этой ступени представления ребенка о других людях определяются не просто поведением и действиями этих людей, а и тем, что представляет собой этот ребенок как личность, какие первичные черты характера у него к этому времени сформированы, как он умеет трудиться, контактировать с другими детьми, слушаться взрослых. Хотя ребенок этого и не осознает, от его собственного поведения, его воспитанности, от него самого в большой мере зависят характер поведения по отношению к нему окружающих его детей и близких ему взрослых, а значит, характер его переживаний от общения с людьми и те оценки, которые он этим людям дает. Влияние уровня воспитанности самого субъекта на характер поведения по отношению к нему окружающих, а стало быть, и на характер впечатлений, которые накапливаются у субъекта от общения с людьми, продолжается и на следующих ступенях формирования личности.

Занимаясь самообслуживанием, играя, участвуя в обязательных занятиях, дети, руководимые воспитателем, учатся видеть и сравнивать особенности друг друга. Когда всем этим индивидуальным и коллективным занятиям придается характер соревнования (кто лучше, кто быстрее, кто сообразительнее и т. д.), тогда создаются особенно благоприятные условия для правильной ориентировки дошкольника в тех особенностях товарищей, которые ярче всего проявляются в данной деятельности. При этом разные качества сверстника осознаются и правильно оцениваются дошкольником далеко не одновременно. Так, Н. Е. Акундинова установила, что физические возможности дошкольники определяют более точно, чем моральные качества. В оценке же моральных качеств они сплошь да рядом применяют понятия неадекватно и в очень общей форме¹¹⁸.

Характерной особенностью мнения, которое дошкольник высказывает о другом человеке, является его крайняя неустойчивость, большая изменчивость, ярко выраженная

ситуационность. Наша сотрудница Р. А. Максимова изучала оценки, которые дети трех-четырёх лет дают своим сверстникам, посещающим одну группу в

258

детском саду. В большинстве случаев эти оценки носили эмоциональный и ситуационный характер. Давая положительную оценку кому-либо из сверстников и объясняя, почему этот его товарищ «хороший», ребенок говорил: «Х. хороший, потому что угощал вафлей», «потому что игрушки убрал», «потому что все скушал» и т. д.

Если кто-либо из младших дошкольников давал другому ребенку отрицательную оценку, то выяснение причины ее появления тоже очень часто показывало, что она возникла недавно и вызвана конкретным фактом. Объясняя, почему их товарищ «плохой», оценивающие сверстника дошкольники в таких случаях заявляли: «Х. — плохой, потому что чашку разбил», «потому что палец мне прищемил», «потому что не давал никому автомобиль играть». Однако наряду с оценками указанного типа дети, с которыми работала Р. А. Максимова, иногда давали своим сверстникам оценки, основанные на фиксации у них относительно устойчивых особенностей поведения. Так, обосновывая, почему какой-то их сверстник им кажется нехорошим, дети могли отметить, что он со всеми дерется, или, указывая, почему другой сверстник хороший, они говорили, что он со всеми играет. Подобных оценок, в основе которых лежит уже известное обобщение фактов поведения человека, в среднем дошкольном возрасте и дальше становится все больше.

Далее, Р. А. Максимова попыталась установить, что для детей трех-четырёх лет наиболее значимо в сверстнике, которому они дают положительную оценку. Она не получила однозначного ответа на этот вопрос. Одни дети обращали внимание на яркость и нарядность платьев и костюмчиков сверстников, и этот признак вызывал у них положительную оценку «владельцев» этих платьев и костюмчиков. Другим нравились послушные, спокойные, сговорчивые дети. Третьим — подвижные, активные в играх сверстники. Таким образом, уже в младшем дошкольном возрасте начинает выявляться значение индивидуальных особенностей самих познающих детей в том, что они прежде всего ищут и отмечают в сверстниках. Вместе с тем, выясняя «симпатии» и «антипатии» детей и характер оценок, которые они могут давать друг другу, исследовательница в ряде случаев столкнулась с непредвиденной трудностью. Когда она обращалась к тому или иному ребенку и спрашивала, с кем из детей группы он больше всего хотел бы

259

сидеть за столом, спать рядом в спальне, ходить в паре, играть, то для ребенка это «хотел бы» не имело смысла, и он называл в каждом случае тех детей, с одним из которых он до сего времени уже сидел за столом, с другим ходил в паре, с третьим уже сейчас был соседом по спальне и т. п., т. е. действительность, данность определяла ответы детей трех-четырёх лет. В них просто констатировалось существующее, созданное по воле воспитателя положение, и сами дети еще не умели отвлечься от этой данности и, мысленно оценивая достоинства и недостатки товарищей, выбрать из них лучших.

Первоначальная оценка ребенком другого человека и его действий является простым повторением оценки, которую ему дают авторитетные для малыша лица. Когда воспитатель, руководя выполнением детьми бытовых правил, их играми, направляя их общение друг с другом, фиксирует внимание детей на различных сторонах поведения того или иного ребенка, он не только помогает им видеть друг у друга все новые стороны, но

формирует у них эталоны, с которыми они должны сверять свое поведение и которыми они должны мерить поведение своих товарищей.

Очень большую роль в выработке «точки зрения» на людей у ребенка, в формировании у него представлений и мыслей о людях играют облик и поведение самого воспитателя и взаимоотношения между детьми в том детском коллективе, членом которого стал трехлетний дошкольник.

Характер осознания ребенком особенностей сверстников и взрослых теснейшим образом связан с развитием ребенка в целом как субъекта познания.

Наш сотрудник В. Н. Панферов исследовал понимание дошкольниками, посещавшими детский сад, особенностей личности друг друга. Его интересовало, насколько ребенок «видит» в другом человеке такие положительные качества, как доброта, послушность, вежливость, ласковость, смелость, аккуратность, ловкость и противоположные им отрицательные качества. Проводя эксперимент, В. Н. Панферов сначала называл ребенку одно из упомянутых качеств и просил, чтобы ребенок пояснил, как он понимает это качество. Затем ребенок должен был сказать, у кого из детей в его группе он отмечает это качество и сильно или слабо у каждого из них оно развито. Характеристики, которые дети-испытуемые давали другим дошкольникам, В. Н. Панферов

260

сопоставлял с мнением об этих дошкольниках, имевшимся у воспитателя группы.

В излагаемых опытах участвовали: группа дошкольников четырех лет и группа дошкольников семи лет. Анализируя полученные материалы, В. Н. Панферов указывает, что, раскрывая свое понимание каждого из называвшихся им качеств, дети использовали два способа: или вспоминали совершенно конкретный факт поведения, когда, по их мнению, данное качество проявлялось, или пытались дать объяснение, имеющее более или менее обобщающий характер. Дети четырех лет, объясняя, как они понимают каждое из качеств личности, чаще использовали первый способ, дети семи лет — второй. У младших дошкольников 32% ответов были «общими» и 68% — «конкретными». У старших дошкольников 54% ответов носили обобщающий характер и 46% ответов представляли собой ссылку на конкретный факт поведения. Правильность объяснения содержания качеств, которые дети должны были определить, в целом по группам была тоже неодинаковой. Дети семи лет объяснили правильно содержание в 93% случаев, ответили неправильно в 2% случаев, отказались от объяснения в 5% случаев. Дети четырех лет правильно раскрыли содержание каждого из качеств в 77% случаев, неправильно — в 16% случаев, совсем не смогли ответить в 7% случаев.

Очень заметно отличались младшие дошкольники от старших по степени видения каждым из них в другом человеке присущих ему качеств личности и по степени объективности этого видения. Так, младшие дошкольники отмечали сильно развитые положительные качества — послушность, вежливость, ласковость и др. — друг у друга в два раза чаще, чем это делали старшие дошкольники. Но если правильность суждений о положительных качествах друг друга детей четырех лет была подтверждена воспитателями только в 33% случаев, то правильность высказываний старших дошкольников воспитатели подтвердили в 91% случаев. В то же время возможность эпизодического проявления непослушания, грубости, невежливости, неаккуратности и прочих отрицательных качеств друг у друга младшие дошкольники допускали почти в девять раз реже, чем старшие дошкольники.

Сопоставление мнений детей с мнением воспитателей показало, что младшие дошкольники замечают отрицательные проявления друг у друга намного реже,

261

чем их отмечают у них воспитатели (по данным В. Н. Панферова, в одиннадцать раз). Старшие дошкольники, наоборот, фиксировали отдельные проявления непослушания, неаккуратности и др. у сверстников чаще, чем на них указывали воспитатели.

С приходом ребенка в школу одним из главных объектов познания для него становится поведение товарищей: действия и поступки, характеризующие их как учеников. Умение оценить их с этой новой для ребенка точки зрения приходит к нему постепенно, по мере того как он сам усваивает требования, предъявляемые школой к учащимся, и вырабатывает под руководством учителя эталоны для оценки работы и поведения товарищей в учении. С ростом опыта взаимодействия с одноклассниками, которое направляется учителем, у младшего школьника все время происходит накопление знаний о возможных формах их поведения в разной обстановке и идет осознание причин, вызывающих те или иные действия.

С выходом общения школьника с другими людьми за рамки учения, с установлением у него связей с различными лицами за пределами класса и в иных, чем учение, видах деятельности в формирующейся у него системе знания людей происходят новые важные изменения. «Эмпирическая база» для развития у школьника обобщенного знания людской психологии становится шире. Перед ним раскрывается возможность увидеть поведение других людей с таких сторон, которые в условиях учения не проявляются. Это ведет к тому, что содержание формирующихся у учащегося понятий о чертах и сторонах личности существенно изменяется, у него развивается умение все более глубоко и правильно расшифровывать психологический подтекст сложных действий и поступков и объективно оценивать личность в целом. Однако расширяющаяся практика повседневного совместного труда, учения, отдыха учащегося со все новыми людьми не только непрерывно обогащает его впечатления о других людях и заставляет его размышлять об их поступках и поведении, но и постоянно побуждает школьника к активному применению формирующихся знаний в общении, и она же на каждом шагу показывает ему, какие из его обобщений и оценок верны, а какие ошибочны.

Чтобы выявить различия в понимании другой личности людьми, находящимися как субъекты труда, познания и общения на разных ступенях развития, мы

262

предложили лицам пяти возрастных групп — детям 7—8 лет, детям 10—11 лет, подросткам 14—15 лет, юношам и девушкам 16—18 лет и взрослым испытуемым 20—26 лет — дать характеристику сверстникам, которых они хорошо знают. Выполняя эту задачу, каждый должен был назвать главные, по его мнению, особенности личности определенных одноклассников (студенты называли качества личности товарищей по учебной группе).

Мы остановились в данном случае именно на методе «свободных характеристик» по двум соображениям: выполнение испытуемыми задания в такой форме позволяет быстро выявить, какие черты личности и особенности поведения кажутся ему в другом человеке главными, и, кроме того, оно дает возможность знать, насколько у испытуемого развито

умение психологически оценивать другую личность и видит ли он в ней уже определенные качества или не идет дальше описания ее поведения.

Полученные таким образом характеристики качеств личности и отдельные проявления их, на которые испытуемые указывали, описывая своих товарищей, были подвергнуты классификации в зависимости от того, к какой стороне личности они относились; затем подсчитывалось, как часто испытуемые каждой возрастной группы отмечают психические свойства, характеризующие ту или иную сторону другой личности.

Что же выявилось при сопоставлении данных, полученных в разных возрастных группах?

Во-первых, на протяжении дошкольного и школьного периодов жизни человека происходит постепенное увеличение числа сторон, отмечаемых и оцениваемых в личности сверстников. Во-вторых, наблюдается рост круга качеств, выделяемых при характеристике каждой из сторон личности. В-третьих, с формированием человека как субъекта труда, познания и общения изменяется значение, которое испытуемый придает той или другой стороне личности другого человека, пытаясь дать ему характеристику. Одни его стороны и качества фиксируются все чаще, другие стороны с возрастом выделяются и оцениваются все реже.

Чем старше возрастная группа испытуемых, участвовавших в опыте, тем чаще в их характеристиках личности, данных знакомым сверстникам, встречаются высказывания об убеждениях и кругозоре, о способностях, называются черты, выражающие отношение к

263

труду, и фиксируются качества, говорящие об особенностях волевого развития характеризуемой личности. Чем старше возрастная группа, тем чаще испытуемые в опыте отмечали у сверстника черты, в которых выражается отношение к самому себе, тем чаще они давали оценку его уму, речи. В основных группах испытуемых обнаружился также рост случаев фиксирования отношений личности вообще к людям. Вместе с тем по отношению к другим сторонам и качествам личности эти же группы испытуемых проявили противоположную тенденцию. Так, с возрастом сокращалось число характеристик, в которых испытуемые, называя главные черты личности сверстников, описывали их учебную деятельность и оценивали их отношение в целом к учению. Столь же явно наблюдается уменьшение числа случаев, когда, называя существенные особенности личности сверстника, испытуемые описывают его отношение к педагогам. По мере того как группы испытуемых взрослели, входившие в них лица все реже отмечали в качестве главных особенностей сверстников их поведение во время учебных занятий, проявление ими того или иного отношения к вещам, входящим в оснащение учебного процесса, санитарно-гигиенические привычки и др.

Вместе с тем в отношении ряда особенностей личности какая-либо определенная тенденция — или ко все более частому фиксированию их, или, наоборот, ко все более редкому — в опытах не проявлялась. Это прежде всего касается эмоционально-динамических проявлений личности, отношения к труду по самообслуживанию, отношения к поручениям коллектива, отношения к родителям и к другим членам семьи.

Отсутствие высказываний о тех или иных качествах личности в характеристиках, даваемых сверстнику более старшим испытуемым, не всегда означает, что последний не видит проявления этих качеств в поведении характеризуемого и не осознает их

присутствия в его личности. Очень часто этот факт свидетельствует только о том, что данный испытуемый отражает личность более обобщенно, чем школьник младшей группы. С ростом взаимодействия учащегося с другими людьми растут богатство и разнообразие наблюдаемых им фактов их поведения, расширяется возможность сравнения особенностей действий и поступков людей как в одинаковых, так и в различных обстоятельствах. Это означает, что у индивида непрерывно растет та конкретная основа, на которой у него развиваются понятия

264

как об отдельных нравственно-психологических свойствах, так и о личности другого человека в целом. Но изменения, характеризующие развитие понимания одним человеком другого, затрагивают и само строение названных понятий, их структуру, о чем свидетельствует разная степень обобщенности тех признаков, называя которые испытуемые каждой из возрастных групп раскрывают свой взгляд на содержание той или иной личности.

Первоклассники и даже школьники V класса, характеризуя хорошо знакомых им сверстников, часто еще не могут отвлечься от кажущихся им типичными для этих сверстников поступков и действий и прямо назвать качества личности, которые за этими поступками и действиями стоят. Для них эти качества являются такой абстракцией, которой они еще не овладели, поэтому они, раскрывая свое понимание конкретного человека, сплошь и рядом называют не свойства его личности, а особенности его поведения в разных обстоятельствах. При этом характер называемых ими особенностей поведения свидетельствует о том, что отбор их школьники проводят не случайно, а в соответствии с усваиваемыми ими нормами морали, в соответствии с теми требованиями, которые предъявляются к человеку в нашем обществе.

Обобщения одних фактов поведения сверстников и правильные заключения о качествах личности, которые они выражают, даются школьнику легче, чем обобщения других фактов. Поэтому у школьников в одно и то же время может наблюдаться сосуществование разных уровней осмысления различных сторон личности другого человека. Раскрывая одни его стороны, школьник приводит кажущиеся ему типичными для этого человека факты поведения, указывает на его действия, характеризующие личность, раскрывая другие, прямо называет качества его личности. Но в целом при сопоставлении испытуемых разных возрастных групп выявляется постепенный переход от раскрытия содержания личности путем описания и оценки ее действий и поведения к прямым указаниям на присущие этой личности психические свойства и качества.

Названные различия в способах раскрытия содержания личности человека, которого испытуемые давно знают, связаны, в частности, с тем, что у всех этих испытуемых неодинаково сформированы те нравственно-психологические понятия, которые у познающего других

265

людей субъекта обычно актуализируются в сознании, когда он оказывается свидетелем определенных действий и поступков другой личности. Каждое из этих понятий, когда человек формируется как субъект познания других людей, проходит определенный путь развития. В. А. Крутецкий на примере формирования моральных понятий у школьников показал, что есть основание говорить по крайней мере о четырех уровнях развития понимания учащимися качеств личности¹¹⁹.

Первый уровень — первичное, крайне элементарное обобщение. Понятие только начинает складываться, и содержание его осознано учеником еще очень мало.

Второй уровень — понятие уже сложилось, но является еще очень неглубоким и грубым; четко оно еще не осознается и обычно бывает неправомерно суженным или расширенным.

Для третьего уровня характерно уже присущее ученику умение дать более или менее развернутое определение понятия, правильно выделить основные признаки, составляющие его содержание. Однако развитие понятий о качествах личности до данного уровня еще не гарантирует правильного анализа и оценки поведения человека в свете этих усвоенных школьниками понятий.

На четвертом уровне школьник полностью овладевает понятиями, дифференцированно и глубоко осознает содержание понятия. На этом уровне овладения понятием возможно детальное определение того или иного качества личности, подкрепленное разнообразными примерами и адекватным их анализом; понятие включено в систему, распространяется на круг явлений, четко ограниченных от близких и смежных, фиксируемых в других понятиях; оперирование понятием происходит правильно, уверенно и подчас очень тонко.

Прослеживая у учащихся различного возраста развитие понятия о личности их сверстника — члена того же самого коллектива, что и они сами, мы пока не поднимали вопроса об индивидуальных особенностях, характеризующих понимание другой личности, а между тем этот вопрос представляет очень большой интерес.

Личный опыт совместного труда с другими людьми и общения с ними во всех иных видах деятельности у каждого человека всегда индивидуально своеобразен, и

266

в результате у него формируется только ему присущий взгляд на других людей и подход к ним. В этом взгляде и подходе находят выражение неповторимые черты жизненного опыта каждого человека. Этот личный взгляд человека на других людей всегда несет на себе печать его убеждений, идеалов, его характера, всей личности.

В наших опытах различия понимания другой личности между испытуемыми одной и той же возрастной группы особенно четко прослеживаются в студенческих группах, о которых речь выше уже шла, поскольку каждый из испытуемых в этих группах давал характеристику всем остальным членам группы. Эти различия касаются как количества качеств личности, отмечаемых разными испытуемыми у одних и тех же людей, так и существа тех свойств и черт, которые каждый из этих испытуемых фиксировал в характеризуемой личности. В ряде случаев индивидуальные особенности в понимании другой личности наиболее убедительно проявились в тех общих оценках, которые студент давал тому или иному сокурснику из своей группы.

Характеристики одних и тех же людей, сделанные разными студентами, отличались большим или меньшим лаконизмом. Так, например, если, скажем, студент С. фиксировал различные качества личности у своих товарищей в общей сложности только 26 раз, то студентка Т. (из этой же группы) отмечала различные качества личности у этих же лиц 72 раза. Если Ф. (студент из второй группы) фиксировал различные качества у других

участников опыта всего лишь 35 раз, то его товарищ К. называл их 84 раза, Ан. — 102 раза, П. — 95 раз и т. д.

Разные студенты, характеризуя одних и тех же людей, предпринимали неодинаковое число попыток дать каждому из них обобщенную оценку их личности. Для одних была характерна тенденция такую оценку производить постоянно, у других же эта тенденция выступала слабее или она не проявлялась совсем. Этот факт свидетельствовал о том, что у части людей качества личности данного человека в понятии о нем фиксируются не рядоположно, что среди этих качеств они обязательно выделяют ведущее, доминирующее.

Все без исключения студенты проявляли тенденцию наиболее часто отмечать в другой личности качества, в которых проявляется ее отношение к другим людям. При отображении других сторон личности у опрошенных

267

студентов отмечалась заметная индивидуальная избирательность. Так, например, студентка И. относительно часто среди других фиксировала волевые качества у студентов своей группы (18 раз — 25,7% от общего числа фиксирований ею всех сторон личности); студентка О. отмечала волевые качества у этих же лиц сравнительно редко (8% от общего числа фиксирования ею всех сторон личности), но зато относительно часто она фиксировала у этих людей качество ума (13 раз — 26% от общего числа фиксирований). Студентка Д. довольно часто фиксировала у товарищей по группе их отношение к труду (15 раз — 20,3% от общего числа фиксирований ею всех сторон личности) и т. д.

Эта наблюдаемая у каждого из опрошенных тенденция отмечать в другом человеке более часто одни стороны и реже другие может быть объяснена прежде всего тем, что в зависимости от конкретных условий, в которых человек формируется как личность, у него воспитывается привычка отдавать предпочтение определенным психическим качествам и, более или менее сознавая это, считать их более значимыми в жизни, чем другие психические качества. Для одних людей такими качествами оказываются черты, выражающие отношение к труду, для других — качества ума, для третьих — воли, для четвертых — эмоционально-динамические качества и т. д.

Индивидуальные особенности понимания каждым человеком других людей становятся все более видимыми при сопоставлении характера тех конкретных качеств, которые разные испытуемые отмечали в личности одних и тех же людей.

В табл. 20 показано, каким количеством конкретных качеств оперировал каждый из опрошенных студентов, когда он оценивал своих товарищей, а также какое количество конкретных качеств он называл, характеризуя ту или иную сторону личности.

Из цифр таблицы видно, что, характеризуя одних и тех же людей, опрашиваемые студенты оперируют при этом неодинаковым числом конкретных качеств и индивидуальные различия здесь чрезвычайно велики. Одни из студентов отмечают у своих сокурсников 34—48 качеств (Т., А. — в первой группе, В., К., Ан. — во второй), другие же фиксируют у этих же самых людей всего лишь 19—25 конкретных качеств (Р., Н., М. — в первой группе, Ф., Х. — во второй). Остальные опрашиваемые, характеризуя товарищей по группе, увидели у них 26—37 разных качеств.

268

Испытуемые	Названо качеств в абс. числах						
	всего	выражающих отношение			воли	ума	чувства
		к труду	к другим людям	к себе			
1-я группа							
С.	20	1	6	2	3	5	3
В.	26	1	9	8	2	5	1
Р.	19	—	5	1	4	4	5
Я.	25	—	10	2	4	4	5
М.	21	1	6	2	5	4	3
Т.	38	2	14	4	8	4	6
И.	28	2	8	4	5	6	3
О.	31	3	16	2	4	4	2
Н.	20	1	9	1	4	2	3
А.	39	2	13	6	9	4	5
2-я группа							
Ф.	19	6	4	3	3	—	3
Ан.	48	5	18	6	9	3	7
П.	36	7	11	5	6	3	4
Ок.	33	6	15	2	5	2	3
Вл.	43	7	17	3	8	3	5
Х.	21	3	5	4	3	3	3
Д.	27	4	12	3	4	2	2
К.	45	6	18	5	8	3	5

Если студент Р. увидел у своих товарищей лишь такие качества личности, как целеустремленность, сила воли, упрямство, ум, остроумие и понимание шутки, вдумчивость, доброта, прямодушие, честность, мягкость, сдержанность, цинизм по отношению к себе, страстность, впечатлительность, веселость, уравновешенность, влюбчивость, радушие, практичность, то студентка Т. из этой же группы при характеристике этих людей оперировала значительно большим числом качеств.

Составляя характеристики, она назвала: трудолюбие, аккуратность, приветливость, доброту, ласковость, доверчивость, откровенность, грубоватость, чуткость, внимательность, развязность, отзывчивость, прямодушие, общительность, честолюбие, требовательность к

269

себе, скромность, самокритичность, организованность, выдержку, упрямство, целеустремленность, сильную волю, энергию, упорство, смелость, мягкость, ум, понимание юмора, задумчивость, ревность, горячность, неуравновешенность, страстность, глубину чувств, мечтательность, сентиментальность.

Таким образом, круг качеств личности, которые разные испытуемые-студенты способны видеть в других людях, отличается в каждом случае индивидуальным своеобразием. Сравнение характеристик, данных разными студентами одним и тем же лицам, показывает, что одним из них присуща тенденция отмечать у всех один и тот же сравнительно небольшой круг качеств и характеристики, даваемые ими разным людям, различаются лишь тем, что в них указывается та или иная степень развития каждого из этих качеств у данного человека по сравнению с другими людьми. Для других студентов, наоборот, характерен сравнительно широкий круг качеств, которые они способны видеть в других людях. В характеристиках, даваемых ими каждому из этих людей, содержатся не только указания на сравнительно многие особенности личности, но и называются такие

черты, в которых, по мнению опрашиваемого, наиболее ярко раскрывается индивидуальное своеобразие характеризуемой личности.

У студентов не в одинаковой степени развито также умение дифференцировать оттенки, характеризующие проявление той или иной стороны личности (отношение к труду, к другим людям и др.). Обычно это выражается в том, что, оценивая какую-либо из сторон личности, один человек может назвать больше конкретных качеств, в которых эта сторона находит выражение, чем другой человек. Так, студентка О. (1-я группа), оценивая проявление отношения к другим людям у девяти сокурсников, которых она характеризовала, отметила в общей сложности 16 оттенков в проявлении этого отношения, в то время как ее товарищ Р. назвал в нем только пять оттенков. Во 2-й группе студент Ан., оценивая это же отношение у каждого из тех, кто входил в одну с ним группу, назвал в общей сложности 18 конкретных форм проявления у них этого отношения, в то время как его товарищ Ф. отметил только 4. Студент В., излагая понимание личности каждого из своих товарищей, указал на 8 конкретных черт (заносчивость, застенчивость, недовольство собой, самодовольство, самомнение, эгоизм, скромность, чувство собственного достоинства),

270

которые говорят об отношении этих молодых людей к себе. Студентка Н. назвала только один вид проявления такого отношения (самоуважение). Студентка А. при характеристике товарищей отмечает 9 положительных и отрицательных волевых качеств (слабоволие, нерешительность, упрямство, упорство, целеустремленность, энергия, выдержка, самостоятельность, смелость), в то время как студент В. называет в характеристиках лишь 2 качества (твердость и безволие) и т. д. Все приведенные факты свидетельствуют о том, что каждый человек осознает и оценивает различные стороны одной и той же личности неодинаково успешно. Это объясняется не только тем, что поступки и дела характеризуемого человека всегда благоприятствуют выявлению одних его сторон и затрудняют познание других, но и тем, что сам познающий этого человека индивид своим прошлым как субъект познания других людей всегда лучше подготовлен к анализу и оценке одних сторон и качеств конкретной личности и хуже — к осмысливанию других ее сторон и особенностей.

8. Влияние рода деятельности и положения человека на понимание им других людей

Мы уже не раз подчеркивали в этой книге, что каждый человек становится субъектом познания других людей лишь при том неперемennom условии, если он включается в какой-то вид деятельности, благодаря чему между ним и окружающими его людьми возникает множество определенных отношений.

Существование зависимости формирующихся у человека знаний о других людях, а также степени их обобщенности от особенностей профессиональных задач, которые человек решает по отношению к другим людям в том или другом виде деятельности, раскрывает исследование, выполненное в нашей лаборатории Н. Ф. Федотовой¹²⁰. На основе анализа характеристик, которые следователи дают обвиняемым, она предприняла, во-первых, попытку выяснить содержание, структуру и объем знаний следователя о личности обвиняемого.

271

Сведения о личности обвиняемого	Процент сведений по группе стажа			
	1-й	2-й	3-й	в среднем по всей группе
Возраст	3,2	3,3	2,7	3,1
Образование	1,5	1,9	1,1	1,5
Внешность	4,7	3,7	3,2	3,9
Биографические данные	5,3	3,9	2,8	3,9
Отношение к труду	9,1	9,8	9,4	9,4
Отношение к людям	20,6	19,7	19,3	18,8
Отношение к себе	2,4	2,4	1,9	2,3
Поведение во время допросов	16,1	17,0	16,9	16,7
Интеллект	6,9	6,3	7,3	6,8
Опыт	1,6	2,0	3,9	2,6
Характер в целом	7,6	8,7	8,5	8,3
Воля	5,1	4,1	4,4	4,4
Эмоции	5,9	8,1	8,3	7,5
Темперамент	1,9	0,9	1,7	1,5
Склонности и интересы	5,9	6,7	5,4	6,1
Мотивы преступления	2,3	1,2	3,2	2,2

Во-вторых, ее интересовала степень зависимости содержания этих знаний от профессионального опыта следователя, и, в-третьих, она стремилась выявить связь этого содержания с типом преступления. В качестве испытуемых Н. Ф. Федотовой были привлечены следователи со стажем работы до 5 лет, от 6 до 10 лет и свыше 10 лет. Среди характеризуемых следователями лиц были 34 обвиняемых в хулиганстве, 35 — в убийстве, 15 — в изнасиловании, 16 — в краже и 31 — в служебных злоупотреблениях. Из материалов, собранных и проанализированных Н. Ф. Федотовой, нам кажется, особенно заслуживают внимание те, которые отвечают на второй и третий вопросы из сформулированных Н. Ф. Федотовой в начале исследования. В табл. 21 приведены данные о соотношении между отдельными сведениями об обвиняемых в зависимости от стажа работы следователя (в %).

Материалы таблицы свидетельствуют, что в содержании понятий о личности обвиняемого у всех следователей

272

независимо от стажа преобладает оценка его отношения к труду, к людям, а также поведения во время допроса. Вместе с тем, когда обвиняемых характеризовали следователи, имевшие большой стаж работы, несколько увеличивался процент суждений о характере обвиняемого в целом, об его интеллекте, об особенностях его эмоциональной сферы, т. е. как раз о тех особенностях, которые обычно являются основой выбора тактических приемов допроса. В группе следователей с большим стажем Н. Ф. Федотовой было отмечено и некоторое повышение процента характеристик, в которых была предпринята попытка назвать мотивы преступления.

Данные этого сравнения позволяют вместе с тем предположить, что в процессе профессиональной деятельности у следователей вырабатывается способность к более глубокому пониманию личности обвиняемого. Видимо, о формировании именно такой способности свидетельствует и тот факт, обнаруженный Н. Ф. Федотовой, что если в характеристиках, полученных от следователей со стажем 5 лет и менее, устойчивые черты личности обвиняемого фиксируются примерно в трети всех высказываний о нем, то у следователей со стажем от 6 до 10 лет указание на эти свойства составило 42% от числа всех суждений об обвиняемом, а у следователей со стажем свыше 10 лет — 45%.

Очень показательны, по нашему мнению, данные, также полученные Н. Ф. Федотовой, в которых выступает зависимость содержания понимания следователем личности подсудимого от типа преступления, в котором тот обвиняется.

Сравнивая характеристики обвиняемых по типам преступлений (табл. 22), можно обнаружить, что доминирующими группами сведений почти во всех случаях являются отношение к труду, отношение к людям и поведение во время допросов (об этом в другой связи уже было сказано). Но наряду с ними, и это надо подчеркнуть особо, в характеристиках высок процент сведений, важных для понимания того, мог ли подсудимый совершить то или иное преступление и почему. Так, специфику характеристик обвиняемых в хулиганстве составляют указания на черты, свидетельствующие о том или ином (чаще отрицательном) отношении к труду, об отношении к людям. Специфику характеристик обвиняемых в убийстве определяет доминирующее положение суждений об эмоциональной сфере.

273

Таблица 22

Сведения о личности обвиняемого	Процент сведений по					
	хулиганству	убийству	изнасилованию	кражам	служебному злоупотреблению	всем типам преступлений
Возраст	3,5	3,3	3,1	2,6	2,7	3,1
Образование	1,4	1,5	3,5	1,5	0,7	1,5
Внешность	4,1	3,2	6,0	4,5	2,6	3,9
Биографические данные	4,6	4,8	3,2	5,6	1,5	3,9
Отношение к труду	9,2	10,3	10,7	8,2	8,6	9,4
Отношение к людям	23,1	20,6	15,9	20,3	17,6	19,8
Отношение к себе	2,4	1,2	0,5	1,3	4,6	2,3
Поведение во время допросов	16,9	14,6	17,6	16,7	17,8	16,7
Интеллект	5,7	4,0	8,3	7,1	9,6	6,8
Опыт	0,5	1,2	1,2	0,8	7,1	2,6
Характер в целом	7,9	7,2	5,3	10,2	10,6	8,3
Воля	4,6	3,0	5,2	5,6	5,7	4,4
Эмоции	7,0	13,3	6,7	5,8	3,9	7,5
Темперамент	1,6	2,4	0,9	2,6	0,1	1,5
Склонности и интересы	6,9	5,7	11,9	4,4	3,8	6,1
Мотивы преступления	0,6	3,7	—	2,6	3,1	2,2

Особенностью характеристик обвиняемых в изнасиловании является увеличение количества сведений об интересах и склонностях и об их резко выраженном отрицательном характере.

Процент таких сведений почти в два раза превышает средние данные. Специфика характеристик обвиняемых в служебных злоупотреблениях состоит в частом доминировании сведений об интеллекте и опыте. Сравнительно со средними данными количество свойств интеллекта, названных при характеристике обвиняемых этой группы, увеличилось в полтора раза, а число оценок опыта — в два с половиной раза.

Таким образом, в материалах, которые собрала Н. Ф. Федотова, изучавшая особенности познания других людей следователями, отчетливо выступает определяющая роль деятельности в формировании у ее участников знаний о людях.

Влияние деятельности, побуждающей ее участников смотреть друг на друга под определенным углом зрения, из-за чего взгляд на окружающих людей может

стать для человека устойчивой его характеристикой, четко было прослежено также в работах О. Г. Кукосяна¹²¹. Взяв большое число представителей профессий, в которых работа с людьми занимает резко неодинаковое место и заставляет выступать по отношению к ним с не во всем совпадающих позиций (физики, экономисты, юристы, физиологи, художники и др.), он показал общее и особенное в психическом отражении ими человека и, учитывая продолжительность их профессионального стажа, рассмотрел становление у человека профессионального взгляда на других людей в развитии. Особенно убедительно он выявил и исследовал образование связанных со спецификой профессии оценочных стереотипов, актуализирующихся у юристов, художников и др. при познании окружающих их людей.

Интересную работу, целью которой было изучение особенностей представлений и понятий о других людях у писателей, художников и инженеров, проделала С. П. Шульц¹²². Ею были проанализированы мемуары десяти известных писателей, десяти художников и десяти инженеров. Для выравнивания выборки по полу были отобраны мемуары только мужчин. Учитывались все высказывания авторов мемуаров о внешности и качествах личности описываемых ими людей.

Изучив таким образом содержание высказываний о 805 мужчинах, 124 женщинах, о которых шла речь в мемуарах, С. П. Шульц заключила: писатели намного богаче, ярче и всестороннее, чем художники или инженеры, видят и описывают выразительное поведение людей. Они подробнее воссоздают их внутренний мир и чаще останавливают свое внимание на отношении к самим себе тех людей, о которых они рассказывают в мемуарах. Созданные ими описания людей несут в себе и больше динамики, чем описания, созданные художниками и инженерами.

Кроме «профессионального» взгляда на людей у каждого из авторов, которые интересовали С. П. Шульц, она попыталась установить индивидуальную манеру видения и понимания людей, которую она затем выразила

с помощью специально разработанных индексов оригинальности портрета. По ее данным, наиболее выражено улавливали и воссоздавали индивидуально неповторимое в облике каждого человека художники. У писателей индексы фиксирования индивидуальности были ниже. У инженеров в описаниях людей преобладали стандартные элементы и качества, переносимые из портрета в портрет и из одной характеристики в другую, правда, в новых пропорциях.

Любой конкретный вид деятельности всегда требует от человека проявления совершенно определенных качеств личности, и по мере того как участники этой деятельности усваивают ее задачи, у них создается тенденция отмечать в человеке такие качества, а также соотносить уровень их развития с требованиями деятельности. Таким образом, в формирующееся у участника деятельности знание о личности другого человека, сотоварища по деятельности, прежде всего включаются качества личности этого человека, наибольшему проявлению (а следовательно, и познанию) которых данная деятельность благоприятствует. При включении человека в другую деятельность, требующую от него актуализации иных качеств, в формирующемся о нем мнении участников этой деятельности на первый план выступают новые качества, а те, которые

были значимы в условиях первой деятельности, отходят на второй план или подвергаются переоценке.

Факты, собранные Н. Ф. Федотовой и О. Г. Кукосяном, а отчасти у С. П. Шульц, показали также, что, наблюдая за человеком, анализируя, синтезируя, обобщая информацию о нем, люди опираются на свой прежний опыт и круг теоретических знаний о той категории лиц, к которой они его отнесли. И, как показывают те же исследования, уровень квалификации человека-«оценщика» играет очень существенную роль в том, что он увидит в другом человеке и какой «приговор» ему вынесет¹²³.

Эти исследования свидетельствуют также о том, что отмечаемые в другой личности качества не структурируются в формирующемся у человека понятии о ней рядоположно. Какие из них начинают играть роль своего

276

рода основы, с которой связываются все остальные важные, по мнению оценивающего, для деятельности характеристики, а какие качества занимают подчиненное положение — это опять-таки связано прежде всего с требованиями деятельности, в условиях которой взаимодействуют оцениваемый и оценивающий, а во-вторых, это, безусловно, зависит и от индивидуальных характеристик оцениваемого. Указанный факт был специально прослежен Ю. П. Степкиным, исследовавшим на ленинградском заводе им. Козицкого по нашей просьбе понимание рабочими тех качеств деятельности мастера, которые обуславливают его социально-психологическую совместимость с коллективом рабочих¹²⁴.

На основании оценок рабочими девяти позитивных признаков психологической структуры деятельности мастера было выявлено три соотносительных уровня рассматриваемого явления. Каждый из них характеризуется определенными значениями и соотношениями оценок. Так, если на «высоком» уровне оценки рабочими умения мастера организовать работу, поддерживать трудовую дисциплину и знание производства близки к возможной максимальной, то на двух других уровнях оценки этих признаков значительно ниже и достоверно отличаются от оценок признаков первого уровня.

Показательно и соотношение значимостей этих признаков на каждом уровне. Если на «высоком» уровне первое место занимает умение мастера организовать работу, а умение поддерживать дисциплину и знание производства соответственно — второе и третье, то на «среднем» и «низком» уровнях порядок противоположный. Знание производства на «среднем» уровне занимает первое место, а умение организовать работу — только третье. На «низком» уровне ни один из этих признаков не выступает в качестве доминирующего. Прослеживание изменения оценок признаков от одного уровня к другому позволяет выявить значимость того или иного признака в психологической деятельности мастера,

277

как она выступает в глазах подчиненных. Из рассмотренных признаков наиболее значимым является умение мастера организовать работу¹²⁵. Видимо, это наиболее интегральный признак психологической структуры его деятельности, ассимилирующий в себе влияние всех остальных признаков и ими опосредуемый.

Понятно, что в ходе совместной деятельности предварительно сложившееся у человека впечатление о каждом из ее участников не остается неизменным. Однако и в этом случае

образ человека и понятие о его личности, меняющиеся со временем у его партнеров по деятельности, продолжают выполнять для них регулятивную роль, оказывая воздействие не только на дальнейшее планирование ими своего поведения, но и на их самооценки.

Динамика межличностного восприятия, а также те изменения, которые отмечаются в содержании понятий о личности друг друга в ходе деятельности у ее участников, изучались в нашей лаборатории В. В. Унгулом и Н. Ф. Федотовой. Первый прослеживал эти изменения в условиях спортивного состязания борцов, а вторая — при решении учащимися гомеостатических задач.

В. В. Унгул проводил свое исследование в два этапа¹²⁶. На первом этапе он изучал изменения в содержании перцептивных образов. На втором этапе исследовался вопрос точности знаний о себе и своем противнике. В обоих случаях испытуемыми у него были студенты ленинградских вузов, занимающиеся борьбой (на первом этапе 60 человек, на втором — 48), различающиеся по уровню спортивной квалификации и по продолжительности занятия этим видом спорта.

Испытуемые, которые в качестве спортивных противников встречались впервые, были разбиты на пары для спортивной борьбы, и каждому из них было предложено дважды охарактеризовать своего противника — сначала перед поединком, а затем после его окончания. В качестве эталона при оценке точности знаний о противнике

278

использовались обобщенные характеристики, данные четырьмя компетентными лицами: старшим тренером борца, тренером, преподавателем по основам физической подготовки и экспериментатором.

Сравнение характеристик, данных борцами до соревнования, с характеристиками, данными друг другу по окончании схватки, свидетельствует о значительной перестройке содержания их знаний о противнике. Как видно из табл. 23, в которой отражена частота фиксирования спортсменами-борцами характеристик облика противника в процентах, во втором случае в характеристики не включается описание внешности противника, но зато дается более полное описание психических свойств его личности: увеличивается частота фиксирования свойств личности, упоминаемых до схватки, и отмечаются новые свойства (активность, жестокость, хладнокровие и др.). Ряд свойств, отмеченных до схватки только борцами высшей квалификации, после поединка отмечается также борцами I и II разрядов.

Как видно из табл. 23, все характеристики противника, даваемые спортсменами высокой квалификации, значительно полнее характеристик, которые дали спортсмены более низкой квалификации. Это проявляется как в большей частоте фиксации ряда важных для борьбы свойств (выносливость, особенности техники и тактики, собранность, активность), так и в умении фиксировать такие «тонкие» свойства борца, которые спортсмены более низкой квалификации не замечают или почти не замечают («чувство противника», «тягучесть», упорство).

Оценки, даваемые борцами высокой спортивной квалификации, как установил В. В. Унгул, отличались также большей точностью, чем оценки, даваемые борцами более низкой спортивной квалификации и с меньшим опытом спортивной борьбы. Средняя величина ошибок в характеристиках, даваемых своему противнику до схватки, у мастеров и кандидатов в мастера в 1,5 раза меньше, чем у перворазрядников, в 2,2 раза меньше, чем

у второразрядников, и в 3,9 раза меньше, чем у третьеразрядников и новичков. Ошибок характеристик противника после схватки у мастеров и кандидатов в мастера в 1,2 раза меньше, чем у борцов I разряда, в 2 раза меньше, чем у борцов II разряда, и в 3,4 раза меньше, чем у третьеразрядников и новичков.

279

Таблица 23

Характеристики	Мастера и кандидаты в мастера		Перворазрядники		Спортсмены II разряда		Спортсмены III разряда и новички		Общие данные	
	до схватки	после схватки	до схватки	после схватки	до схватки	после схватки	до схватки	после схватки	до схватки	после схватки
Рост	100	—	93	—	93	—	86	—	93	—
Телосложение	74	—	80	—	86	—	64	—	76	—
Возраст	93	—	74	—	26	—	93	—	71	—
Вес	74	—	86	—	58	—	—	—	55	—
Развитие рук	58	—	52	—	64	—	—	—	44	—
Развитие ног	42	—	20	—	42	—	—	—	26	—
Развитие шеи	—	—	7	—	20	—	26	—	13	—
Фигура	64	—	42	—	—	—	—	—	27	—
Экспрессия лица	36	—	12	—	—	—	—	—	12	—
Особые приметы	26	—	7	—	—	—	—	—	8	—
Сила	100	100	86	100	93	93	86	100	91	98
Быстрота	—	52	64	80	86	93	58	74	52	75
Выносливость	100	100	64	80	42	58	—	36	52	69
Ловкость	—	—	—	—	64	—	93	—	39	—
Гибкость	20	33	36	52	58	64	36	52	38	50
«Чувство противника»	64	64	52	64	—	—	—	—	29	32
«Тягучесть»	—	36	—	42	—	7	—	—	—	21
Техника	100	100	100	100	93	100	64	93	89	98
Тактика	100	100	100	10	93	100	20	58	78	90
Смелость	58	64	36	52	42	58	64	74	50	62
Решительность	36	42	33	52	58	74	26	58	38	57
Инициативность	42	58	58	80	33	80	7	20	36	60
Настойчивость	36	52	20	26	26	58	33	36	26	43
Упорство	58	80	42	58	—	—	7	12	27	38
Собранность	33	42	12	26	—	7	—	—	11	19
Хитрость	74	80	42	58	—	12	—	7	29	39
Выдержка	—	—	—	—	20	7	—	20	5	7
Хладнокровие	—	—	—	—	—	36	—	26	—	16
Воля в целом	—	—	—	—	—	—	42	—	11	—
Опытность	52	64	33	58	—	12	20	36	26	43
Перспективность	—	86	—	58	—	58	—	36	—	60
Активность	—	64	—	36	—	42	—	42	—	46
Жестокость	—	74	—	26	—	7	—	—	—	27
Взрывность	—	80	—	58	—	58	—	—	—	49
Среднее по всем элементам	62	69	50	62	58	51	48	46	41	50

Тот факт, что характеристики противника включают главным образом свойства личности, от учета которых зависит успех в соревновании, а также большая содержательность и точность характеристик, данных спортсменами высокой квалификации, свидетельствуют о

280

том, что эти знания являются психологической основой для формирования тактики борьбы и как компонент¹²⁷ включаются в тактическое мышление борца во время состязания.

Интересно отметить также, что в исследовании, проведенном В. В. Унгулом, обнаружилось влияние результата поединка на характер оценок и самооценок. Особенно отчетливо оно проявилось у борцов низшей квалификации. После успешно проведенного поединка их самооценки значительно повышались, а оценки противника снижались. Неудача приводила к обратному результату: снижению уровня самооценки и повышению оценки противника.

Н. Ф. Федотова¹²⁸ и Р. А. Максимова также изучали изменения в суждениях людей друг о друге, когда они решали задачи, требовавшие от них взаимодействия. В качестве испытуемых в этом опыте выступали абитуриенты факультета психологии Ленинградского университета, впервые познакомившиеся друг с другом в момент выполнения экспериментального задания.

Испытуемые в этих опытах объединялись для решения задачи в группы по три человека. Каждый из них последовательно выполнял три задания: 1) используя разработанную экспериментаторами шкалу, характеризовал по первому впечатлению двух своих товарищей по «тройке»; 2) вместе с ними решал гомеостатическую задачу; 3) снова характеризовал своих партнеров, придерживаясь той же шкалы, что и в начале опыта.

Решая гомеостатическую задачу, которая, повторяем, была рассчитана на согласованные действия, испытуемые могли обмениваться информацией в виде: 1) сообщений о положении стрелки на приборе; 2) предложений и команд; 3) соображений о способах решения задачи; 4) выражения согласия и несогласия с предложениями партнеров; 5) вопросов к ним (запроса информации).

Решение гомеостатической задачи помимо получения данных о степени согласованности действий в группах позволило оценивать степень активности каждого участника деятельности. Показателем степени активности служило

281

отношение числа предложений, команд и запросов информации, высказанных испытуемыми, к общему числу высказываний.

При обработке характеристик подсчитывались частота оценок и средний балл по каждому из обозначенных на шкале качеств, которые могли быть приписаны оцениваемому. Те же данные подсчитывались и по каждому испытуемому.

Сопоставление характеристик, данных участниками опыта друг другу до работы на гомеостате и после такой работы, выявило существенные различия между ними. Вместе с тем эти различия в первой и последующей оценках коснулись не всех перечисленных в шкале качеств личности (всего их было 33), о выраженности которых можно было высказываться, а лишь тех, в которых отражались отношения к труду, к другим людям, а кроме того — качеств воли и ума. По частоте оценок этих свойств различия достоверны ($t = 2,70$ при t табл. = 2,01), по среднему баллу недостоверны.

Значительно повысилась частота оценок и заметно изменился средний балл оценки десяти качеств. Качества эти следующие: 1) властный; 2) дисциплинированный; 3)

решительный; 4) настойчивый; 5) собранный; 6) быстрый; 7) добросовестный; 8) уверенный в себе; 9) умеющий считаться с мнением группы; 10) сообразительный. Особенно сильно изменились оценки последних двух качеств.

Вероятность оценки качества «умеет считаться с мнением других» поднялась с 0,45 в первых характеристиках до 0,93 в характеристиках, составленных после работы на гомеостате. Частота оценки сообразительности возросла с 0,31 до 0,83.

Н. Ф. Федотова и Р. А. Максимова далее сопоставили степень активности испытуемого при решении гомеостатической задачи со средним баллом, которым его оценили партнеры (по отношению к труду, к другим людям, по волевым и интеллектуальным чертам). Между этими признаками обнаружилась положительная корреляционная связь (коэффициент корреляции $r=0,650$). Более высокая корреляция между уровнем активности и средним баллом оценки обнаружена по десяти выборочным качествам ($r = 0,91$, корреляция значима для всех уровней значимости).

Обнаружена зависимость между уровнем активности при решении гомеостатических задач и средним баллом оценок отдельных качеств. Например, корреляция между

282

уровнем активности и уровнем оценки по качеству «властный» оказалась равной 0,495 (коэффициент значим для $p=0,1$; $p=0,05$ и $p=0,02$). Качество «умеет считаться с мнением других» наиболее высоко оценивалось у лиц с низким уровнем активности, но умевших подчиняться команде лидера.

Продолжая это исследование, Н. Ф. Федотова, далее, установила, что характер знаний, формирующихся о другом человеке у взаимодействующих с ним людей, зависит от успешности совместной деятельности, а также от ролей, которые им приходится при этом выполнять.

В проведенном эксперименте 75 молодых людей, которые до этого не общались друг с другом, были объединены в группы, состоящие из трех человек. Каждой группе предлагалось решить задачу, заключающуюся в подборе трех рядов из десяти числовых значений по заданным условиям. Условия были таковы, что для решения задачи требовалась согласованность действий. Чтобы обеспечить ее, членам группы разрешалось вести переговоры между собой.

После окончания эксперимента каждой из групп давались оценки успешности решения. И по тому, как они решали задачу и какое количество времени затрачивали на ее решение, они получали одну из трех (высокая, средняя, низкая) категорий успешности. Вслед за этим каждому члену группы давали оценочные листы и предлагали оценить по пятибалльной системе свойства личности двух своих партнеров, о выраженности которых у оценивающего создалось определенное мнение. Средние оценки личностных свойств Н. Ф. Федотовой сопоставлялись с успешностью группового решения и с той функциональной ролью, которую испытуемый выполнял в процессе группового взаимодействия. При сопоставлении данных Н. Ф. Федотовой учитывались не все свойства, а лишь наиболее значимые для данной ситуации (табл. 24).

Как правило, в процессе выполнения групповой задачи происходила ролевая дифференциация. В группе выделялся лидер, который брал на себя руководство групповым взаимодействием и вносил наибольший индивидуальный вклад в решение

задачи. Наряду с этим в группах были члены, участие которых в групповом решении состояло преимущественно в ответах на запросы информации, согласии с предложениями лидера и выполнении его предложений.

283

Таблица 24

Качества личности	Успешность группового решения								
	высокая			средняя			низкая		
	лидеры	ведомые	средние данные	лидеры	ведомые	средние данные	лидеры	ведомые	средние данные
Инициативный	4,5	3,3	3,9	4,4	3,4	3,9	3,6	2,9	3,0
Общительный	4,2	3,4	3,7	4,0	3,3	3,5	3,8	3,6	3,7
Разговорчивый	4,0	3,5	3,8	3,9	3,0	3,2	3,1	3,5	3,2
Умеет считаться с мнением других	3,9	3,6	3,8	3,4	3,3	3,4	3,0	3,4	3,2
Тактичный	4,2	3,4	4,0	3,5	4,1	4,0	2,6	3,7	3,2
Скромный	3,5	3,4	3,5	3,2	3,4	3,5	2,8	3,7	3,4
Уверенный в себе	4,5	3,6	3,8	4,3	3,4	3,5	3,7	3,3	3,5
Выдержанный	4,2	3,7	4,0	3,6	3,5	3,6	2,7	3,6	3,2
Умный	4,6	3,7	4,0	4,2	3,4	3,8	2,7	3,2	3,0
Сообразительный	4,6	3,4	4,0	4,5	3,3	3,8	3,3	3,2	3,3
Серьезный	4,4	3,4	4,0	3,4	3,4	3,6	3,5	4,0	3,7
Самостоятельный	4,4	3,5	4,0	4,6	3,4	3,8	3,7	2,9	3,3
Энергичный	4,8	3,2	3,9	4,0	3,4	3,5	3,3	3,1	3,2
Умеет организовать работу	4,1	2,6	3,4	3,9	3,1	3,3	2,8	2,9	2,9
По всем качествам	4,3	3,4	3,8	3,9	3,4	3,6	3,2	3,4	3,3

Как видно из табл. 24, средние оценки наиболее значимых личностных свойств наиболее высоки у членов групп с высокой успешностью решения, ниже у членов-групп средней успешности и еще ниже в группах низкой успешности¹²⁹. Различия оказались еще большими между оценками лидеров в группах высокой, средней и низкой успешности. Средние оценки по четырнадцати наиболее значимым свойствам у лидеров групп 1-й, 2-й и 3-й категорий успешности соответственно составили в этом случае 4,3, 3,9 и 3,2¹³⁰.

В оценках ведомых серьезных различий в зависимости от успешности групповой деятельности в этом опыте обнаружено не было. В группах высокой и средней успешности, а также во всей выборке данных было выявлено

284

значительное превышение средних оценок лидеров сравнительно со средними оценками ведомых. В группах низкой успешности такого превышения оценок лидеров сравнительно с оценками ведомых в данных, полученных Н. Ф. Федотовой, выявлено не было. Даже наоборот, по ряду свойств (тактичный, скромный, выдержанный и др.) оценки ведомых оказались выше оценок лидеров. Можно предположить, что здесь сказалось то избирательное влияние успешности на оценки лидеров, о котором мы говорили выше.

Результаты этого исследования, оцениваемого в целом, позволяют, как нам кажется, утверждать, что при взаимодействии определенных лиц в условиях какой-то деятельности у них происходит такая трансформация понятий о личности друг друга, которая прямо определяется ходом этой деятельности, вкладом каждого в ее исход и его соответствием

эталонам, имеющимся у каждого из партнеров. Таким образом, содержание понятий о личности другого человека, так же как и содержание его образа (а об этом свидетельствуют ранее выполненные исследования), обуславливается характером, ходом и результатами деятельности (промежуточными и окончательными). Понятие о другом человеке как личности, как и образ его, связано с целью и характером коммуникаций, а сами эти коммуникации в свою очередь зависят от характера, хода и результатов деятельности.

Вместе с тем исследование, осуществленное Н. Ф. Федотовой, вскрыло зависимости, связывающие содержание понятий, формирующихся у участников деятельности друг о друге, с теми ролями, которые оценивающие в этой деятельности выполняют. Однако в исследовании Н. Ф. Федотовой было прослежено лишь то, как роль, выполняемая человеком в деятельности, определяет характер оценок, которые ему выносят другие люди. Но ведь роль, принимаемая человеком или поручаемая ему в деятельности, не может также не сказаться и на том, как этот человек оценивает других.

Роли, которые закрепляются за участниками одной и той же деятельности, как правило, означают, что разные участники ее выполняют неодинаковые функции и различаются правами и обязанностями по отношению друг к другу. То же самое приходится сказать и о значении положения, занимаемого человеком в неофициальной структуре коллектива. Оно также влияет на то, как один член коллектива оценивает других.

Исследования Кемпбелла, Экслейна, Шоудрея и

285

др.131 достаточно убедительно показали, что лица, находящиеся в группе в положении лидеров, оценивают остальных членов группы не так, как «отвергаемые», и, кроме того, оценки, которые дают другим людям «деловой» и «эмоциональный» лидеры группы, не совпадают. Кемпбелл, если в группе были два таких лидера, пытался установить, кто же объективнее оценивает других людей. Казалось бы, если это эмоциональный лидер, т. е. хранитель секретов других членов группы, если это человек, которому все обиженные в коллективе поверяют самое сокровенное, то он должен оценивать людей в микрогруппе наиболее правильно. Однако это предположение не подтвердилось. По данным Кемпбелла оказалось, что, для того чтобы более или менее верно оценивать других людей, вовсе не требуется быть на пересечении всех интимных зависимостей в большом коллективе или в малой группе. У «делового лидера», если принять факты, полученные Кемпбеллом, как выяснилось, более удобная, чем у эмоционального лидера, позиция для оценки других, и его мнение о них и по этой причине всегда более объективно.

Все отмеченные выше различия в содержании и частных целях выполняемых дел и в официальном, и в неофициальном положении по отношению к другим участникам деятельности, с одной стороны, способствуют развитию и закреплению у человека тенденции оценивать поведение других участников деятельности под углом зрения занимаемого по отношению к ним положения и выполняемых обязанностей, а с другой — усиливают внимание людей к тем сторонам поведения этого человека, которые говорят им, насколько он сам отвечает требованиям своего положения и выполняемым обязанностям.

Указанная зависимость формирования понятия о личности другого человека от официального положения познающего по отношению к этой личности и от тех задач, которые он решает в повседневном общении с нею,

отчетливо выступает при сравнении содержания тех понятий, которые формируются о личности школьников того или иного возраста у их сверстников, с одной стороны, и у педагогов — с другой.

Имея данные о том, какими особенностями характеризуется понимание учащихся разных возрастных групп их сверстниками¹³², мы предложили педагогам-воспитателям различных классов дать подробные характеристики школьникам, с которыми они работают. Это задание выполнили 74 человека: 6 воспитателей пятых классов, 16 — шестых, 23 воспитателя седьмых классов по 11 человек, работавших в восьмых и девярых классах, и 7 воспитателей десятых классов. Всего они дали нам 222 характеристики.

Высказывания воспитателей о различных сторонах личности учащихся были сгруппированы нами в том же порядке, в каком были рассмотрены перед этим суждения учащихся, когда они характеризовали особенности личности сверстников. Было обращено внимание на то, какие стороны личности и как часто каждый из принимавших участие в опытах воспитателей фиксировал в личности школьников.

Проанализированного в этом опыте количества характеристик, конечно, недостаточно, чтобы делать далеко идущие выводы, однако и в полученном материале вполне определенно проявляются особенности понимания личности школьника педагогом, связанные с той ролью, которую последний выполняет по отношению к ученику.

Прежде всего необходимо отметить, что в содержании понятий о личности учащихся, которые формируются у учителей, явно дает себя знать педагогическая профессиональная установка в подходе к школьнику. И в V, и в VII, и в X классах воспитатели, высказывая свое мнение о личности учащегося, упор делают на ее наиболее значимые в условиях школы стороны. Педагоги, излагая свое понимание личности ученика, отмечают такие ее проявления, в которых раскрывается отношение к учению, к людям, к коллективу и познавательно-творческие возможности. При этом процент фиксирования педагогами большинства качеств, в которых эти стороны в личности учащихся V—X классов выражаются, более стабилен, чем процент фиксирования этих же

сторон и качеств в личности школьника его одноклассниками. Как в V, так и в X классах педагоги намного чаще самих школьников (в среднем в 15 раз), характеризуя личность ученика, говорят об особенностях его внимания, указывают на особенности речи (в V классе чаще самих учеников — в 22 раза, в X классе — в 2 раза). Намного чаще, чем это делают сами учащиеся, педагоги называют качества памяти характеризуемых ими школьников. По сравнению с характеристиками личности ученика, авторами которых являются сами школьники, в характеристиках, даваемых ему педагогами, отношение его к учению называется в V классе чаще в 1,5 раза, в X — в 2,9 раза. Такое качество, как дисциплинированность, педагоги выделяют в личности пятиклассника в 2,7 раза чаще, а в X классе — в 7,6 раза чаще, чем это делают одноклассники характеризуемых учеников. Чаще, чем школьники, педагоги обращают внимание и на такие черты в личности ученика, в которых выражается его отношение к труду по самообслуживанию (в V и в X классах) и к труду на производстве (в X классе).

Все эти данные, конечно, прежде всего говорят о том, что характер задач, решаемых человеком по отношению к другим людям, с которыми он взаимодействует, определяет

осознание им сторон и качеств в личности каждого из этих людей. Но, кроме того, полученные в данном исследовании факты свидетельствуют о том, что на содержание понятия о личности конкретного человека, формирующееся у взаимодействующего с ним субъекта, помимо общих задач, решаемых субъектом по отношению к этому человеку совместно с другими людьми, влияют также и частные задачи, решаемые непосредственно только этим субъектом. Оказывается, например, что при прочих равных условиях учителя математики и физики, высказывая свое мнение о личности конкретных учащихся, называют качества ума чаще, чем это делают инструкторы, обучающие ученика работе на станке, обращению с инструментом. Последние, хотя и отмечают у учеников смекалку, скорость образования трудовых навыков, гораздо чаще называют у них отношение к производственному труду, так же как воспитатели в интернате относительно чаще учителей обычных школ указывают, например, на отношение школьника к труду по самообслуживанию и характеризуют особенности его контактов с другими детьми.

В. М. Раздобудько в подтверждение этих положений

288

целенаправленно прослеживала влияние специальности учителя на понимание им учащихся, с которыми ему приходится работать¹³³. Из полученных ею данных следует, что учителя гуманитарного цикла чаще учителей естественнонаучного цикла фиксируют все основные качества личности учащегося (за исключением отношения к труду). При этом различия в частоте фиксирования этими двумя группами учителей коммуникативных черт характера, интеллектуальных и волевых качеств статистически значимы ($p < 0,01$).

Вместе с тем она установила, что по мере увеличения общего стажа работы в школе той или другой группы учителей у них отмечается постепенное уменьшение количества фиксирований различных психических качеств личности учащихся, с которыми они работают. Одновременно отражение этих учащихся учителями приобретало черты все большей обобщенности, причем в одних случаях эта обобщенность аккумулировала попытку учителя увидеть и назвать наиболее характерное, индивидуально-неповторимое в личности школьника, в других случаях она просто подчеркивала его похожесть на определенный тип учащегося или вообще человека, представление о котором имелось у характеризующего школьника учителя.

Вместе с тем данные, собранные В. М. Раздобудько, свидетельствовали о том, что учителя-женщины все качества личности учащегося фиксируют чаще, чем учителя-мужчины, за исключением отношения к труду (различия статистически значимы при $p < 0,01$). И перечень качеств, которые учителя-женщины имеют обыкновение отмечать у школьников, оказывается намного шире, чем перечень качеств, отмечаемых у этих же учащихся учителями-мужчинами. Попыток охарактеризовать личность в целом также было отмечено больше (в два раза) у учителей-женщин, чем у учителей-мужчин.

Неодинаковость частных задач, решаемых людьми при взаимодействии их с одним и тем же человеком, вызывает различие в их взглядах на его личность и обуславливает в каждом новом случае проявление у них внимания к иным, чем прежде, его сторонам. Но обусловленность различий в понимании одной и той же личности разными людьми теми частными задачами, которые

289

каждый из них решает в процессе обращения, — не единственное объяснение причин расхождения в понимании этого человека.

В опыте, когда учителя излагали свое понимание личности конкретных учащихся, имели место случаи, когда работающие в одном коллективе и даже находящиеся по отношению к учащимся в одинаковом положении педагоги (воспитатели одного и того же класса в интернате) расходились в оценке личности того или иного школьника. Как показал анализ, это явление может быть результатом действия многих причин¹³⁴.

Часть выявившихся различий объясняется неодинаковой осведомленностью воспитателей о поведении характеризуемых учеников в разных обстоятельствах. Сюда относятся случаи, когда, высказываясь о характере школьника, воспитатель опирается на свои впечатления, образовавшиеся в процессе наблюдений за поведением ученика только в узкой сфере совместной деятельности и общении с ним. Этим, в частности, объясняется большее единодушие педагогов в оценке характерологических качеств ярких (положительно и отрицательно), активных школьников и одновременно большой разницей в оценках характеров так называемых «среднячков» и пассивных в школьных делах учеников. В эту группу входят также случаи, когда воспитатель, формулируя свое мнение о характере школьника, не делает поправки на помехи и отклонения в его поведении, вызванные особенностями взаимоотношений, сложившихся между этим школьником и самим воспитателем, когда, стало быть, ситуационная форма поведения принимается за широко и постоянно проявляемую.

Другая часть различий в толковании характера одного и того же учащегося разными воспитателями объясняется тем, что индивидуальные представления о том психологическом содержании, которое надо иметь в виду, говоря об определенной черте характера, не полностью тождественны, даже если все учителя считают, что эти черты должны быть высоко развиты в характерах школьников. Одни из воспитателей, например, не называют ученика недисциплинированным, если видят, что для него характерны дисциплина «борьбы и преодоления» (Макаренко), активный поиск поведения, наиболее

290

полезного коллективу. Для других ученик дисциплинирован, если он тих, послушен, исполнительен, а иногда даже безлик.

Такой же разницей в знаниях воспитателей о личности их воспитанников обнаруживается, когда они высказывают свое понимание и многих других качеств личности. Например, из 25 педагогов, которых мы попросили сказать, какого человека они считают умным, 8 испытуемых связали это качество исключительно с шириной знаний, 9 человек заявили, что, по их мнению, умный человек тот, у которого развита способность находить оптимальный способ поведения в данных обстоятельствах. Один человек в этой группе утверждал, что к умным надо причислять людей, умеющих учиться на ошибках, другой считал умными тех, кто не проходит мимо нового, прогрессивного. Один из преподавателей подчеркнул, что умные в отличие от других людей обладают выраженной способностью раскрывать взаимосвязи между явлениями, другой относил к умным тех, кто все делает последовательно и аккуратно. Один связывал это качество с «выраженной подвижностью нервной системы человека». И, наконец, трое испытуемых раскрыли свое понимание умного человека, дав описание его облика и поведения. Например, один из них, отвечая на наш вопрос, сказал: «У умного — высокий лоб, внимательные глаза (острый взгляд). Чаще всего умный человек спокойный, внимательно следит за всеми и всем. Для него характерна уверенность во взгляде и поступках».

Воспитатели, далее, могут вкладывать одно и то же содержание в такие, например, понятия, как «трудолюбие», «коллективизм», «инициативность», «самостоятельность» и др., но у них могут не совпадать конкретные представления о том, как сильно и широко у ученика должна проявляться тенденция к совершению в определенных условиях определенных поступков, чтобы можно было бы сказать о высоком, среднем или низком уровне сформированности у него названных черт. И в результате одни из них считают, что развитие характера данного школьника или формирование той или иной черты у него достигло желательного для этого возраста максимума, а другие полагают, что до достижения такой проектной отметки ему еще более или менее далеко.

Эти факты одновременно свидетельствуют о том, что каждый из воспитателей руководствуется при оценке развития как характера учащегося в целом, так и отдельных черт, его составляющих, определенным

291

представлением — эталоном, с которым он сопоставляет свои впечатления, накопившиеся о каждом школьнике. Эти эталоны соединяют в себе как идейный, так и образный запас знаний о людях, накопленный воспитателем. Каждый из них есть своего рода сплав общегражданских требований к человеку вообще и к школьнику в частности, преломленный воспитателем через опыт совместной деятельности и общения с разными людьми, в том числе и с учащимися того возраста, к которому относятся характеризуемые школьники. В силу неодинаковости этого опыта, разной степени анализа и обобщения его каждым педагогом эталоны, которыми воспитатели пользуются как измерителями развития личностных качеств каждого учащегося, полностью не совпадают.

Очевидно, мы вправе предполагать, что все выявленные выше зависимости, влияющие на содержание формирующихся у разных учителей понятий о личности учащегося, имеют более общее значение, что они дают о себе знать не только в сфере общения педагога и школьника.

Выявляя значение деятельности в образовании знания о личностных качествах ее участников, необходимо видеть и те «белые пятна», которые в таком знании могут быть. При взаимодействии людей только в условиях одного вида деятельности, а тем более в условиях ее отдельных проявлений у субъекта часто формируется бедное, одностороннее и порой просто неправильное понимание другого человека.

Мы провели изучение понятий, формирующихся у учащихся о личности каждого из работающих с ними педагогов. В содержание этих понятий оказались включенными главным образом такие стороны и черты личности учителя, от которых зависит успех или неуспех его учебно-воспитательной деятельности и которые в этой деятельности наиболее ярко проявляются.

Свое мнение об особенностях личности 15 учителей нам высказали 50 юношей и девушек, только что окончивших среднюю школу. Все их суждения по содержанию четко подразделяются на 11 групп. Молодые люди высказывались об идейной убежденности своих бывших наставников, отмечали их общий культурный уровень и широту знаний. Абсолютно все опрошенные дали оценку педагогическому мастерству учителей (насколько хорошо каждый из них вел свой предмет). В характеристиках содержались также высказывания выпускников

292

школы об отношении каждого из учителей к своим обязанностям (любит ли он педагогическую работу или не вкладывает в нее души). В личности учителей отмечались также в ряде случаев отношение каждого из них к себе, качества ума, воли, эмоционально-динамические качества и были предприняты отдельные попытки решить, насколько характеризуемый учитель в целом отвечает имеющемуся у каждого школьника идеалу воспитателя. Все без исключения характеристики содержали оценку отношения каждого учителя к учащимся. Особенности этого отношения по сравнению с другими проявлениями личности учителя были осмыслены недавними выпускниками школы более полно и детально.

В содержании сформировавшихся у юношей и девушек понятий о личности каждого из их бывших учителей оказались отображенными лишь такие качества последних, о которых школьники могли заключить, наблюдая за действиями и поступками учителей в обстановке школы¹³⁵.

Односторонний и ограниченный характер понятия о личности учителя, которое формируется у школьников, хорошо виден и при непосредственном ознакомлении с их высказываниями об учителях. Вот несколько таких высказываний:

Преподаватель химии — Е. А. Б-ч — добрая, чуткая женщина. Пользуется у учеников истинной любовью, иногда в ущерб авторитету педагогов. Хорошо знает предмет, хорошо ведет уроки, но недостаточно требовательна к ученикам. Очень мягкий человек, что, все-таки, я считаю ее недостатком. Уроки проводит живо и интересно, ценит юмор учеников и разрешает его проявлять, поэтому атмосфера на ее уроках очень шумная, но в границах допустимого, и деловой характер урока от этого не теряется. К ученикам относится, как к взрослым сверстникам, что, видимо, правильно. Немного больше твердости и немного меньше мягкотелости — лучшего педагога трудно вообразить. (Автор характеристики — Д.)

С-ва М. Н. — завуч школы. Блестящее знание предмета выделяло ее среди других учителей. Присущие ей чуткость и отзывчивость, непримиримость к нарушителям и отсутствие штампов в работе, а также высокая эрудиция и внутренняя культура вызвали у учеников уважение к М. Н. Я не слышал из ее уст высокопарных речей. В каждом ее шаге чувствовалась партийность, но не на словах, а в делах. Нужно сказать, что я не был ее любимцем и не раз попадал под ее «огонь», но справедливости ради нужно добавить, что у нее не было любимцев. (Автор характеристики — Л.)

293

Особенность формирования у человека понятия о другой личности, зависящая от характера объединяющей людей конкретной деятельности (что сообщает содержанию этих понятий известную односторонность), ярко выступает и в тех характеристиках, которые дают руководители производственных коллективов отдельным работникам.

Вот, например, две характеристики, данные старшим мастером одного из цехов Кировского завода Ленинграда отдельным рабочим этого цеха, которые также иллюстрируют указанную особенность.

Тов. С-на Ольга Михайловна окончила техническое училище. В механический цех пришла токарем 4-го разряда. Тов. С-на учится на 2-м курсе техникума и продолжает работать токарем. Общественной работой занимается с удовольствием. Член комсомольского бюро, ведет культурно-массовый сектор. Хорошая спортсменка. В этой работе активности хоть отбавляй. Но общественная комсомольская работа плохо увязывается с производственной. В отношении к труду С-на проявляет недисциплинированность, и это сказывается отрицательно на качестве работы. В цеху чувствует себя, как в гостях. Не любит свою профессию.

Тов. Д-н Георгий Федорович пришел из технического училища токарем 5-го разряда. Это спокойный, уважительный товарищ. С профессией быстро освоился. Потребовалась помощь наладчика только первое время. В производственном отношении это старательный и настойчивый человек. Может выполнять самые сложные задания, но часто теряет веру в себя. Иногда дело доходит до паники. Требуется к нему особый подход, чтобы заставить его поверить в свои собственные возможности. Так было, например, с составлением комплексного

плана, когда Д-н заявил: «Что Вы, товарищ А-в (автор характеристики. — А. Б.), мне не составить!» А сейчас Д-н имеет два комплексных плана и одно рацпредложение. С товарищами замкнутый и вовлечь его в какое-нибудь коллективное дело бывает трудно.

Таким образом, и в последних двух случаях в содержание имеющегося у человека понятия о конкретной личности оказываются включенными по преимуществу качества, раскрывающиеся в узких рамках конкретного вида деятельности (производства) и связанного с ним общения.

Однако подобный ограниченный и односторонний характер складывающегося у человека впечатления о характеризуемых им лицах, к сожалению, отнюдь не мешает ему давать этим лицам обобщенную оценку. Явление, когда на основе психологической оценки поведения человека в условиях одной деятельности другой человек выносит затем оценку личности в целом, не замечая узости той эмпирической базы, на которую опирается его общее суждение о другом человеке, в практике

294

общения встречается чрезвычайно часто. У человека в таких случаях возникает уверенность, что другого человека он знает хорошо и всесторонне, и в дальнейшем это мнение начинает влиять на его поведение по отношению к данному человеку. Естественно, это мнение может оказаться и часто действительно оказывается ошибочным.

Одна из многих положительных сторон движения бригад коммунистического труда, члены которых стремятся жить, учиться и работать по-коммунистически, заключается в том, что члены их общаются друг с другом не только во время работы, но вместе отдыхают, участвуют в общественной жизни, помогают друг другу в учении, в быту. Взаимодействие членов бригад коммунистического труда разворачивается, таким образом, по многим направлениям, благодаря чему у каждого из них знания о других членах бригады таковы, что в совокупности они дают разносторонний, содержательный и правдивый облик товарища по бригаде.

Всесторонняя оценка другого человека как личности, фиксирование людьми наиболее существенных ее характеристик (что зависит от широты контактов с этим человеком и «человековедческих» способностей познающих его лиц) всегда положительно сказывается на качестве прогнозирования поведения этого человека в самых разнообразных ситуациях. Отбор и включение в содержание формирующегося понятия о другом человеке действительно типичных черт его характера, его главных ценностных ориентаций, отражение в этом понятии его способностей означают создание совершенной модели личности этого человека, которая затем выступает как необходимое условие для последующего адекватного поведения по отношению к нему тех, кто такую модель оказался в состоянии создать.

Несовершенство такого моделирования, с которым связано неумение психологически правильно расшифровать существо оцениваемой личности или каких-то сторон в ней, как правило, имеет своим следствием неоправданный выбор мер воздействия по отношению к оцениваемому, малую эффективность форм контакта с ним, низкую результативность общения.

Таким образом, содержание представлений и понятий человека о других людях и поведение, которое он повседневно по отношению к ним практикует, составляют звенья одной цепи. И зная, как человек оценивает других, что в них для него значимо, на чем он прежде

всего фиксирует свое внимание, можно с большой долей вероятности предположить, как он поведет себя; как проявит себя в общении с конкретным лицом. И, с другой стороны, когда старая истина «о человеке надо судить не по словам его, а по его делам» реализуется в психологическом исследовании общения, она позволяет нам на основе изучения действий и стиля поведения человека по отношению к другим людям выявить особенности, характеризующие отражение им этих людей. По тому, как в совместной деятельности с другими людьми мы ведем себя по отношению к ним, можно с большей долей определенности сказать, насколько глубоко мы их понимаем и правильно оцениваем. Пример, который мы приводим, нам кажется, подтверждает справедливость сказанного.

Нами были изучены стили поведения, проявившиеся: при работе с учащимися VII, VIII, IX и X классов у 22 воспитателей. По особенностям стиля руководства учащимися воспитатели условно были разделены на три группы: «автократическую», «либеральную», «демократическую». После этого им было предложено выполнить серию заданий, которые требовали от каждого из них: 1) назвать наиболее яркие положительные и отрицательные качества (если они есть), характеризующие, по их мнению, подростков и старших школьников; 2) указать на шкале «полярных профилей», до какого уровня и какие характерологические качества развиты у большинства названных групп школьников; 3) перечислить, какие качества и какого уровня развития они хотели бы видеть в личности этих учащихся; 4) охарактеризовать определенных учащихся из классов, в которых они работали.

Количественно-качественный анализ полученных от учителей ответов показал, что педагоги, отнесенные к «автократической» группе, сильно недооценивают развитие у учащихся, которых они характеризуют, таких качеств, как коллективизм, инициативность, самостоятельность, требовательность к другим. Одновременно у них обнаружилось преувеличенное представление о сформированности у подростков и старших учащихся таких качеств, как неорганизованность, недисциплинированность, лень, безответственность, импульсивность.

Воспитатели, входящие в группу «либералов» (в своих взаимоотношениях с учащимися пассивно-уступчивые), наоборот, полагают, что названные выше первыми качества плюс смелость, общительность, самолюбие,

правдивость развиты у школьников VII—X классов до высокого уровня. В отличие от воспитателей из первой группы они, кроме того, считают, что организованность, дисциплинированность, трудолюбие, ответственность, скромность, выдержка и настойчивость у учащихся, о которых они высказывались, развиты по крайней мере до среднего уровня.

У педагогов, условно отнесенных по особенностям их стиля руководства учащимися к группе «демократов», крайностей, выражающихся в сильной переоценке развития у школьников VII—X классов либо отрицательных, либо положительных качеств, обнаружено не было. Мнения воспитателей с «демократическим» стилем руководства, когда они высказывались о степени сформированности различных качеств личности у учащихся и о желательном уровне их развития, были более разнообразными и индивидуализированными, чем у представителей «автократической» и «либеральной»

групп. Выяснилось также, что, оценивая учащихся, воспитатели с «автократическим» и «либеральным» стилями руководства допускают значительно больше ошибок типа «стереотипизации», «действия ореола» и «проецирования», чем представители «демократического» стиля, судящие о личности школьника более точно.

В научной литературе имеются и другие данные, подтверждающие существование указанных зависимостей между характером поведения человека по отношению к другим людям и его социально-психологической оценкой их личностных особенностей; эти данные были получены при изучении руководителей производственных коллективов, типов врачей, родителей и т. д.¹³⁶. Все они свидетельствуют и о том, что образ конкретного человека, а также понятие о его личности ни в коей мере не являются результатом анализа индивидом облика, поведения только одного этого человека. Здесь всегда так или иначе сказывается весь прошлый опыт прямого

297

и непрямого взаимодействия с людьми, накопленный и систематизированный познающим эту личность индивидом. Формы поведения, которые последний избирает в своем общении с конкретными людьми в настоящем, также теснейшим образом связаны с поведением, которое он практиковал по отношению к подобным людям в прошлом.

9. Формирование первого впечатления о другом человеке

В повседневной жизни, в рабочей и нерабочей обстановке каждому человеку приходится встречать новых для себя людей. Во многих случаях обстоятельства складываются таким образом, что на основе одного только кратковременного восприятия мы бываем вынуждены оценивать этих людей и выбирать кажущийся нам наиболее разумным способ поведения и действия по отношению к каждому из них. Во всех подобных случаях мы имеем дело с так называемым первым впечатлением и с актами поведения на его основе.

Что же такое первое впечатление, если попытаться более подробно раскрыть содержание данного понятия? Это сложный психологический феномен, включающий в себя чувственный, логический и эмоциональный компоненты. В него всегда входят те или иные особенности облика и поведения человека, оказавшегося объектом познания. Первое впечатление содержит также более или менее осознаваемые и обобщенные оценочные суждения. Наконец, в нем всегда присутствует эмоциональное отношение к тому человеку, который оказался предметом восприятия и оценки.

Первое впечатление формируется как при специальном намерении оценить человека с какой-то точки зрения, так и при отсутствии такого намерения.

Среди факторов, которые определяют характер формирующегося у нас впечатления о человеке, которого мы встречаем в своей жизни впервые, важнейшее значение имеют особенности внешнего облика и поведения человека, о котором у нас формируется мнение. Как психика является отражением действительности в целом, так одним из проявлений такого отражения оказывается и формирующееся у нас впечатление о другом человеке.

298

Именно сам этот человек, его облик, поведение прежде всего всегда обуславливают то, что отразится в нашем впечатлении о нем. Поэтому первая часть нашего исследования была направлена на прослеживание зависимостей, связывающих объективные характеристики внешнего облика человека — его физическую наружность, экспрессию, оформление внешности — и формирующееся о нем впечатление.

Столь же существенное влияние на образование впечатления о ранее незнакомом нам человеке оказывает ситуация, в условиях которой происходит наше познание другого человека; эта ситуация является вторым фактором, детерминирующим характер впечатления о человеке. Второй задачей нашего исследования и является показ влияния социального фона, на котором разворачивается формирование впечатления, на его особенности.

Столь же существенное влияние на образование впечатления о ранее незнакомом нам человеке оказывают и наши собственные личностные качества, в которых проявляются наш психический склад и отношение к различным сторонам действительности; ясно, что отделить два вышеназванных фактора, определяющих впечатление о человеке, от третьего — от самого субъекта, который познает другого человека, можно только условно, в интересах научного анализа. Совершенно очевидно, что в реальном процессе эти три глобальных фактора всегда действуют в теснейшем единстве.

Рассмотрим проявление этих трех факторов в формировании первого впечатления о другом человеке более детально.

В последнее время в психологии выполнено большое число исследований, которые свидетельствуют о том, что при формировании у нас мнения о качествах личности человека, которого мы видим впервые, немалое значение имеет общая эстетическая выразительность облика этого человека и, в частности, степень соответствия физической наружности человека сложившемуся у нас в прошлом идеалу красоты¹³⁷.

299

А. Миллер¹³⁸, используя метод компетентных судей, выбрал из большого числа фотографий людей лица, названные компетентными судьями красивыми, лица, которые им показались обыкновенными, и лица, по их мнению, некрасивые, затем он показал эти лица мужчинам и женщинам в возрасте от 18 до 24 лет, которые составили группу основных испытуемых, и попросил их высказаться о внутреннем мире каждого из тех, кто был изображен на фотографии.

Испытуемые оценили и мужчин, и женщин, которых компетентные судьи перед этим отнесли к наиболее красивым, как более уверенных в себе, счастливых, искренних, уравновешенных, энергичных, любезных, находчивых, утонченных и более богатых духовно, чем те, кто, по оценкам компетентных судей, был «объявлен» некрасивым (различия были статистически значимыми). Кроме того, испытуемые-мужчины оценили «красивых» мужчин и женщин, фотографии которых они видели, как более направленных на других людей, заботливых и внимательных к ним.

Сейчас выполнено уже не одно исследование¹³⁹, которые показывают, что «ореол» физической привлекательности вызывает «сдвиг» в оценках не только тогда, когда объектом их оказываются черты личности, но и тогда, когда оценивается конкретный результат деятельности человека или его отдельный поступок.

Вот факты, подтверждающие справедливость высказанной мысли¹⁴⁰.

Молодым людям предлагали оценивать очерк, написанный женщиной, портрет которой прилагался (автор эксперимента использовал в одних группах испытуемых портрет женщины с привлекательной внешностью, в других — портрет «дурнушки»), и они оценивали этот очерк более высоко, когда считали, что его написала красивая женщина.

Студенткам университета, которые готовились стать педагогами, были даны описания проступков, которые совершили семилетние мальчики и девочки, сфотографированные крупным планом. Студентки должны были

300

высказать свое отношение к каждому из этих малышей и к их поведению. И в этом случае студентки оказались тоже более снисходительными к тем, у кого, по оценкам компетентных судей, была более привлекательная наружность.

Увеличивать дальше число примеров, которые подтверждали бы еще больше проявление названной тенденции при формировании первого впечатления о человеке, вряд ли нужно. Важно подчеркнуть другое: в психологии собрано множество фактов, которые говорят о том, что «эффект красоты» сильно влияет на содержание формирующегося понятия о личности только в момент образования первого впечатления о человеке. В последующем оценивание этого человека другими людьми все больше начинает определяться характером взаимодействия их с этим человеком, ценностью в их глазах его дел и поступков.

Особенности телосложения, конституция человека, рассматриваемая в целом, в первый момент восприятия его другими людьми тоже влияют на формирующееся о нем впечатление.

В одном эксперименте группу взрослых испытуемых попросили охарактеризовать личностные особенности мужчин, которые различались типом телосложения. О полном, с округлыми формами мужчине они настойчиво утверждали, что он несильный, старомодный, болтливый, сердечный, добродушный, сговорчивый, доверчивый, эмоциональный, открытый к людям, любящий житейский комфорт и большой любитель поеть.

О мускулистом атлетического сложения мужчине испытуемые сказали, что он сильный, мужественный и смелый, уверенный в себе, энергичный, дерзкий, инициативный.

О высоком, худощавом и на вид очень хрупком мужчине опрашиваемые говорили чаще всего, что он высокий, тонкий, нервный, честолюбивый, подозрительный, чувствительный к боли, любящий уединение и скрытный.

Высказываясь о каждом из трех мужчин, испытуемые называли их возраст. При этом полного мужчину они видели намного более старым, чем он был на самом деле, а худощавый им, как правило, казался моложе своих лет¹⁴¹.

Что характерное для человека выражение лица —

301

угрюмое или радостное, злое или доброе — воздействует на наше впечатление о человеке — это ясно каждому. А вот что взгляд другого человека влияет на наше отношение к нему, это известно меньше¹⁴².

В одной небольшой аудитории новый преподаватель, впервые читая лекцию, по просьбе экспериментатора на одну группу студентов подолгу неотрывно смотрел, а от другой, взглянув на нее мельком, сразу отводил глаза. И в итоге студенты из первой группы оценили его как властного и уверенного в себе человека, а вторые отнесли его к очень стеснительным людям.

В другом почти подобном опыте студентов попросили высказать свое мнение о новом преподавателе-женщине, которая, так же как и в предыдущем случае, во время изложения учебного материала слушателям по просьбе экспериментатора на одну группу студентов постоянно обращала свой взор, как бы адресуя учебный материал только ей, а на другую группу студентов, сидевших в аудитории, внимания не обращала. И в этом случае студенты из первой группы дали ей как человеку более положительные оценки, чем студенты из второй группы.

Ясно, что выявившееся в приведенных примерах влияние взгляда на формирование первого впечатления о человеке было следствием сложившейся у людей в прошлом опыта представления о том, что волевой по натуре человек не боится смотреть в глаза людям и что, с другой стороны, если человек на нас задерживает свой взор, значит, мы ему чем-то интересны.

На формирующееся у нас впечатление о человеке может повлиять, как показывают исследования, принятая человеком поза¹⁴³. Так, в одном эксперименте людей, выступающих в роли объектов формирования первого впечатления, просили в одних случаях во время разговора с теми, чье впечатление оценивалось, наклонять

302

свой корпус вперед, а в других случаях отклонять его, наоборот, назад. Оказалось, что в первом случае люди — и мужчины, и женщины — нравились больше воспринимавшим их лицам, чем во втором. Кроме того, женщины нравились им сильнее, если они сидели в спокойной позе и с неперекрещенными руками и ногами.

Другие исследования¹⁴⁴ еще в большей степени подтвердили значение характерной для человека позы для формирования впечатления о нем. Вместе с тем они дополнительно раскрыли роль позы по сравнению с ролью лица в передаче истинного состояния, переживаемого человеком. Воспитывающиеся в условиях современного общества люди, как показали исследования, приучаются обычно лучше владеть своим лицом при выражении чувств и хуже — телом. Поэтому очень часто не лицо, а именно поза выдает настоящие переживания людей, их действительное отношение к нам.

Насколько значимы для формирования впечатления о человеке его мимика и пантомимика, настолько же значимы для этого впечатления особенности его речи и голоса. Так, исследования показывают, что низкие и высокие голоса у мужчин, с одной стороны и у женщин — с другой, вызывают совершенно разные ассоциации по поводу личностных качеств владельцев голосов у слушающих их впервые лиц. Точно так же как напряженность в голосе женщины в одинаковых условиях опыта не вела к приписыванию ей негативных характеристик, напряженность в голосе мужчин обычно заставляла людей

думать, что он не очень владеет собой, обладает невысоким интеллектом, уязвим и т. д.145.

303

Любопытные данные были выявлены при сравнении оценок, которые получили у воспринимавших их впервые людей многоречивые мужчины и женщины. У первых многословие было воспринято как серьезный недостаток в их личности, у вторых — как почти нормальное состояние, не вызывающее предположений о каком-либо личностном изъяне.

Одновременно эти исследования воздействия характеристик голоса и речи человека на формирующееся о нем впечатление позволили выявить другой весьма интересный факт: люди, которые хорошо различали состояния других людей по оттенкам их речи и голоса, обычно обладали высоким умением в донесении до других людей через свои речь и голос собственных эмоций.

Особенности оформления внешности человека в первое время также оказывают воздействие на складывающееся у нас об этом человеке впечатление. Фактов, подкрепляющих это утверждение, сейчас собрано тоже достаточно. Так, к настоящему времени поставлено много однотипных экспериментов, в которых перед разными группами испытуемых, уравненными по признакам возраста, пола, образования, профессии, социального происхождения, в качестве объекта формирования впечатления выступал один и тот же человек, но к каждой новой группе он выходил в другой одежде или менялись его прическа, украшения и пр. (если это была женщина), и испытуемые должны были давать этому человеку характеристику¹⁴⁶.

Эти эксперименты показали, что когда человек появлялся перед каждой новой группой испытуемых в другом костюме — или в обычном штатском, или в тренировочном, или в рабочем комбинезоне, или в духовном одеянии, или в военной форме, — то испытуемые группы помимо черт, отмеченных у этого человека всеми группами, называли у него также те качества, указывать на которые их явно заставлял костюм, в который был одет оцениваемый ими человек. Например, когда человек был в военной форме, ему устойчиво приписывались такие качества, как дисциплинированность, аккуратность, настойчивость, открытость по отношению к другим людям, свобода в проявлении чувств.

Оказывается, и отдельные сравнительно частные детали во внешнем облике человека могут воздействовать на формирующееся о нем впечатление.

304

Э. Холл¹⁴⁷ предъявлял в одних группах испытуемых лица мужчин и женщин без очков, а в других группах эти же самые лица были в очках. Испытуемые и в первом, и во втором случаях должны были высказаться о личностных особенностях представленных им людей. И эти люди, когда они были в очках, показались испытуемым более умными и прилежными, чем тогда, когда они были без очков. Вместе с тем отсутствие у них очков или, наоборот, их наличие никак не отразилось на суждениях испытуемых о честности, доброте, независимости воспринятых ими людей и о присущем им чувстве юмора.

В другом эксперименте, проведенном по такой же схеме, одна группа испытуемых в течение десяти минут разговаривала с незнакомой женщиной, которая в меру и очень умело использовала средства косметики, чтобы лучше подать себя аудитории. Другая

группа воспринимала эту же самую женщину и тоже разговаривала с нею, но теперь уже женщина использовала косметику сверх меры. И во втором случае испытуемые, а ими были студенты, приписали этой женщине не только дурной вкус, отсутствие одухотворенности, интеллектуальную недалекость, но и сильное желание обратить на себя внимание мужчин.

Большая обусловленность первого впечатления теми признаками, которые лучше всего выражены в облике воспринимаемого человека, выявившаяся в изложенном эксперименте, отмечается также Г. Клаусом и Х. Фомэ¹⁴⁸.

Было установлено, что на содержание складывающегося у людей мнения о личности впервые воспринимаемого человека влияют не только сила и яркость проявления в его внешнем облике и поведении определенного качества или частота, с которой это качество обнаруживает себя, но и последовательность, в которой познающие другого человека люди получают знания о разных сторонах его личности.

Значение последнего обстоятельства особенно убедительно выявлено в экспериментах А. Лачинсом¹⁴⁹.

305

Изучая значение порядка поступающей информации о человеке в формировании впечатления о нем у других людей, Лачинс давал четырем группам испытуемых ряд описаний его поведения. Описания, предложенные I группе, характеризовали предъявленного для оценки человека как экстраверта. Сведения, сообщенные об этом же человеке II группе, наоборот, рисовали его как ярко выраженного интраверта, III и IV группам испытуемых были даны комбинированные описания поведения и деятельности человека, ставшего объектом оценки. По первой серии содержащихся в них фактов одна группа могла заключить сначала, что он — экстраверт, а во второй — что он — интраверт. Другая же группа испытуемых на основе содержания полученных ею сведений могла подумать сначала об этом человеке, что он — интраверт, а затем, что он — экстраверт.

После этого всем группам испытуемых Лачинс предложил образцы различных ситуаций, и они должны были сказать, как проявит себя в них человек, с некоторыми фактами поведения которого они только что были ознакомлены. Оказалось, что порядок, в котором испытуемым сообщалась информация о новом для них человеке, определил характер предсказания ими типа его поведения (экстравертированного или интравертированного) в различных ситуациях. Результаты, которые были получены в описанном опыте Лачинсом, показаны в табл. 25.

Таблица 25

Характеристики типа поведения человека в различных ситуациях	Кол-во характеристик в группах, %			
	I	II	III	IV
Экстравертированное	79	52	34	16
Интравертированное	14	36	56	73

В ряде работ при выяснении условий, которые влияют на характер складывающегося о человеке впечатления, имеются данные о значении фактора пространства в детерминации ряда особенностей этого феномена¹⁵⁰. Так, установлен факт существования для каждого

306

человека, находящегося в привычной для него обстановке, дистанции, которая должна разделять его и незнакомого человека, чтобы последний не вызывал чувства досады. Величина этой дистанции колеблется в зависимости от роста людей, их пола, состояния нервно-психического здоровья, намерений, которые у них имеются по отношению к человеку, о котором они пытаются составить мнение.

Люди, привыкшие к одиночеству, больше направленные на самих себя, имеют обычно более протяженную личностную дистанцию, о которой идет речь, чем люди, направленные на других и любящие общаться; хотя и незнакомым, но нравящимся нам людям, мы позволяем, как правило, приближаться к нам на более короткую дистанцию и не испытываем при этом состояния психологического дискомфорта.

Исследователи проблемы первого впечатления уже давно подчеркивают также роль в образовании у нас мнения о человеке, отношения к нему того социального фона, на котором этот процесс разворачивается. Как много людей находится около человека, которого мы должны оценить, какие они, каков их облик и как они себя ведут — все это, как показывают и повседневный опыт многих людей, и достаточно строго проведенные эксперименты, более или менее сильно воздействует на то, какие особенности во внешнем облике другого человека мы отметим раньше и лучше, как мы их оценим в целом и какие черты личности или состояние мы прежде всего припишем этому человеку и как к нему отнесемся¹⁵¹.

На фоне невысоких людей рослый человек кажется еще выше. На фоне смеющихся лиц спокойное лицо сильнее привлекает к себе внимание воспринимающего эти лица человека. На фоне работающих людей томящийся от безделья человек также скорее останавливает на себе внимание наблюдающих за всей группой. На фоне злых и кажущихся человеку несправедливыми реплик

307

лик людей по поводу допущенной им (в общественном месте) оплошности доброе, произнесенное кем-то в защиту этого человека слово не только воспринимается им с благодарностью, но и заставляет взглянуть на сказавшего с симпатией. Когда во время какого-то происшествия почти все люди — свидетели этого происшествия проявляют растерянность и вдруг среди них оказывается человек, который ведет себя смело и совершает подвиг, мы воспринимаем его поведение в резком контрасте с поведением других людей и не только более выпукло видим обнаруженные им достоинства, но и высоко положительно оцениваем всю его личность.

Это значение социального фона в складывании впечатления о человеке отчетливо прослеживается и в экспериментах.

Так, в одном опыте¹⁵² мужчину с неброской наружностью представляли двум группам незнакомых ему людей, которые должны были затем рассказать о впечатлении, которое произвел на них этот человек. Но в одну из названных групп он был приглашен в сопровождении женщины с яркой привлекательной внешностью, в другую группу его сопровождала женщина некрасивая и неаккуратно одетая. И это различие в облике сопровождающих имело своим следствием неодинаковость оценивания у воспринимавшегося мужчины одних и тех же качеств личности и общего отношения к нему со стороны каждой из групп. Первая группа положительные качества мужчины оценила значительно выше, чем вторая, и общее отношение к нему со стороны первой группы также оказалось более для него благоприятным.

В другом опыте одной группе испытуемых предлагали высказать свое мнение о человеке, который в спокойной позе и с таким же спокойным лицом стоял перед группой подростков, сидевших в один ряд напротив него за длинным столом. Следующей группе испытуемых, уравненной по всем параметрам с первой, тоже пришлось высказаться об этом человеке. Но теперь в такой же позе и с таким же выражением лица, как и в первом случае, он стоял у автобуса, двери которого, не соблюдая очереди, штурмовали несколько мужчин и женщин. Испытуемые последней группы, составленной

308

с учетом возраста, пола и образования привлекаемых к участию в эксперименте лиц, точно так же как и первые две, этого же человека (поза и выражение лица его оставались прежними) оценивали без того социального фона, на котором он был «подан» испытуемым в первых двух случаях.

И во всех трех группах этому человеку помимо черт, отмеченных всеми группами, были приписаны качества, «увидеть» которые в нем явно подтолкнул фон, на котором каждая из групп должна была его воспринимать.

Когда таким фоном были подростки, в личности оцениваемого человека испытуемые увидели доброжелательное отношение к детям, умение разговаривать с ними, быть интересным рассказчиком. Когда же таким фоном были автобус и салящиеся в него пассажиры, в воспринимаемом человеке были отмечены воспитанность, уважение к женщинам, отсутствие чувства стадности, коллективизм в будничном поведении. Когда же человек оценивался один, без людей, и каких-либо предметов вблизи него, намного больше суждений, чем в предыдущих двух случаях, испытуемые высказали об его лице, его глазах, их выражении, о характере телосложения, особенностях оформления внешности и не называли черты, которые были отмечены у него, когда он стоял рядом с сидевшими подростками и когда собирался садиться в автобус.

Эти исследования, раскрывающие роль фона в формировании впечатления о человеке, которого мы раньше не знали, если их вести целенаправленно и в определенной системе, надо полагать, могут обогатить психологию познания людьми друг друга новыми научными фактами.

Хотя первое впечатление о человеке в первую очередь определяется присущими ему особенностями, а также фоном, на котором разворачивается его формирование, но то, каким оно будет — более обобщенным, или более конкретным, полным или отрывочным, положительным или отрицательным, — зависит от личности того, у кого оно формируется. Здесь действует та же закономерность, которая характеризует отражение человеком любого объекта действительности: «Внешние причины действуют через посредство внутренних условий... Всякое психическое явление обусловлено в конечном счете внешними воздействиями, но любое внешнее воздействие определяет психическое явление лишь опосредованно, преломляясь через свойства, состояния

309

и психическую деятельность личности, которая этим воздействиям подвергается»153.

Зависимость восприятия и понимания другого человека от индивидуальных качеств воспринимающего иллюстрирует проведенный нами следующий эксперимент.

Группе взрослых испытуемых из четырнадцати человек было сказано, что в комнату, где они расположились, несколько раз войдет незнакомый им человек и перед ними ставится задача, внимательно наблюдая за этим человеком, всякий раз после его ухода записывать впечатление, которое он у них вызовет. В качестве объекта восприятия перед группой выступал 26-летний человек, обладавший выраженными актерскими способностями.

В первый раз он приоткрыл дверь в аудиторию, где сидели испытуемые, поискал глазами кого-то и, тихо сказав: «Простите», прикрыл дверь. В следующий раз он, войдя в комнату, со спокойным выражением лица и с руками «по швам» на одну минуту замер у стола. В третий раз, появившись в аудитории, он прошел между столами, за которыми сидели испытуемые, заглянул к одному из них в записи, погрозил пальцем девушке, хотевшей в этот момент заговорить с соседом, потом посмотрел в окно и удалился. Вернувшись в аудиторию снова, он мастерски начал читать, пока его не прервали, басню С. Михалкова. При следующем появлении молодого человека испытуемым было разрешено задавать ему любые вопросы, кроме тех, которые требовали бы от него прямого ответа, какие черты личности он себе приписывает.

В описываемом эксперименте¹⁵⁴ испытуемые, впервые встретившись с новым для них человеком, отразили его облик и дали оценку ему как личности заметно неодинаково.

Различными были не только количественные данные отражения личности человека другими людьми при непродолжительном восприятии его облика и поведения, но и оценки тех черт, которые испытуемые видели в этой личности. Одни оценивали развитие их более высоко, другие — скромнее. Одни, характеризуя развитие черт, в которых выражается отношение к людям, отметили

310

вежливость воспринимаемого человека. Другие решили, что он общителен, третьи нашли, что он откровенен, и т. п. Столь же неоднозначным было и отношение, которое возникло у испытуемых к объекту наблюдения. Шесть испытуемых отметили, что он симпатичен, располагает к себе, приятен. На двух человек он произвел неблагоприятное впечатление. Один испытуемый сказал, что объект симпатии к себе не пробудил, но и антипатии не вызвал. Остальные испытуемые не выразили своего отношения к нему.

Приведенных фактов, по всей вероятности, достаточно, чтобы увидеть, насколько формирование образа другого человека, характер психологической интерпретации его облика и поведения и отношение, которое он к себе вызывает, зависят от личности познающего субъекта. Возникает вопрос: какие конкретно факторы в личности субъекта определяют ход и результаты формирования у него впечатления о других людях?

Наш сотрудник Г. В. Дьяконов¹⁵⁵ попытался ответить на него, прослеживая особенности формирования первого впечатления у 1500 учащихся VIII—X классов и 400 взрослых людей, которые выражали свое впечатление о 59 ранее неизвестных им людям, различавшихся по возрасту и полу.

Г. В. Дьяконову, научно корректно использовавшему структурно-корреляционный анализ субъект-объектных зависимостей при формировании первого впечатления о другом человеке, удалось убедительно показать, что у людей, принадлежащих к одной половой группе, первые впечатления о человеке оказываются более сходными, чем у людей, представляющих разные половые группы, и что при фиксировании ряда

характеристик в облике человека — объекта формирования первого впечатления обнаруживается заметное различие как между мужчинами и женщинами, так и между мальчиками и девочками, выражающееся в неодинаковом оценивании их значения.

Кроме того, в этом исследовании было установлено, что у школьников, хорошо успевающих по гуманитарным предметам, любящих читать художественную литературу, первое впечатление о другом человеке оказывается более полным и правильным, чем у их одноклассников,

311

которые по гуманитарным предметам успевают слабо и художественную литературу почти не читают.

В группе взрослых испытуемых первое впечатление было более полным и правильным у лиц с высшим гуманитарным образованием, работавших преподавателями. С увеличением возраста испытуемые обнаружили также тенденцию более пространно высказываться о человеке — объекте первого впечатления. Однако это формирование необязательно сопровождалось возрастанием степени правильности впечатления. Так, у лиц, вступивших в пенсионный возраст, были отмечены наивысшая полнота впечатления и резкое уменьшение его правильности.

Ясно, что выявившиеся в исследовании Г. В. Дьяконова факторы — это лишь часть причин, более или менее сильно влияющих на характер формирующегося у людей впечатления о человеке. Есть и другие причины, зависящие от личности субъекта, которые также влияют на это впечатление.

Остановимся еще на некоторых специфических характеристиках человека, которые дают о себе знать, когда он встречается с новым для него лицом.

В очень интересном по использованным методическим приемам исследовании Штрайкленда¹⁵⁶ было выявлено значение собственного поведения оценивающего человека по отношению к другим людям для выработки у него определенного мнения о них во время встречи. В поставленном Штрайклендом опыте испытуемые наблюдали за двумя работниками, выполнявшими одинаковое задание с равным уровнем успешности. Однако если за действиями одного лица они могли наблюдать без перерывов, то работу другого они видели лишь эпизодически. Первому лицу они время от времени могли выражать свое одобрение или неодобрение, со вторым человеком у них такой связи не было. Когда во второй части эксперимента испытуемым было предложено сказать, который из рабочих нуждается в большем контроле, присмотре и опеке, они почти все ответили, что первый.

В других исследованиях было установлено, что в формировании впечатления о другом человеке участвует механизм проецирования, заключающийся в том, что познающий субъект может «вкладывать» свои состояния

312

в другую личность, т. е. приписывать ей черты, которые в действительности присущи ему самому и которые у оцениваемой личности могут отсутствовать. Феномен проецирования хорошо иллюстрируется работами Фешбаха и Сингера, Мюррея, Сearса, Ньюкома и целого ряда других исследователей.

Так, в исследовании Фешбаха и Сингера¹⁵⁷ две группы испытуемых студентов подвергались несильным электроударам (в разной степени в каждой из двух групп), которые вызывали неприятные ощущения. Одновременно этим испытуемым, а также студентам, составившим контрольную группу, демонстрировался кинофильм, в котором фигурировал определенный человек. От всех испытуемых требовалось, чтобы они дали оценки качеств личности этого человека, по возможности оценили его состояние. В результате оказалось, что подвергавшиеся электровоздействию группы испытуемых оценивали человека на экране как более боязливого, испуганного, чем это делали испытуемые, входившие в контрольную группу, причем чем сильнее были электроудары (группа 2), тем большее количество студентов дали воспринимаемому на экране человеку такую характеристику.

Явление интерпретации чужого эмоционального состояния путем «приближения» к своему было обнаружено и в эксперименте, проведенном Мюрреем. Одна из групп его испытуемых изображала сценки, в которых фигурировало резко агрессивное поведение. Затем испытуемые этой группы, а также испытуемые, входившие в контрольную группу, должны были оценивать незнакомых им ранее лиц. И опять оказалось, что предварительно созданное эмоциональное состояние привело к тому, что первая группа испытуемых отмечала в незнакомом человеке такие черты, как злобность, агрессивность, в то время как другая группа эти черты у тех же самых людей не фиксировала.

Сеарс в своих опытах выявил несколько иной тип «проекции» в актах оценки людьми друг друга. По его данным, человек, оценивая другого человека, может увидеть те отрицательные черты, которые характеризуют как личность его самого. Испытуемые, в личности которых были ярко выражены желчность, упрямство,

313

подозрительность, оценивали развитие этих черт у человека, предложенного им для оценки, значительно выше, чем это делали испытуемые, не обладавшие названными чертами¹⁵⁸.

Все исследователи, наблюдавшие явление проецирования при формировании мнения о другом человеке, отмечают, что тенденция приписывать собственные качества или собственные состояния другим людям особенно сильно выражена у лиц, отличающихся малой самокритичностью и слабым проникновением в собственную личность. По данным Ньюкома, эта тенденция в очень большой степени характерна для представителей так называемого «авторитарного» типа личности и почти не обнаруживается у представителей «демократического» типа.

Он знакомил в своих опытах представителей этих двух крайних типов друг с другом, а затем каждого спрашивал, как его новый знакомый ответит на определенные вопросы (Ньюком эти вопросы специально подбирал). Представители «авторитарного» типа, говоря о возможных ответах «неавторитарных» личностей, приписывали им авторитарную манеру высказывания, свои суждения, свои собственные мнения по тем вопросам, которые им предлагал проводивший опыт исследователь. Представители «неавторитарного» типа личности, по утверждению Ньюкома, в подобную крайность не впадали¹⁵⁹.

Исследователи проблемы познания людьми друг друга достаточно убедительно установили также, что полнота и характер оценки другого человека зависят от таких качеств оценивающего, как степень его уверенности в себе, как присущее ему отношение

к другим людям и связанная с этим отношением всегда имеющаяся у него (но не всегда осознаваемая) «теория» личности.

Боссом и Маслоу, изучая, как степень уверенности человека влияет на оценку им других людей, выяснили, что уверенные в себе люди часто оценивают других людей как доброжелательных и расположенных к ним. В то же время лица, не уверенные в себе, имеют

314

обыкновение смотреть на других людей как на тяготеющих к холодности и не расположенных к ним¹⁶⁰.

Говоря о причинах проявления у человека устойчивых тенденций при оценке им других людей, нельзя миновать такую важную субъективную причину, как сформированная у человека система понятий, в которой в концентрированном виде находит выражение весь его опыт познания людей, полученный им как путем личных контактов, так и через другие каналы — художественную литературу, театр, телевидение, радио и т. д. Сформированный у человека общий взгляд на других людей, место, занимаемое ими — мужчинами и женщинами, стариками и детьми, рабочими и крестьянами, белыми и черными и т. д. в имеющейся у него системе ценностей, всегда и постоянно воздействует на характер впечатления, которое складывается у человека о любом другом лице.

Н. Гейдж и Л. Кронбах¹⁶¹, изучавшие действие имеющейся у человека «теории личности» на оценку им других людей, многократно указывают, что люди весьма сильно отличаются друг от друга по проявляемым ими тенденциям оценивать благоприятно или, наоборот, неблагоприятно других. Дубайн, Берк, Нил и Чеслер¹⁶² также нашли, что есть категория испытуемых, устойчиво проявляющих мягкость и значительную долю снисходительности при оценке других, и что есть и другая категория, для которой, наоборот, характерна жесткость в оценках.

Изучение действия имеющейся у человека «теории личности» на оценку им других людей показало также, что впечатление, которое у него складывается о другом человеке, в большой мере обусловлено его представлениями о структуре личности, т. е. о том, какие черты каким качествам в ней должны сопутствовать. Так, если, например, мы оцениваем человека как агрессивного, не проявляем ли мы одновременно тенденции оценивать

315

его и как высокоэнергичного? Или, оценивая его как доброго, не приписываем ли мы ему при этом одновременно и честности?

Опыт Келли¹⁶³, представлявшего одной группе студентов ранее незнакомого ей лектора как «весьма холодного», а другой — как «очень сердечного», показал, что на предложенные только что вопросы вполне могут быть даны утвердительные ответы. Студенты, которые слушали «очень сердечного» лектора, оценили в нем тактичность, общительность, естественность, общее обаяние, образованность и привлекательность намного выше, чем это сделали студенты, которым перед их встречей с новым лектором было сказано, что он человек холодный.

Такое «структурирование» личности, о которой формируется впечатление, может быть также связано и с тем, насколько оценивающий ее человек в состоянии синтезировать и обобщить всю ту информацию, которая поступает к нему от этой личности.

Е. С. Голлин¹⁶⁴ показывал 79 студентам кинокартину, героиня которой — молодая привлекательная женщина — представляла перед ними в пяти различных ситуациях, причем в первых четырех она проявляла резко противоположные, с точки зрения норм морали, качества личности, а в пятой о ней трудно было сказать что-либо новое, поскольку здесь она была показана просто спокойно идущей с какой-то другой женщиной.

После просмотра фильма каждый из испытуемых дал характеристику личности женщины. Голлин пишет, что эти полученные от испытуемых характеристики-описания четко подразделялись на три группы:

1. Объединяюще-обобщающие: итоговые впечатления в этом случае интегрировали одинаково все качества, проявившиеся у женщины во всех сценах (таких характеристик было 23%).

2. Односторонне-упрощающие: возникшее впечатление исключало «моральную противоречивость» в оцениваемой личности (48%).

3. Разрозненно-отрывочные: во впечатление рядоположенно, без всякого намека на интеграцию, вошли все

316

качества, о наличии которых у женщины можно было предполагать, наблюдая за ее поведением (29%).

Характеризуя первое впечатление и прослеживая особенности его формирования, нельзя миновать вопроса о том, насколько верным и глубоким оказывается знание о человеке, возникающее у субъекта при первом его восприятии. Первые восприятия, как правило, дают индивиду знание об основных особенностях внешнего облика ранее незнакомого человека — о его поле, росте, телосложении, примерном возрасте, характере оформления внешности. В первом впечатлении почти всегда находят отражение какие-то проявления экспрессии и какие-то действия человека, являющегося объектом восприятия и оценки. Тем не менее образ человека, складывающийся у индивида на основе первого впечатления, всегда содержит неточности, а оценка им черт личности этого человека может оказаться поспешным обобщением.

От этих ошибок не избавлены даже люди, перед которыми специально поставлена задача, понаблюдав краткое время за незнакомым человеком, затем как можно точнее воссоздать его облик и психологически правильно оценить его личность. Так, например, в эксперименте, ход и часть результатов которого были изложены в начале этой главы, возраст человека, бывшего объектом восприятия, с точностью ± 2 года определили девять испытуемых из четырнадцати. Остальные испытуемые определили число прожитых этим человеком лет с меньшей точностью. Неправильно употребили существующую рубрикацию при оценке роста человека, который был воспринят: с точностью ± 2 см пять испытуемых, «уменьшили» рост на пять и более сантиметров четыре человека. Ошиблись в определении цвета глаз шесть испытуемых. Допустили те или иные неточности при характеристике других элементов физического облика человека, за которым велось наблюдение, все испытуемые группы¹⁶⁵. Не смогли избежать ошибок при оценке цвета

различных элементов одежды (темно-синий костюм, светло-серая рубашка, галстук синий в белую крапинку, черные матерчатые утепленные ботинки, серые носки) тринадцать человек.

Неточности и разноречия обнаружались в этом опыте

317

и при оценке людьми по первому впечатлению эмоционального состояния, переживаемого человеком в момент наблюдения за ним. Неадекватная же оценка выразительного поведения и состояний, которые в нем проявлялись, породила искаженное представление о чертах личности человека при первой встрече с ним.

Если сравнить сложившееся у испытуемых впечатление о чертах личности человека, игравшего роль объекта восприятия, с результатами специально проведенного психологического исследования его личности, условно приняв эти результаты за эталон объективности, то оказывается, что правильно назвали по первому впечатлению черты личности наблюдаемого человека, выражающие его отношение к другим людям, 75% испытуемых из всех высказавшихся. Неверно оценили эмоционально-динамические качества личности 28% испытуемых. Ошиблись в оценке качеств воли 42% испытуемых. Был определен процент ошибок в оценках испытуемыми и других сторон воспринимаемой личности. Особенно он был высоким (50% ошибочных суждений), когда испытуемые, анализируя ту небольшую по объему информацию, которую они смогли получить, пытались высказать предположение об основном роде занятий объекта наблюдения.

Приведенные цифры говорят о трудностях, возникающих перед человеком, когда ему кого-то приходится оценивать как личность при первом знакомстве. Однако и в указанном эксперименте одни испытуемые справлялись с задачей успешнее, чем другие. Естественно поставить вопрос: от чего это зависело? Ответ на него нами пока не получен. В ходе разработки проблемы познания людьми друг друга одним из основных вопросов, привлекающих к себе внимание других исследователей, оказался близкий к поставленному выше вопрос о том, насколько способность правильно оценивать психические качества людей у человека генерализована, насколько она выступает у него как такое общее качество, которое характеризует всю его личность в целом. Одна из групп ученых на основе полученных ими экспериментальных данных выступила с утверждением, что лицо, которое правильно оценивает определенные категории людей, как правило, столь же успешно проявляет себя по отношению и к остальным категориям. Другие ученые с такой же убедительностью показывают, что сформировавшаяся у человека способность правильно оценивать отдельное качество или определенные

318

категории лиц вовсе не обязательно будет удачно «срабатывать» и во всех других случаях.

Так, В. Клайн и Дж. Ричардс¹⁶⁶, считающие, что указанная способность может выступать как общее качество личности, основывают свой вывод на результатах опыта, к участию в котором они привлекли 50 взрослых испытуемых. Эти испытуемые по ходу опыта смотрели 10 озвученных кинофильмов, в которых действовали в обычной будничной обстановке незнакомые им люди. Затем всем испытуемым было предложено сказать, как поведут себя увиденные ими люди в серии ситуаций, требующих обычно проявления разных качеств личности. При обработке высказываний испытуемых

экспериментаторы учитывали, во-первых, степень способности оценивающего предсказывать поведение людей в общем («стереотипная точность») и, во-вторых, степень его способности предсказывать различия между характером действий разных лиц («различительная точность»). Характер предсказаний действий пяти первых лиц в кинофильмах, сделанных каждым испытуемым, был прокоррелирован с предсказаниями, относящимися к поведению пяти других лиц. Эти корреляции ранжировались от 0,77 до 0,79. Оказалось, что выявленная у человека высокая способность точно оценивать определенных лиц дает себя знать и во всех остальных случаях.

В опыте Клайна и Ричардса испытуемые, правильно судившие об одних людях, столь же верно оценивали и других, а испытуемые, совершившие грубые ошибки при психологической интерпретации одних лиц, столь же сильно ошибались, когда пробовали психологически характеризовать и других лиц, которые ранее им тоже не были известны.

Показатели, характеризовавшие один вид точности оценок человека как личности, которые были получены от испытуемых, были в этом опыте скоррелированы с показателями, характеризовавшими другой вид. Полученные интеркорреляции расположились в ряд от 0,30 до 0,65, и все они, кроме одной, оказались статистически достоверными. На основании всех этих данных Клайн и Ричардс сделали вывод, что способность правильно оценивать других может проявляться у некоторых лиц как интегральное свойство, которое «работает»

319

у них при встречах с самыми разнообразными категориями людей.

Вместе с тем другими исследователями (Гуилфорд, Ньюком и др.) были получены не менее убедительные данные, заставляющие предполагать, что способность правильно оценивать других людей является таким свойством человека, которое проявляется лишь по отношению к определенной категории лиц, и границы «работы» этого свойства прямо связаны с тем, насколько похож или не похож своим внешним обликом и поведением оцениваемый человек на тех людей, с которыми познающему субъекту пришлось в прошлом вместе жить, учиться, работать, отдыхать¹⁶⁷.

Отмечая существование значительных различий в точности первого впечатления об одном и том же человеке у разных людей, необходимо, видимо, еще и еще раз подчеркнуть, что эта точность связана не только с возможностями лица, выступающего в роли субъекта познания, но и с особенностями оцениваемого по первому впечатлению человека. Указывая на трудности правильного суждения о человеке по первому впечатлению, уместно вспомнить слова Ф. М. Достоевского, который, говоря о недостатках простой фотографии фактов, тем самым предостерегал против опасности безапелляционных суждений о людях только на основании первых впечатлений. «Фотографические снимки, — писал Ф. М. Достоевский, — чрезвычайно редко выходят похожими, и это понятно: сам оригинал, т. е. каждый из нас, чрезвычайно редко бывает похож на себя. В редкие только мгновения человеческое лицо выражает главную черту свою, свою самую характерную мысль... Фотография же застаёт человека как есть, и весьма возможно, что Наполеон, в иную минуту, вышел бы глупым, а Бисмарк нежным»¹⁶⁸.

Спору нет, в проявлениях личности, отраженных в первом впечатлении, находит выражение ее сущность, но чтобы действительно раскрыть и понять эту сущность, надо увидеть личность во всех ее главных связях с действительностью, т. е. в труде, познании и

общении. Факты показывают, что формирование первого впечатления почти всегда означает отнесение индивидом воспринимаемого

320

лица к одной из групп людей в тех «классификациях типов», которые сложились у него в прошлом. Последующее познание им этого человека при нормальном ходе процесса ведет к раскрытию в нем таких признаков, которые составляют своеобразие его личности и образуют его индивидуальность.

Заключение

Мы закончили рассмотрение основных вопросов, относящихся к проблеме познания людьми друг друга в условиях повседневной жизни. Как видно из содержания нашей работы, названная проблема, являясь самой психологической из всех психологических проблем, чрезвычайно сложна и представляет большую трудность для изучения. Она включает в себя множество аспектов, научное освещение которых невозможно без самого тесного содружества психологии и других наук: диалектического материализма, этики, эстетики, социологии, педагогики, физиологии высшей нервной деятельности, этнографии.

Как видно из изложенного, познание людьми друг друга является обязательной стороной их взаимодействия и условием регулирования каждым из них своего поведения в соответствии с обстоятельствами и решаемыми в этом взаимодействии задачами. Образы восприятия, представления и формирующиеся у индивида понятия о других людях, концентрируя в себе информацию об этих людях, дают ему возможность действовать по отношению к каждому из них целесообразно.

Восприятие человека человеком — это непосредственное наглядно-образное отражение одним человеком другого. Понятие, складывающееся у индивида о конкретной личности, — это форма его мышления о ней, в которой обобщенно фиксируются признаки данного человека, характеризующие его как субъекта труда, познания и общения.

Занимаясь различными видами деятельности, человек, отвечая на требования каждого из них, обнаруживает то одни, то другие из присущих ему особенностей. Взаимодействующие люди по отношению друг к другу выступают в разных ролях (рабочий, начальник, партнер по команде, артист, зритель, учитель, учащийся

321

и др.). В связи со всем этим значение сигнализирующих чувственных признаков партнеров по деятельности не остается для воспринимающего их человека постоянным: на первый план выступают те из них, которые в данных условиях особенно важны для успешного решения конкретной задачи.

Деятельность, в которой взаимодействуют люди, определяет и формирование у них понятий о личности каждого из участников деятельности. В формирующееся у индивида понятие о личности другого человека, сотоварища по деятельности, всегда включаются прежде всего те его качества, наибольшему проявлению (а значит, и познанию) которых данная деятельность больше всего благоприятствует.

Любой вид непосредственного взаимодействия людей друг с другом, будь это совместный труд рабочих на производстве, работа учителя и учеников на уроке, встреча спортсменов на стадионе, неторопливая беседа пенсионеров на скамейке парка, всегда предполагает опору общающихся на многокомпонентную систему знаний и умений, формирующуюся в течение всей жизни человека. При общении человека с другими людьми у него так или иначе актуализируются и функционируют представления и понятия, в которых аккумулированы его знания о моральном и аморальном, прекрасном и безобразном и т. п., т. е. нормы и ценности, характерные для общества, сформировавшего личность этого человека. У него также проявляется в большей или меньшей степени выработанное этим обществом умение «читать» экспрессию, психологически истолковывать поведение людей, сопереживать им, давать оценку.

В условиях повседневного взаимодействия с различными людьми человек постепенно учится типизировать и классифицировать их, причем в эту классификацию включается большее или меньшее число типов. Наличие такой классификации человек у себя, как правило, не осознает, тем не менее отдельные ее звенья при познании им других людей постоянно «говорят свое слово», что особенно заметно, когда ему приходится воспринимать незнакомых людей и давать оценку их личности. При обнаружении у познаваемого лица таких же признаков, как те, на основании которых у человека прежде сформировалось понятие об определенном типе личности, он, зная, как ведет себя данный тип в той или иной ситуации, прогнозирует поведение названного лица и избирает для себя по отношению к нему способ

322

действий, которому он привык следовать при общении с представителями указанного типа.

В образе, который у индивида возникает в процессе общения с другим человеком, в характере понимания им других людей всегда находит выражение сформированность самого познающего человека как субъекта труда, познания и общения. В процессе восприятия и понимания им другого человека проявляется уровень развития человека как представителя определенного народа, общественного класса, группы, как члена определенного коллектива, его гражданская и психологическая зрелость, его профессия, сформированные у него нравственно-эстетические требования к людям.

Система образов и понятий, в которых обобщен опыт познания людей и выражены требования к их облику и поведению, складывается в основном под влиянием общества, членом которого является человек, и вместе с тем она всегда несет на себе печать того неповторимого пути, который он прошел, формируясь как личность. В связи с этим названная система может в одних случаях очень далеко отстоять от действительности и включать в себя большое число неверных представлений и понятий о внутреннем мире людей, мотивах их поведения, их возможностях, общественной ценности; в других же случаях эта система состоит из образов и понятий, верно отражающих и обобщающих психологию тех людей, с которыми индивид так или иначе сталкивался в своей жизни.

Образы и понятия, в форме которых у человека, принадлежащего к современному обществу, существует знание людской психологии, складываются у него как при непосредственном общении с другими людьми, так и опосредствованным путем — через печать, радио, телевидение и пр. У одних людей может преобладать первый путь накопления психологических знаний и непосредственное общение с другими людьми может быть широким и разнообразным. У других — накопление психологических знаний

может идти главным образом вторым путем. При ограниченных личных контактах такие люди могут накапливать знания о других людях, сталкиваясь с продуктами их труда, слыша из различных источников об их деятельности, воспринимая оценки, которые дают им коллективы, общество. У третьих — преобладания какого-то одного из названных способов познания людей может и не быть, и оба пути могут достаточно плодотворно вооружать индивида знанием человеческой

323

психологии, в одних случаях дополняя друг друга и действуя в одном направлении, а в других — больше или меньше противореча один другому.

Хотя обычно знание психологии людей и выработка конкретных эталонов их оценки формируются у человека благодаря анализу и обобщению впечатлений, получаемых из многих источников, его личному опыту совместного труда с разными людьми и непосредственному общению с ними принадлежит в этом процессе важнейшая роль. Знания, получаемые человеком о других людях при прямом контакте с ними, имея, как правило, сильнейшую эмоциональную окраску, облегчают выработку одних психологических обобщений и критериев оценки людей и затрудняют формирование других. Показателями правильности этих знаний и оценок в конечном итоге оказываются дела, поступки конкретных людей, все их поведение в целом в разных обстоятельствах. Практика общения, совместного труда, совместной жизни людей является, таким образом, не только источником познания людьми друг друга и не только сферой приложения знаний о людях, но и выполняет функцию мерила объективности таких знаний.

Образы восприятия людей, понятия о личности каждого из них, участвуя в регуляции действий познающего субъекта, тем самым играют роль фактора, который обуславливает выработку у него определенных форм поведения по отношению к другим людям, ощутимо влияет на развитие его характера. Наличие в характере человека таких черт, как доверчивость, искренность, общительность, или таких, как подозрительность, неискренность, замкнутость, всегда свидетельствует о том, какого рода люди преобладали в ближайшем окружении человека и своими поступками способствовали формированию у него соответствующих обобщенных представлений о человеческой психологии и развитию адекватных этим представлениям способов поведения.

Образующиеся у человека представления о собственной соматической организации, осознание им этического и эстетического действия своей наружности на окружающих и прежде всего складывающаяся у него оценка своих возможностей как личности также постоянно участвуют в организации его поведения по отношению к другим людям, влияя как на форму, так и на содержание его поступков.

Однако, как правило, образы и понятия, сформировавшиеся при познании человеком самого себя, не прямо

324

определяют характер его поведения по отношению к другим людям. Обычно человек сначала соотносит их с теми представлениями, которые у него складываются о людях, окружающих его.

Хотя знание человеком самого себя всегда образуется на основе многократных сопоставлений и сравнений себя с другими людьми, оно, возникнув и постоянно

развиваясь, в свою очередь влияет на формирование знаний о других людях, на оценку их, на отношение к ним.

Переоценка или недооценка себя, или верные суждения о своей личности всегда приводят к соответствующему поведению человека по отношению к окружающим. Таким образом, характер поведения человека по отношению к другим людям всегда является показателем не только того, как этот человек представляет себе личность каждого из них, но и того, как он оценивает самого себя.

В повседневной жизни разные виды взаимодействия людей требуют от них неодинаковой меры точности восприятия и понимания друг друга.

Видами деятельности, в которых очень важна точность восприятия и понимания человеком облика и поведения других людей, является, например, работа педагога, врача, руководителя коллектива, следователя. Так, без знания возрастных и индивидуальных особенностей воспитанников педагог не может психологически обоснованно проектировать и успешно руководить развитием каждого из школьников в том коллективе, где этот педагог работает. Необходимым условием правильного планирования процесса лечения и его последующей эффективности является хорошее понимание врачом особенностей личности больного. С. П. Боткин, К. М. Быков, П. Б. Ганнушкин, А. Р. Лурия, В. Н. Мясищев, Г. И. Россолимо и многие другие деятели медицины не уставали подчеркивать, что нет болезней, а есть больные люди и что в конечном итоге каждый человек болеет по-особенному. К. М. Быков говорил: «Недостаточно вдумчивое отношение к личности больного приводило и приводит всегда к неполному и несовершенному диагнозу, к неправильному предсказанию и неумелому лечению»¹⁶⁹.

Задача хорошего знания людей стоит всегда и перед

325

педагогами и перед руководителями производственных коллективов, администраторами и организаторами. Они должны постоянно изучать кадры и ясно представлять себе сильные и слабые стороны каждого члена того коллектива, которым они руководят.

326

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Часть I	
ЛИЧНОСТЬ В ОБЩЕНИИ	
Психолого-педагогические проблемы формирования личности	9
Постановка проблемы общения в работах Б. Г. Ананьева	22
Проблема общения в трудах В. Н. Мясищева	29
Об одном из направлений изучения личности в общении в настоящее время	38
О качествах личности, нужных для успешного общения	63
Воздействие стиля общения педагога с учащимися на их эмоциональный опыт	75
О связях некоторых характеристик круга ближайшего общения личности и ее свойств	80
Общение и формирование личности	88
Часть II	
МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ВОСПРИЯТИЕ И ПОНИМАНИЕ	
Предисловие	101
1. Познание человека человеком как научная проблема	103

2. Человек как объект познания	115
3. Восприятие человека человеком (характеристика процесса)	137
4. Возрастные и индивидуальные особенности восприятия человека человеком	158
5. Профессиональные особенности восприятия человека человеком	200
6. Общие особенности понимания людьми друг друга	210
7. Возрастные и индивидуальные особенности понимания человека человеком	256
8. Влияние рода деятельности и положения человека на понимание им других людей	270
9. Формирование первого впечатления о другом человеке	297
Заключение	320

327

**Библиотека школьного психолога
(по заказу Министерства образования России)**

**Научное издание
БОДАЛЕВ Алексей Александрович**

**Личность и общение
Избранные психологические труды**

Ответственный за выпуск *Д. А. Алексеев*
Технический редактор *В. Н. Калинина*
Корректор *Л. В. Попова*

Сдано в набор 28.04.95. Подписано к печати 9.06.95. Формат 84×108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Печ. л. 10,25. Тираж 10 000 экз. Заказ № 338.

Международная педагогическая академия
127521, г. Москва, бокс 22.
АО «Чертановская типография»
113545, г. Москва, Варшавское шоссе, 129а.

Сноски

Сноски к стр. 4

¹ В соответствующих местах книги имеются ссылки на основные публикации этих авторов, чтобы читатели могли в полном объеме познакомиться с содержанием проведенных ими исследований.

Сноски к стр. 9

* Статья впервые опубликована в журнале «Советская педагогика», 1978, № 1, под названием «О проблемах воспитания и их комплексной разработке».

Сноски к стр. 22

* Статья впервые опубликована в сб.: «Вопросы общения и познания людьми друг друга». Краснодар, 1981.

¹ См.: Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды: В 2-х т. М., 1980, т. 2, с. 129—266.

Сноски к стр. 23

² Там же, с. 17—21, 65—66; его же. Человек как предмет познания. Л., 1968, с. 89, 291, 321—323.

³ Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания, с. 315.

Сноски к стр. 24

⁴ Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания, с. 322.

⁵ Ананьев Б. Г. Избр. психол. тр., т. 2, с. 21.

Сноски к стр. 25

⁶ Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания, с. 315.

Сноски к стр. 26

⁷ Ананьев Б. Г. Избр. психол. тр., т. 2, с. 65.

⁸ Там же, с. 65—66.

Сноски к стр. 27

⁹ Ананьев Б. Г. Избр. психол. тр., т. 2, с. 65.

Сноски к стр. 29

* Статья под названием «Об исследовании общения» впервые опубликована в сб.: Личность и малая группа. Л., 1977.

Сноски к стр. 30

¹ См. сноску на с. 39.

² Мясищев В. Н. О взаимосвязи общения, отношения и отражения как проблеме общей и социальной психологии. — Тезисы симпозиума «Социально-психологические и лингвистические характеристики форм общения и развитие контактов между людьми». Л., 1970, с. 114—116.

Сноски к стр. 31

³ Там же.

⁴ Социально-психологические и лингвистические характеристики форм общения и развитие контактов между людьми, с. 115.

⁵ См.: там же, а также: Мясищев В. Н. Проблема отношений человека и ее место в психологии. — Вопросы психологии, 1957, № 5.

Сноски к стр. 32

⁶ Мясищев В. Н. Личность и неврозы. Л., 1960, с. 216.

⁷ Ковалев А. Г., Мясищев В. Н. Психические особенности человека. Л., 1957, т. 1, с. 123.

⁸ Мясищев В. Н. Проблемы психологии в свете взглядов классиков марксизма-ленинизма на отношения человека. — Ученые записки ЛГУ, 1955, № 203, с. 97.

⁹ Мясищев В. Н. Личность и неврозы, с. 168.

Сноски к стр. 33

¹⁰ Там же, с. 216.

¹¹ См.: Социально-психологические и лингвистические характеристики форм общения и развитие контактов между людьми, с. 115.

Сноски к стр. 34

¹² См.: Ковалев А. Г., Мясищев В. Н. Психические особенности человека, т. 1, с. 100, 119—129.

¹³ См., например: Мясищев В. Н. Личность и неврозы, с. 45—51, 62—66, 214—218.

¹⁴ См.: Мясищев В. Н. Личность и неврозы, с. 45, 238.

Сноски к стр. 35

¹⁵ Там же, с. 96.

¹⁶ См. там же, с. 92—96.

Сноски к стр. 36

¹⁷ Там же, с. 228.

¹⁸ См.: Мясищев В. Н. Личность и неврозы, с. 319, 378—379.

¹⁹ См.: там же, с. 377, а также: Мясищев В. Н. Проблемы психологии личности в коммунистическом воспитании. — В сб.: Научные основы политической работы в массах. Л., 1972.

Сноски к стр. 37

²⁰ Ковалев А. Г., Мясищев В. Н. Психические особенности человека, т. 1, 2.

²¹ Мясищев В. Н. Личность и неврозы, с. 66—69, 109, 156—159, 165, 189, 207—217 и др.

²² См. там же, с. 58, 66, 92.

Сноски к стр. 38

¹ См.: Ломов Б. Ф. Общение как проблема общей психологии. — В кн.: Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975; его же. Категории деятельности и общения в психологии. — Вопросы философии, 1979, № 8; его же. Проблема общения в психологии. — В кн.: Проблема общения в психологии. М., 1981; Леонтьев А. А. Психология общения. Тарту, 1974; его же. Общение как объект психологического исследования. — В кн.: Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975; Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971.

Сноски к стр. 39

² В. Н. Мясищев термин *отражение* употребляет в смысле *познание*. Когда он говорит об *отношении*, он имеет в виду характер эмоционального отклика, который один человек вызывает в другом человеке. Термин *обращение* он употребляет, чтобы выделить особенности поведения, которые человек демонстрирует по отношению к другим людям. В таком же смысле понятия «отражение», «отношение» и «обращение» в тексте данной книги использую и я. — А. Б.

³ Мясищев В. Н. О взаимосвязи общения, отношения и отражения как проблеме общей и социальной психологии. — Тезисы симпозиума «Социально-психологические и лингвистические характеристики форм общения и развитие контактов между людьми». Л., 1970.

Сноски к стр. 40

⁴ См.: Шкопоров Н. Б. К проблеме субъективной значимости другого. — В кн.: Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга. М., 1979; Горбатов А. А. Положительные и отрицательные ценностные ориентации как регуляторы деятельности. — В кн.: Вопросы психологии познания людьми друг друга и самопознания. Краснодар, 1977; Хорошилова Е. А. К исследованию отражения значимых других. — В кн.: Вопросы психологии познания людьми друг друга и самопознания. Краснодар, 1977; Князев В. Н. Представление личности о личностных свойствах значимого другого. — В кн.: Личность в системе коллективных отношений. М., 1980; его же. Представление личности о себе и значимых других как субъектах общения. — Психологический журнал, 1981, № 4.

Сноски к стр. 41

⁵ См.: Алферова Э. Н. Об измерении порогов зрительного узнавания у школьников. — Вопросы психологии, 1962, № 6.

⁶ См.: Лабунская В. А. Анализ процесса опознания эмоциональных состояний по выражению лица. — В кн.: Вопросы психологии познания людьми друг друга и самопознания.

Сноски к стр. 42

⁷ См.: Нийт Т., Хейдметс М., Круусвал Ю. Человек и среда. Психологические проблемы. Таллин, 1981; Человек, среда, общение / Под ред. Х. Миккин. Таллин, 1980.

⁸ См.: Иванская Л. Н. Воссоздание лица человека по представлению. — В кн.: Вопросы психологии общения и познания людьми друг друга. Краснодар, 1979.

⁹ См.: Крогиус Н. В. Личность в конфликте. Саратов, 1976; его же. Познание людьми друг друга в конфликтной деятельности. Л., 1980.

Сноски к стр. 43

¹⁰ См.: Бодалев А. А. Формирование понятия о другом человеке как личности. Л., 1970.

Сноски к стр. 44

¹¹ См.: Гаврилова Т. П. Об отношении мальчиков и девочек младшего и среднего школьного возраста к различным объектам эмпатии. — В кн.: Вопросы психологии познания людьми друг друга и самопознания; Бодалев А. А., Каштанова Т. Р. О разработке проблем эмпатии. — В кн.: Групповая психотерапия при неврозах и психозах. Л., 1975; Шкопоров Н. Б. Об экспериментальном подходе к исследованию эмпатии. — В кн.: Вопросы психологии познания людьми друг друга и общения. Краснодар, 1978.

¹² См.: Кондратьева С. В. Понимание учителем личности учащегося. — Вопросы психологии, 1980, № 5; ее же. Психолого-педагогические проблемы понимания людьми друг друга. — В сб.: Психология межличностного познания. М., 1981.

Сноски к стр. 46

¹³ См.: Бодалев А. А. Восприятие человека человеком. Л., 1965; Развитие общения у дошкольников / Под ред. А. В. Запорожца, М. И. Лисиной. М., 1974.

Сноски к стр. 47

¹⁴ См.: Карандышев Ю. Н. Проективные представления у детей — начальный этап становления познавательной рефлексии. — В кн.: Вопросы психологии познания людьми друг друга и самопознания; Кондратьева С. В. Индивидуально-типические особенности понимания подростками сверстников. — В кн.: Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга; Князев В. Н. Параметрические свойства личности в личностно значимом общении студентов. — В кн.: Вопросы психологии общения и познания людьми друг друга. Краснодар, 1979.

Сноски к стр. 49

¹⁵ См.: Петровская Л. А. Теоретические и методические проблемы социально-психологического тренинга. М., 1982; Золотнякова А. С. Взаимопонимание и проблема педагогического тренинга. — В кн.: Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга. М., 1979; Ковалев Г. А. Проблемы развития социально-перцептивных способностей и вопросы организации социально-психологического тренинга. — В кн.: Вопросы формирования всесторонне развитой личности. Кишинев, 1980, его же. «Активное социальное обучение» как метод коррекции психологических характеристик субъекта общения: Автореф. канд. дис. М., 1980.

¹⁶ См.: Анцыферова Л. И. О динамическом подходе к психологическому изучению личности. — Психологический журнал, 1981, № 2; Ломов Б. Ф. Личность в системе общественных отношений. — Психологический журнал, 1981, № 1; Петровский А. В.

Личность в психологии с позиций системного подхода. — Вопросы психологии, 1981, № 1; Шорохова Е. В. Психологический аспект проблемы личности. — В кн.: Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974.

Сноски к стр. 50

¹⁷ См.: Андреева Г. М. Совместная деятельность как фактор каузальной атрибуции в группе. — В кн.: Научные сообщения советских психологов к XXII Международному психологическому конгрессу. М., 1980; Психологическая теория коллектива / Под ред. А. В. Петровского. М., 1979; Петровский А. В. О некоторых новых подходах к феноменам межличностных отношений. — Психологический журнал, 1981, № 2.

Сноски к стр. 51

¹⁸ См.: Андреева Г. М. К построению теоретической схемы исследования социальной перцепции. — Вопросы психологии, 1977 № 2.

Сноски к стр. 52

¹⁹ Шихирев П. Н. Исследования социальной установки в США. — Вопросы философии, 1973, № 2.

Сноски к стр. 53

²⁰ См.: Кукосян О. Г. Профессиональные особенности первого впечатления. — В кн.: Вопросы психологии познания людьми друг друга и общения; Торичная С. И. О понимании преподавателями индивидуальных различий в музыкальности студентов. — В кн.: Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга. М., 1979; Кондратьева С. В., Раздобудько В. М. Понимание учителем личности учащегося. — Радянська школа, 1971, № 8 (на укр. яз.); Кукосян О. Г. Профессиональные особенности познания людьми друг друга. — В кн.: Научные сообщения советских психологов к XXII Международному психологическому конгрессу. М., 1980.

Сноски к стр. 55

²¹ См.: Китов А. И. Психология управления. М., 1979.

Сноски к стр. 56

²² См.: Ермолаева О. Я., Капустина А. Н. Роль социальной перцепции в оценке актерских способностей. — В кн.: Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга.

²³ См.: Анфиногенов В. Т. О восприятии портрета школьниками старших классов. — В кн.: Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга; Королькова Т. Б. О восприятии художественного изображения (на примере портретной живописи). — В кн.: Вопросы психологии познания людьми друг друга и самопознания.

Сноски к стр. 57

²⁴ См.: Королев С. И. Вопросы этнопсихологии в трудах зарубежных авторов. М., 1970; Оконешникова А. П. Опыт интерпретации мимики представителями различных

этнических групп. — В кн.: Вопросы психологии познания людьми друг друга и общения; Еремеев Б. А. О роли этнического фактора в интерпретации мимики. — Там же.

Сноски к стр. 59

²⁵ См.: Ташлыков В. А. Исследования влияния особенностей перцепции на психотерапевтическую диаду «врач — больной». — В кн.: Социально-психологические исследования в психоневрологии. Л., 1980; Николаенко В. Н. Исследование динамики самооценок и оценок врача у больных алкоголизмом (предварительные результаты). — Там же.

Сноски к стр. 61

²⁶ См.: Групповая психотерапия при неврозах и психозах / Под ред. М. М. Кабанова. Л., 1975; Клинико-психологические исследования групповой психотерапии / Под ред. М. М. Кабанова. Л., 1979; Социально-психологические исследования в психоневрологии / Под ред. М. М. Кабанова. Л., 1980.

Сноски к стр. 63

* Статья под названием «Личность и общение» впервые опубликована в сб.: Вопросы психологии общения и познания людьми друг друга. Краснодар, 1979.

Сноски к стр. 64

¹ Сухомлинский В. А. Рождение гражданина. М., 1971 с. 20.

² Ревенко Н. В. Социально-психологический анализ стиля руководства: Автореф. канд. дис. М., 1980.

Сноски к стр. 65

³ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957, т. II, с. 190.

Сноски к стр. 66

⁴ Ваксберг А. Преступник будет найден. М., 1965, с. 36.

Сноски к стр. 67

⁵ Драбкина Е. Черные сухари. М., 1970, с. 150.

Сноски к стр. 68

⁶ Арзуманян А. Адмирал. Ереван, 1973, с. 265.

Сноски к стр. 69

⁷ Каверин В. Вечерний день. М., 1980, е. 144.

⁸ Радищев А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1951, с. 309.

⁹ См.: Milgrem S. Behavioral study of obedience. — *Journal of Abnormal Social Psychology*, vol. 67, N 1, 1963, p. 371—378.

Сноски к стр. 70

¹⁰ См.: Гаврилова Т. П. Эмпатия и ее особенности у детей младшего и среднего школьного возраста: Автореф. канд. дис. М., 1977.

¹¹ См.: Князев В. Н. Параметрические свойства личности в личностно значимом общении студентов. — В сб.: *Вопросы психологии общения и познания людьми друг друга*. Краснодар, 1979; его же. Психологические особенности понимания личности значимого другого как субъекта общения: Автореф. канд. дис. М., 1981.

Сноски к стр. 72

¹² Кондратьева С. В. Понимание учителем личности учащегося. — *Вопросы психологии*, 1980, № 5.

Сноски к стр. 73

¹³ См.: Кондратьева С. В. Психолого-педагогические аспекты проблемы понимания людьми друг друга. — В сб.: *Психология межличностного познания*. М., 1981; Деркач А. А. Социально-психологические основы совершенствования деятельности воспитателя: Автореф. док. дис. Л., 1981; Степкин Ю. П. Исследования авторитета личности как социально-психологического явления: Автореф. канд. дис. Л., 1976.

Сноски к стр. 74

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., т. 3, с. 426,

Сноски к стр. 75

* Впервые опубликовано в сб.: *Проблемы общения и воспитания*. Тарту, 1974 (ротапринт).

Сноски к стр. 80

* Впервые опубликовано на немецком яз. в сб.: *Arbeitsberatung Psychologen sozialistischer Länder*. Herausgegeben von der Gesellschaft für Psychologie der DDR. Berlin, 1978.

Сноски к стр. 81

¹ Шкопоров Н. В. К проблеме субъективной значимости другого. — В кн.: *Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга*; его же. О влиянии различных видов деятельности на отражение «значимых других» в подростковых объединениях. — В кн.: *Психолого-педагогические проблемы общественно полезной деятельности у детей школьного возраста*. М., 1981; Князев В. Н. Представление личности о себе и значимых других как субъектах общения. — *Психологический журнал*, 1981, № 4.

² Хорошилова Е. А. К исследованию отражения значимых других. — В сб.: *Вопросы психологии познания людьми друг друга и самопознания*. Краснодар, 1977, с. 52—56; Логинова Н. А. Биографические методы в психологии и смежных науках: Автореф. канд. дис. Л., 1975.

Сноски к стр. 84

³ Психологическую близость с лицами, с которыми обследуемые общались, они дифференцировали от предельно формальной до интимной, приравниваемой к общению человека с самим собой.

Сноски к стр. 88

* Работа под названием «Личность и общение» впервые опубликована в сб.: Проблемы психологии личности. М., 1982.

¹ См.: Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания; Брудный А. А. О смысловых компонентах общения. — В сб.: Социально-психологические проблемы в условиях развитого социалистического общества. М., 1977; Развитие общения у дошкольников / Под ред. А. В. Запорожца, М. И. Лисиной; Леонтьев А. А. Общение как объект психологического исследования; Ломов Б. Ф. Общение как проблема психологии; его же. Категория деятельности и общения в психологии; его же. Проблема общения в психологии; Мясищев В. Н. Личность и неврозы; Обозов Н. Н. Межличностные отношения. Л., 1979; Соковнин В. И. О природе человеческого общения. Фрунзе, 1973.

Сноски к стр. 89

² См.: Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания; Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975; Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946; его же. Проблемы общей психологии. М., 1973.

Сноски к стр. 90

³ См.: Бодалев А. А., Кондратьева С. В. О комплексном подходе к изучению коммуникативной и предметной деятельности людей. — В сб.: Социально-психологические проблемы в условиях развитого социалистического общества; Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность.

⁴ См.: Макаренко А. С. Сочинения. М., 1958, т. V.

Сноски к стр. 91

⁵ См.: Брудный А. А. О смысловых компонентах общения; Мясищев В. Н. Личность и неврозы; Носуленко В. Н. Общение в задачах оценки сигналов. — В сб.: Проблема общения в психологии. М., 1981; Пономарев Я. А. Роль непосредственного общения в решении задач, требующих творческого подхода. — Там же.

Сноски к стр. 92

⁶ См.: Кан-Калик В. А. Педагогическая деятельность как творческий процесс. Грозный, 1976.

Сноски к стр. 96

⁷ См.: Кондратьева С. В. Понимание учителем личности учащегося.

⁸ См.: Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания; Ковалев А. Г. Психология личности. М., 1970.

Сноски к стр. 103

¹ См.: Ананьев Б. Г. Педагогические приложения современной психологии. — Советская педагогика, 1964, № 3; его же. Человек как предмет воспитания. — Советская педагогика, 1965, № 1; его же. Человек как предмет познания.

Сноски к стр. 105

² См.: Ананьев Б. Г. Человек как предмет воспитания.

Сноски к стр. 107

³ Винер Н. Кибернетика и общество. М. 1958, с. 30.

Сноски к стр. 114

⁴ Mahl G. F. Sensory factors in the control of expressive behavior. — Acta Psychologica, vol. XIX. Amsterdam, 1961.

Сноски к стр. 116

⁵ См.: Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Основы антропологии. М., 1955; Гинзбург В. В. Элементы антропологии для медиков. Л., 1963.

Сноски к стр. 118

⁶ См.: Brunswik E., Reiter L. Eindruckscharaktere schematisierter Gesichter. — Zs. f. Psychol., 1937, S. 67—134; Lersch Ph. Einführung in die Psychodiagnostik unter besonderer der Ausdruckspsychologie. München, 1952; Plutchik R. A study of facial expression in the light of a new theory of emotion. — In: Der Bericht über sechszenten internationalen Kongress. Amsterdam, 1961; Ekman P., Friesen W. V., Ellsworth Ph. Emotion in the human face. N. Y., 1972; Якобсон П. М. Психология чувств. М., 1956; его же. Проблема психологии эмоций.— В сб.: Психологическая наука в СССР. М., 1960, т. 2.

Сноски к стр. 119

⁷ См.: Lenard F., Forrai-Banlaki E. Pszichlogiai tanuelmanyok. 3 kötet. Budapest, 1960.

⁸ См.: Plutchik R., op. cit.

⁹ См.: Vandenberg S., Mattisson M. The interpretation of facial expressions by schizophrenics other mental patients, normal adults and children. — Acta psychologica, vol. XIX, Amsterdam, 1961.

Сноски к стр. 120

¹⁰ См.: Landis C. The interpretation of facial expression in emotion. — J. gen. psychol., 1929, No 2, p. 59—72; Sherman M. The differentiation of emotional responses in infants. — J. comp. Psychol., 1927, No 7, p. 265—284.

¹¹ См.: Якобсон П. М. Изучение чувств у детей и подростков. М., 1961.

Сноски к стр. 121

¹² Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии, с. 482.

¹³ См.: Шафранская К. Д. и др. Влияние объективных и субъективных факторов на оценку психического состояния человека по экспрессии. — В сб.: Вопросы психологии познания людьми друг друга и самопознания.

¹⁴ Шафранская К. Д. и др. Влияние объективных и субъективных факторов на оценку психического состояния человека по экспрессии, с. 88.

Сноски к стр. 123

¹⁵ См.: Krout M. H. An experimental attempt to produce unconscious manual symbolic movements. — Psychol. j. gen. psychol., 1954, No 51, p. 93—152; Krout M. H. Autistic gestures. An experimental study in symbolic movement. — Psychol. monogr., 1935, No 208.

¹⁶ См.: Helm J. Über den Einfluss affectiver Spannungen auf des Denkhandeln. — Zs. f. Psychol., Bd. 157, Hft. 1—2.

¹⁷ Там же, с. 73.

Сноски к стр. 124

¹⁸ См.: Olsen A. M. Posture and body movement perception. — In: Proceedings of the Sixteenth International Congress of Psychology. Amsterdam, 1961.

¹⁹ См.: Lindzey G. (ed.). Handbook of Social Psychology. L., 1959.

Сноски к стр. 125

²⁰ См.: Бернштейн Н. А. Новые линии развития в физиологии и их соотношение с кибернетикой. — В сб.: Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. М., 1963.

²¹ Pokorny R. Über den Ausdruck des menschlichen Ganges. — In: Der Bericht über den sechzehnten internationalen Kongress. Amsterdam, 1961.

Сноски к стр. 126

²² Исследование фонограмм звуковой речи, проведенное в лаборатории фонетики Московского института иностранных языков, с большой убедительностью показало, что голос относится к числу строго индивидуальных человеческих свойств.

²³ См.: Allport G. W. Pattern and Growth in Personality. N. Y., 1961.

Сноски к стр. 128

²⁴ См.: Корнева Т. В., Бажин Е. Ф. О роли профессионального и полового факторов в аудиторской оценке эмоционально окрашенной речи. — В кн.: Проблемы космической биологии. М., 1977, т. 34, с. 293—299.

Сноски к стр. 129

²⁵ См.: Lindzey G. (ed.). Handbook of Social Psychology.

Сноски к стр. 130

²⁶ См.: Ваксберг А. Преступник будет найден.

Сноски к стр. 131

²⁷ Helm J., *op. cit.*, p. 75.

²⁸ См.: Дарвин Ч. О выражении ощущений у человека и животных. Собр. соч., 1908, т. III; Якобсон П. М. Психология чувств; Dunlap K. The role of eye-muscles and mouth-muscles in the expression of emotions. — *Genet. psychol. Monogr.*, 1927, No 3.

Сноски к стр. 132

²⁹ См.: Симонов П. В. Метод К. С. Станиславского и физиология эмоций. М., 1962; Якобсон П. М. Проблема психологии эмоций. — В сб.: Психологическая наука в СССР. М., 1960, т. 2.

³⁰ См.: Бернштейн Н. А. Новые линии развития в физиологии и их соотношение с кибернетикой. — В сб.: Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. М., 1963.

³¹ Там же, с. 315.

³² Функция хорошо организована, если можно разгруппировать ее аргументы на «существенные» и «несущественные» переменные и если все аргументы стойко сохраняют свою принадлежность к тому или другому подклассу. См.: Гельфанд И. М., Цетлин М. Л. О некоторых способах управления сложнейшими системами. — *Успехи математических наук*. 1962, т. 17, вып. 1.

Сноски к стр. 133

³³ Бернштейн Н. А. Указ. соч., с. 316.

Сноски к стр. 134

³⁴ Подробный анализ сущности и проявлений личности не входит в задачу данного исследования. Научное освещение проблемы личности в целом, а также и отдельных вопросов, входящих в эту проблему, дается в работах Б. Г. Ананьева, Л. И. Анцыферовой, Л. И. Божович, Б. С. Братуся, А. В. Веденова, А. Г. Ковалева, И. С. Кона, В. А. Крутецкого, Н. Д. Левитова, А. Н. Леонтьева, В. С. Мерлина, В. Н. Мясищева, А. В. Петровского, С. Л. Рубинштейна, Ю. А. Самарина, Б. М. Теплова, Д. И. Фельдштейна, Е. В. Шороховой, В. А. Ядова и других авторов.

Сноски к стр. 135

³⁵ Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959, с. 180.

Сноски к стр. 136

³⁶ См.: Бодалев А. А. Об отношении и способе его выражения у подростка. — В сб.: Материалы конференции психологии обучения и воспитания. Киев, 1961; его же. О понимании школьника воспитателями и проектировании ими развития его личности; Тезисы докладов на II съезде Общества психологов. М., 1963, вып. 2.

Сноски к стр. 137

³⁷ См.: Сеченов И. М. Избранные произведения. М.; Л., 1952, т. 1.

Сноски к стр. 138

³⁸ Александрова М. Д. О качественной характеристике пространственных порогов зрительного восприятия. — Ученые записки ЛГУ, 1953, № 147; Ломов Б. Ф. Человек и техника. Л., 1963.

Сноски к стр. 140

³⁹ Рахилло И. Московские встречи. М., 1962, с. 16.

⁴⁰ Цит. по кн.: Джордж Ф. Мозг как вычислительная машина. М., 1963, с. 399.

Сноски к стр. 141

⁴¹ См.: Ярбус А. Л. Исследование закономерностей движения глаз в процессе зрения. — Доклады АН СССР, 1954, т. XVI, № 4.

⁴² См.: Зинченко В. П. Движение глаз и формирование образа. — Вопросы психологии, 1958, № 5, Ломов Б. Ф. Человек и техника.

Сноски к стр. 142

⁴³ См.: Bruner J. On perceptual readiness. — Psychol. rev., 1957, t. 54. Соколов Е. Н. Вероятностная модель восприятия. — Вопросы психологии, 1960, № 2; Лурия А. Р. Мозг человека и психические процессы. — В сб.: Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности. М., 1963.

Сноски к стр. 143

⁴⁴ Четверо испытуемых дали отчет о восприятии ими только двух портретов.

Сноски к стр. 145

⁴⁵ См.: Смирнова Е. Э. О методах измерения некоторых эффектов восприятия человеческого лица. Л., 1972.

Сноски к стр. 146

⁴⁶ См.: Алферова Э. Н. Об измерении порогов зрительного узнавания у школьников. — Вопросы психологии, 1962, № 6.

Сноски к стр. 147

⁴⁷ См.: Панферов В. Н. Восприятие и интерпретация внешности людей. — Вопросы психологии, 1974, № 2.

Сноски к стр. 148

⁴⁸ См.: Киреенко В. И. Психология способностей к изобразительной деятельности. М., 1959.

⁴⁹ Павловские среды. М., 1949, т. I, с. 238.

Сноски к стр. 149

⁵⁰ См.: Бернштейн Н. А. Новые линии развития в физиологии и их соотношение с кибернетикой. — В сб.: Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии.

⁵¹ Гельфанд И. М., Цетлин М. Л. О некоторых способах управления сложнейшими системами. — Успехи математических наук. 1962, т. 17, вып. 1.

⁵² См. с. 112 настоящей работы.

⁵³ См.: Иванская Л. Н. О воссоздании лица человека по представлению. — В кн.: Проблемы психологии общения и познания людьми друг друга.

Сноски к стр. 150

⁵⁴ См.: Snyder F. W., Snyder C. W. The effects of reward and punishment on auditory perception. — J. Psychol., 1956, No 41, p. 177—184.

Сноски к стр. 151

⁵⁵ См.: Jackson D. N. A further examination of the role of autism in a visual figure-ground relationship. — J. Psychol., 1954, No 38, p. 339—357.

⁵⁶ См.: Schafer R., Murphy G. The role of autism in figure-ground relationship. — J. Exp. Psychol., 1943, No 32, p. 335—343.

⁵⁷ См.: Solley Ch. M., Murphy G. Development of the Perceptual World. N. Y., 1960, y. 265—274.

Сноски к стр. 152

⁵⁸ См.: Keykowski J. Stan Emocjonalnego Napizcia Aspostrzeganic Ludzi. — Studia Psychologiczne. Warszawa, 1963, No 4, s. 153—175.

Сноски к стр. 154

⁵⁹ См.: Wittreich W. J. An investigation into the nature of aniseiconic distortion. — *Scientific America*, 1960, No 4.

⁶⁰ См.: Ames A. Visual perception and the rotating trapezoidal window. — *Psychol. Monogr.*, 1951, No 7; Kilpatrick F. (ed.). *Explorations in Transactional Psychology*. N. Y., 1961.

Сноски к стр. 155

⁶¹ См.: Gottschaldt K. *Methodologische Perspektiven in der Ausdrucksforschung*. — In: *Der Bericht über den sechszehnten internationalen Kongress*. Amsterdam, 1961.

Сноски к стр. 156

⁶² См.: Бодалев А. А. Попытка изучения «учебных способностей» подростка в связи с его интересами. — *Ученые записки ЛГУ*, 1960, № 287.

Сноски к стр. 157

⁶³ См.: Solley Ch., Murphy G. *Development of the Perceptual World*. N. Y., 1960. Соллей и Мерфи употребляют понятия «мотивация», «подкрепление» и «эмоционально-аффективный» фактор как тождественные, что, конечно, неверно.

Сноски к стр. 158

⁶⁴ См.: Бодалев А. А. Восприятие человека человеком. Л., 1965, гл. 3; его же. Об исследовании гностического компонента общения в зарубежной психологии. — В сб.: *Зарубежные исследования по психологии познания*. М., 1977; Бодалев А. А., Ковалев Г. А. Проблемы психологии познания людьми друг друга. — *Вопросы психологии*, 1981, № 1.

Сноски к стр. 159

⁶⁵ Термин «словесный портрет» употребляется нами не в том значении, в каком его применяют криминалисты. В криминалистике «словесный портрет» — описание признаков внешности человека с помощью определенной и специально разработанной терминологии. В нашей работе «словесный портрет» — описание внешности человека любым испытуемым, который этого человека воспринимает.

Сноски к стр. 166

⁶⁶ Проводя этот и аналогичный ему эксперименты и сравнивая полученные в них данные с результатами предшествующего опыта, мы постоянно делали поправку на то, что в опыте с тахистоскопической методикой ситуация для испытуемых была иной, чем та, когда они воспринимали реального человека, а не его плоскостное изображение и, кроме того, размеры всего облика человека и отдельных элементов в этом случае были иными по сравнению с тем, когда эти же испытуемые воспринимали и описывали реальных людей.

Сноски к стр. 172

⁶⁷ Мы не останавливаемся специально на видении испытуемыми характера действия, выполняемого изображенным на фотографии человеком. Испытуемым предъявлялась всего одна фотография (мальчик, играющий в настольный теннис), содержание которой

позволяло определенно говорить о действии лица. Однако большинство испытуемых (25 из 32) занятие мальчика поняли и назвали.

Сноски к стр. 176

⁶⁸ Личный опыт человека в формировании у него предположений о существовании связей между формой подбородка, например, и степенью развития воли у владельца такого подбородка или высотой лба и уровнем интеллекта играет ничтожную роль. Эти утверждения — в основном результат влияния не самых лучших произведений художественной литературы, авторы которых при создании портрета героя пользуются штампами при описании внешности, не утруждая себя обращением к данным науки.

Сноски к стр. 177

⁶⁹ В тех случаях, когда испытуемые создавали словесный портрет, основываясь на первом впечатлении, соотношение суждений было несколько иным: суждений, где проводилась связь между анатомическими особенностями облика и психическими особенностями, было 6,3%; суждения, когда осмысливая особенности внешности, испытуемый привлекал образы литературных героев и пр., составили в этом случае 25%, и суждения, содержащие эстетическую оценку, — 7,9%.

Сноски к стр. 178

⁷⁰ См.: Фигурин Н. Л., Денисова М. П. Этапы развития поведения детей в возрасте от рождения до одного года. М., 1949.

Сноски к стр. 179

⁷¹ См.: Эльконин Д. Б. Детская психология. М., 1960.

⁷² См.: Каверина Е. К. О развитии речи у детей первых двух лет жизни. М., 1950.

⁷³ См.: Ярмоленко А. В. К предыстории потребности общения у малого ребенка. — Ученые записки ЛГУ, 1957, № 244.

Сноски к стр. 180

⁷⁴ Данные Валлона приводятся по кн.: Эльконин Д. Б. Детская психология. М., 1960, с. 75.

⁷⁵ См.: Кистяковская М. Ю. Воспитание детей первого года жизни в яслях и домах ребенка: Автореф. канд. дис. М., 1946.

Сноски к стр. 181

⁷⁶ См.: Фигурин Н. Л., Денисова М. П. Этапы развития поведения детей в возрасте от рождения до одного года.

Сноски к стр. 182

⁷⁷ См.: Чамата П. Р. Вопросы самосознания личности в советской психологии. — В сб.: Психологическая наука в СССР. М., 1959, т. II.

Сноски к стр. 183

⁷⁸ См.: Репина Т. А. Восприятие дошкольниками выразительной стороны рисунка и ее влияние на отношение детей к герою книги. — Вопросы психологии, 1960, № 5.

Сноски к стр. 195

⁷⁹ См.: Karsten A. Wahrnehmung des Alterns. — Acta psychologica, vol. XIX. Amsterdam, 1961.

⁸⁰ См.: Надеждин В. А. К семиотике возрастов: опыт числового учета ряда внешних признаков постарения. — Врачебное дело, 1926, № 18—20.

Сноски к стр. 196

⁸¹ См.: Куницына В. Н. Восприятие подростками других людей и себя. Л., 1972.

Сноски к стр. 197

⁸² В старших классах этот интервал сокращается.

Сноски к стр. 200

⁸³ Сеченов И. М. Избранные произведения, с. 188.

Сноски к стр. 201

⁸⁴ См.: Инженерная психология / Под ред. А. Н. Леонтьева. М., 1964; Ломов Б. Ф. Человек и техника. Л., 1963; Ошанин Д. А. Семантическая и прагматическая функция сигнала: Тезисы докладов на II съезде Общества психологов. М., 1963, вып. III.

Сноски к стр. 204

⁸⁵ См. с. 160—161 настоящей книги.

Сноски к стр. 208

⁸⁶ См.: Иогансон Б. В. Мастерство в живописи. М., 1952; Грабарь И. Э. Репин. М., 1938, т. 1 и 2.

⁸⁷ См.: Киреенко В. И. Психология способностей к изобразительной деятельности. М., 1959.

Сноски к стр. 210

⁸⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 3.

Сноски к стр. 216

⁸⁹ См.: Tagiuri R., Bruner J. The Perception of People. — In: Lindzey G. (ed.). Handbook of Social Psychology, vol. 2. L., 1959.

Сноски к стр. 218

⁹⁰ См. с. 160—161 данной книги.

Сноски к стр. 220

⁹¹ См.: Allport G. W. *Pattern and Growth in Personality*. N. Y., 1961.

⁹² Hall E. T. *Our Silent Language*. — *Science Digest*, 1962, vol. 52, N 2.

Сноски к стр. 224

⁹³ Лабунская В. А. Условия опознания эмоциональных состояний по выражению лица. — В кн.: *Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга*.

Сноски к стр. 227

⁹⁴ На основании данных опыта В. Н. Куницына к первой группе отнесла 30% участвовавших в выполнении этого задания подростков, ко второй, третьей и четвертой — соответственно 29, 26 и 15% испытуемых подростков.

Сноски к стр. 234

⁹⁵ См.: Kelley H. H. *The Warm-Cold Variable in First Impressions of Personality*. — *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1950, N 18, p. 431—439; Asch S. E. *Forming Impressions of Personalities*. — *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1946, N 41, p. 258—290.

⁹⁶ О способах выявления социально-перцептивных стереотипов см.: Еремеев Б. А. Процедура анализа речевых описаний объекта. — В кн.: *Вопросы теоретической и прикладной психологии*. Л., 1974; его же. Об одном методе изучения социальной перцепции (по материалам первого впечатления). — В кн.: *Методы социально-психологических исследований*. М., 1975.

Сноски к стр. 235

⁹⁷ См.: Allport G. W. *Pattern and Growth in Personality*; Secord P. *Facial Features and Inference Processes in Interpersonal Perception*. — In: Tagiuri R. and Petrullo L. (eds.). *Person Perception and Interpersonal Behavior*. Stanford, 1965.

⁹⁸ См.: Bruner J. S., Perlmutter H. V. *Compatriot and Foreigner: A Study of Impression Formation in Three Countries*. — *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1957, N 55, p. 253—260.

Сноски к стр. 236

⁹⁹ См.: Cantril H. *The Nature of Social Perception*. N. Y., 1948, 10, p. 142—153; Allport G. *Pattern and Growth in Personality*; Sodhi K. *Children popular descriptions of other people*. — In: *Proc. XVI Intern. Congr. Psychol.* Amsterdam, 1961.

¹⁰⁰ См.: Haire M., Grunes W. *Perceptual defence processes protecting and organizing perception of another personality*. — *Journal of Human Relations*, 1950, N 3, p. 403—412; Ejuds. *Role-*

Perception in Labor-Management Relations; An Experimental Approach. *Industrial and Labor — Relations Review*, 1955, N 8(2), p. 204—216.

Сноски к стр. 237

¹⁰¹ См.: Costello T. W., Zalkind Sh. S. (eds.). *Psychology in Administration — a Research Orientation*. N. Y., 1963; Forverg M. *Probleme und Ergebnisse der Psychologie*. Organ der Gesellschaft für Psychologen in der DDR. Berlin, 1966.

Сноски к стр. 239

¹⁰² См.: Панферов В. Н. *Внешность и личность*. — В кн.: *Социальная психология личности*. Л., 1974; его же. *Социально-психологическая интерпретация личности*. — В сб.: *Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга*.

Сноски к стр. 243

¹⁰³ См.: Страхов И. В. *Очерки психологии педагогического такта*. Саратов, 1961.

Сноски к стр. 244

¹⁰⁴ Макаренко А. С. *Соч.*, т. V, с. 26.

¹⁰⁵ Теплов Б. М. *Психология*. М., 1951, с. 127—128.

Сноски к стр. 245

¹⁰⁶ Цит. по кн.: *Эстетика поведения*. М., 1964, с. 27.

Сноски к стр. 246

¹⁰⁷ См.: Бальзак О. *Собр. соч.* М., 1958, т. 7, с. 340—341.

Сноски к стр. 248

¹⁰⁸ Горький М. *Собр. соч.* М., 1963, т. 18, с. 283.

¹⁰⁹ См.: Филонов Л. Б., Давыдов В. И. *Психологические приемы допроса обвиняемого*. — *Вопросы психологии*, 1966, № 6, с. 111—122.

¹¹⁰ См.: Теплов Б. М. *К вопросу о практическом мышлении*. — *Ученые записки МГУ*, 1945, вып. 90.

¹¹¹ Рубинштейн С. Л. *О мышлении и путях его исследования*, с. 99.

Сноски к стр. 249

¹¹² Радищев А. Н. *Избранные философские и общественно-политические произведения*, с. 309.

¹¹³ См.: Гаврилова Т. П. *Эмпатия как специфический способ познания человека человеком*. — В кн.: *Теоретические и прикладные проблемы психологии познания*

людьми друг друга. Краснодар, 1975; ее же. Социальная децентрация и ее роль в развитии эмпатии. — В кн.: Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга; ее же. Понятие эмпатии в психологии. — Вопросы психологии, 1975, № 4; Ершов А. А. О факторах, влияющих на эмпатию. — В кн.: Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга. М., 1979; Макеева А. И. О некоторых особенностях эмоциональной сферы людей, влияющих на восприятие ими эмоций других. — Там же; Нитченко А. К. К вопросу об единицах эмпатии. — Там же.

Сноски к стр. 252

¹¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 112.

¹¹⁵ См.: Вопросы психологии личности школьника / Под ред. Л. И. Божович. М., 1961; Мясищев В. Н. Личность и неврозы; его же. Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека. — В кн.: Психологическая наука в СССР, т. II, 1960.

Сноски к стр. 253

¹¹⁶ Лукреций Кар. О природе вещей. М., 1946, с. 273—274.

Сноски к стр. 255

¹¹⁷ Медынский Г. Трудная книга: Судьбы, письма, размышления. М., 1964, с. 141.

Сноски к стр. 257

¹¹⁸ См.: Акундинова Н. Е. Особенности осознания своих умений у детей 5—7 лет: Автореф. канд. дис. М., 1959.

Сноски к стр. 265

¹¹⁹ См.: Крутецкий В. А., Лукин Н. С. Психология подростка. М., 1959.

Сноски к стр. 270

¹²⁰ См.: Федотова Н. Ф. Психологический анализ характеристик личности обвиняемых. — В сб.: Человек и общество. Л., 1969, вып. 4.

Сноски к стр. 274

¹²¹ См.: Кукосян О. Г. Профессиональные особенности познания людьми друг друга.

¹²² См.: Шульц С. П. Особенности представлений и понятий о других людях у писателей, художников и инженеров. — В сб.: Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга.

Сноски к стр. 275

¹²³ См. об этом также: Торичная С. И. О понимании преподавателями индивидуальных различий в музыкальности студентов. — В сб.: Теоретические и прикладные проблемы психологии, познания людьми друг друга.

Сноски к стр. 276

¹²⁴ Этими качествами были: 1) умение организовать работу; 2) умение поддерживать дисциплину; 3) знание производства; 4) умение отстаивать интересы бригады; 5) правильное решение производственных вопросов; 6) оказание квалифицированной помощи рабочим; 7) умение советоваться с ними по производственным вопросам; 8) техническая образованность; 9) доступность. См.: Степкин Ю. П. Познание людьми друг друга и авторитет личности. — В кн.: Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга. М., 1979.

Сноски к стр. 277

¹²⁵ См. об этом также: Куликов В. Н., Гительмахер Р. Б. Восприятие мастера рабочими. — В сб.: Материалы Всесоюзного симпозиума по социально-психологическим проблемам руководства и лидерства (Рига). М., 1974.

¹²⁶ См.: Унгул В. В. Соотношение самооценок борцов различной спортивной квалификации и их оценок «противника» в соревновательных условиях. — В сб.: Социально-психологические и лингвистические характеристики форм общения и развития контактов между людьми. Л., 1970.

Сноски к стр. 280

¹²⁷ Другим обязательным компонентом являются самохарактеристики борцов.

¹²⁸ См.: Федотова Н. Ф. Познание людьми друг друга в совместной деятельности. — В сб.: Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга.

Сноски к стр. 283

¹²⁹ Различия между оценками членов групп высокой передней успешности, а также между оценками членов групп средней и низкой успешности недостоверны. Различия между оценками в группах высокой и низкой успешности близки к достоверным (t табл. = 1,98).

¹³⁰ Различия между данными 1—2-й и 2—3-й категории групп недостоверны. Различия между оценками лидеров групп 1-й и 3-й категорий успешности достоверны.

Сноски к стр. 285

¹³¹ См.: Campbell D. T. An Error in some demonstrations of the superior social perceptiveness of leaders. — *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1955, N 51, p. 694—695; Exline R. V. Interrelations among the dimensions of sociometric status, group congeniality and accuracy of social perception. — *Sociometry*, 1960, N 23, p. 85—101; Chowdhry K., Newcomb T. The relative abilities of leaders and non-leaders to estimate opinions of their own groups. — *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1952, N 47, p. 51—57.

Сноски к стр. 286

¹³² См. с. 262—264 настоящей книги.

Сноски к стр. 288

¹³³ См.: Кондратьева С. В., Раздобудько В. М. Понимание учителями личности учащихся.

Сноски к стр. 289

¹³⁴ См.: Кулешова Л. Н. Некоторые особенности познания учителем ученика в процессе обучения. — В сб.: Психология труда и личности учителя. Л., 1976.

Сноски к стр. 292

¹³⁵ См. об этом также: Лендел Ж. О понимании личности учителей школьниками 8—10 классов. — В кн.: Социально-психологические проблемы в условиях развитого социалистического общества. М., 1977.

Сноски к стр. 296

¹³⁶ См.: Кондратьева С. В. О регулятивной функции понимания людьми друг друга. — В кн.: Социально-психологические проблемы в условиях развитого социалистического общества; Ревенко Н. В. Особенности восприятия и понимания подчиненных руководителями, различающимися друг от друга стилем руководства. — В сб.: Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга; Филонов Л. Б. Тактика установления оптимальных отношений с индивидом с целью его изучения. — В кн.: Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга.

Сноски к стр. 298

¹³⁷ См.: Berscheid E., Walster E. Interpersonal Attraction. Odison-Wesley, 1969; Darley J. M., Berscheid E. Increased liking as a result of the anticipation of personal construct. — Human Relations, 1967, 20, 29—40; Silverman J. Psychological attractiveness and courtship. — Sexual Behavior. September, 1971, 22—25; Levinger G., Snock J. D. Attraction in Relationships: A New Look at Interpersonal Attraction. Morristown, N. Y., 1972.

Сноски к стр. 299

¹³⁸ См.: Kleinke K. The first impression. L., 1976.

¹³⁹ См.: Гозман Л. Я. К проблеме изучения межличностной атракции. — В кн.: Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга; Додонов Б. И., Лужицкая О. Г. Влияние эмоциональной направленности на оценку внешней привлекательности людей. — Там же.

¹⁴⁰ См.: Kleinke K. The First Impression. L., 1976.

Сноски к стр. 300

¹⁴¹ См.: Kleinke K. The First Impression.

Сноски к стр. 301

¹⁴² См.: Argyle M. The Psychology of Interpersonal Behavior. Harmondsworth, 1973; Beovar R. Skills for Effective Communication. A Guide for Buidling Relationships. N. Y., 1974; Cook M. Interpersonal Perception. Harmondsworth, 1971; Jaspers D. On Social Perception. Leiden, 1966;

Ellsworth P. Direct gaze as a social stimulus: The example of aggression. — In: Pliner P., Krames L., Alloway T. (eds.). *Nonverbal Communication of Aggression*. N. Y., 1975; Ellsworth P., Ludwig L. Visual behavior in social interaction. — *Journal of Communication*, 1972, 22, p. 375—409.

¹⁴³ См.: Argyle M. *Bodily Communication*. N. Y., 1975; Mehrabian A. *Nonverbal Communication*. Chicago, 1972; Изард К. *Эмоции человека*. М., 1980.

Сноски к стр. 302

¹⁴⁴ См.: Argyle M. *Bodily Communication*. N. Y., 1975; Cook M. *Interpersonal perception*. Harmondsworth, 1971; De Vito J. *Communication: Concepts and Processes*. N. Y., 1974; Scheflen A. *Body Language and Social Order*. Englewood, Cliffs, 1972.

¹⁴⁵ См.: Borden G., Gregg R. *Speech Behavior and Human Interaction*. Englewood Cliffs, 1969; Галагудзе С. С. Семантический анализ лексики для диагностики особенностей личности говорящего. — В кн.: *Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга; ее же. Восприятие человека по голосу и речи*. — В кн.: *Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга*. М., 1979; Галунов В. И., Манеров В. Х. Восприятие эмоционального состояния говорящего по речи. — В кн.: *Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга*. Краснодар, 1975; Манеров В. Х., Устинович Е. А. Суждения об индивидуальных особенностях человека на основе восприятия его речи и их адекватность. — В кн.: *Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга*. М., 1979.

Сноски к стр. 303

¹⁴⁶ См.: Kleinke K. *The First Impression*. L., 1976.

Сноски к стр. 304

¹⁴⁷ См.: Hall E. T. *The Silent Language*. Greenwich (Conn.), 1964; Watson O. M. *Proxemic behavior*. — In: A. Gross. (ed.) *Cultural Study*. Paris, 1976.

¹⁴⁸ См.: Clauss G. *Zur Phänomenologie der Anmutung*. — *Wissenschaftliche Zeitschrift*. Leipzig, 1956—1957; Thomae H. *Beobachtung von Kinder und Jugendlichen*. Basel, 1954.

¹⁴⁹ См.: Luchins A. *Primary-recency in impression formation*. — In: Hovland C. (ed.). *The Order of Presentation in Persuasion*. Vale Univ. Press, 1957.

Сноски к стр. 305

¹⁵⁰ См.: Argyle M. *Bodily communication*. N. Y., 1975; Mischel N. *Personality and Assessment*. N. Y., 1968; Sommer R. *Personal Space: The Behavioral Basis of Design*. Englewood Cliffs. N. Y., 1969; Sonnenfeld J. *Social interaction and environmental relationship*. — *Environment and Behavior*, 1972, 4, p. 267—277.

Сноски к стр. 306

¹⁵¹ См.: Altman I. *The Environment and Social Behavior*. Monterey, Calif., 1975; Anderson A. B. *Comoined effects of interpersonal attraction and goalpath clarity on cohesiveness of task*

oriented groups, 68—75; Argyle M. *Social Interaction*. N. Y., 1969; Asch S. E. Forming impressions of personality. — *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1946, 41; Backman C. W., Secord P. F. The effect of perceived liking on interpersonal attraction. — *Human Relations*. 1959, 12, p. 379—384.

Сноски к стр. 307

¹⁵² См.: Kleinke K. *The First Impression*. L., 1976.

Сноски к стр. 309

¹⁵³ Рубинштейн С. Л. *Бытие и сознание*. М., 1958, с. 14.

¹⁵⁴ См. подробнее о его результатах; Бодалев А. А. *Формирование понятия о другом человеке как личности*. Л., 1970.

Сноски к стр. 310

¹⁵⁵ См.: Дьяконов Г. В. К вопросу о генезисе первого впечатления. — В кн.: *Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга*. М., 1979.

Сноски к стр. 311

¹⁵⁶ См.: Costello T. W., Zalkind Sh. S. (eds.). *Psychology in Administration*. N. Y., 1963, p. 14.

Сноски к стр. 312

¹⁵⁷ См.: Feshbach S., Singer R. The Effects of Fear Arousel and Suppression Fear upon Social Perception. — *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1957, N 55, p. 283—288.

Сноски к стр. 313

¹⁵⁸ См.: Costello T. W., Zalkind Sh. S. (eds.). *Psychology in Administration*. N. Y., 1963, p. 14.

¹⁵⁹ См.: Newkomb T., Turner R., Converse P. *Social Psychology*. N. Y., 1965.

Сноски к стр. 314

¹⁶⁰ См.: Bossom J., Maslow A. H. Security of Judges as a factor in Impressions of Warmth in Others. — *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1957, N 55, p. 147—148.

¹⁶¹ См.: Cronbach L. G. Processes affectiong scores on «Understanding of Others» and «Assumed Similarity». — *Psychological Bulletin*, 1955, N 52, p. 177—193; Gage N., Cronbach L. Conceptual and methodological problems in interpersonal perception. — *Psychological Review*, 1955, N 62, p. 411—422.

¹⁶² См.: Krech D., Crutchfield R. S., Ballachey E. L. *Individual in Society*. N. Y., 1962, p. 61—62.

Сноски к стр. 315

¹⁶³ См.: Kelley H. H. The Warm-cold variable in first impressions of personality. — *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1950, N 18, p. 431—439.

¹⁶⁴ См.: Gollin E. S. Forming impressions of personality. — *Journal of Personality*, 1954, N 3, p. 65—76.

Сноски к стр. 316

¹⁶⁵ Степень правильности оценок испытуемыми черт физического облика устанавливалась путем сравнения их с данными об этих же чертах, полученными с помощью антропометрии.

Сноски к стр. 318

¹⁶⁶ См.: Cline V. B., Richards J. M. Accuracy of interpersonal perception — a general trait? — *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1960, N 60, p. 1—7.

Сноски к стр. 319

¹⁶⁷ См.: Krech D., Grutchfield R. S., Ballachey E. L. *Individual in Society*, p. 59—65.

¹⁶⁸ Достоевский Ф. М. *Дневник*. — *Собр. соч.*, СПб., 1902, т. 19, с. 507.

Сноски к стр. 324

¹⁶⁹ См.: Быков К. М. *Избр. соч.* М., 1954, т. 11, с. 377.